

Первое казацество

1918 — 1923

ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПУТЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ“
— Ч. „МОЛОДОЙ РАБОЧИЙ“ —

ОТ ОТРЯДА К КОРПУСУ.

©ГОПБ

ОТДЕЛ-1

5 ЛѢТІИ

1918

1923

Червоное Казачество

Сборникъ матеріаловъ по исторіи
Червоного Казачества

риѣмки и вѣдѣнѣ
худож. А. Мартынова

ДРК 545
44-362

БИБЛИОТЕКА
И. В. Сталина
при ЦК КПСС

1056741

Типо-Литография
Издательства
„Путь Просвещения“
при НКП УССР Харьков

1251

~~БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Специальный фонд~~

~~4300~~

©ГОПБ

Об этом сборнике.

астоящий сборник относится к литературным трудам, вносящим в историю человечества тех незаметных лиц, о которых в прежнее время редко кто писал, но которые в сумме своей совершали величайшие исторические перевороты.

Может быть, в этом сборнике недостаточно литературно и без особого на то искусства будут изображены действия тех боевых кротов, что на полях сражений определяли мощь и значение Советской Республики, вызывая ненависть и невольное уважение со стороны ее врагов. Рассказы о них будут просты и быть-может нескладны, без прикрас, потому что их писали непривычные к литературе люди, подчас простые рабочие и крестьяне.

Но и читатели, на которых рассчитан этот сборник, такие же простые рабочие и крестьяне. Пусть же они глубоко проникнутся сознанием, что здесь сам народ пишет свою историю, описывает свои подвиги и так просто, как это было.

Те явления, свидетелями и участниками которых были мы, и которые зачастую казались нам такими простыми, через десяток-другой лет будут тщательно разобраны нашими историками. И они—эти историки—покажут, как под влиянием этих явлений изменялся весь строй страны, определялось ее положение среди других стран и народов.

Они расскажут, как подымались народные массы на борьбу, они вспомнят о героизме, павших на полях битв.

И тогда, каждый умеющий читать, крестьянин и рабочий, проникнется уважением к себе и себе подобным. Это уважение, соединенное с любовью к своему народу, с преклонением перед подвигами героев, вышедших из народной среды, с верой в свои творческие силы—все это выдвинет народных писателей, которые сумеют с достаточной яркостью нарисовать картину героической борьбы наших современников. В своих произведениях они запечатлеют для потомства героическую эпоху октябрьской революции; они заставят восторгаться подвигами тех, кто отстоял нашу страну от капиталистической кабалы и землю от помещичьего засилья.

Слава нашим борцам, павшим в борьбе с врагом, слава живущим героям. О них мы будем читать, их дела будут учить нас и помогут закрепить завоевания революции.

Почетный казак 1-го полка Червоного Казачества
Председатель ВУЦИК'а, Г. И. Петровский.

Г. Петровский

От редакционной комиссии.

ОЛЬКО теперь, когда красноармейская винтовка бьет не по наседающему врагу, а по учебной мишени, когда шашка вынимается из ножен для рубки лозы, а не белогвардейских голов; только теперь, когда Красная Армия не под грохот орудий, а в обстановке мирной передышки закаляет свои ряды, готовясь к предстоящим боям; только теперь, мы можем оглянуться назад и подвести итоги нашему боевому прошлому.

Одна за другой части Красной Армии, вынесшие на своих плечах тяжесть стоверстных фронтов, вспоминают, подытоживают пройденный ими путь.

Вышел сборник 44-й Киевской Дивизии, выступили с историческими очерками 24-я Самарская, 30-я Иркутская, 27-я Омская...

Ширится, растет славная летопись Красной Армии. За печатным станком воскресают страницы четырехлетней упорной борьбы с оружием в руках. Подрастающая смена будет знать, как шли умирать за дело революции ее отцы и братья.

Этим сборником делает свой вклад в историю Красной Армии Червоное Казачество.

Не журналисты дали сборнику основной материал. Здесь писали люди владеющие шашкой куда лучше, чем пером. Писали урывками, в часы свободные от прямых служебных обязанностей. Ясно, что многое упущено, многое недостаточно ярко отражено в нашем сборнике. Есть целый ряд моментов, которые очерчены далеко не так резко как это бы требовалось.

Все это неизбежные и вполне естественные недочеты. Тем более естественные, что многих ветеранов Червоного Казачества уже нет в живых, многие оставили его ряды, уйдя по демобилизации.

Наш сборник—набросок углем. Нарисовать полную картину—задача последующей работы.

Но основной смысл, основной мотив, проникающий всю пятилетнюю историю Червоного Казачества от момента его возникновения, нашел свое отражение на листах сборника. За бесстрастностью типографских значков чувствуется напряженность борьбы, борьбы до последнего патрона, борьбы под традиционным, кровью запечатленным лозунгом: „Не сдавайся!.. Умирая—убивай.“

Молодежь сменила старых червонцев. Только немногие оставшиеся в корпусе „старика“ могли рассказать ей до сих пор о минувших днях Червоного Казачества. Наш шеф—Коммунистический Союз Молодежи Украины—готовя нам новые пополнения, не имеет возможности пользоваться и этими немногими свидетелями боевых действий, походов и рейдов.

Своим сборником мы хотим уменьшить существующий пробел.

Вам, влившимся в корпус молодые силы, вам, юная гвардия, готовящаяся стать в ряды Красной Армии, вам, будущим защитникам пролетарской революции посвящается эта книга.

Учитесь, пока молчат еще винтовки и пулеметы врага, искусству бороться и побеждать. Учитесь, ибо недалек быть-может час, когда революция позовет вас и вы будете дописывать наш сборник не пером, а шашкой,—не чернилами, а кровью дописывать.

Пусть же не дрогнет шашка в ваших руках!

Редакционная Комиссия.

ВЫШЕ ЗНАМЕНА!

Первое место в этой книге отведено нашим знаменам.

Почему это так? Неужели знамена—куски расшитой материи—нам дороже сотен и тысяч червонцев, самое дорогое—жизнь свою—отдавших революции под сенью этих знамен?

Нет! Те, которых вражеская пуля, неприятельский клинок вырвали из наших рядов, те, чьей кровью наши знамена омыты,—те камешки, которые своей кровью, как цементом скрепляли кирпичи нашего Корпуса, Красной Армии и Социалистической Республики,—в истории Корпуса горят ярче всяких знамен.

И те, что могучей выносливостью победили смерть, те, кто, взметая острый клинок, оказались неуязвимы для вражеских ударов,—продолжающие стоять в рядах Корпуса—или ждущие раскатов грома, чтобы в Корпус вернуться,—они своим боевым прошлым вдохновляют нас на новые подвиги.

Но знамена—наши красные знамена,—в тягчайшие моменты напоминали бойцам о крови, морями проливаемой врагами трудящихся на каждом клочке земли. В минуты, когда наименее стойкие готовы были предаться отчаянью,—эти знамена кричали: „Вперед, через трупы врагов, к светлому Будущему, ибо если не вперед, то назад к темному, жестокому прошлому. Если не наступать через трупы врагов, то—отступать, чтобы увидеть труп раздавленного трудового народа“.

Знамена имела и старая, царская армия. Они были и у белой гвардии, боровшейся против нас. Знамена имеют армии помещичье-буржуазных стран. И фашисты—милиция класса капиталистов—тоже

имеют знамена. Но наши знамена не похожи на знамена наших врагов.

„За веру, царя и (помещичье) отечество“; за королей, за церковь, за буржуазный порядок—вот, что было написано и пишется до сих пор на знаменах наших врагов.

И впервые за все время существования человечества знамена—наши боевые знамена—загорелись новыми, неслыханными словами о „гнаніх і голодніх“, о заклейменных проклятием капиталистического угнетения. Впервые, со знамен—вместо корон, вычеканенных из крови и слез трудящихся,—вместо орлов, когтями своими терзающих тело трудового народа,—впервые, глянули Серп и Молот—знаки Труда и Трудовой Власти. Впервые, вместо слов национальной отчужденности загорелись на знаменах слова об'единения, братской солидарности.

— „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Память о павших героях, борцах за дело рабочих и крестьян, заставляет наши головы склониться. При виде наших знамен мы поднимаем головы. Глядя на наши знамена, мы говорим павшим:

„Эти знамена вашими руками, ценою вашей крови пронесены через пламень войны. Мы их не опустим. Мы пронесем их вперед, в Будущее, которому вы заложили фундамент“.

У.С.Р.

ВСЕУКРАЇНСЬКИЙ
ЦЕНТРАЛЬНИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНИЙ
КОМИТЕТ
РДА
ЧЕРВОНОМУ
КАЗАЧЕСТВУ

1-му КОННОМУ КОРПУСУ
ЧЕРВОНОГО КАЗАЧЕСТВА
ШЕФА
КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА
МОЛОДЕЖИ УКРАИНЫ

**ЗНАМЕНА, ХРАНЯЩИЕСЯ В ШТАБЕ
1-го КОННОГО КОРПУСА.**

1) Знамя от шефа Корпуса—Коммунистического
Союза Молодежи Украины; 2) знамя от шефа
Корпуса—Всеукр. Центрального Исполнительного
Комитета; 3) часовой у знамен в Штабе Корпуса;
4) знамя Корпусной Школы Младшего Командного
Состава—от Подольского Губисполкома; 5) знамя
от Подольского Губисполкома, врученное в день
3-ей годовщины Червоного Казачества; 6) знамя
от Киевского Губревкома.

ПРОДІТАРИ ВСІХ КРАЇН. БАНАРЬ
ШКОЛІ МОЛОДШОГО
КОМАНДОГО СКАДУ
1-го КОННОГО КОРПУСА
ВІД ШЕФА
ПОДІЛСЬКОГО ГУБЕРНІАЛЬНОГО
ВИКОНАВЧОГО КОМІТЕТУ

КИЕВСЬКОМУ КОННОМУ
КОРПУСУ
ОТ
КИЕВСЬКОГО
ГУБРЕВКОМА
ЗА ТЕРОРИСТИЧЕСЬКУЮ БОРЬБУ ПРОТИВ БРАТОВ
РАБОЧИХ І КРЕСТЬЯН

1917 — 1921
1-му КОННОМУ КОРПУСУ ЧЕРВОНОГО КАЗАЧЕСТВА
ИМЕНИ ВУШИКА
ПЕНСИОНАРИ
ПОДОЛІИ

Славним
Червоным Козакам тимчасовий
Розітничче Селянській Уряд
України

Славным Героям
Южного Фронта

8-й ЧСР Червоный
Славным
Червоным
Орлам
Летичевского Уездного Совета

РСФСР
2-й Червоный Казачий
От
Реввоенсовета
14 Армии

ЗНАМЕНА 1-ой ЗАПОРОЖСКОЙ И 2-ой ЧЕРНИГОВСКОЙ ДИВИЗИЙ ЧЕРВОНОГО КАЗАЧЕСТВА

- 1) Знамя от Петроградского Совета Раб., Крест. и Кр-ских Деп., врученное 8-ой (ныне 1-ой) Кавдивизии под Перекопом;
- 2) одно из старейших знамен 1-ой дивизии, врученное вместе с грамотой 1-му полку Чер. Каз. от Раб. Крестьянского Правительства Украины в день первой годовщины полка;
- 3) знамя 1-го полка — от шефа, Мелитопольского Уездного Съезда Советов;
- 4) знамя 8-го полка 2-ой дивизии — от шефа полка, Летичевского Уисполкома;
- 5) знамя 2-го полка 1-ой дивизии от Реввоенсовета 14-ой армии;
- 6) обратная сторона знамени 6-го полка 2-й дивизии;
- 7) знамя 8-го полка от шефа — Башкирского Центр. Исполн. Комитета;
- 8) знамя 1-ой дивизии от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

РСФСР
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН
СОЕДИНЯЙТЕСЬ

Привет червонцам!

ОГДА шла гражданская война, мне не приходилось непосредственно следить за боевой жизнью и деятельностью частей, ставших ядром нынешнего Червоно-Казачьего Корпуса. Только с конца 1920 г., корпус включается в состав вверенных мне Республикой войск и с этого времени я получаю возможность близко познакомиться с ним.

Общее знакомство с Червоным Казачеством я имел уже давно. Своеобразная, полная ярких красок и резких перемен история первых червоно-казачьих частей, тесно переплетавшаяся и органически связанная с историей всей освободительной борьбы трудящихся масс Украины, борьбы столь богатой моментами глубочайшей трагедии и величайшего героизма,—уже давно привлекала к себе мое внимание. То обстоятельство, что боевое прошлое корпуса связано с революционной борьбой на Украине, имеет особенное значение: в истории Червоного Казачества ярко отразились все основные моменты нашей революции. Поэтому, составление подробной истории корпуса, тщательное собирание всех материалов, относящихся не только к непосредственно-боевой его деятельности, но и к периоду его зарождения, организации и пр. представляет ценность, далеко выходящую за пределы чисто военных интересов.

Для Красной Армии история корпуса имеет большую часть, и, наконец, в истории самой революции мы можем найти многочисленные ошибки, заблуждения, подчас и преступления против принципов революции; так, конечно, бывало и с Червоным Казачеством. С точки зрения общих перспектив иначе и быть не могло. Революция и война—вещи суровые и жестокие.

Но изучать эти ошибки, неудачи и проч. мы обязаны, дабы избежать их в дальнейшем. На истории этих неудач и ошибок можно точно также хорошо воспитывать молодое поколение бойцов, как и на истории побед. Все дело лишь в том, чтобы к этому делу подходили с чувством любви к Красной Армии, как защитнице рабоче-крестьянских интересов, и с чувством преданности революции.

Почетный казак 1-го полка Червоного Казачества
Командующий всеми вооруженными силами
Украины и Крыма **М. В. Фрунзе.**

шее воспитательное значение. Читая историю корпуса, знакомясь с обстановкой той героической борьбы, которую пришлось вынести на своих плечах старшему поколению, наш рабоче-крестьянский молодежь будет воспитывать в себе все то хорошее, великое, героическое, что дает история червонцев и тем самым будет закалять и готовить себя к достойному продолжению их славной работы.

Мне хорошо известно, что жизнь Червоного Казачества за время революции слагалась не только из одних светлых моментов. И в жизни всякой другой

У нас, в Красной Армии немало частей, составивших себе и громкую боевую репутацию и славное революционное имя. Но немного найдется таких, которые могли бы стать вровень с Червоным Корпусом. Поэтому, самая широкая популяризация истории корпуса, ознакомление с ней самых широких не только красноармейских, но и крестьянских масс, является делом чрезвычайно важным и полезным.

Корпус скоро будет праздновать 6-ю годовщину своей деятельности. Вместе с ним, эту годовщину будет праздновать и вся Красная Армия Украины и все рабочие и крестьяне ее.

От имени красных войск Украины и Крыма я шлю свой сердечный привет, в первую голову, всему тому поколению Червоного Казачества, которое еще сохранилось в живых и в рядах ли корпуса, или в селах и городах является живым носителем старых, незабвенных, славных традиций величайшей борьбы.

Всем рядовым казакам, командирам и политработникам — слава!

Приветствую дальше всех тех, кто ныне стоит под красным знаменем корпуса на страже Советской земли. Пусть будут верны они заветам старших боевых товарищей.

Всему составу славного 1-го Червоно-Казачьего Корпуса — слава!

Всем тем, кто не дождал до радостных дней торжества нашей победы, кто отдал в рядах корпуса свою жизнь за рабоче-крестьянское дело

— вечная память и слава!

М. Звоним

Письмо 1-му Конному Корпусу Червоного Казачества.

ОМНЮ зарождение Червоного Казачества, помню путь его по фронтам гражданской войны, путь тяжелых испытаний и славных побед.

Роды пролетарской революции на Украине были особенно трудными, особенно затяжными.

На Украине пролетариат не был ко времени октябрьских дней достаточно организован, достаточно сплочен вокруг своей партии, партии коммунистов-большевиков.

На Украине кулачские слои деревни (куркули) были куда хозяйственнее крепче, чем в Великороссии, и были надежно организованы националистической буржуазной интеллигенцией.

В союзе с нею, они установили в Киеве власть — Центральную Раду. Центральная Рада подавляла движение рабочих, стремилась отделиться от Советской России, прятала под своим крылом контр-революционные организации, вступила против Советской России в заговор с контр-революционными казачье-генеральскими правительствами Дона и Кубани.

Для укрепления своей власти, это кулацкое украинское правительство стремилось создать свою вооруженную силу, организовывало из офицеров, юнкеров и различных отбросов деревни-города гайдамацкие части и украинизировало российские полки, расположенные на Юго-Западном и Румынском фронтах и на Украине.

Но вслед за Октябрьской Революцией в Петрограде пришел Октябрь и на Украину.

В начале декабря 17 г., в Харькове собрался Съезд Советов Украины, вынужденный под давлением Центральной Рады убраться из Киева. Съезд Советов создал Советское Правительство на Украине, которое возглавляло борьбу украинских рабочих и деревенских бедняков против буржуазного правительства Центральной Рады.

И, в конце декабря 17 г., решительная борьба за власть Советов на Украине началась. На выступления Центральной Рады против киевских рабочих, против Полтавского Совета Депутатов, против Екатеринославских пролетариев,—Советское Украинское Правительство ответило разоружением двух украинизированных полков в Харькове и наступлением к Полтаве, Киеву.

Одновременно с разоружением 2-го укр. полка в Харькове и было положено начало Червоному Казачеству. Товарищи Никитченко и Шаров получили от меня приказ—формировать из добровольцев, солдат украинского полка, красные сотни. В несколько дней был создан крепкий боевой отряд. Во главе Харьковской колонны советских войск, 6 (19) января 18 года, он вступил победоносно в Полтаву. Через две недели во главе советских войск, червонные казаки, под командой доблестного вождя Примакова, ворвались в Киев.

Украина стала Советской страной, страной Рабоче-Крестьянской Революции.

Но на помощь украинским кулакам и помещикам подоспели войска немецкого империализма. Центральная Рада купила эту помощь немецких штыков ценой свободы Украины, хлеба ее крестьян, труда ее рабочих.

Тяжка, неравна была борьба наших красных отрядов с немецкими корпусами. Вы честно, доблестно держались в этой борьбе, товарищи, червонные казаки!

Вы продолжали эту борьбу и тогда, когда многие в унынии сложили оружие.

И вы вознаграждены были за вашу веру, когда вновь ударил час революции над Украиной.

Рабочее восстание опрокинуло трон Гогенцоллернов. Немецкие полки потянули с Украины домой.

Поставленный ими на гетманство генерал Скоропадский не успел заручиться взамен немецкой, антантовской подмогой, не успел и набербовать серьезной армии.

С какою силою, с каким порывом червонные казаки, сыны трудовой Украины, ринулись вы в бой против гетманских и петлюровских войск. Так сын спешит на помощь возлюбленной, скованной, истязуемой матери своей.

Великий революционный подъем, твердая братская спайка, боевая товарищеская дисциплина—с этими качествами вы были непобедимы. И враг горько познал вашу удаль, вашу силу в боях на Украине. Особенно памятен славный рейд ваш от Бара к Старо-Константинову—Щебетовке, рейд, завершивший победную кампанию освобождения Украины.

Но ударил новый гром. Откормленная, вооруженная Антантой, ворвалась в Донбасс добровольческая армия генерала Деникина. Кулаческие слои Украины встрепенулись новой надеждой. Измена Григорьева сковала инициативу Украинской Советской Армии.

Нам пришлось отказаться от горячей мечты—принести братскую помощь Советской Венгрии изнывавшей под натиском контр-революционных войск Румынии и Чехо-Словакии. Пришлось обернуться против нового врага.

И когда РВС Украинского фронта направлял вас, червонные казаки, против Деникина, я писал тогда тов. Троцкому:

„Мы посылаем на Южный фронт лучшую нашу часть.“

Вы с честью поддержали этот отзыв и доблестно дрались против отборных войск белогвардейщины. И в решающих октябрьских боях под Орлом—Кромами вы помогли нанести смертельный удар лучшей пехоте Деникина.

И следующий год, в боях с бело-поляками вновь вы вписываете новые подвиги в книгу неумирающей славы нашей Красной Армии.

Товарищи бойцы Червоного Казачества!

Вы, по всей справедливости, можете быть горды тем, что принадлежите к составу одной из славнейших боевых частей Красной Армии.

Вы крепкие, старые орлята передайте славные традиции Червоного Казачества юным казакам.

А вы, юные, помните всегда славное прошлое Червоного Казачества и будьте готовы не посрамить былой славы его красных знамен.

Во имя рабочих и трудовых крестьян Украины, во имя угнетенных труженников всего мира честно сражалось Червоное Казачество и будет до конца не менее доблестно сражаться под красными знаменами Революции против всех ее врагов.

Бывший Главком Советских Украинских Армий,
Начальник Политуправления Р. В. С. Р. *Антонов-Овсеенко*.

Мое юбилейное пожелание *)

И-СТАРИ так ведется, что к юбилею говорят только хорошие слова: торжественно восхваляют юбиляра, вспоминают все доблести и заслуги виновника торжества и проч., и проч. и проч. Так повелось в старом мире—и эти привычки—увы!—воспринимаются и нами. Если бы я был при юбилейных торжествах в честь Червоного Казачества сторонним сочувствующим наблюдателем, то, вероятно, и я ограничился бы точно также какой-нибудь пустопорожней декламацией. Но я не только состою „почетным казаком“ 1-го полка, но и был в свое время действительным рядовым отряда червоных казаков. Это дает мне возможность нарушить обычный юбилейный шаблон и сказать в день пятилетия то, что не полагается говорить.

Не все страницы в истории Червоного Казачества окрашены в красный цвет—есть и темные, даже густо-темные страницы и об этих страницах тоже полезно вспомнить в торжественный день пятилетия.

Я помню, как в марте 1918 г., во время украинского отступления, один из червоных казаков изнасиловал, кажется в Ромнах, какую-то женщину. Об этом узнали наши партийные товарищи (Гриневич, Эдельштейн и др.) и сделали то, что революционер должен был сделать: после быстрого выяснения дела мерзавца-насильника расстреляли. Находившаяся в Ромнах часть червоных казаков возмутилась... не насильником, а расстрелом и потребовала расстрела Гриневича и Эдельштейна. Заварилась каша. Примаков в это время был в Бахмаче и потому не мог быстро ликвидировать дикую вспышку. Как только Примаков узнал о происшедшем, он вмешался и сумел заставить червоных казаков отказаться от своих глупых требований.

Или вот еще другой случай. Мы перебрасывались в мае 1918 г. эшеломом из Ростова, через Царицын, Москву, на границу с оккупированной немцами Украины. Эшелон проходил через станцию Козлов. Поезд остановился. У Примакова, Бубнова и у меня были дела с местными властями о пропуске эшелона на Москву. Выйдя из вагона, мы вдруг увидели, что наши червоны с ружьями и пулеметами бегут в одном направлении с крайне возбужденными физиономиями. Оказывается, в Козлове стоял заградительный отряд, который не пропускал мешечников. И вот, мешечники пожаловались червоным казакам и те, недолго думая, на территории Советской России, бросаются с оружием в руках против отряда, посланного правительством РСФСР. С большим трудом нам удалось удержать товарищей от дикой выходки.

*) Статья тов. Пятакова, присланная им для сборника, написана ко дню пятой годовщины Червоного Казачества.

В моей памяти сохранилось много таких печальных воспоминаний, вплоть до проявления антисемитизма и „войны с чрезвычайками“ в 1919 г. Я не стану записывать все свои воспоминания—неприятно не только записывать их, но даже освежать их в памяти, неприятно потому, что я—не наблюдатель, а, до известной степени, соучастник создания Червоного Казачества.

Мне хочется только подчеркнуть, что при своем возникновении и еще долгое время спустя червонные казаки были великолепными революционерами в смысле своего настроения, остро ненавидели панов, стойко дрались за власть Советов, но не отличались высоким общекультурным и политическим уровнем развития. К тому же, политическая работа в частях Червоного Казачества не занимала почетного места.

Вот почему моим самым горячим юбилейным пожеланием будет:

чтобы в рядах Червоного Казачества не было ни одного неграмотного, чтобы червонные казаки все до одного читали газеты и книги, чтобы червонные казаки были не только смелыми бойцами и стойкими защитниками Рабоче-Крестьянской Власти, но и сознательными строителями новой жизни.

Г. Пятаков.

Почему червонные казаки зовутся „червоными казаками“.

О, о чем я пишу, имело место в конце 1917 года. На севере, в России, уже победили Советы, на Украине мы еще пока дрались в Киеве с керенцами. Власть попала в руки Центральной Рады. Произойти это могло потому, что Центральная Рада располагала достаточно внушительным вооруженным кулаком.

Военные силы Центральной Рады складывались из двух частей. Прежде всего, появились украинизированные полки старой царской армии. Эти части помогли Раде удержаться в первый момент Октябрьской бури, но они были явно ненадежны. Национальные украинские полки

продержались всего лишь на несколько месяцев дольше фронтовых российских частей, а затем, как и последние, потянулись по домам. Кроме того, солдаты украинцы, несмотря на все старания комсостава, были заражены большевизмом. Их нельзя было свободно использовать в борьбе с Советами. Например, Шевченковский полк в Киеве даже поддерживал восстание Киевских рабочих арсенала и железнодорожников против Центральной Рады.

Украинские националисты понимали необходимость создания более надежной опоры. Они задумали воскресить казачество—и притом именно то казачество, что в стародавние времена выдвигало гетманов. Употребляя современное обозначение, можно сказать, что они решили создать организацию фашистского типа под именем „Вільне Козацтво“.

„Вільні козаки“ формировались, главным образом, из интеллигенции—сюда шло офицерство, студенты и проч. „поповичи“ (основное ядро петлюровщины). Все эти „поповичи“ старались подчинить своему влиянию сельскую молодежь, старались и ее втянуть в „Вільне Козацтво“, отравив ядом национальной ненависти к городскому рабочему-большевику.

Почетный казак 1-го полка Червоного Казачества
Нар. Ком. Просвещ. УССР, В. П. Затонский.

Это им отчасти удавалось. На Киевщине, на Полтавщине стали быстро разрастаться ядовитые желто-голубые цветы „Вільного Козацтва“.

Опираясь на эту организацию, Центральная Рада в декабре 1917 г. сорвала созванный большевиками 1-й Съезд Советов Украины. Начались разгромы профессиональных, советских и партийных организаций пролетариата.

Началась открытая вооруженная борьба между большевиками и Центральной Радой.

Нашим центром стал Харьков, куда переехала из Киева Советская часть Съезда, объявившая себя революционным Советским Правительством Украины.

Первой мыслью нашей было создание вооруженной силы против Центральной Рады, притом такой вооруженной силы, которая не только умела бы рубить головы петлюровцам, но и могла бы вырвать почву из-под ног у „поповичей“.

Я не помню сейчас, кто именно предложил назвать нашу первую войсковую часть „Червоным Казачеством“, но как раз потому и не помню, кто именно высказал эту мысль, что мысль эта была общей и буквально носилась в воздухе.

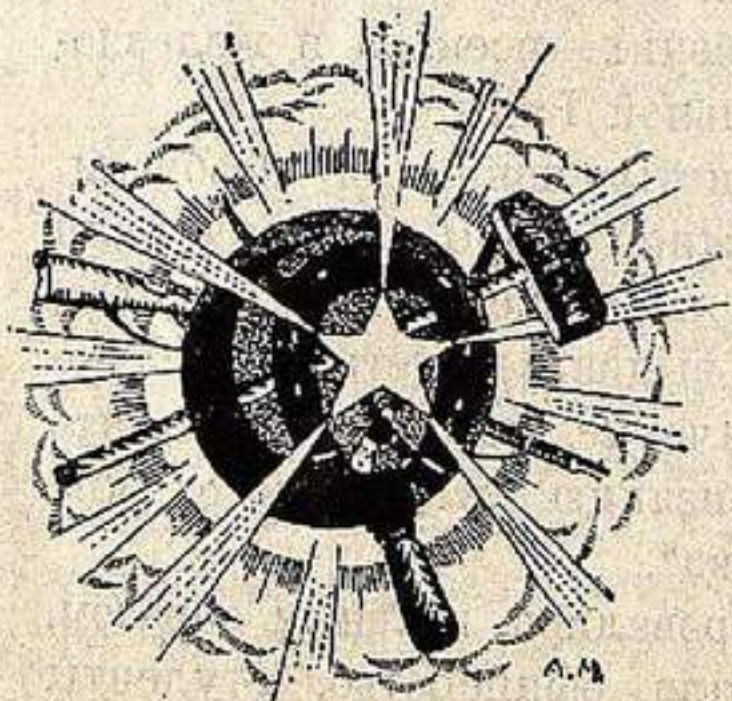
Петлюра со Скоропадским (он был тогда не гетманом, а только командиром корпуса) формировали „Вільне Козацтво“ из офицерства, студентов и кулачков, Советская Власть решила создать из украинской бедноты „Червоное Казачество“.

Их была горсточка—этих червонцев, что выступили в поход из Харькова через Полтаву на Киев, но чем дальше они шли вглубь Украины, тем больше росли их силы, тем быстрее пополнялись ряды. Десятками, сотнями, а то и тысячами вливалась в Червоное Казачество селянская молодежь.

„Вільне Козацтво“ лопнуло, как мыльный пузырь. После битвы под Крутами, в январе 1918 г., где пало больше тысячи украинских студентов, „Вільне Козацтво“ уже не могло оправиться. Скоро от него одна только скверная память осталась. Да еще осталось Червоное Казачество, что после разгрома петлюровщины мерялось силами и с польской шляхтой и с Деникиным и с Врангелем, и из маленького отряда выросло в целый корпус.

Так сеяли Петлюра со Скоропадским на Украине дурман кулацкого „Вільного Козацтва“, а выросло, расцвело красным цветом крови и революции Казачество Советское, червоное.

В. Затонский.

В. Кривошапкин

©ГОПБ

БИБЛИОТЕКА
И. П. Сталина - Ленинград
при ЦК КПСС

1-ая часть.

„Украинская революция раздавлена— Да здравствует украинская революция!“

январь 1918 г.—апрель 1919 г.

©ГОПБ

Червоное против „вільного“.

Центральная Рада и Народный Секретариат.

ЕВРАЛЬСКАЯ революция прошла на Украине бескровно, радостно [встреченная всем населением, как освободительница от царского гнета. Под палкой царской России старательно вышибавшей все украинское из Украины, народ украинский научился ненавидеть национальное

угнетение и ценить национальную свободу. Революцию он приветствовал, надеясь, что она несет ему раскрепощение.

Однако, политика Керенского сильно охладила энтузиазм украинцев. Временное Правительство боялось, что Украина отделится от России, станет независимой. В этой боязни оно прибегало к таким мерам, которые еще больше разжигали и без того сильное национальное чувство в украинском народе, заставляя его искать „самостійности“. Так, например, правительство Керенского запретило второй войсковой с'езд украинских частей армии. В результате—с'езд все-таки собрался, был настроен чрезвычайно враждебно по отношению к запретителям и требовал борьбы с империалистической политикой Керенского.

Национальным движением умело воспользовалась украинская буржуазия. Ее орудие—Центральная Рада—стала центром, вокруг которого сплывались ряды недовольных „москалями“. Главную опору нашла себе Рада в украинском селе и среди мелкой буржуазии городов. В некоторой, правда незначительной, степени даже рабочие (на сахарных заводах, отчасти железнодорожники) были захлестнуты волной „самостійничества“.

При таких условиях, конечно, борьба пролетариата за власть здесь, на Украине, встретила больше препятствий, чем в России: национальные интересы затушевывали, сглаживали классовые противоречия.

Только дальнейшая политика Центральной Рады выявила ее контр-революционную сущность, показала рабочим и трудовому крестьянству ее подлинное лицо—лицо защитницы интересов буржуазии. Соседство же с революционной, охваченной пламенем Октября Россией помогло украинскому пролетариату стать на правильный путь.

Партия большевиков еще до Октябрьской Революции готовила решительную схватку с Центральной Радой. В целом ряде городов власть на местах захватили Советы.

В дни Октябрьского переворота встают на баррикады и борются с войсками Керенского рабочие Киева. Центральная Рада в этот момент стоит в стороне и наблюдает. Но, когда борьба кончается победой рабочих, она выступает на сцену со своими украинизированными полками (из бывших фронтовых солдат) и отнимает плоды победы у рабочих. Центральная Рада берет в свои руки власть на Украине. Начинается преследование профессиональных, партийных и советских организаций пролетариата.

На собравшийся в декабре 1917 года Всеукраинский Съезд Советов Центральная Рада, не считаясь ни с какими нормами представительства, созывает (через так называемые „селянські спілки“) целую кучу деревенских кулаков и требует, чтобы их считали делегатами. Тогда почти весь Съезд, за исключением нескольких приспешников Рады, переезжает в Харьков и там провозглашает Советскую власть на Украине. Избирается Украинское Правительство, получившее название Народного Секретариата. В этот момент в руках Центральной Рады была почти вся Украина, в то время, как Советская власть распространялась лишь на Донецкий и Криворожский бассейны.

Сразу же стал вопрос о вооруженной борьбе против Центральной Рады.

Вначале, главную силу последней составляли украинизированные полки из фронтовых солдат. Но эти части были ненадежны, заражены демобилизационным настроением. Поэтому, Рада начала проводить в жизнь идею организации добровольческих национальных отрядов. С этой целью широко использовывалось распространенное в народных массах представление о запорожском казачестве, как о защитнике народной вольности. В селах создавались отряды „Вільного Козацтва“, причем этим отрядам давались названия, связывающие их с историческим прошлым Украины—полк „імени Дорошенка“, „Богдана Хмельницького“ и т. п.

Украинская интеллигенция окружала вновь создаваемую вооруженную силу дымкой рыцарства, запорожской вольницы, благородной борьбы за освобождение трудящихся. На „Вільне Козацтво“ переносились все те надежды украинского народа, которые сохранялись в нем еще со времен борьбы за освобождение от гнета польских панов.

В противовес этим войскам, Советское Правительство Украины создает свою вооруженную силу. Первоначально, вели борьбу отряды Красной Гвардии, из рабочих. Но одних красногвардейцев-рабочих было слишком мало для победы. Необходимо было увлечь на борьбу с Центральной Радой и украинское крестьянство, необходимо было отслоить незаможное селянство от куркулей. Выдвигается мысль об организации Червоного Казачества. В противоположность „Вільному Козацтву“, пополнявшемуся главным образом из кулачeskих слоев деревни, Червоное Казачество должно было объединить в своих рядах деревенскую бедноту, недовольную земельной политикой Рады, всячески оттягивавшей передачу помещичьих земель крестьянам.

26 декабря (ст. стиля) 1917 г. Народный Секретариат в лице т.т. Пятакова, Ауссема, Евгения Бош, Люксембурга, Ланчинского, Шахрая, Коцюбинского, Скрипника и Затонского принял постановление об организации на Украине отрядов Червоного Казачества.

Как родился 1-й полк Червоного Казачества.

В Харькове имелись части, которые являлись опорой петлюровцев: особенно верен им был 2-й Украинский Запасный полк, состоявший в большей своей части из офицерства. Насчитывал этот полк до 1500 штыков.

Офицерство, преобладая в первых двух батальонах или куренях, вело за собой и третий курень, сплошь состоявший из рядовой солдатской массы. В этот-то курень для распропагандирования шедших на поводу у петлюровцев солдат, для привлечения их на сторону Советской власти Народным Секретариатом было послано несколько поли-

Е - Бош.

В. Люксембург.

Ю. Коцюбинский.

Постанова Народнього Секретаріату Української Республіки

від 25 грудня 1917 року.

Доручається Воєнно-Револуційному Комітетові при ЦВКРС та СД України приступити до організації Червоного Козацтва у загально-Українському масштабі під керунком Робітничого та Селянського Уряду України.

Для цього В.-Р. Комітетові пропонується вступити в зношення з існуючими організаціями Червоного Козацтва в Харкові та по другим місцям.

Народний Секретаріат: { *Евгенія Бош.*
Володимир Люксембург.
Юрій Коцюбинський.

Головн. Писар Нар. Секретаріату *Юрій Лапчинський.*

тических работников—т.т. И. Кулик, Е. Бош, Виталий Маркович Примаков (недавно присланный Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом для работы на Украине) и др.

Опытные агитаторы, уже не раз проводившие широкую агитационную работу за бурный 17-й год, посланные товарищи быстро выполнили поставленную им задачу и уже в ночь с 27-го на 28-ое декабря (ст. стиль) с перешедшим на нашу сторону 3-им куренем окружили 1-й и 2-й курени Украинского Полка и разоружили их, а 28 декабря на развалинах этого полка был сформирован Первый Червоно-Казачий полк. Атаманом его назначили В. М. Примакова.

Следуя правилу „куй железо, пока горячо“, атаман полка в тот же день издал первый приказ по полку и одновременно выпустил воззвание к солдатам Харьковского гарнизона и ко всем рабочим и крестьянам с призывом вливаться в ряды Червоного Казачества на защиту Советов. Уже на другой день он имел возможность провести митинг с 400-ми добровольцев, а через три дня рапортовал Украинскому Рабоче-Крестьянскому Правительству, что 700 бойцов при 4-х пулеметах горят желанием отдать себя на служение рабочим и крестьянам Украины и ждуют приказа о выступлении“.

Против Центральной Рады—за власть Советов.

Приказ не заставил себя ждать. Народный Секретариат решил двинуть свои силы против войск Центральной Рады. Силы эти были малочисленны, но несмотря на это Советское Правительство могло вполне надеяться на успех, учитывая сложившуюся на Украине обстановку. Политика Центральной Рады, мягко выражаясь, не вызывала симпатий ни в украинском пролетариате, ни у деревенской бедноты. Заранее можно было предвидеть, что наша малочисленная армия по мере своего продвижения вперед будет непрерывно обрастать новыми силами из среды рабочих и крестьян, в общей своей массе настроенных весьма сочувственно по отношению к Советской власти.

Вот как рисует этот момент б. заместитель Нар. Секретаря по национальным делам тов. И. Кулик в своей книге „Огляд Революції на Україні“.

„Тем временем, в Центральной Раде шел полный развал. Чем дальше, тем массы все больше отворачивались от нее, армия распадалась. Провозглашение Румынского и Юго-Западного фронтов „украинскими“ вызвало новые недоразумения в армии. Крестьяне не хотели ждать Учредительного Собрания и требовали немедленной передачи им земли.

Все это подрывало власть Центральной Рады и, чтобы укрепить колеблющуюся почву под своими ногами, она становилась все более и более реакционной, жестоко преследуя всех непокорных.

Киев стал центром всероссийской контр-революции; туда, как и на Дон, съезжались все враги Советской власти. В Киеве предполагалось возрождение разогнанной Совнаркомом всероссийской „учредилки“; там собрались члены 4-й Думы—кадеты и черносотенцы; там же намеревались заново строить реакционное правительство для всей России (в противовес Совнаркому). С этой целью Центральная Рада сносилась с донскими, кубанскими, терскими и бессарабскими контр-революционерами.

Рабочие организации разгонялись Центральной Радой, рабочих обезоруживали, их вождей преследовали, арестовывали, временами и расстреливали. Так арестовали и собирались расстрелять известного партийного журналиста Г. Чудновского, а Леонида Пятакова тайно замучили и утопили в Днепре.

В провинции расправа над большевиками стала обычным явлением. Всех сторонников Советской власти, Генеральный Секретариат Центральной Рады, объявил „вне закона, как лазутчиков и шпионов“.

В конце декабря 1917 года, посланные Центральной Радой гайдамаки разогнали в Полтаве Совет Р. С. и К. Д.; чем дальше, тем все больше политических беглецов и делегаций от рабочих и бедных крестьян прибывало в Харьков. Услышав о создании „Харківської більшовицької Ради“ они просили у нее защиты от издевательств со стороны Центральной Рады и ее наймитов.

Все это привело к тому, что Центральный Исполнительный Комитет Советов и Народный Секретариат выпустили воззвание к рабочим и крестьянам Украины, в котором они призывались с оружием в руках бороться против Центральной Рады и Генерального Секретариата. Это было в первых числах января 1918 года и фактически являлось объявлением и началом войны между пролетарской и буржуазной властью Украины.

Командование Советской армией было поручено Муравьеву. 4-го января (ст. стиль) 1918 г. он выступил по направлению на Полтаву. Вместе со всей армией, в авангарде ее, продвигался и полк Червоного Казачества, в командном отношении также подчиненный Муравьеву.

Первый бой. Взятие Полтавы.

Часам к 16-ти 6-го января червонцы, шедшие в авангарде, высадились из эшелонов, не доезжая ст. Полтава, и цепями двинулись к ней. Разыгрался бой, характерный для той эпохи. Противник также, как и мы, не умел маневрировать и скучился возле станции. Наши цепи в силу своей неспособности к маневрам наступали на станцию по полотну железной дороги. После обстрела станции огнем нашего бронепоезда, цепи червонцев двинулись мимо древнего монастыря к городу. Завязалась перестрелка, закончившаяся бегством противника, на плечах которого червонцы ворвались в город. Перестрелка, как всегда это бывало в первый период гражданской войны, обошлась почти без жертв, потому что обе стороны в одинаковой степени не умели стрелять.

Ворвавшийся в город полк, имея в своем составе 400 стрелков и 8 пулеметов, разбился на отдельные взводы, которые направились к наиболее важным пунктам города. Прежде всего, были заняты почтамт и телефонная станция. В почтамте поместился штаб полка и оттуда руководил действиями частей. Без боя было захвачено здание кадетского корпуса, где засели юнкера. Последние сложили оружие, не найдя в себе решимости сражаться за Центральную Раду, которой они—в большинстве монархисты—были чужды.

У дома старого писателя Короленко червонцы немедленно по вступлении в Полтаву, поставили караул для того, чтобы обезопасить старика от всяких неприятностей, связанных с переменой власти во время гражданской войны.

Наши потери при взятии Полтавы оказались весьма незначительны: всего лишь 10 убитых и несколько раненных.

Полк растет. Добровольцы.

В Полтаве червонные казаки сейчас же приступили к дальнейшему своему формированию. Используя лошадей и седла захваченной конной петлюровской сотни червонцы сформировали конный дивизион, пополняя недостающее число лошадей путем реквизиции у богатых крестьян окрестных сел. До сих пор полк состоял исключительно из пехоты.

В значительной мере конный дивизион пополнился добровольцами из тех же окрестных сел. В большинстве своем это была крестьянская молодежь, охваченная боевым энтузиазмом, рвавшаяся в бой. Однако, способная на героический порыв, она совершенно не была подготовлена к длительной борьбе и требовала поэтому большой воспитательной работы. Дело осложнялось тем, что кадры вливавшихся к нам добровольцев не были обеспечены опытным командным составом, не имели скелета, на котором должно было держаться живое тело будущей грозной армии. Острый недостаток в командном составе лишал возможности поставить на должную высоту воспитательную работу, мешал внести в среду добровольцев дух воинской дисциплины. Нередки поэтому были случаи неподчинения отдельным командирам, которых сначала выбирали, а впоследствии уже стали назначать.

Вместе с тем необходимо отметить, что в стране не было твердого аппарата государственной власти и это также отражалось на армии. До поры, до времени роль такого аппарата играли возникавшие по мере нашего продвижения Революционные Комитеты, которые способны были создать массовое движение, но не в силах были ввести жизнь страны в твердое размеренное русло, неспособны были организованно бороться с преступностью, что вызывало частые случаи бандитизма, грабежей или расправы со стороны вооруженных красногвардейцев над не понравившимся им, по тем или иным причинам, жителем.

На Киев!

Пеший полк Червоного Казачества остался в Полтаве в качестве гарнизона, а один его курень отправился на Кременчуг под командой Сиверса 2-го; конный же дивизион под командой Примакова, вместе с армией Муравьева, двинулся на Киев. Армия Муравьева в тот момент насчитывала, примерно, 5.000 солдат при незначительной артиллерии.

Эта армия состояла из отдельных отрядов, носивших название либо по месту формирования (Люботинский, Харьковский, Полтавский), либо иного, устрашающего, так сказать, порядка, как например: Отряд Смерти, Железный Отряд, Отряд Красного Дьявола и т. п.

Восстание рабочих Киева. „Кровь—за кровь“.

В середине января в Киеве вспыхнуло восстание против Центральной Рады. Подняли восстание рабочие, и в городе началась длительная борьба между ними и верными правительству войсками.

Гарнизон Киева состоял из нескольких тысяч петлюровцев, причем, наиболее крепкими из них были: офицерская часть и гайдамацкий полк. Рабочие заняли целый ряд крупнейших пунктов Киева: вокзал, Подол и некоторые районы в центре города. Но постепенно отовсюду были выбиты и после тяжелой 10-ти дневной борьбы, потеряв более 1000 человек, героически погибших на баррикадах, заперлись в Арсенале. Эта последняя цитадель Киевского восстания защищалась с героическим упорством. Гражданская война уже в тот период знала железный закон „кровь за кровь“ и каждый защитник Арсенала мог быть уверен, что в случае сдачи противник его не пощадит.

На помощь. Борьба у мостов.

Армия Муравьева, спеша на помощь восставшим, повела наступление на Киев в лоб через Цепной, стратегический и железно-дорожный мосты. На мостах и возле них завязался упорный бой. Лед на Днепре был еще довольно крепок, но по берегу Днепра и на высотах, где стояла Киево-Печерская Лавра и ряд других древних монастырей, колокольни которых могли служить прекрасными наблюдательными пунктами, противником было установлено свыше 200 пулеметов. Под их обстрелом Красная Гвардия лишена была всякой возможности продвигаться по гладкому полю льда. Все же, однако, красногвардейцы успели занять Трухановский остров.

Продолжалась упорная борьба за мосты, борьба за обладание каждым отдельным устоем и быком мостов, во время которой отдельные группы красногвардейцев, наиболее дерзкие и решительные, перебегали от укрытия к укрытию, от одной фермы моста к другой ферме, и из-за каменных устоев били по противнику. Но шрапнель и пулеметы останавливали порыв наступающих.

Удар в тыл. Переправа по льду. Червонцы—в Киеве.

Атаман червоно-казачьего полка предложил Муравьеву проникнуть в Киев с тыла и поддержать уже начавшее угасать восстание. Арсенал в это время доживал последние часы, захлебываясь в потоках крови своих защитников. Муравьев согласился с тем, что обход противника с тыла оказал бы большую услугу армии, несомненно, заставив противника отвлечь значительную часть его сил от мостов.

Получив соответствующее задание, полк червонцев (в этом полку было не более 100 сабель, при нескольких пулеметах) пошел вверх по Днепру и переправился через него в дачную местность Пуца-Водица, прилегавшую непосредственно к Киеву с тыла.

Переправа по льду, дававшему ряд широких трещин была сопряжена с большими опасностями. Полку пришлось двигаться, спешившись. Никакие действия в конном строю, конечно, не представлялись возможными и достаточно было небольшой партии разведчиков на том берегу заметить наше продвижение, чтобы никто из этого предприятия не вернулся назад.

Во время перехода через одну из встретившихся по пути широких трещин, двое казаков оборвались и пошло под лед вместе с лошадьми; остальные, войдя в Пущу-Водницю, направились оттуда на Куреневку — рабочее предместье Киева.

Извещенные о приходе подкрепления остатки Красной Гвардии, понесшие огромные потери, вновь взялись за оружие, связавшись с штабом прибывшего полка. Началась борьба за обладание Куреневкой. После нескольких часов перестрелки и схваток у отдельных зданий Куреневку очистили от петлюровцев. Стали стекаться рабочие Подола, присоединяясь к восставшим. Красная Гвардия повела наступление на Подол и Лукьяновку; занята была еврейская больница.

Петлюровцы — без аэропланов.

В это время атаман полка узнал, что на Сырце, возле завода Греттера, примерно в версте от него стоит 12 аэропланов противника, охраняемых небольшой сербской частью, считавшей себя в полной безопасности. Пользуясь этим, атаман полка решил врасплох проникнуть на аэродром и захватить аэропланы. Для этой цели он взял с собой 12 отборных казаков, спешив их, и 13 красногвардейцев.

Отряд направился к Сырцу, выдавая себя по дороге встречным, за гайдамаков, возвращающихся с разведки. Часовой, стоявший у аэродрома окликнул отряд: „Стой! Кто идет?“ и, получив ответ: «Черная гайдамацкая сотня» — пропустил его.

Подойдя вплотную к сербам, отряд с криками „Ура!“ бросился на них и заставил сложить оружие. Аэродром был в наших руках, а вместе с ним и 12 аэропланов, с которых петлюровцы бросали бомбы в расположение наших частей, наступающих на Киев, и на которых, в конечном счете, петлюровское правительство рассчитывало улететь в случае неудачи. Аэропланы были приведены в совершенную негодность: ударами сабель червонцы раскололи пропеллеры, а молотками, найденными здесь же в мастерской авио-парка разбили отдельные части механизма аэропланов. 12 пулеметов Льюйса, снятых с тех же аэропланов установили для стрельбы.

Как раз в этот момент подкатил к аэродрому сначала санитарный автомобиль, который был захвачен, а затем легковой, где находился начальник эскадры-полковник Нечитайло. Полковник, не подозревая о случившемся, вышел из автомобиля и подошел к командиру полка, думая, что это дежурный по охране офицер. Увидев наведенные на него дула двух револьверов, он вполне благоразумно решил, что ему ничего не остается сделать больше, как поднять руки вверх. Связанного положили в тот же автомобиль, на котором он приехал. На санитарную машину сложили пулеметы и тарелки к ним. В автомобиль полковника сели все красногвардейцы и поехали на Куреневку.

На месте осталось 12 казаков с атаманом полка, которые, закончив разрушительную работу, забрали у сербов оружие и отпустили их на честное слово не воевать больше. Сербы эти составляли небольшой офицерско-солдатский отряд в 15 человек, по примеру средневековых ландскнехтов нанявшийся на службу к атаману Петлюре.

Хитрость спасла. Вглубь города.

Червонцы уже собирались отступить, когда неожиданно попали под пулеметный огонь. К аэродрому шли петлюровские офицеры, а за ними видно было около 100 гайда-

маков, бежавших с винтовками и набегу стрелявших. Отряд начал поспешное отступление лесом, перебегая от укрытия к укрытию, от канавы к канаве и на бегу отстреливаясь. Сближение с противником доходило до 400 шагов.

Атаман полка приказал отделенному командиру с 6-ю казаками отойти вправо шагов на 100, во весь голос подать команду: «Сотня, пли!» и стрелять частым огнем для того, чтобы создалось впечатление большой части. Сам он подал такую же команду. Противник попал на удочку и, очевидно, решив, что перед ним большие силы, а наш отряд, замеченный им, только разведчики, высланные вперед, замедлил наступление и перестал стрелять. Таким образом, отряд благополучно вышел из столкновения, причем только один червонец был ранен.

Через несколько часов к червоно-казачьему полку, ставшему возле еврейской больницы под'ехала войсковая машина с белым флагом. Это была делегация полка георгиевских кавалеров, в казармах которого расположились юнкера. Делегация заявила, что георгиевские кавалеры желают остаться в развернувшейся борьбе нейтральными, но дают разрешение желающим из числа кавалеров сейчас же перейти на сторону восставших. Вслед затем, через час они побудили юнкеров уйти из казарм в центр города, что нам было весьма на руку, так как при наших силах вряд-ли бы удалось выбить 300—500 юнкеров. Над громадной казармой был поднят белый флаг, после чего туда вошел отряд Красной Гвардии, вскоре затем поведший наступление на Лукьяновку. Таким образом в руках восставших была Куреневка, часть Подола и часть Лукьяновки. Отдельные, отряды красногвардейцев без оружия проникали вглубь города, под видом рабочих проходили на свои заводы и неожиданно в тылу противника занимали их, пользуясь оружием которое было заранее спрятано на самих заводах.

Киев очищен. Украинская буржуазия потеряла свое отечество.

Противник постепенно очищал квартал за кварталом. Восстание разгоралось, На Подоле выступили с оружием в руках сотни рабочих, которые выбивали юнкеров из занятых ими зданий. Муравьев, пользуясь тем, что на Подол было отвлечено большое количество сил противника, решительно штурмовал город. По Цепному мосту в Киев ворвался отряд матросов и занял дворец. После ожесточенной штыковой схватки в Царском саду, схватки, которая закончилась отчаянной рукопашной между матросами и петлюровцами, Муравьев прочно утвердился в городе.

Киев был взят главным образом, благодаря восстанию рабочих, которые парализовали тыл противника.

Петлюровское правительство бежало в Житомир и вскоре, как это всегда бывает с буржуазными национальными правительствами, изменило интересам нации и пригласило на Украину германскую армию для изгнания большевиков. В то время, когда пролетариат Украины получил свое отечество, буржуазия его потеряла, и для защиты своих классовых интересов прибегла к помощи немецких генералов.

Несколько слов о киевском гарнизоне.

В Киеве полк Червоного Казачества еще более вырос и окреп. Он принадлежал к той небольшой части киевского гарнизона, которая поддерживала порядок в городе. Вообще же гарнизон Киева являл типичную для той эпохи картину хаоса. Полк Сагайдачного отдельные отряды петлюровских полков, перешедшие на сторону Советской власти, вели себя весьма буйно: по ночам грабили прохожих и несколько раз устраивали разгромы спиртовых складов. Отряд Ремнева, занимавшийся тем же, был частично удален из Киева и послан на Одессу.

Полк Червоного Казачества, тоже в значительной степени недисциплинированный, пытался принять участие в пьяных разгромах, но после расстрела одного из казаков и порки шомполами (по общему приговору казачьего собрания) наиболее виновных являлся частью сохранившей относительный порядок и поэтому использовывался для борьбы с преступными элементами.

Участие червонцев во взятии Киева было отмечено приказом по армии: червонцы получили благодарность за „исключительно доблестную работу“.

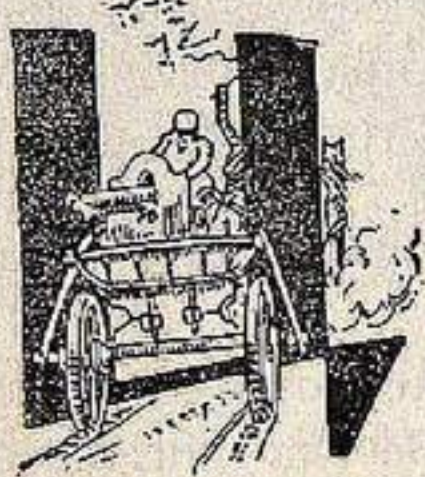
Переехавшее в Киев Украинское Советское Правительство приняло меры к установлению порядка в городе и до некоторой степени наладило городскую жизнь, но подошедшие немецкие части не дали закончить начатой работы и вынудили нашу армию к поспешному отходу.

Великий исход.

Под напором германской армии

ЦЕНТРАЛЬНАЯ Рада уже во время Брестских переговоров выступила самостоятельно и за спиной наших делегаций столковывалась с немцами, продавая „неньку“ Украину и немцам и австрийцам. Немецкие завоеватели с жадностью ухватились за предложение петлюровцев и согласились занять Украину своей вооруженной силой до тех пор, пока петлюровцы не смогут стать в ней твердой ногой.

Один за другим немецкие батальоны и эскадроны занимали города и деревни Украины, гоня перед собой еще неорганизованную пролетарскую армию. Красногвардейские отряды, не обученные военному делу, малодисциплинированные, не имея централизованного военного управления и действуя каждый на страх и риск своего начальника, конечно, не могли оказать серьезного сопротивления наступавшей на Украину регулярной армии Вильгельма. 500-тысячная австро-германская оккупационная армия почти безостановочно теснила Красную Гвардию, которая пыталась оказывать сопротивление только на узловых центрах железных дорог и возле больших городов.

Эшелонная война. Героизм рабочих дружин.

Гражданская война в тот период носила характер эшелонной войны: все отряды продвигались в эшелонах, сражались возле эшелонов и отступали тоже в эшелоны. Объясняется это громадностью наших пространств и ничтожной численностью отрядов Красной Гвардии, которые в общей своей сложности на Украине вряд-ли насчитывали более 100.000 бойцов. Поэтому, сражения сводились к борьбе за крупные центры—губернские города или узловые станции. Мелких городов и станций никто не брал и не защищал.

Самые сражения были мало кровопролитны; потери в 10—15 убитых считались большими потерями, хотя были отдельные героические отряды, преимущественно из

партийной молодежи, представлявшие собой фактически партийные боевые дружины, которые ложились в бою целиком. Таким, например, был отряд Киевских рабочих, потерявший в бою под Бахмачем 70% своего состава.

В городе Николаеве одна из рабочих дружин была окружена в здании мельницы и сражалась там до последнего патрона. Немцы, не будучи в силах взять мельницу с бою, вынуждены были поджечь ее. Но и в пламени горевшего здания все-таки раздавались выстрелы. Ни один из запершихся в мельнице рабочих не сдался врагу.

Червонные казаки отступали от Киева на Рамодан, а оттуда были переброшены на Бахмач, где вместе с другими отрядами Красной Гвардии приняли участие в героической обороне Бахмачского узла, длившейся около 7 суток.

Воспитание под огнем.

В те дни в рядах червонцев сражался целый ряд крупных партийных работников, как тт. Пятаков, Михаил Варницын, Николай Голубенко, Николай Николаевич Лебедев и еще многие другие ответственные партийные товарищи. При штабе полка Червоного Казачества работали Е. Бош, ее две дочери, Вера Бухарцева, Соколова и Козулина—члены Киевского Комитета Партии. Они издавали газету „К оружию“, вели партийную работу и несли службу сестер милосердия.

Усилиями партийных работников постепенно воспитывалось Червоное Казачество. Небольшой его отряд (в полку было немногим более 100 человек) вел себя менее разнузданно, чем части не имевшие такого партийного кадра. Однако, и среди Червоного Казачества имели место факты отрицательного характера. Был такой случай: на станции Бахмач один казак изнасиловал женщину, за что и был расстрелян. Остальные червонцы возмутились расстрелом и пытались расправиться с тов. Зюкой, который произвел расстрел, но усилиями партработников и угрозами пустить в ход оружие были успокоены.

В процессе тяжелой кровавой борьбы, в напряженной работе по воспитанию только что зарождающейся Красной Армии, выковывались железные законы, каравшие смертью за насилие над женщиной, за грабеж, за измену. Родилась прекрасная традиция не сдаваться в плен, умирая—убивать.

Дело сотника Ганжи.

„Великий исход“ (такое название получило все это отступление) ознаменовался отдельными моментами выдающегося самопожертвования и героизма. Весьма интересно в этом отношении дело сотника Ганжи у местечка Батурино, куда была послана сотня для действия во фланг противника. Немецкая колонна, двинувшись в обход, отрезала сотню Ганжи от полка. Сотне оставалось или сдаваться, или пробиваться через немецкие штыки. Разведав через крестьян, что немцы в одном из лежащих на пути сел отдыхают и варят обед, Ганжа приказал приготовить ручные гранаты, и с „пашками к бою“ кинулся на село, стремясь прорваться через немецкие сторожевые охранения. Немецкие солдаты, разбиравшие обед, попал под удары сотни, были частью изрублены, а сбившиеся в кучи, и пытавшиеся спрятаться во дворах, забросаны гранатами. Не останавливаясь, сотня проскакала через село и, сметая со своего пути все препятствия, пробилась на соединение с полком. Лозунг „червонцы не сдаются“ был закреплен, омыт кровью павших жертв. Сотник Ганжа и его сотня служили для червонцев примером: в будущем за всю историю своей борьбы у червонцев почти не было случаев сдачи.

Вместе с отрядами Красной Гвардии отступали тысячи рабочих с их семьями. Это был действительно „великий исход“ пролетариата, который оставлял завоеванное было для себя отечество, веря в торжество революции, веря в то, что уйдя от оккупационных войск, он с победой вернется назад.

На Дону.

Донская Вандея.*)

украинской контр-революции, силою иноземных штыков возвращавшей обратно свои земли, фабрики и заводы, присоединилось восстание казачьих верхов на Дону. Дон стал убежищем русской буржуазии; туда с самого начала Октябрьской Революции стекалось черное воронье в лице генералов, промышленников и казачьих офицеров. Тут, вдали от революционного севера исподволь готовили они восстание. Донские казаки, жившие богато, имевшие большие земельные наделы, находились целиком под влиянием своих атаманов из офицерства.

Первую попытку поднять восстание сделал генерал Каледин, но она кончилась неудачно: восстание было раздавлено Красной Гвардией. Теперь, при подходе немецкой оккупационной армии донцы вновь заволновались; во главе восставших стал генерал Краснов. Отряды Красной Гвардии Украины, откатившиеся на восток, были использованы в значительной своей части, для того, чтобы подавить и эту попытку. Червонные казаки, переброшенные от Харькова на Таганрог, были посланы от Таганрога к Ростову вместе с Мариупольской пехотой, отрядом общей численностью до 2000 штыков и 250 всадников при пулеметах, одной горной и одной полевой батареях.

Новочеркасск — наш. Белые партизаны. Под станицей Кривянской.

Высадившись из эшелонов в Ростове, отряд с места атаковал противника, наступавшего на Нахичевань. Растерявшийся противник отступил к Новочеркаску, но после двухдневного упорного боя оставил город в наших руках. Эта победа стоила красным частям 800 жизней.

Белогвардейцы рассыпались по станицам и перешли к партизанщине в районах Новочеркасска, станиц Кривянской, Бело-Церковской, Заплавской и Старо-Черкасской.

*) Вандея — область во Франции. Во время Великой Французской Революции эта область была гнездом контр-революционеров. К последним принадлежали и жившие там крестьяне.

Железная дорога, соединявшая Ростов на Дону с Александро-Грушевским рабочим районом, была в наших руках и по ней мы производили эвакуацию на север. Однако казаки, партизанившие в ее районе, то и дело налетали на жел.-дор. путь, захватывая на короткое время даже станции. В середине апреля противник захватил станицу Кривянскую в двух верстах от Новочеркасска и мост через реку Аксай, проходившую около этой станицы.

Командующий донскими войсками приказал червонным казакам, имевшим до 150 сабель и подкрепленным силами Мариупольцев (400 штыков) и Черноморцев (300 штыков), взять станицу обратно. Разыгрался бой под станицей Кривянской. Мост через реку Аксай, устроенный в виде плота, был отведен противником на другой берег, но конец каната впопыхах он оставил на нашем берегу и таким образом давал нам возможность притянуть обратно мост. На берегу лежала убитая лошадь. Пользуясь ей как прикрытием, командир бронепоезда тов. Колесников, командир Мариупольского полка тов. Апатов и командир червонцев Примаков ползком подобрались к лошади; от лошади до конца каната оставалось аршина 3—4, но этот короткий путь весь обстреливался огнем спешенного противника. Командир бронепоезда, тов. Колесников, поднялся было, чтобы схватить канат, но сраженный пулей в плечо на-вылет покатился обратно к лошади. Захватить канат удалось Примакову. Вслед затем уже не стояло большого труда за ухваченный конец каната притянуть к нашему берегу и весь мост. Беспорядочный огонь противника не остановил атакующих и потеряв всего 10 чел. пехота первой вошла в станицу. За ней быстро ворвалась конница и конной атакой выбила из станицы противника, причем захватила до 30 лошадей и изрубила неприятельскую пехоту.

Червонцы расположились в станице, а пехоте приказано было отойти к городу и принять участие в боях за обладание станицей Заплавской. На смену было обещано прислать другую пехотную часть, до прихода которой червонцы должны были удерживать станицу Кривянскую.

Заметив, что станица занята только небольшим кавалерийским отрядом, противник ввел в действие внезапно до 400 всадников и стал выбивать червонцев из занятых ими опорных пунктов. В конце-концов в их руках остался только один укрепленный пункт—церковь. Засевшие за церковной оградой червонцы в течение 5 часов упорно отстреливались, не пуская на площадь ни одного неприятельского солдата. За время перестрелки четверо было ранено, их вынесли за ограду и отправили по единственной еще не занятой противником дороге по направлению к переправе через реку.

Оставшиеся тщетно ожидали обещанного подкрепления. Подкрепление это так и не пришло. Вместо него прискакал на лошади посланец от командующего участком с запиской следующего содержания: „Пехота не придет. Уходите из станицы. Командвойск Антонов-Донской“. Тогда решено было уйти из станицы. Всадники, скрытно выйдя из ограды, вскочили на коней и помчались к переправе. Противник бросился за ними по широкой большой улице. Ясно было, что если он и не нагонит ушедших вперед червонцев, то перебьет всех по одиночке на переправе, так как по ней ехать можно было только шагом. Отыскали способ задержать противника. Дали по нему несколько выстрелов и зажгли бомбами и спичками ближайшие хаты. Лошади противника не пошли в огонь и под огневой завесой удалось совершить переправу вполне благополучно.

Жаркое из... „противника“.

В 20-тых числах апреля красное командование повело наступление на станицу Заплавскую. В наступлении участвовало до 2000 чел. пехоты при 8 орудиях и бронемашин. Пехота, дружно наступая, заняла окраины станицы, но в разгаре боя в ее среду проник слух, что большая колонна противника в конном строю обходит ее. Как

часто бывает в такие минуты, началась дикая паника. Оставив орудия и машины, пехота покати́лась назад из станицы.

Червонцы, находившиеся в резерве, были высланы для подкрепления и разведки. Заняв холмы и выведя артиллерию, брошенную пехотой, они принялись за поиски обходящей конницы. Действительно, через полчаса показались бело-казачьи раз'езды, а за ними огромное облако пыли. Пока атаман полка рассматривал в бинокль пыль, пытаясь выяснить, что за ней скрывается, артиллерия пехоты открыла беглый огонь. Снаряды метко рвались над облаком пыли, еще более его увеличивая.

Под'ехав ближе, атаман полка убедился, что это большое стадо быков, гонимое противником, чтобы навести панику на нашу пехоту. Несчастные буйволы и коровы, мечась под огнем шрапнели, имели ужасный вид. Атаман полка шлет записку на батарею, в которой сообщает, что противника нет, а вместо него стадо. Но с батареи лаконически отвечают: „Сам знаю, куда стреляю“ — и продолжают огонь. Отогнав казаков и оцепив стадо, атаман полка шлет новую записку с предложением „выслать обозных с повозками и изготовить из убитого скота жаркое“. Только после этого командир батареи лично выехал и убедился в правоте написанного. Пехота, оправившись, перешла в контр-атаку и заняла станицу.

Да здравствует украинская революция!

Червонцы в Москве.

В конце апреля 1918 г. червонцы получили приказ оставить Донской фронт и конвоировать Украинское правительство, направлявшееся в Москву. Конвой этот был необходим потому, что приходилось проезжать через Сальский округ, пылавший в огне восстаний башкиров и киргизов. Кроме того, Украинское правительство далеко еще не считало свою борьбу на Украине законченной. Лозунгом его было: „Украинская революция раздавлена, да здравствует украинская революция!“ С этой точки зрения червонные казаки были необходимы как ядро войск, вокруг которого можно было организовать восстание против оккупантов. Борьбу на Дону продолжали отряды Красной Гвардии, на помощь которым подошел большой отряд тов. Ворошилова.

В пути на Москву, по распоряжению Царицынского Совета, червонцы обезоружили банды анархистов Ворона и Черняка, отобрав у бандитов награбленное ими золото.

В середине мая червонные казаки прибыли в Москву и пробыли там около двух недель. Там они между прочим приняли участие в подавлении контр-революционного выступления, поднятого московскими попами во время крестного хода в день Николая-угодника.

Подготавливается восстание на Украине. Повстанческий Штаб.

10 июня полк был переброшен для доформирования в Почеп Черниговской губернии. В течение июня и июля были сформированы велосипедная команда в 100 машин, пулеметная команда в 8 максимов и 12 льюйсов, 2 конные сотни по 50 сабель. Усиленно велось обучение казаков военному строю.

Тем временем, Украинское Советское правительство уже вело подготовительную работу, организуя повстанческое движение на Украине. Руководил этой работой Повстанческий Штаб в лице т.т. Пятакова, Бубнова и Ауссема.

Почва для развития повстанческого движения на Украине была хорошо подготовлена самими немцами. Заняв Украину, они восстановили все до-революционные отношения: фабрики и заводы были возвращены капиталистам, а земля передана помещикам. У крестьян не только отбирали землю, но и взыскивали с них за разрушения в помещичьих имениях, произведенные во время революции. Тысячи помещиков шли вслед за немецкими штыками и жестоко вымещали на крестьянах свои потери и обиды. Кровавой волной про-

катились над Украиной кошмары расстрелов, военно-полевых судов, поголовной порки. Крестьяне подымались против угнетателей и вели с ними партизанскую борьбу. При таких условиях необходимо было только ввести это массовое движение в правильное русло, наладить твердое руководство им. Такую задачу и выполнял Повстанческий Штаб. Во всех наиболее крупных центрах движения им организовывались подпольные революционные комитеты. Эти комитеты осмысливали все партизанское движение, давали ему нужное направление, указывали наиболее важные пункты, которые необходимо было занять. Внутри страны действовали партизанские отряды Шмидта, Кропивянского (поднявшего восстание на Черниговщине), Гребенко (в Таращанском уезде) и ряд других. Гигантская работа по организации и подготовке восстания, выполненная Повстанческим Штабом, положила основание Украинской Повстанческой Армии, освободившей Украину от господства петлюровских и гетманских атаманов.

11-го августа червонцы расположились в селении Хильчичи, что в 20-ти верстах юго-восточнее Новгород-Северска, недалеко от нейтральной зоны.

Нейтральная зона. „Волки“ и „собаки“.

Нейтральная зона—полоса в несколько десятков верст между Украиной и Россией—вся кишела партизанами. Многие из рабочей и крестьянской молодежи покидали Украину и скрывались от преследования в лесах нейтральной зоны. Изредка они нападали на немецкие посты; забирали оружие, забирали продовольствие и снова рыскали по лесу, выжидая добычу. Оборванные, голодные „волки“, как прозвали их крестьяне, они с безумной храбростью отбивались от сытых „собак“—немецких карательных отрядов. Их имен не знали, об их происхождении не спрашивали; поймав партизана немцы без дальних разговоров попросту вешали его на придорсжном дереве. Закаляясь в непрерывных стычках, постоянных лишениях, „волки“ становились неуловимыми и для пехоты и для тяжелой конницы немецкого кайзера. Положение немцев ухудшалось тем обстоятельством, что крестьянское население в своей массе относилось к партизанам весьма сочувственно и помогало им всем, чем могло.

Недоверчивы были партизаны. Вся обстановка, в которой им приходилось действовать, вынуждала их к сугубой осторожности: за каждый неосторожный шаг приходилось расплачиваться ценой крови. Поэтому, они редко сплачивали свои силы для совместных ударов, предпочитая действовать в одиночку. Сделанная ими в начале августа попытка занять Новгород-Северск была с большим уроном отбита и эта неудача в значительной мере подорвала их веру в свою силу. Для того, чтобы собрать их всех воедино нужно было авторитетное имя, нужны были товарищи, которые бы рядом смелых побед вселили к себе доверие в душу партизан. Командиру червонцев—тов. Примакову выпала задача привлечь к себе смелым делом сердца „волков“, стать их вождем. Та же работа легла на Щорса (будущего Комдива 44) в районе Унечи и на тов. Боженко в районе Ямполья.

Первый удар. Дело под Воробьевкой.

Скоро червонцам представился случай проявить себя. В селе Воробьевке стоял батальон немцев, уже не раз громивший партизан и много жизней вырвавший из их рядов. Не один партизан пал от пулеметов Воробьевского батальона и не одна груда развалин по деревьям доказывала губительную силу немецкой артиллерии. „Отомстить“—стало лозунгом партизан. Связавшись с ними, червонцы решили захватить Воробьевку.

В ночь с 13-го на 14-ое августа отряд их на пароме переправился через реку Десна в составе 100 сабель при 4 пулеметах Максима и 12-ти Льюйса. К делу примкнул пар-

тизачский атаман Черняк с 300-ми пехотинцев при 10 пулеметах и взводе артиллерии. Составлен был следующий план: пехота Черняка ночью с восточной стороны врывается в село Воробьевка, и налетает на дом попа, где помещается штаб немецкого батальона; часть пехоты специально выделяется для занятия предполагаемого сборного пункта немцев у церковной стены на площади; артиллерия, стоя за селом, должна быть готова открыть огонь по тому или иному месту, где укрепятся немцы; конница располагается в рощице к западу от села Воробьевки, где проходит дорога на местечко Смячь и Новгород-Северск—дорога, по которой предполагалось отступление немцев.

Одни из первых партизан

Сидят: (слева направо) Ауссем, В. Затонский, Г. Пятаков.

Стоят: Ю. Копюбинский, А. Бубнов.

Перед утренней зарей Черняк атаковал Воробьевку. Разбуженные немцы отступили за село, где нарвались на кавалерийскую засаду и были встречены огнем из пулеметов и ружей спешенных казаков (конной атаке мешало небольшое болото, через которое шли немцы). Рота немцев залегла в коноплю; спешенные казаки решили выбить их оттуда. Немногим больше 40 они пошли навстречу немецкой роте в пешем строю с шашками наголо, с бомбами в руках. Бой длился 20 минут. Рота немцев, забросанная бомбами, зная, что село занято, что связь с полком перерезана, защищалась отчаянно, но казаки, ободренные успехом занятия села и взбешенные потерями еще яростнее вели атаку. Весь батальон немцев за исключением 40 человек во главе с унтером, успевших пройти на север, пал под ударами червонцев. До 80 человек было перебито в селе, а 150 пало за селом от руки скрытых в засаде казаков. Наши потери: 36 пехотинцев, 4 убитых и 8 раненых казаков. В числе убитых—адъютант командира полка тов. Г а н ж а, сотник тов. К о р о п е ц, взводный командир Ч у п р и н а, ординарец командира полка И б р а г и м Ф р о л о в.

Ожесточение во время боя доходило до колоссальных пределов. Правофланговый казак, тов. Литвинов, здоровенный детина—косая сажень в плечах, заплакал от обиды, когда его винтовка вдруг засорилась и перестала стрелять.

„Чего же ты плачешь“—обратился к нему один из казаков.

„Стрелять нельзя!“—злбно тыкая винтовку крикнул казак.

„Да вон у тебя „наган“ за поясом“.

„Тьфу, я и забыл“—повеселел казак и с „наганом“ рванулся в бой.

Уничтожив противника и забрав весь его обоз—30 подвод с обмундированием, партизаны стали отходить за реку. Слух о Воробьевском бое распространился далеко по всей нейтральной зоне и по ту сторону границы. Сотни повстанцев потянулись из Украины под красные знамена. Совместно с червонцами они пробовали свои силы в стычках с немцами и гайдамаками, своими налетами не раз вселяя бодрость в сердца ждущих освобождения крестьян.

Партизаны объединяются с червонцами.

К концу августа все партизаны Новгород-Северского района группировались вокруг атамана червоно-казачьего полка, разбившись на 3 куреня по 1000 человек в каждом. Впоследствии из них один курень был передан атаману Боженко для доформирования Тарашанского полка, один курень—Щорсу для доформирования Богунского полка, а из 3-его куреня был сформирован Новгород-Северский полк под командой Черняка. Самый полк Червоного Казачества пополнился 200-ми конных повстанцев и конной 4-х орудийной батареей.

Штаб червоно-казачьего полка расположился в селе Хильчичи, откуда, опираясь на объединенных партизан, и повел систематическую борьбу с немцами, выполняя директивы т.т. Ауссема и Пятакова, занимавших со Штабом село Зерново.

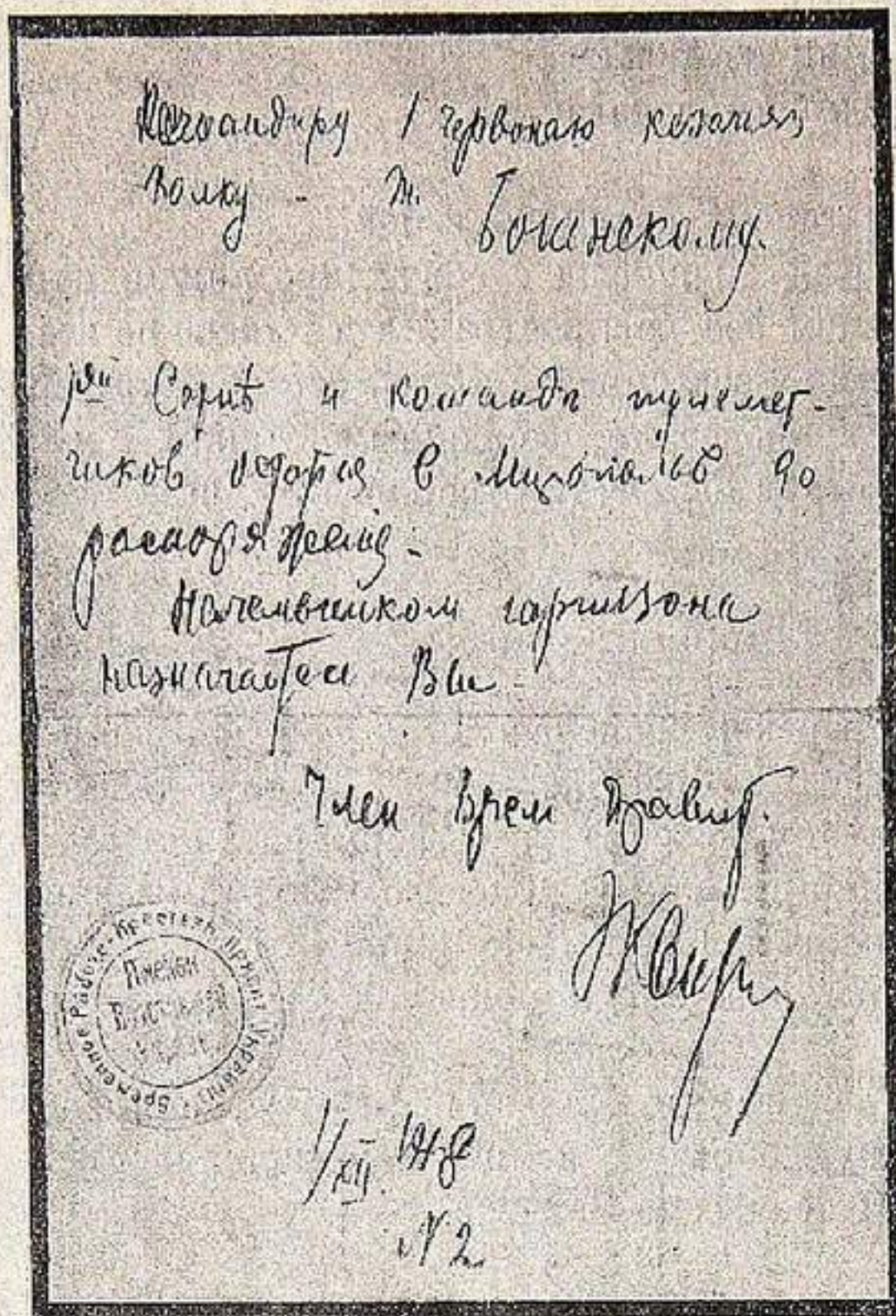
У реки Десны. „Щелчки по носу“.

Только река Десна отделяла нас от немцев и через реку простым невооруженным глазом можно было видеть немцев, разгуливающих со своими дамами верхом и в экипажах. Часто гуляющие группы, разыскивая при помощи бинокля прятаявшихся партизан открывали по ним стрельбу, словно занимаясь веселой охотой. Вид издевающихся немцев раздражал партизан, а постоянная слежка, не дававшая даже спуститься к воде напоить коней, заставила партизан принять меры к прекращению прогулок „любителей сильных ощущений“. В немецкий штаб отправили предупреждение с требованием прекратить увеселительные прогулки. В ответ на это немцы в ближайший праздничный день выслали еще в большем числе на берег и... попали под меткий огонь, сидевших в засаде червонцев.

Потеря нескольких тучных обер-офицеров заставила других немецких командиров относиться с большим уважением к приказам червоных атаманов. Ни один не показывался за пределы города без сильного конвоя. При сношениях с другими городами и деревнями наряжали целые отряды. Но даже в своих штабах, на своих квартирах, немцы не были в безопасности: каждую ночь какая-нибудь смелая группа партизан наводила на них панику своим неожиданным нападением, своими внезапными налетами, то с другой стороны Десны, то с ближайших деревень. Немцы начинали понимать, что значит партизанская война с придушенным, но не уничтоженным народом.

25-го августа, когда немцы праздновали свою победу над якобы разбитым отрядом партизан и устроили по сему поводу в народной школе бал, группа партизан проникла в село, скрытно подошла к школе и бросила туда более 10 пятифунтовых ручных гранат системы „Новицкого“. Большое число убитых немецких офицеров и солдат было

Из документов прошлого.

Предписание тов. Багинскому, замещавшему тов. Примакова, от Сов. Правительства Украины. На документе печать: „Именем восставшей Украины“.

Повстанческие курени сводятся в 1-ю Украинскую Повстанческую Дивизию, атаманом которой назначается тов. Кропивянский.

Червонцы перебрасываются на другой участок, в район города Мирополье, Суджанского уезда, Курской губернии, на Харьковское направление. Здесь, в районе города Мирополья, они пополняются конной сотней, действовавшей на свой риск и страх под командой атамана Бреусенко — пьянчужки и дурака. Полк состоял, таким образом, из двух большого состава конных сотен.

Третья конная сотня составила из немцев и мадьяр, которые перебежали на нашу сторону из немецкой армии, после революции происшедшей в Германии. Командовал ею сотник Маркутан-спартаковец, храбрый командир.

Вторая конная сотня, состоявшая из партизан атамана Бреусенко в один из переходов учинила грабежи, насилия над женщинами и взбунтовалась. Ее разоружили и спешили.

Виновные, из числа наиболее разложившихся, тут же перед лицом остальных сотен были зарублены, часть была посажена в вагон и отправлена в распоряжение командующего в Курск для предания суду, а наименее виновных простили и влили в другие сотни.

ответом на их праздник, а партизаны, потеряв одного товарища, ушли в свое логовище.

Немцы, взбешенные целым рядом нападений, сожгли села Воробьевку, Шептаки и местечко Смячь, а в целом ряде других деревень выжгли целые районы. Широким потоком разлилась по Украине немецкая месть. Вдохновляемые украинской буржуазией, немцы все усиливали свои репрессии.

Именем гетмана один из повитовых старост кулак Жоткевич объявил приказ о награде за головы Пятакова, Ауссема и Примакова в 700.000 карбованцев. Примаков послал ему сообщение, что на его взгляд эта цена слишком низка и в доказательство, выслав специальный отряд, забрал у Жоткевича весь его скот на сумму по тогдашнему курсу до 2 миллионов карбованцев.

Борьба становится регулярной. Военнопленные в рядах червонцев.

Борьба с немецкими оккупантами становилась все более и более регулярной. Все растущее число повстанцев заставило начать с ними регулярное обучение, как в настоящей армии. Обучение велось так лихорадочно и с таким глубоким интересом, что после 3—4 недель отряды были хорошо подготовлены в строевом отношении. Отличное знание местности увеличивало их боевое значение.

Тов. Маркутан.

Весь ноябрь и декабрь червонцы партизанили в районе Мирополья, имея дело с барскими кирасирами. Тяжелые на подъем кирасиры с трудом попевали за быстрыми, легкими казаками и неоднократно потрепанные в отдельных стычках привыкли уважать червонцев. Между обоими сторонами установились какие-то рыцарские отношения. Вошло в обычай после боя предоставлять каждой стороне возможность убрать трупы павших. Конечно, червонцы, пользуясь случаем, передавали с трупами и прокламации, прибавившие к начавшемуся уже тогда разложению немецкой армии целый ряд ускоряющих мотивов.

В непрерывных боях окреп полк Червоного Казачества. Пролитая кровь, как цемент спаяла казаков. Непрерывные стычки, в которых грудью приходилось прикрывать товарища, создали в полку между казаками тесную дружбу—это кровное братство было крепче всякого иного. От нездоровых элементов усилиями командного и политического состава полк освобождался такими-же путями, как это было в выше описанном случае со второй сотней. Полк был готов к новым боям.

Второй поход на Украину.

Разложение немецкой армии.

Заполонившие Украину части германской армии постепенно, но верно, разлагались. Известия об охватившей Германию революции и свержении Вильгельма ускорили процесс распада. Общее враждебное отношение, встречаемое немцами в чужой стране, все сильнее и сильнее увеличивало их желание возвратиться на родину. Тем более, что дальнейшее пребывание на Украине было сопряжено со все возрастающей опасностью партизанских нападений. Партизанские отряды не давали им покоя. Каждый железнодорожный мостик, каждое местечко, каждую казарму немцам и гетманским гайдамакам приходилось укреплять окопами и обносить проволочными заграждениями. В конце концов немцы готовы были бросить все, лишь бы убраться во-свояси.

Революция в собственной стране изменила их отношение к революционному движению на Украине. Реакционный гетман Скоропадский уже не имел той опоры в немецких войсках, какой пользовался раньше. Бывали случаи, что отдельные наиболее революционно-настроенные немецкие части сдавали партизанам имевшееся у них оружие, а сами возвращались в Германию.

Наши силы.

В конце декабря 1918 г. Украинское Советское Правительство об'явило 2-й поход на Украину. В его распоряжении имелись: дивизия пехоты—в районе Новгород-Северска под командой тов. Кропивянского и еще 1 пехотная дивизия в районе Льгова-Белгорода под командой тов. Дуссема. Червоно-казачий полк в командном отношении был подчинен последнему. Таким образом, Советское Правительство располагало: 8-ю полками пехоты в среднем по 3—4 тысячи штыков в каждом и одним полком конницы в 300 сабель.

Полоса атаманины. Наши задачи.

Зоны влияния на партизанское движение, разгоравшееся на Украине, резко делились на две части. На Правобережьи восстанием руководили петлюровцы, на лево-бережьи—коммунисты. Отряды партизан, возникавшие стихийно, никому неподчиненные, не отдававшие себе ясного отчета к кому идти, шедшие просто против реквизиционных отрядов, против карательных экспедиций гетмана, против немцев, стоявших по их селам, наводняли всю Украину. Фактически к моменту развития немецкой революции, когда разложилась оккупационная армия, когда в ней возникли советы, когда на правом берегу

петлюровцы изгнали гетмана и сами стали у власти, Украина оказалась в руках атаманов партизанских отрядов. Эту полосу можно назвать—полосой атаманины.

С одной стороны действовали петлюровские отряды, с другой—повстанческая дивизия Советского Правительства. В разных пунктах Украины оперировали отдельные крупные атаманы. К числу последних нужно отнести подчинившихся Петлюре Балбачана, Ангела, и Григорьева, подчинение которых однако было скорее на словах, чем на деле.

Совершенно независимо действовали атаман Махно и ряд других мелких атаманов, вызвавших на Украине полосу анархии. Обосновавшись в том или ином уездном городке, они издавали свои законы, называя их или декретами или универсалами, а то просто приказами атамана такого-то, или наказами батьки такого-то.

Одновременно с подавлением гетманско-гайдамацких сил перед Советским Правительством стало две задачи: борьба с Петлюрой, олицетворявшим интересы мелкой буржуазии, и обуздание атаманской вольницы.

Харьков-Люботин.

Дивизия Ауссема, в составе которой находились и червонные казаки ударила в общем направлении на Харьков-Полтаву. Под городом Белгородом 6-й Укр. Стрелковый полк разгромил петлюровский корпус атамана Балбачана, после чего тот отступил к станции Люботин.

В первых числах января 1919 г. Советские войска, в том числе и червонцы, вступили в Харьков, уже захваченный изнутри восставшими рабочими. Задержавшись здесь всего лишь на один день, червонцы совместно с 5-м полком направились к станции Люботин навстречу Балбачану, который уже оправился после понесенного им поражения и пытался наступать на Харьков.

5-й полк завязал с противником, упорный лобовой бой, а казаки с севера обошли Люботин и атаковали его в конном строю. Одна полусотня отрезала отступление петлюровцам к северо-западу. Атака закончилась взятием станции Люботин, причем были захвачены пленные, 18 паровозов и до 300 вагонов. Остатки корпуса Балбачана бежали на Полтаву.

Первая годовщина.

10-го января 1919 г. червоно-казацкий полк праздновал свою первую годовщину. Суровое празднество... Едва закончив один бой и уже готовясь к новому, приняли казаки от Украинского Рабоче-Крестьянского Правительства почетный красный штандарт, отмечающий их боевые заслуги. Штандарт этот с надписью „Славным червоным казакам от Украинского Временного Рабоче-Крестьянского Правительства“ был вручен на параде членами Правительства—Юрием Пятаковым (одним из первых червонцев) и Затонским.

12-го января полк выступил из Люботина на Полтаву, преследуя отступавших петлюровцев. Для отдыха не было времени, разгоравшаяся борьба звала червонцев на новые битвы.

По пути на Полтаву.

Наступление на Полтаву велось одновременно несколькими частями 2-й Советской Повстанческой Дивизии. По железной дороге Люботин-Полтава наступал 5-й Повстанческий полк тов. Шмидта, правее его 6-й тов. Киселя. Червоно-казацкий полк продвигался южнее железнодорожной линии Харьков-Полтава по большому Полтавскому шляху через город Валки.

Урок немецкой оккупации не прошел даром для украинского пролетариата и крестьянства: полк все время пополнялся новыми добровольцами. На каждом привале при-

ходили они и просили записать. Принимали, требуя только удостоверения Совета, что ни в чем предосудительном не замешан и в армии Петлюры не служил. Вслед за полком шла пешая сотня. В эту-то сотню и направляли всех вновь вступающих в полк. Ремонтная полковая комиссия по пути пополняла конский состав, мобилизуя крестьянских лошадей. Крестьянская молодежь зачастую приходила уже с лошадьми, причем бедняки крали их у кулаков, а очень часто записывались добровольцами и кулацкие сыны, захваченные общей волной революционной борьбы.

К моменту выхода на линию Днепра Повстанческая Армия выросла до 4-х дивизий, причем в каждом из ее полков насчитывалось по 4—5 тысяч штыков при большом числе пулеметов.

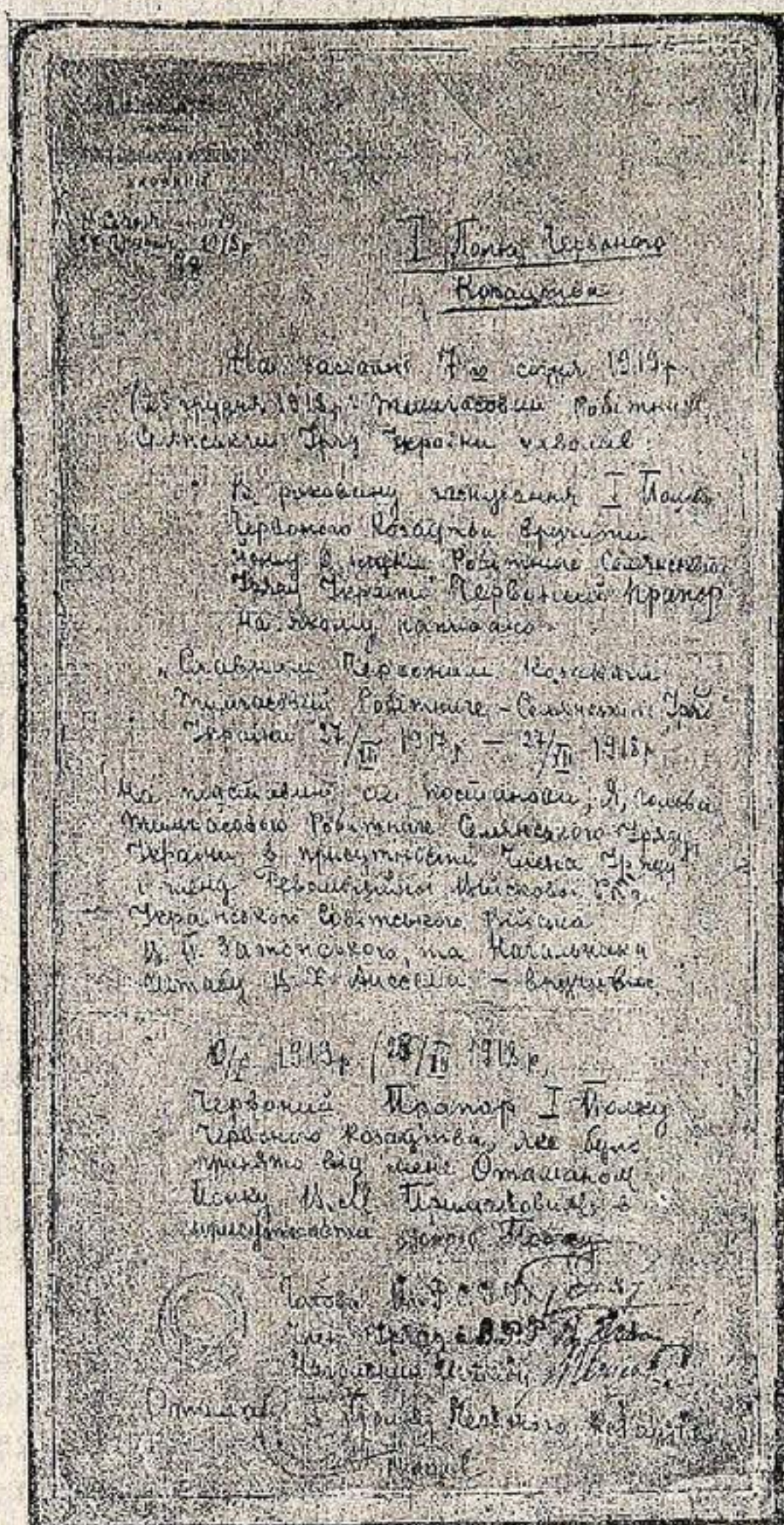
Необходимо отметить, что того единства командования, которое выросло впоследствии в процессе гражданской войны, тогда еще далеко не было. Отдельные части, получая общее задание, выполняли его в дальнейшем почти независимо от руководства высшего командования.

Получив задание наступать на Полтаву, каждый полк шел отдельной колонной, самостоятельно разрешая возникающие в пути продвижения боевые задачи. Лишь на подступах к Полтаве дивизия была объединена до известной степени в руках Лензовского (начдива) и, главным образом, — его наштадива — Барабаша, полковника сербской службы, человека большой энергии.

14-го января полк подошел к местечку Коломак, что в 10 верстах южнее станции Коломак. Высланная разведка донесла, что местечко занято пехотой противника, неизвестной численности. Решено было начать атаку, чтобы попытаться разбить противника или по меньшей мере боем задержать его до подхода пехоты. 1-я сотня под командой пом. атамана тов. Туровского получила задание вести атаку с юго-запада, 3-я сотня с юга, 4-я с востока, пешая сотня на подводах должна была в'ехать на окраину села и в пешем строю начать уличный бой. Артиллерии отдан был приказ открыть огонь по району церкви, возле которой предполагалась площадь и на ней естественное скопление солдат противника.

Противник однако успел подготовиться к бою. Сотники, не привыкшие к самостоятельным действиям, действовали неуверенно. Положение осложнялось тем, что сотни были пополнены массой добровольцев, необученных, неспаянных, необстреленных. Атака, начатая одновременно, велась без должной энергии и во всех пунктах была отбита противником. Сотни спешили и засели на окраине села, пытаясь в пешем строю до-

Из документов прошлого

Грамота, врученная со знаменем в день годовщины Червоного Козачества.

достичь победы. Однако огонь неприятельской пехоты (примерно свыше 500 стрелков при пулеметах, 4-х орудиях и 2-х бомбометах) заставил атакующих остановиться, а затем и отступить. В этот момент, с востока подошло подкрепление—5-й Стрелковый полк. Дружным ударом пехота и казаки выбили противника и заняли местечко, а вслед за ним и станцию Коломак. В результате боя были захвачены пленные и пулеметы.

Полтава—Кременчуг. „Лопни, да держи фасон.“

Отдохнув один день, 16-го января полк выступил на Полтаву. В ночь на 19-е января Полтава была взята частями 2-й Советской Стрелк. дивизии и червонными казаками. В Полтаве червоно-казачий полк был подчинен в оперативном отношении начальнику 2-й Советской Стрелковой дивизии.

После 3-х дневного отдыха в городе красные части двинулись к Кременчугу. В сильную снежную вьюгу при морозе ниже 11 градусов продвигались червонцы походным порядком по большому шляху Полтава—Кременчуг. Этот трудный переход, совершенный в 3 дня, чрезвычайно сплотил полк. Молодые добровольцы научились равняться по „старикам“, вместе с ними перенося невзгоды похода. Бодрость стала обязательным качеством червонцев: „Лопни, да держи фасон“—говорили молодые казаки после этого памятного перехода.

Взят Кременчуг.

В последних числах января червонцы от местечка Омельник и 5-й Стрелковый полк от станции Поток подошли к Кременчугу. После кратковременного боя пехота противника была сбита нашей пехотой. Кременчуг оказался в наших руках. В этом бою отличился 5-й Стрелковый полк. Его главная заслуга заключалась в том, что он не только сбил пехоту врага, но и, переправившись пешком по льду через Днепр, захватил Крюков-Посад и отрезал противнику отступление, в результате чего нам досталось много пленных, большие обозы и большие трофеи.

Стоянка в Александрии.

Не задерживаясь в Кременчуге, червоно-казачий полк форсированным маршем двинулся к городу Александрии, взял его и стал там на отдых. Стоянка была необычная для полка по своей продолжительности—более двух недель. В течение этого времени спайка между казаками полка значительно усилилась, а боевой уровень повысился, благодаря усиленным строевым занятиям.

Добровольческие пополнения дали возможность довести состав полка до шести конных сотен. Ежедневно шло обучение конному строю, фланкировке. К концу февраля полк принял вполне боевой вид; в строю было до 700 сабель при 30 пулеметах Максима, одна пешая сотня в, 350 человек и конно-полевая 3-х дюймовая батарея.

И в хвост и в гриву.

Выступив из города Александрии в последних числах февраля, полк был погружен на ст. Корыстовке в эшелоны и переброшен в г. Бердичев. К этому времени петлюровцы занимали линию Литин—Жмеринка. Высадившись на ст. Бердичев, полк направился по маршруту г. Хмельник—Летичев—Деражня для удара по тылам противника. Одновременно 1-й Кавполк тов. Гребенки действовал в направлении Литин—Бар. Две конные группы, каждая до 700 сабель шли параллельно друг другу, внося расстройство в тыл противника и своими неожиданными нападениями наводя панику на петлюровцев.

У г. Литина Черноморский Кош противника был атакован и разбит 1-м Кавполком Гребенки. Артиллерия Коша целиком была взята кавалеристами. Остатки противника бежали на Летичев, но по дороге попали под удар червоновцев и были уничтожены.

Противник, не привыкший к маневрированию, стремившийся воевать вдоль железных дорог, был ошеломлен этими внезапными ударами и от Жмеринки бежал к Деражне. Как раз туда же шли и червонные казаки. Раз'езды полка, утром выступившего из Летичева, обнаружили в районе с. Черемошня, к северо-востоку от м. Деражни, пехоту противника, силой до 400 штыков, направляющуюся к г. Летичеву. Авангард полка завязал бой. Атаман усилил авангард (довел его до двух сотен), приказал спешиться и задержать огнем пехоту. Две сотни полка с атаманом во главе обошли фланг противника через село Черемошня; третья сотня обошла другой фланг противника, продвигаясь в направлении на с. Шпигинцы и оттуда по шоссе на м. Деражня. В случае, если бы авангарду понадобилось подкрепление в распоряжении помощника атамана была оставлена еще одна резервная сотня. Две сотни полка атаковали петлюровцев в тыл и во фланг; авангард сел на коней и повел атаку в лоб; третья сотня от с. Шпигинцы ворвалась в м. Деражню. В результате боя противник понес жестокий урон: батальон пехоты „Галицких Січових Стрільців“ частично изрублен, частично взят в плен; м. Деражня осталось за нами; сидевшие в эшелонах петлюровцы отступили на Проскуров.

В этом деле некоторую помощь нам оказали местные крестьяне-повстанцы: они обстреляли и захватили обоз противника. Громадная работа, проделанная в г. Александрии во время стоянки, сказалась в этой победе над „січовиками“. Выучка и спайка дали победу—победа окрылила полк на дальнейшую борьбу.

Петлюровцы показывают кулак.

Стоянка в м. Деражня продолжалась около недели. К этому времени обстановка на Подолии и Волыни сложилась так: оттесненный червонцами и 1-м Кавполком противник, отступив до г. Проскурова, занимал довольно крупными силами линию Проскуров—Старо-Константинов.

В районе ст. Шепетовка противник сгруппировал довольно сильный кулак и в середине марта 19 г. нанес серьезный удар 1-й Советской дивизии т. Щорса в направлении г. Житомир—ст. Коростень. Сбив 1-ю дивизию, противник занял Бердичев и развивал наступление на Казатин. Чтобы укрепить наше пошатнувшееся положение, на Шепетовское направление были переброшены части 2-й Стр. Советской дивизии. 5-й полк спешно по узкоколейке был направлен к г. Хмельнику для удара во фланг противника.

Первый рейд червоновцев.

Червоно-казачий и 1-й кавполки получили задание сделать рейд на Шепетовку и разгромить тылы противника. Обе последние части были сведены временно в бригаду под начальством т. Крючковского. В виду особой важности задания, в бригаду прибыл начдив 2 т. Барабаш и лично отправился с ней, фактически командуя все время рейда.

Во второй половине марта, назначенная в рейд сводная бригада выступила, имея головным черказполк по маршруту Меджибож—Старо-Константинов. Первый Кавполк под командой тов. Гребенки, стоявший в Баре, должен был догнать червоновцев, но, как выяснилось впоследствии, не смог выиграть расстояния по причине бездорожья и продвигался за червоным полком, все время отставая на полупереход.

Полевая батарея червоновцев отстала, но горная, сформированная в Деражне, шла вместе с полком.

Мост... из полушубков.

Среди казаков царило приподнятое, бодрое настроение. Встречавшиеся по пути препятствия преодолевались дружно и с большой находчивостью так, например, между с. Меджибож и м. Пилява путь казакам перерезало болото, в котором застряла горная батарея. Выход вскоре был найден: казаки сняли свои бурки, шинели, полушубки и бросили их в грязь под колеса и таким образом по этому, никакими инженерами непредусмотренному, мосту вывезли всю артиллерию.

Налет на Старо-Константинов. „Я атакую“.

После второго перехода полк ночевал в 12 вер. от Старо-Константинова. В то же время 1-й Кавполк остановился между Меджибожем и Пилявой. На рассвете следующего дня между атаманом черказполка и т. Барабашем произошло совещание, атаковать ли Старо-Константинов немедленно или ждать прихода кавполка. Командир бригады Крючковский участия в совещании не принимал, находясь в это время при 1-м Кавполку и не имея связи с головным отрядом. Барабаш заявил атаману: „Ответственность за неудачу падет на вас, равно как и слава в случае удачи. Решайте сами“. Атаман ответил: „Я атакую.“

Определенных сведений о противнике не было, предполагалось, что в городе расположено 500—700 неприятельских пехотинцев. Был отдан приказ по полку: одна сотня и батарея становятся у хутора, что в 3-х верстах к востоку от города; две сотни под командой куренного атамана Маркутана атакуют в лоб, атаман полка с тремя сотнями обходит г. Старо-Константинов через село Григоровку и атакует с юго-запада — в тыл. Атаку начинать в 11 ч. 45 м. Артиллерии стрелять лишь в случае неудачи, или при появлении бронепоездов противника; в городе не рассыпаться, действуя не менее чем взводом.

Сотни разошлись для выполнения данных им заданий, скрытно и быстро маневрируя. Три сотни с атаманом во главе на рысях прошли через село Григоровку, оставили один взвод для порчи железной дороги и двинулись к городу. Не доходя версты, остановились; отдан был приказ спешиться, оправить седловку и подтянуть подпруги.

Без 20 минут двенадцать—команда „садись“. Сотни на рысях вышли из-за рощи, развернулись и галопом понеслись в город. Одна сотня бросилась к вокзалу и казармам, а две остальные в город. Одновременно послышалась стрельба на восточной окраине города—атаковал Маркутан. Лишь одиночные выстрелы встретили червонцев: противник не ожидал нападения. На улицах города началась рубка отдельных групп пехоты и офицеров. У городской площади атаман полка т. Примаков и куренной атаман Маркутан встретились и салютовали саблями—город был взят. Захвачено 56 офицеров и много солдат. На станции остался паровоз и до 30 вагонов, в казармах 3 исправных автомобиля.

Командир горной батареи соорудил из паровоза и платформы „бронепоезд“ и выехал на разведку в сторону Шепетовки, вооружив „бронепоезд“ горным орудием. В случае обнаружения бронепоездов противника он должен был взорвать ж.-д. путь в сторону Шепетовки. Полк расположился на окраине города и в д. Григоровке, где можно было получить необходимый для конского состава фураж. Всем казакам было объявлено: „За грабежи—расстрел, за воровство—нагайки“.

Устроившись на ночлег, полк выставил кольцевое охранение заставами, непосредственно охраняясь пулеметами.

Бой у озера. 1700 пленных.

От Первого Кавполка прибыла связь с сообщением, что полк ночует в 10 верстах от города и с рассветом выступает в город Старо-Константинов. Утром следующего дня

Из документов прошлого.

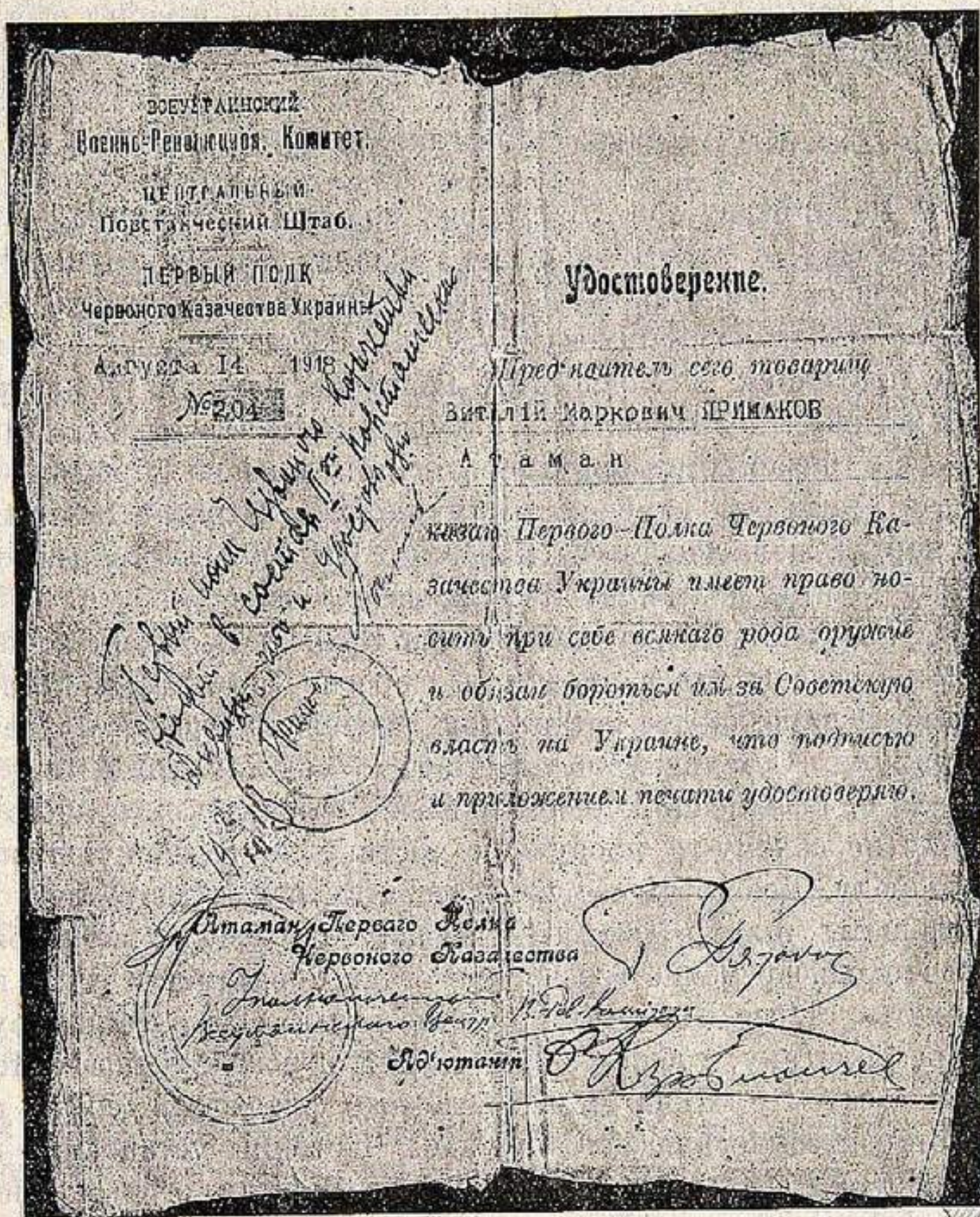
от заставы, стоявшей в м. Кузьмин, прискакал казак с донесением, что застава ведет бой с пехотой противника, которая в большом числе наступает от г. Проскурова. Тов. Примаков приказал одной сотне оставаться в городе до прихода 1 Кавалерийского полка, остальным же 5-ти сотням выступить к местечку Кузьмин, бронепоезду разведывать Шепетовское направление. Задача — удержать город за собой во что бы то ни стало до прихода 1-го Кавполка.

Полк сосредоточился в селе Воронковцы, что в 6 верстах юго-западнее г. Старо-Константинова. Одна сотня на рысях была выслана к м. Кузьмин — занять переправу через реку Случь, другая выдвинута от села Воронковцы прямо к юго-западу также по направлению к м. Кузьмин. Обе сотни спешили и завязали огневой бой. С воронковской колокольни видно было озеро к юго-западу и западу от м. Кузьмин и большое поле, на котором медленно разворачивались силы противника численностью до 2000 штыков.

По распоряжению атамана горная батарея снялась с передков и открыла огонь по пехоте противника. На поддержку высланной к м. Кузьмин 5-й сотне вышла еще полусотня; две сотни под командой Маркутана двинулись к деревне Верхняки, чтобы обойти фланг противника и, повернув от шоссе прямо к озеру, атаковать противника в тыл и фланг. Остальным сотням был дан приказ поддержать атаку Маркутана и сбросить противника в озеро. Петлюровцы, развернувшись спиной к озеру, были атакованы с трех сторон, отброшены к озеру и уничтожены. Взято в плен 1700 пехотинцев.

Пленные показали, что действовавшие в этом бою петлюровские части составляли, так называемую, Херсонскую дивизию доктора Луценко, личного друга Петлюры. Сам Луценко был убит полусотником Огерманом. Казна дивизии, артиллерия и пулеметы остались в наших руках.

Дружно, лихо вел атаку полк. Наиболее отличились первая и третья сотни (одна приняла участие в обходном движении, другая атаковала через м. Кузьмин). В первой сотне тяжело был ранен полусотник Кривенюк, в третьей несколько лиц комсостава. Кроме того, с нашей стороны в результате боя выбыло из строя до 40 казаков. В техническом отношении вооружение наших частей, участвовавших в этом бою, оставляло желать

Удостоверение В. М. Примакова.

много лучшего: третья сотня, например, была вооружена французскими рапирами образца 1818 года.

К концу боя в г. Старо-Константинов прибыл 1-й Кавполк и сменил уставшее сторожевое охранение червонцев.

Захват Из'яславля. Под пулеметами—через мост.

По приказу тов. Барабаша бригада выступила с рассветом следующего дня на Шепетовку, и первый переход сделала до с. Вербовцы, где и ночевала.

Здесь же состоялось совещание т.т. Барабаша, Крючковского и Примакова по вопросу о дальнейших военных действиях. Решено было нанести удар не на Шепетовку, где противник, извещенный о разгроме дивизии Луценко, был очевидно уже готов нас встретить, а на Из'яславль, откуда действовать по тылам противника западнее Шепетовки.

В 10 час. утра бригада выступила из м. Вербовцы через с. Зубари к Из'яславлю. План атаки был намечен таким образом: Первый Кавполк атакует Из'яславль с востока и портит жел. дорогу на перегоне Шепетовка—Збараж; Первый Черказполк переходит реку Горынь и атакует Из'яславль с запада.

Укрывшись за лесом, Первый Кавполк поставил на позицию свою артиллерию и выслал раз'езды для взрыва жел. дороги. Первый Черказполк оставил на южной окраине парка Климовка две сотни при горной батарее с приказом наступать через фольварк Прилуки. Остальные четыре сотни со штандартом под командой атамана двинулись через с. Васьковцы к реке Горынь, переправились через нее наполовину вброд, наполовину по какому-то плывучему мостику и, развернувшись для атаки, на рысях пошли к городу. Две сотни с куреным атаманом Маркутаном получили приказ атаковать по большому шляху Острог—Из'яславль, а две других—прямо через кладбище на город. Почти одновременно все четыре сотни ворвались в город и начали рубку неприятельской пехоты. Через 10 минут старый город был в наших руках и первая сотня карьером через плотину, соединявшую старый и новый город влетела в новый город. Немедленно, вслед затем плотина была взята под фланговый огонь пехотой противника, засевшей в старом замке князей Сонгушко. Червонцы установили на старинной башне, стоявшей у плотины, 12 пулеметов Льюйса и открыли огонь по пехоте противника. Устроенные в неподалеку расположенном монастыре 6 тяжелых пулеметов одновременно начали обстрел нового города, по улицам которого носились взводы первой сотни и бегала пехота противника.

Тов. Примаков приказал разведсоте тов. Потапенко оставаться в старом городе, наблюдать Острог, Слауту и охранять пути отхода; третьей и пятой сотням ворваться со штандартом в новый город. Однако, головная третья сотня, видя огонь, который вела по плотине пехота и пулеметы противника, замялась. Атаман дал распоряжение своему ад'ютанту вести третью сотню через плотину. Ад'ютант т. Кузьмичев скомандовал сотне: „За мной“ и галопом поскакал через плотину, но только два взвода из всей сотни пошли за ним. Тогда атаман полка закурил трубку и шагом поехал через плотину. Едва успел он доехать до половины плотины, как за ним с гиком и ревом ринулись остатки третьей и пятая сотня. Ворвавшись в новый город, червонцы изрубили пехотинцев и захватили штаб корпуса, при взятии которого убили 5 генералов и несколько десятков офицеров петлюровских и „галицких січових стрільців“.

Перед атакой слышна была сильная оружейная и пулеметная стрельба в районе станции. Пехота противника обороняла станцию и занимала замок у реки Горынь силой до 400 штыков. Ручными гранатами казаки выбили из крайних комнат замка пехоту, через стену и через окна в пешем строю ворвались в замок и начали там рукопашный бой. Только несколько минут продолжалась борьба: галичане сдались. Покончив с замком,

полк с тыла ударил на станцию и помог кавполку занять ее. Бой был закончен. Из'яславль взят.

Нам досталось несколько сот пленных, в их числе один генерал и несколько десятков офицеров. В числе других трофеев оказалось: 9 автомобилей, склад оружия и эшелон с грузеными на платформах орудиями и снарядами.

Пленные показали: в Шепетовке стоит дивизия „Січових Стрільців“, в Славуте—полк, в Остроге—тоже самое; по линии Шепетовка-Славута курсирует четыре бронепоезда, в Шепетовке при дивизии есть три бронеавтомобиля. О взятии г. Старо-Константинова и движении нашей конницы на мес. Шепетовка им было известно, удара они ожидали с востока, откуда наступал полк т. Гребенко; атака с запада—полная неожиданность.

Рейд окончен. Бой под Шепетовкой.

На следующий день переночевав в г. Из'яславле и в соседних селах бригада выступила к м. Шепетовка и попыталась атаковать Шепетовку с запада, но огнем пехоты, бронепоездов и бронеавтомобилей была отбита. 1-й Черказполк пытался взорвать железнодорожную линию Славута—Шепетовка, но бронепоезда и пехота противника не дали ему возможности осуществить эту попытку. Тогда бригада, охватив м. Шепетовку с юга и запада начала, упорные бои за обладание ею.

Тем временем, на других участках петлюровского фронта противник в результате действий нашей конницы оставил Бердичев и отошел к м. Полонное, а затем, попав под фланговый удар 5-го Советского стрелкового полка под г. Хмельником отступил непосредственно к м. Шепетовка.

Подошедшие части нашей пехоты обложили Шепетовку с юго-востока и севера; завязались упорные бои с противником. Конница, утомленная рейдом, была отведена в резерв.

Подвиг сотника Рамазана. „Умирая,—убивают“.

Закончившийся рейд был богат примерами героизма и самопожертвования со стороны отдельных казаков и командиров. Во время последних боев под Шепетовкой на разведке был ранен и остался на поле сражения полусотник Рамазан, ингуш родом. К нему подошли галичане и предложили сдаться. Он ответил: „Червонцы не сдаются,—умирая убивают“, вынул маузер и открыл огонь. Несколько галичан было ранено и убито. Последнюю пулю он пустил себе в висок. На следующий день бронеавтомобиль противника привез и бросил у нашего аванпоста письмо галицких офицеров с описанием подвига т. Рамазана и выражением удовольствия, что им приходится сражаться со столь доблестными врагами.

Измена 14-го Миргородского полка.

Бои под Шепетовкой приняли затяжной характер. Противник, обладая мощной артиллерией, бронепоездами, бронеавтомобилями, и опираясь на сеть железных и шоссе дорог, упорно оборонялся.

В разгар боев 14-й Советский Миргородский полк, имевший большой кадр белых офицеров, изменил и, перейдя на сторону противника, повел наступление на с. Городище, занятое червоно-казачьим полком. Это наступление дорого обошлось миргородцам: они парвались на пулеметы червонцев и потеряли до 200 человек убитыми. Измена была наказана, но все же под давлением противника красные части отошли на пятнадцать верст от м. Шепетовка, а вместе с ними отступили и червонцы. Бригада остановилась в районе с. Четырбоки—с. Вербовцы.

Второй рейд. Снова в Из'яславле. Налет на Острог.

В первых числах апреля 1919 года красное командование вновь приказало взять Шепетовку и разгромить Петлюру, в распоряжении которого оставалась территория от м. Шепетовка до границы. По поводу размеров своей территории сами петлюровцы иронизировали: „Ще не вмерла Україна з Шепетовки до Кривіна“

Коннице была дана задача сделать рейд на Острог-Волынский—Кривин. За один переход шедшие в авангарде червонные казаки дошли до г. Из'яславля, уже вновь занятого противником и вторично взяли его конной атакой.

Закончив эту операцию, казаки выступили на Острог по шляху Из'яславль—Острог. К вечеру 1-й Черказполк и 1-й Кавполк подошли к Острогу. 1-му Кавполку было приказано: через с. Межеричи, что южнее Острога, обойти город и атаковать его с юго-запада. Червоно-казачий полк получил задание атаковать с востока. 1-й Кавполк задержался на переправе у с. Межеричи. Не дожидаясь его, стремясь ошеломить противника неожиданностью червонные казаки из леса атаковали город, но огнем стоявших на мосту пулеметов были отбиты. Две сотни спешили и в пешем строю взяли мост. За ними две других сотни в конном строю ворвались в город. Вслед затем вступили остальные части полка. Город был взят. Резерв получил распоряжение преследовать отступающего к ст. Кривин противника.

Захваченный в городе оркестр военной музыки 4-го „Галицького Полка Стрільців“ построился к правому флангу червоно-казачьего полка, собранного на главной площади города, и сыграл марсельезу. С тех пор, посаженный на белых коней, он стал хором трубачей у червонцев.

1-й Кавполк двинулся было к ст. Кривин, но был отбит и отошел к Острогу.

На другой день после взятия Острога петлюровцы от м. Шепетовка отошли к м. Славута, но их оттуда выбили и заставили отступить к ст. Кривин. Обеспокоенный присутствием конницы в своем тылу противник бросил к городу Острогу два полка пехоты при бронеавтомобилях и выбил оттуда нашу конницу.

Но этот частичный успех противника не изменил общего положения: в своей борьбе с Советской властью петлюровщина получила еще раз такой удар, от которого долго не могла оправиться.

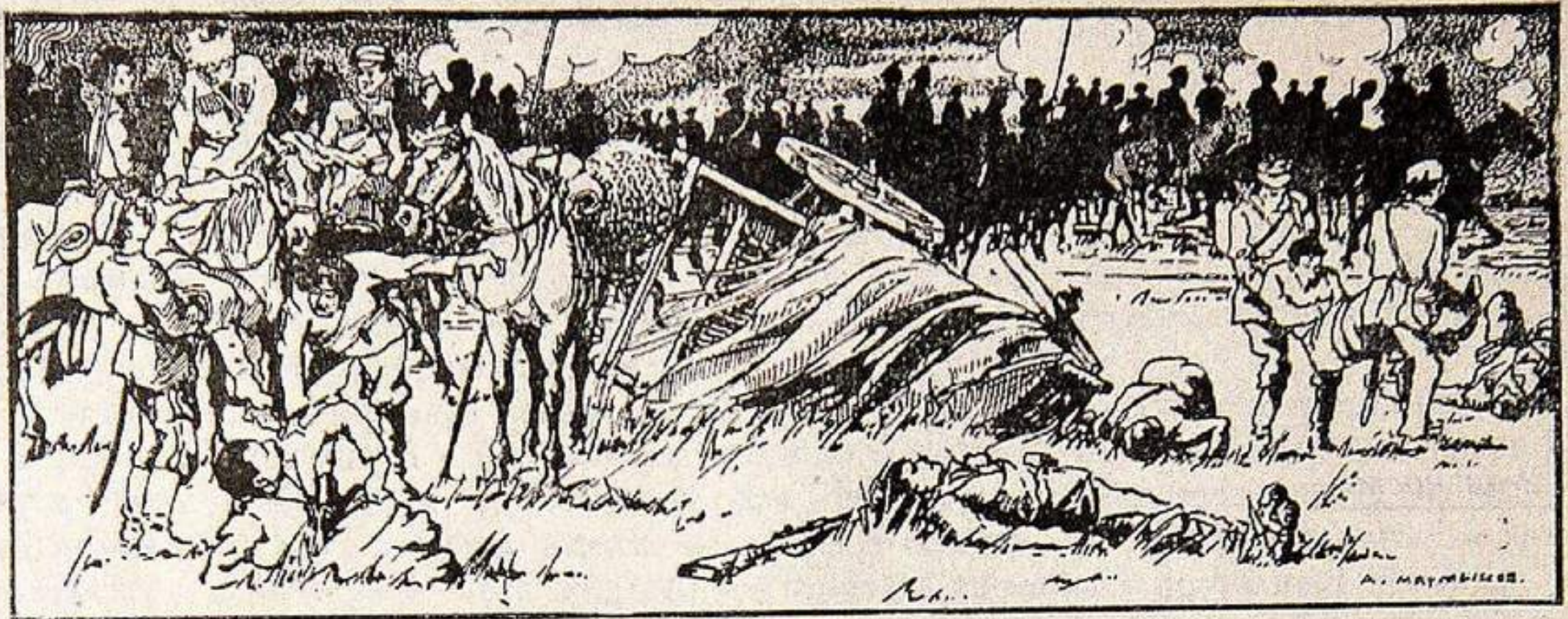

2-ая часть.

В борьбе с белой армией.

май 1919 г.—май 1920 г.

ГОПБ

Под знаком отступления.

На новый фронт.

ПРЕЛЬ 1919 года. Полк Червоного Казачества вместе с другими частями Красной Армии удачно завершает операции по ликвидации петлюровщины. Но с юга уже движется новый грозный враг. Хорошо организованная, в достаточной мере снаряженная иностранной буржуазией, скрепленная офицерством, наступает на Советскую Республику армия Деникина.

Под новым ударом Красная Армия, ослабленная, истрепанная бесчисленными фронтами катится назад, распадается. На Херсонщине в это время вспыхивает восстание атамана Григорьева. Кулацкие банды, раскинувшиеся по всей Украине, подрывают фронт и дезорганизуют Советское строительство, разрушая тыл.

В таких условиях в середине апреля 1919 года червонные казаки снимаются с Петлюровского фронта и перебрасываются на Донецкое направление Деникинского.

Парад в Киеве.

1-го мая полк проходил через Киев, где на площади Богдана Хмельницкого второй раз за свое существование представлялся членам Украинского правительства. Парад принимали т.т. Раковский и Антонов-Овсеенко. За 4 месяца, прошедшие со времени первого смотра в г. Люботине, полк значительно изменился: он вырос и окреп. На параде присутствовало уже 6 конных сотен по 150 сабель каждая, конно-горная и конно-полевая батареи 4-х орудийного состава, конно-пулеметная команда с 40 пулеметами „Максима“ и команда самокатчиков в числе 120 человек. После парада полк был погружен в эшелоны и через Полтаву—Лозовую переброшены на Деникинский фронт.

По дороге, в Лубнах, имел место случай, характерный для того времени.

Среди пехотных частей периода 19-го года распространен был обычай громить при всяком удобном и неудобном случае Чрезвычайные Комиссии. Это веяние коснулось и полка Червоного Казачества.

Проходя через Лубны, казаки были до известной степени спровоцированы самими агентами Лубенского Чека, которые распространили слух, что полк на стороне атамана

Григорьева и не хотели принимать червонцев на станцию Лубны. Казачьей массе это показалось обидным, тем более, что некоторые из чекистов в разговоре со всадниками первого эшелона держали себя вызывающе. Отдельные бандиты, которые, конечно, были и в рядах Червоного Казачества, как и в любой части, воспользовались удобным случаем, чтобы устроить в городе грабежи. Десятка три всадников, выгрузившись из эшелона, в пешем строю напали на Чека, разогнали ее, разграбили оружие, главным образом револьверы. Командир полка—Туровский, замещавший бывшего в отпуску Примакова, расстрелял свыше десяти участников этого грабежа, после чего политработники провели ряд митингов по сотням. Каждая сотня произвела у себя чистку, выгнав из своего состава замеченных в бандитизме казаков. Это оздоровило полк и на новый фронт он прибыл в прекрасном боевом состоянии.

Под натиском врага. На подступах к Полтаве и Харькову.

Первые столкновения на новом фронте произошли в районе ст. Барвенково. Они окончились удачно для полка, но вся армия уже отступала, а вместе с ней начали отходить к северу и червонные казаки, упорно отбиваясь от наседавшего врага.

Это был один из наиболее тяжелых периодов в истории Красной Армии. С одной стороны—упадок духа у красноармейцев, с другой стороны,—безразличие к судьбе Советской власти и даже переход на сторону врага командиров из бывших офицеров.

А реакционные полчища Деникина продвигались все вперед и вперед, почти не встречая сопротивления.

Наконец, после ряда неудачных боев красные части остановились на подступах к Харькову и Полтаве—в районе г. Константинограда. Сдать Полтаву и Харьков—так без боя, нельзя было. Помимо своего стратегического значения, эти города были важны Красной Армии, как материальные базы. Отдать их значило отдать в руки врагам большие запасы военного имущества и без того слабой Красной Армии и тем самым нанести ей сильнейший удар. Необходимо было задержать противника, чтобы успеть произвести эвакуацию.

Хотя наша пехота и была заражена паническим страхом перед конницей противника, но присутствие своей сильной и боеспособной конницы, успевшей заслужить доверие пехотинцев, удерживало их от дальнейшего разложения.

В июне начались упорные бои под г. Константиноградом. Червоно-казачий полк занимал позицию на правом фланге наших действующих частей в с.с. Орчиково, Чернетчино и Руновщина в 15 верстах к западу от Константинограда. Пехота же наша, под давлением противника отойдя на 18 верст к северу, заняла позицию в районе станц. Карловка на северном крутом и высоком берегу реки Орчик, который удерживала за собой до середины июля.

Червонные казаки оказались таким образом уступом впереди своих пехотных частей на фланге противника. Такое положение было выгодно, так как маневренный характер гражданской войны, созданный большими пространствами и малой численностью войск давал коннице возможность действовать на крыльях и в тылу армии противника.

Набег на ст. Кигичевка. С тыла. Бригада ген. Геймана.

Решено было попробовать те же методы, что и на Петлюровском фронте. В Реввоенсовет, состоявший из т.т. Дробниса, Казюры и Егорова было послано ходатайство о разрешении сделать набег в тыл противника.

Ответом был приказ пехотным частям перейти в наступление на Константиноград, а червонные казаки получили задание захватить ст. Кигичевку и разрушить жел.-дор. линию Константиноград—Лозовая в тылу противника.

Задание было получено 16-го июля.

На другой день, полк выступил ранним утром при горной и полевой батареях из села Руновщины, и, обойдя фланг противника, достиг села Лукашевка, где и ночевал.

Высланные в ту же ночь к ст. Кигичевке разведывательная и вторая сотни с конно-подрывной командой на рассвете 18-го июля атаковали ст. Кигичевка, взяли ее, разрушили, взорвали на жел.-дорожном пути стрелки и крестовины, и зарубили комендантскую команду и бывших на станции деникинских пехотинцев.

Вслед за этим дивизион т. Григорьева взорвал мост через реку Воловье у с. Крутоярровка, откуда, захватив с собой коменданта ст. Кигичевка, двинулся на соединение с полком.

Эти операции были облегчены тем, что полк, включившись ночью в телефон противника, выведал все необходимые ему сведения о расположении и силах врага.

В деле у ст. Кигичевка противник потерял много убитых, раненых и 28 человек пленными; с нашей стороны было ранено 8 чел., убитых не было.

У села Новопавловка (Калмыковка) полк соединился с дивизионом и оттуда двинулся на Константиноград в северном направлении. Доносившийся с севера гул кононады свидетельствовал о том, что наша пехота очевидно уже вела наступление, согласно полученного ею приказа.

Подойдя к Константинограду, червонцы ударили на него с юга, т. е. с тыла; противник стал отходить к юго-востоку, очищая город.

Сильный ливень, продолжавшийся весь день 19 июля, лишил нашу конницу возможности широко развернуть свои действия.

На другой день, с рассветом червонцы атаковали с. Шахово, что к югу от г. Константинограда, выбили оттуда конно-гвардейский и пехотный полки противника, взяли 15 пулеметов, лошадей и пленный.

Потери с нашей стороны—20 убитых и раненых. Командир полевой батареи т. Зюк, будучи ранен, остался в строю. Противник, преследуемый червоно-казачьим полком, отступал по направлению к станции Кигичевка. У станции Путаровки, наконец, наши части настигли пехоту и артиллерию противника: казаки на рысях под звуки марша, исполняемого хором трубачей, развернулись и выбили противника, захватив пленный и обоз.

Из полка выбыло в этом бою более 20 казаков. В ночь на 22 июля полк получил приказание начбоеучастка отойти в резерв севернее г. Константинограда. Отошел в тот же день и расположился в с. Песчанках.

Встревоженный удачными действиями нашей конницы, противник перебросил из своих резервов с Царицынского фронта на Константиноградское направление железную бригаду генерала Геймана. 25-го июля, перейдя в наступление, он выбил нашу пехоту из города и она отступила в м. Карловка. Червоно-казачий полк во встречном бою у с. Лебяжье юго-западнее Константинограда оттеснил один из полков генерала Геймана, но общая обстановка заставила и казаков отойти на позицию, которую они занимали до своего последнего набега—с. с. Орчиново—Чернетчино—Руновщино.

Спасти военное достояние Республики!—Два дня на линии р. Орчик.

Левее червонцев в с. Климовка был расположен Бахмутский пехотный полк. Утром, 26-го июля наши пехотные части занимавшие позиции по реке Орчик, отбили атаки противника, направленные на м. Карловку, но уже вечером того же дня очистили поле боя.

Конница противника, поддерживаемая сильной пехотой, с востока обошла Карловку и угрожала флангу нашей пехоты. Последняя начала отходить на Полтаву. Одновременно бригада генерала Геймана повела наступление на линию, занятую червонцами, стремясь сбить наш фланг и выйти к ст. Селещино, где были сосредоточены громадные артсклады и эшелоны со снабжением всех пехотных частей боевого участка.

Перед червоно-казацким полком, естественно, стала задача—прикрыть отход нашей пехоты и дать возможность эвакуировать ст. Селещино, для чего хотя бы на несколько часов задержать противника у реки Орчик. Решено было задерживать противника, обороня сначала хутор Романовку, а затем переправу через реку Орчик. Предполагалось держаться на этих позициях не менее одних суток.

Артиллерия (конно-полевая и конно-горная батареи) была поставлена на горе к западу от линии ст. Орчиково—с. Чернетчино и пристреляла все подступы к хутору.

В 14 часов 26 июля противник тремя густыми пехотными цепями при поддержке 4 орудий повел наступление на хутора Романовский—Климовку, сосредоточив на хуторе весь огонь своей артиллерии. Этим воспользовались наши батареи. Метким огнем под руководством т.т. Сивявина, Зюка и Клебановского они заставили замолчать неприятельскую артиллерию, а вскоре, продолжая огонь, перевернули и разбили два орудия противника. К 18 часам ведущие наступление части генерала Геймана были усилены еще одной полевой батареей и взводом 48-линейных гаубиц, открывших огонь по селу Климовка и хутору Романовка.

Казачи совместно с батальоном пехоты Бахмутского полка ружейным и пулеметным огнем остановили возобновившееся наступление противника. Однако, к ночи противник, введя в бой резервы, вынудил наши части отойти за реку Орчик. Три сотни червоно-казацкого полка стали в резерв, трем остальным был дан приказ не допускать противника к переправе через р. Орчик.

С наступлением темноты неприятельская артиллерия, в достаточной мере пристрелявшись, открыла огонь из 6 полевых и 2-х тяжелых орудий по селам Орчиково, Чернетчино и Руновщина. Интенсивность огня заставила нас ожидать ночной атаки. Действительно, в 2 часа ночи 27 июля густые цепи противника подошли к самой реке Орчик, но освещенные брошенными ракетами, были встречены жестоким огнем из пулеметов и винтовок трех спешенных казачьих сотен и батальона пехоты. Не выдержав отпора, цепи отхлынули к хутору Романовскому.

Воспользовавшись создавшимся положением, атаман полка приказал одной из сотен в конном строю перейти речку и со стороны села Руновщина атаковать неприятельские части.

Темнота ночи помешала атаке, но все же произведенная попытка и огонь ручных пулеметов заставили противника очистить южную окраину хутора Романовского и посеяли панику в его рядах. Остаток ночи прошел спокойно, попыток атаковать нас больше не было.

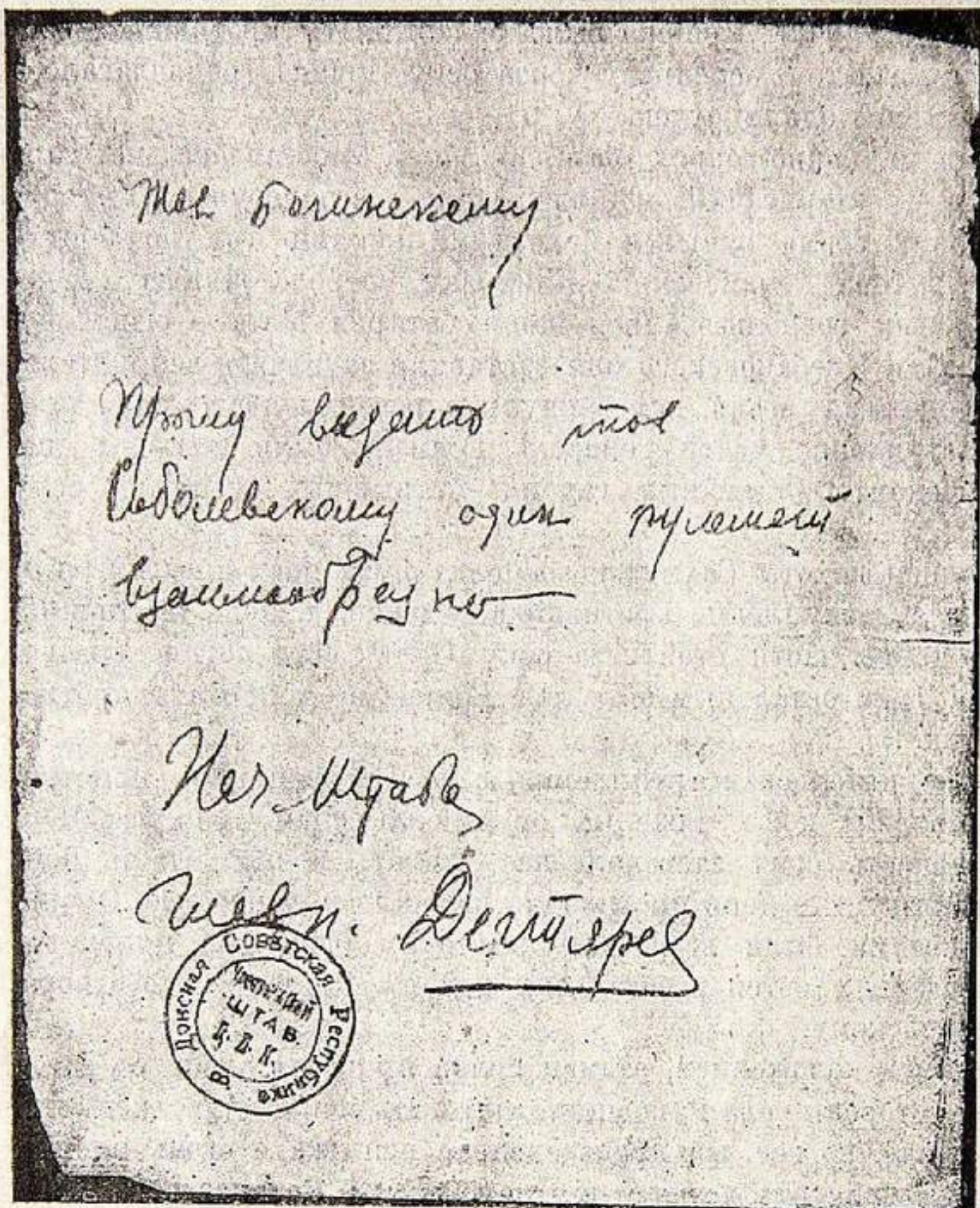
Однако Бахмутский полк, встревоженный появлением раз'езда противника, в 6 часов утра отступил по направлению к Полтаве. Две сотни червонцев, поставив себе целью еще некоторое время задержать противника остались в селе Орчиково; остальные выступили на м. Перещепино. Оставшиеся сотни демонстрировали наступление на хутор Романовский и отдельными выстрелами, снимали неосторожных пехотинцев у противника.

В 10 часов утра аррьергард червонцев дал несколько прощальных залпов и под прикрытием тумана выбрался из села. Оставленный для наблюдения взвод еще некоторое время маячил на буграх, затем, и он ушел. Да и пора было! Когда полк подошел к м. Перещепино, ожидая найти там связь с красной пехотой, квартирьеры вместо красных встретили на улицах села белогвардейцев. Завязалась перестрелка. Полк нашел брод через речку близ села Перещепино и, двумя сотнями выбив противника из села в открывшийся таким образом проход продвинулся к мест. Решетилровка, где и соединился с пехотой.

Партизаны в цилиндрах. Полк развертывается в бригаду

Атмосфера отступления действовала разлагающе на менее устойчивые в боевом отношении части Красной Армии. Сказывалась партизанская закваска.

Из документов прошлого.

„...один пулемет взаимнообразно“.

Связь с вышним командованием и без того слабая утрачивалась совершенно. Не выполняя даваемых им боевых заданий, преследуя только свои личные шкурнические интересы, такие части из боевых единиц превращались во вредный, разлагающий остальную армию, сброд. Их приходилось обезоруживать, выделять из их состава все, что еще не утратило нравственной устойчивости и боеспособности, и вливать в сохранившиеся части.

Отступая от Решетиловки на Лубны, червоноказачий полк обезоружил и частью влил в свои ряды до 7 мелких конных красных частей, разных „чертовых“ сотен, „отдельных дивизионов“, „железных батальонов“ и т. д., действуя явочным порядком.

Вот характерная сценка того периода, имевшая место в Полтаве. По улицам города шествуют три красочных фигуры. У одного на голове цилиндр, белый полицейский китель, гали-

фе на выпуск; за поясом бомба, две пулеметных ленты через грудь, винтовка и из кармана высовывается бутылка. Второй—в кэпи, во фраке, в высоких сапогах и вооружен также устрашающе, как и первый. Панама украшает голову третьего, но он, видимо, до конца обмундироваться еще не успел, так как на ногах вместо хромовой обуви, как у его сотоварищей, пока-что простые деревенские лапти.

Вся тройка двигается слегка навеселе. Заинтересованная этим зрелищем группа червонцев останавливает их:

„Какой части, братишки?“

„Железного батальона?“

„С кем связь держите?“

„Связь—удивился один. „Какая там связь, нет тебе связи ни с Лениным, ни с Троцким?“

„А что вы тут делаете?“

„Да, вот идем в Исполком жалованье получать.“

„А давно не получали?“

„Да вот уже год“.

„Эх, братишки,—сочувственно ввязывается в разговор еще один из червонцев: Видно и здесь ничего не получите,—откуда в Исполкоме деньги. Ай-да καλύτεше к нам на бронепоезд, мы там с вами полностью расплатимся, кстати и деньги свободные есть“.

Обрадованные воины „железного батальона“ не замедлили откликнуться на любезное приглашение и направились на бронепоезд, где несмотря на энергичные протесты („мы три года страдаем, кровь свою проливаем“ и т. д.) их обезоружили и отправили на кухню бронепоезда.

В результате целого ряда разоружений червонно-казачий полк вырос до 1500 сабель.

На совещании атамана полка с сотниками и куренными атаманами решено было для удобства управления развернуть полк в бригаду двух-полкового состава по 4 сотни в полку с номерами полков 1-й и 2-й.

14-го августа 1919 года был выпущен первый приказ по бригаде. Одновременно с образованием бригады постановлено было не употреблять звание „атаман“, как партизанское, и впредь атаманов полков именовать командирами. Командовать первым полком был назначен куренной атаман Григорьев Петр, вторым—сотник Потапенко.

Ангелу подрезают крылья.

К 14-му августа армия Деникина занимала линию Ромадан—Ахтырка и далее к северо-востоку. Красные части отходили, почти не оказывая сопротивления. Деникинцы быстро продвигались к северу. Червоно-казачья бригада, ведя арьергардные бои, отступала по направлению к ст. Бахмач.

В районе м. Ичня к югу от ст. Круты (по линии Киев—Бахмач) на путях отступления бригады появилась крупная банда атамана Ангела, действовавшая на стороне белогвардейцев. Банда напала на раз'езд 2-го Черказполка, убила командира взвода и политрука, ранила несколько казаков и, рассеяв наш раз'езд, остановилась в большом селе в нескольких верстах к югу от м. Ичня.

Получив донесение раз'езда, полк выслал на встречу банде полусотню, приказав действовать лавой, завязать перестрелку и отступать, увлекая противника на опушку леса. Весь же полк расположился в засаде у этой опушки.

Банда после перестрелки двинулась в погоню за полусотней, которая медленно отступала, преследуемая 700 пешими и 100 конными бандитами. Все ускоряя и ускоряя отступление, сотня села на коней и на рысях поскакала к лесу. Конные бандиты бросились вслед за нею, пешие отстали и двигались за конными. Второй полк ударил из засады, ошеломив бандитов неожиданностью своего появления, изрубил конных и уничтожил пеших. На поле боя осталось до 200 убитых соратников Ангела, примерно столько же было изрублено при преследовании. Пленных не брали.

У ст. Круты. „Редиска“.

Не доходя до Бахмача бригада получила донесение, что Бахмач занят крупными частями Деникинской армии, и что красные войска отошли к ст. Макошино за реку Десну. Попытавшись нащупать прорыв в расположении противника, бригада нарвалась на крупные силы пехоты и бронепоезд, вследствие чего командир бригады приказал отходить на ст. Круты и оттуда восстановить давно уже утраченную связь с командованием.

Последние дни августа застали бригаду сосредоточенной в районе ст. Круты; здесь же стоял штаб начальника Черниговского боевого участка, быв. генерала Жданова.

Ему были подчинены некоторые пехотные части (всего до 700 штыков) совершенно дезорганизованные. В самом штабе царил неладная атмосфера; Начбоеуч, генерал, никому из своих подчиненных не смотрел в глаза, Начштаббоеуч, полковник, наоборот, смотрел в глаза черезчур внимательно. Распоряжением Командарма XII участок, на ко-

торый вышла бригада Червоного Казачества, включался в состав боевого участка, подчиненного генералу Жданову.

Командир бригады явился к последнему для представления. Между ними произошел следующий разговор:

„Вы в каком чине служили в старой армии?“

„Рядовым при Керенском. Во время войны был в ссылке в Восточной Сибири.“

„Ага—при Керенском получили производство и служили в Восточной Сибири... А в каком полку?“

„Ни как нет—не служил, я был в ссылке в Сибири.“

„Вы что же партийный?“

„Так точно.“

„Э--э..гм., а я полагал, что вы офицер... Э... э... Будьте добры переговорить о вашей задаче с начальником штаба“.

Чувствуя плохо скрываемую враждебность к нему, командир бригады решил сведения о бригаде штабу не давать и доложил, что рапортичка им забыта в штабе. На словах же численный состав бригады уменьшил втрое, а артиллерии вместо двух батарей показал взвод. Предусмотрительность не оказалась излишней: через несколько дней неприятельский бронепоезд почти без боя захватил ст. Круты и на его сторону перебежал генерал Жданов со своим штабом.

Комиссар боеучастка т. Дробнис едва спасся бегством. По дороге его настиг раз'езд деникинцев, но не тронул, приняв за местного крестьянина—спасла широкая и окладистая борода.

Пехотные части, находившиеся на ст. Круты, частично были взяты в плен, частично разбежались. Черниговский казачий дивизион, отступивший было от ст. Круты в район ст. Вересочь был возвращен на фронт червоно-казачьей бригадой, обезоружен и частично влит в бригаду. Не обошлось без решительных мер по отношению к некоторым казакам, которые слишком громко кричали, что они „проливали кровь, а теперь их обезоруживают“.

Отход из Киева 12-й армии.

Червоно-Казачья бригада отбила деникинцев, пытавшихся от ст. Круты продвигнуться к Черпигову и перешла в контр-наступление. Завязался бой на подступах к ст. Круты, но подошедшие резервы противника отбросили наши атакующие части.

В течение последних чисел августа и первых чисел сентября длились бои бригады с противником под ст. Круты, но натиск крупных неприятельских сил, вывудил казаков к отходу. Бригада расположилась по линии реки Вересочь.

К этому времени Киев был сдан противнику. 12-я армия, оборонявшая Киев, отходила на север по шоссе Киев—Чернигов. Неудачи, постигшие армию, лишили ее бодрости и даже влившиеся в ее ряды в большом числе киевские коммунисты не подняли настроения красноармейцев.

Уходя от наседавшего противника, части армии потеряли много броневых автомобилей, броневых поездов и значительное количество артиллерии. Отступление совершалось без всякого порядка. Длинной кишкой, в несколько десятков верст тянулись солдаты в перемежку с обозом; немногие из них знали номера своих полков. 12-ая армия потеряла боеспособность.

Червоно-казачья бригада упорными боями под ст. Круты, прикрывая отход армии должна была удерживать противника, пока все эти части без начальников и начальники без частей найдут друга друга, восстановят боеспособность полков и придут на смену. Лишь одна кавбригада т. Гребенки, хотя и чрезвычайно бандитская, сохранила некоторый порядок.

Перед червоно-казачьей бригадой, охранявшей Киевскую группу от флангового удара встала и другая задача: защищать Черниговский плацдарм, пока пехота будет приведена в боеспособный вид.

В бригаде был большой процент казаков—черниговцев, командный состав бригады тоже состоял в большинстве из уроженцев Черниговской губернии. Естественно, что лозунг „не сдадим Чернигова белым“ вызвал взрыв энтузиазма у казаков. Начались упорные бои на подступах к Чернигову.

„Чернигов не сдадим“. До последнего патрона. Разоружение бригады Гребенки.

Река Десна образует у Чернигова подковообразную излучину. У вершины этой „подковы“ лежит Чернигов, концы которого обращены к югу, расстояние между ними до 35 верст. На этом плацдарме червоно-казачья бригада дала противнику ряд сражений.

План обороны заключался в следующем:

Бригада должна стоять в кулаке, сосредоточившись на участке в 4—5 верст. Раз'езды выясняют, где находится противник, бригада же, свободно маневрируя по плацдарму, наносит врагу удары на наиболее угрожаемых участках фронта. Для переправы через р. Десну в Чернигов у бригады имелся большой мост. Этот единственный путь сообщения с городом был прикрыт, и защищался 200 казаками из обоза при 4 пулеметах.

Противник одним полком конницы прошел через р. Вересочь и двинулся к селу Бакланова-Муравейка, но был атакован первым полком, частью изрублен, частью отброшен в беспорядке обратно за р. Вересочь.

Через два дня тот же самый полк вместе с еще одним пехотным полком вновь переправились через реку Вересочь. Бригада вышла им на встречу, ударом в шашки опрокинула и изрубила пехоту, взяв пленных и коней. Вслед за отступившим противником были высланы раз'езды, которые выяснили, что он отошел за р. Вересочь.

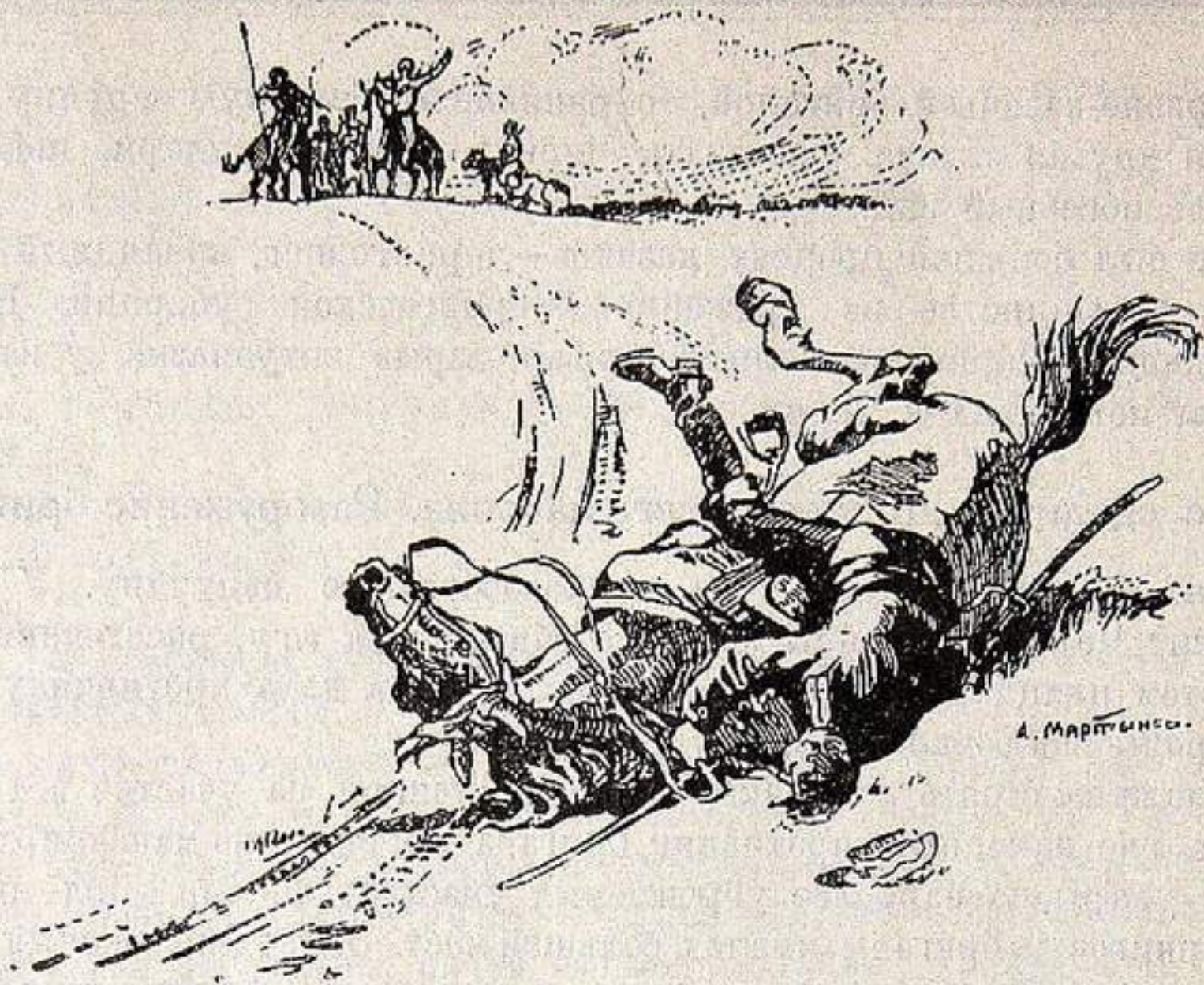
Увлечшись преследованием один из взводов второго полка забрался в неприятельский тыл. Деникинцы окружили его, но казаки пробились сквозь их ряды и ушли к своим. Лишь трое, потеряв лошадей не могли спастись. Они отстреливались до последнего патрона, а затем покончили собой из наганов. Деникинский офицер под'ехал к трупам и, указывая своим солдатам на тела героев, сказал: „Учитесь умирать у этой сволочи“.

Маневрируя на плацдарме перед Черниговом, бригада в течение двух недель защищала город и переправы от ударов в несколько раз более сильного врага.

В конце второй недели на фронт прибыла бригада Гребенки и Пластунская бригада. При их содействии червоно-казачьей бригаде работы стало меньше; измученные кони и казаки несколько отдохнули. В 20-ых числах сентября к Чернигову подошли новые подкрепления в лице пехотных частей.

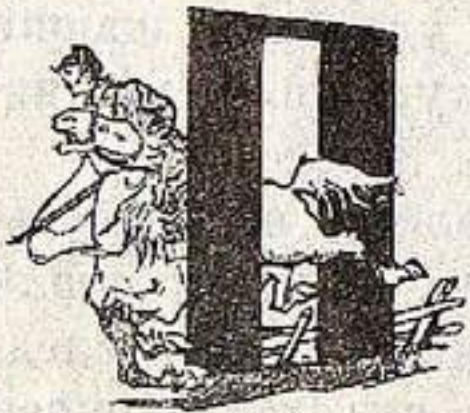
Дружным ударом пехоты и конницы плацдарм был расширен, противник отброшен за р. Вересочь, а фронт установлен по линии этой реки и далее к западу до р. Десны. Червоно-казачья бригада принимала участие в наступлении. Во время одного из боев ударом в шашки она разбила пехоту противника и взяла 4 орудия и пулеметы.

С выходом пехоты на линию р. Вересочь, червоно-казачьи казаки были отведены в резерв. Стоя в резерве червоно-казачья бригада по приказу Совета Обороны Украины, обезоружила Кавбригаду т. Гребенки, занимавшуюся грабежами и мало боеспособную, часть ее была влита в червоно-казачью бригаду, а другая вошла в состав 9-ой Кавдивизии. Вошедшие в бригаду гребенковцы были частично спешены и отпущены в пехоту, частично сданы в Реввоен трибунал, лишь немногие из них остались в рядах Червоного Казачества.

Ударники против ударников.

Под Орлом. Ударная группа.

О приказу РВСР в конце сентября бригаду погрузили в эшелоны на ст. Городня и перебросили на Орловский фронт. Наступление Деникина к этому времени достигло своего наивысшего пункта: белая армия подходила к Орлу.

Положение Республики осложнялось неблагоприятной обстановкой на других фронтах гражданской войны. С востока Колчак, с запада поляки, с северо-запада Юденич, охватили ее огненным кольцом.

Деникин замыкал это кольцо на юге.

Части Красной Армии на южном фронте спешно отступали под натиском противника. Разбитые на берегах Дона и в боях у Харькова, деморализованные изменой офицеров, запуганные конницей противника, оборванные, плохо вооруженные, с непристрелянными винтовками, они бежали к северу почти без сопротивления.

Когда Червоно-Казачья бригада прибыла на Орловское направление, в начале октября 1919 года, противник уже взял г. Фатеж и подходил к городу Кромы, что в 40 верстах к юго-западу от Орла.

Главная масса войск противника, так называемая добровольческая армия под командованием генерала Май-Маевского продвигалась в центре. На северо-восточном направлении вправо от добровольческой действовала Донская армия, к западу—армия Шиллинга. Добровольческая армия, сбивая наши ослабевшие части, нацелилась на Москву по прямой дороге: Харьков—Курск—Орел—Тула. Здесь нам приходилось иметь дело с гвардией добровольческой армии—первым армейским корпусом генерала Кутепова, составленным из отборных дивизий—Корниловской, Дроздовской, Марковской и Алексеевской.

По замыслу Главкома ударная группа Красной Армии—латыши и червонцы—была нацелена во фланг корпусу Кутепова. Центр тяжести всей операции сводился к разгрому этой группы противника. Конкорпус Буденного в то же время должен был со стороны Воронежа громить Мамонтова и Шкуро, двигаясь в юго-западном направлении. Совместные действия ударной группы и корпуса Буденного имели своей целью отрезать

добровольческой армии возможность отхода к Дону и, сбив ее на юго-запад, сбросить в Черное море.

Главное командование Республики сосредоточило на Орловском направлении все свои боеспособные резервы. На ст. Карачев разгружалась, прибывшая из Москвы и частично с западного фронта латышская стрелковая дивизия; на ст. Шахово—червонные казаки; на соседней станции—бригада пластунов под командой т. Павлова.

Все эти части были хорошо укомплектованы и вооружены.

Латдивизия имела до 8 тысяч штыков, бригада пластунов до 2 тысяч штыков, червонцы—1500 сабель. Настроение как у стрелков, так и у казаков было отличное. Все эти три части свели в ударную группу, руководство которой поручено было начдиву латышской стрелковой, т. Матусевичу. Группа вошла в состав 13-й армии, но через неделю была передана в 14-ю.

Когда ударная группа сформировалась, противник уже занял г. Орел и подходил к г. Кромы от Фатежа.

Высшее командование дало ударникам приказ: „Не обращая внимания на отступающие пехотные части, пропустить их мимо себя к северу и нанести фланговый удар противнику в направлении Кромы—Мало-Архангельск“.

Красноармейцы ударной группы чувствовали, что в этот момент они являются единственной защитой Республики.

Бой под селом Мелехово. „Непобедимые“—побиты.

Вся ударная группа из района сосредоточения нацелена была в направлении г. Кромы—Мало-Архангельск во фланг противнику. Червоная бригада выслана была на пол-перехода вперед по маршруту: Красный Клинок—Пятницкое—Хотьков—Гнилое Болото—Хмелевая—Мелехово—Кромы.

В районе села Хмелевая червонцы встретили наши отступающие части. Согласно приказу, бригада, не обращая на них внимания, двинулась на с. Мелехово. Высланный раз'езд обнаружил там противника силой до 600 штыков.

Переночевав в с. Хмелевая, бригада на рассвете следующего дня разведала подступы к с. Мелехово и приняла решение атаковать противника. Первый полк послан был на село с заданием занять его и выбить оттуда противника; второй полк выслал дивизион в обход с. Мелехово с запада и направил раз'езды на город Кромы и на г. Дмитриевск.

Первый полк двумя спешными сотнями завязал огневой бой с противником.

Артиллерия открыла огонь по цепи противника, а затем по его батарее, ставшей отвечать на наши выстрелы. В то же время остальные две сотни, маневрируя по местности старались в конном строю выиграть фланг противника. Когда это им удалось, командир полка т. Григорьев повел полк в шашки.

В результате атаки пехота противника была изрублена, взято до 200 пленных, несколько пулеметов и повозок. Батарея противника успела ускакать в направлении станции Гнездилово. На поле боя в числе убитых лежал командир батальона, среди пленных—несколько офицеров. Пленные дали следующие показания: на участке Дмитриевск—Кромы действует Самурский стрелковый полк, составляющий авангард Дроздовской дивизии, изрубленный батальон входил в состав Самурского полка. Появление нашей конницы было для противника полной неожиданностью. Пленные говорили, что они все время наступают с музыкой и надеются скоро быть в Москве,—среди офицеров никто не сомневается в том, что им придется с колокольным звоном входить в красную столицу.

Пленные были срочно отправлены в штаб латышской дивизии. При опросе их в штабриге присутствовали члены Реввоенсовета 13 армии Пятаков и Орджаникидзе, объезжавшие фронт и попавшие к нам в момент боя. В их глазах Мелеховское дело явля-

лось началом перелома. „Непобедимые“ Самурцы побиты, от наших частей следовало ожидать под'ема духа.

Разбив батальон Самурцев, бригада развила наступление и заняла станцию Гнездилово и Кирово-Городище. Высланные раз'езды обнаружили противника в районе г. Кромы, о чем было послано донесение в штаб латышской дивизии.

На следующий день подошла вся ударная группа, быстро развернулась и нанесла противнику удар в направлении г. Кромы. Могучий натиск нашей пехоты вынудил противника к отходу: к вечеру того же дня ударная группа повсюду вышла на линию реки Кромы, заняв фронт от села Кирово-Городище через Глинки-Кромы на с. Шахово. Таким образом, ударная группа фронтом вышла к глубокому флангу противника и готовилась нанести ему жестокий удар.

Ударники сошлись против ударников.

Развернувшись по реке Кромы, ударная группа прикрыла свой правый фланг в районе г. Кромы одной латышской бригадой, а остальными частями нанесла противнику удар. Одна латбригада в направлении на с.с. Родина—Савина к востоку от г. Кромы, другая латбригада от г. Кромы на северо-восток в направлении г. Орел через с. Шахово—с. Большая Быстрица. Пластунская бригада и латышский полк занимали участок Каменец-Агеевка—Хмелевая и далее к Орлу, прикрывая левый фланг дивизии. Червоно-казачья бригада была сперва брошена справа уступом вперед в направлении ст. Еропкино для разрушения железной дороги, но обнаружившееся в районе селений Волобуево—Чувардино, в 20 верстах к юго-западу от города Кромы, наступление Дроздовской дивизии заставило штаб латышской вернуть—с марша Червоно-казачью бригаду и форсированным маршем перебросить ее в район Волобуево—Чувардино навстречу дроздовцам.

В то время, как латышские стрелки выполняли мастерски нацеленный удар, червонные казаки и 1-я Латбригада завязали упорные встречные бои с Дроздовской дивизией, но после двухдневных боев с противником на участке Гнездилово—Волобуево—Чувардино—Шарыкино отступили на 6 верст за р. Кромы и на этом рубеже задержали противника.

В то же время мощный удар эстонской и латышской дивизий с фронта и в тыл Орлу заставил противника очистить Орел и отступить, причем противник устроился по линии р. Крома—г. Кромы и далее к востоку в направлении к станции Еропкино.

Со стороны противника на участке от г. Кромы до железной дороги Орел—Курск действовала Корниловская дивизия; восточнее ее действовала Алексеевская дивизия; западнее на участке Кромы—Дмитриевск и далее до железной дороги Брянск—Льгов—Дроздовская дивизия.

С нашей стороны на участке гор. Дмитриевска действовала 7-я пехотная дивизия; на участке с. с. Печки—Волчьи Ямы—Красная Роща—Червоно-казачья бригада; на участке Красная Роща—Кромы—Родино—Савино—Плоское—латышская дивизия; на участке Плоское—железная дорога действовала Пластунская бригада.

Участок г. Дмитриевска был относительно спокоен; наоборот, в районе г. Кромы шли упорные бои по реке Крома.

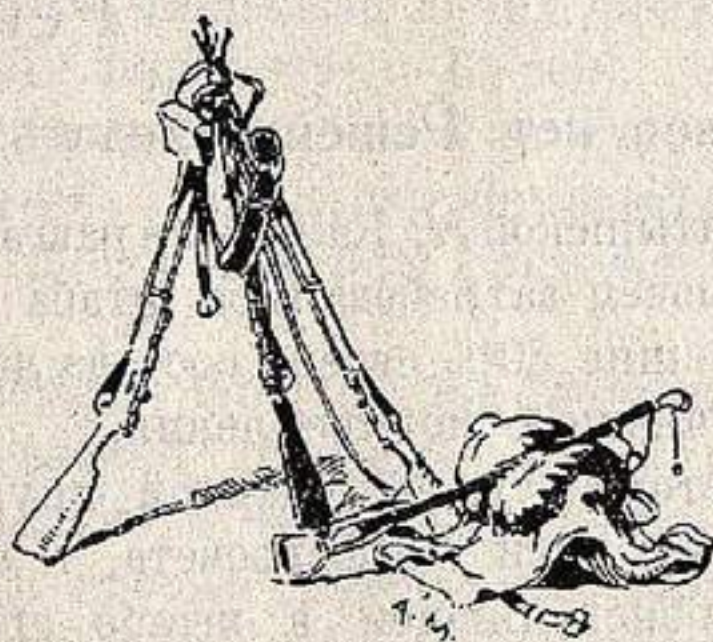
В районе с. Красная Роща противник перешел р. Крома и пытался развить успех в направлении с. Ст. Гнездилово, но Червоно-казачья бригада нанесла ему удар в тыл со стороны с. Волчьи Ямы, взяла 70 пленных и одно орудие. Противник отступил в с.с. Волобуево—Чувардино, но был выбит и оттуда.

Одновременно с этим латышская дивизия перешла в наступление и отбросила противника по всему фронту на 20 верст к югу. Противник отступил, и во второй половине октября устроился по линии с. Барыковка (у железной дороги Орел—Курск)—Глебово—Калиник—Нижние Ретяжи—Жерновец—Ломовец—Чернь—Ждановка—Дмитриевск. Снова

начались упорные бои, в дурную осеннюю погоду, то в тумане, то в дождь, то под мокрым снегом, на крайне пересеченной местности, почти сплошь гористой и изрезанной оврагами, откуда начинались истоки многих рек. Латышская дивизия потеряла за время этих упорных боев до 40% своего состава, что объясняется ее склонностью к ночным боям и ночным штыковым атакам, в которых латыши показали себя страшными для противника бойцами. Червоно-казачья бригада потеряла до 400 человек и до 600 коней; пластуны потеряли до 40% состава; к противнику же подошли резервы.

Снова началась упорная борьба за инициативу, — в этой борьбе лучшие части обеих сторон напрягали все силы. „Ударники сошлись против ударников“, — говорили латыши. Конец октября прошел в упорнейших затяжных боях. Ставка была большая, вопрос шел о жизни и чести Республики.

Обстановка, в которой действовали наши войска, была крайне для нас невыгодна, весь обширный район боев представлял собой голодные голые местности с бедным населением.¹⁾ Несмотря на это, настроение червонцев было бодрое. В них жил энтузиазм, вера в успех и неудержимый порыв „на рідну Україну“.

¹⁾ Снабжение продовольствием несколько наладилось (получали муку, сахар, иногда мясо), но главным образом все-таки жила за счет населения, причем, так как население Орловской губернии очень небогато, то армия почти все время голодала.

Очень часто не имея продовольствия по 2—3 дня казаки довольствовались спрятанным в кобуре седла просохшим на переходах или промокшим на дожде куском хлеба.

Перелом.

Рейд на Фатеж-Поныри.

Резервов нет. Решено сделать рейд.

АЧДИВ Латышской т. Кальнин в разгаре боев на участке Чернь—Чернодье—Ломовец затребовал от штаба XIV армии подкрепления, так как потерявшие 30% своего состава латыши не могли сломить противника, получившего подкрепления.

С ответом в штаб ударной группы прибыл командарм XIV, т. Уборевич и член Реввоенсовета, т. Орджаникидзе.

На происходившем в штабе группы совещании присутствовали т.т. Примаков, Павлов, и Кальнин. Вопрос был поставлен ясно:

противник подал резервы, а у нас резервов нет и мы устали, лучший командный состав выбит из строя; если резервы не будут поданы с должной быстротой, то возможно, что мы снова сдадим Орел.

Командарм т. Уборевич сделал маленький доклад о положении фронта и сообщил, что резервов нет и не будет и что нужно победить с тем, что есть в строю.

Т. Примаков внес предложение: на участке Чернь—Чернодье пробить брешь в фронте противника, бросить в прорыв нашу конницу и, согласовав рейд конницы с ударом по фронту, сломить дроздовцев и корниловцев.

Это предложение было принято.

Командарм приказал усилить червоно-казачью бригаду, для чего к с.с. Чувардино—Волобуево (что в 20 верстах северо-западнее г. Кромы), подтянуть Латышский кавалерийский полк и Кубанский полк из состава Кубанской бригады, стоявшей у г. Дмитриевска.

В течение суток эти части были сведены и наименованы конной группой т. Примакова, а впоследствии—8-й Червоно-Казачьей дивизией. Командование было поручено бригаде Червоно-Казачьей т. Примакову.

Латышский кавалерийский полк имел 400 сабель, Кубанский—300, и до 1000 сабель оставалось в червоно-казачьей бригаде после боев под Кромами. Таким образом, всего в рейд могло идти до 1700 сабель.

Решив взять в рейд только надежных всадников и не обременять дивизию обозами, начдив приказал каждому полку выделить худоконных всадников, которых в рейд не брать, а свести в эскадрон и отправить к обозу второго разряда. На каждый полк оставить 8 пулеметов „Максима“ на тачанках, 4 патронных двуколки и 4 санитарных повозки. При штабе дивизии должна была следовать подрывная команда (40 пудов пироксилина на 4 повозках) и патронный резерв (запряженные тройками 4 интендантских повозки, на каждой по 20000 патронов). Дивизия брала с собой 6 орудий, каждое с 4 уносами.

Всего в рейд шло: 1500 сабель, 32 пулемета на тачанках, 6 орудий при 6 зарядных ящиках, 16 патронных двуколок, 16 санитарных тачанок, 4 подрывные и 4 интендантские повозки. Кроме того, при штадиве одна повозка с писарем и пишущей машинкой. Походные кухни были оставлены,—приказано было довольствоваться средствами противника и населения. Категорически запрещено было брать что либо из обоза, кроме того, что перечислено выше. На руки каждый всадник получил 250 патронов и ручную гранату. На сотню было выдано по 20 фунтов пироксилиновых шашек.

Бригадами командовали: 1-й Червоно-Казачьей—т. Григорьев, 2-й—командир латышского полка, т. Крышьян.

Прорыв. „Даешь Украину!“

2-го ноября части латышской дивизии занимали высоты к северу от с.с. Хитровка—Чернь—Чернодье—Жерновец, и от с. Жерновец линия фронта тянулась к северо-востоку в направлении к ст. Еропкино (по линии Орел—Курск).

Командарм XIV, т. Уборевич, приказал на всем участке латдивизии оставить одну Латышскую бригаду, а две остальные бригады сгруппировать на участке Чернь—Чернодье. Перегруппировку начать 2-го ноября и к вечеру того же дня закончить ее скрытно от противника.

Сосредоточенные в районе Чернь—Чернодье две бригады латышей на участке в 8 верст должны были стремительной атакой прорвать фронт противника в расходящихся направлениях. Одна бригада получила задание нанести удар с севера на юго-восток, другая—с севера на юго-запад. В прорыв должна была ворваться червоно-казачья дивизия и, развивая наступление, шашками проложить себе дорогу к тылам противника; ударить на них в районе ст. Поньри и г. Фатежа; разрушить ж.-д. линию Орел—Курск, разрушить тылы Дроздовской и Корниловской дивизий и затем с тыла же нанести удар фронтным частям противника в направлении ст. Дьячья (в сторону от линии Орел—Курск по тупику от ст. Мало-Архангельск).

Решение этой задачи было предоставлено целиком усмотрению начдива.

Одновременно с рейдом червоно-казачьей дивизий всем пехотным частям армии было приказано перейти в самое энергичное наступление. Решение командарма XIV, тов. Уборевича, было вполне целесообразным: он не изматывал конницу на прорыв, а поручал это дело пехоте. Конница шла в рейд совершенно свежей, что было необходимо при наличии у противника крепкого и организованного тыла и давало возможность нашей коннице быстро пройти насыщенную войсками фронтную полосу.

Цель всей этой операции была выбрана весьма удачно. Разрушение линии Орел—Курск и шоссе Курск—Фатеж—Орел лишало противника его путей сообщения и расстраивало связь между частями. Пункт удара на ст. Дьячья намечен вполне правильно, так как на ст. Дьячья находились штабы и снабжение противника, и, естественно, они должны были быть уничтожены в первую очередь после разгрома тылов и сообщений. Кроме того, ударом в направлении ст. Дьячья червоны казаки оказали бы содействие самой слабой части ударной группы—бригаде Павлова.

Во исполнение директивы командарма, командующий группой т. Кальнин приказал Пластунской бригаде и 2-й Латышской сменить 1-ю и 3-ю Латбригады и занять весь участок ударной группы от с.с. Чернодье—Чернь—Ретяжи до ст. Еропкино.

1-я Латбригада под командой Вайняна и 3-я Латбригада под командой Стуцка в течение дня 2-го ноября были переброшены фланговым маршем в район Похвасцево—Рыжково (оба пункта в 25 верстах к юго-западу от г. Кромы). Всю перегруппировку, начатую утром 2-го ноября и закончившуюся вечером того же дня, противник не заметил.

К вечеру 2-го ноября участок ударной группы имел следующий вид: от ст. Еропкино до ст. Чернодье на участке в 45 верст—редкая цепочка Пластунской и 2-й Латышской бригады; в районе Чернь—Чернодье на участке в 8 верст—крупный кулак из 1-й и 3-й Латышских бригад в с.с. Рыжково—Похвиснево; и червоно-казачья дивизия—в с.с. Волобуево—Чувардино—Крумышино. Штаб группы перешел в с. Рыжково.

1-й и 3-й Латбригадам было приказано 3 ноября в 5 часов утра без выстрела атаковать с.с. Чернь и Чернодье и, выбив оттуда противника штыковым ударом, развивать успех: 3-й бригаде от с. Чернодье в направлении на Евграфово, а 1-й бригаде—от с. Чернь в направлении на с.с. Хитровка—Плоское. Червоно-казачьей дивизии приказано выступить в 4 часа из Волобуево—Чувардино и в 6-м часу ворваться в прорыв фронта противника между деревнями Чернь и Чернодье и, двигаясь в южном направлении, выйти на тылы противника.

Начдив червоно-казачьей особым приказом объяснил казакам задачу. Было приказано: окружения не бояться—шашки разрубят всякое кольцо,—выдавать себя за дивизию ген. Шкуро, звезды снять, штандарты и значки свернуть и одеть в чехлы, имеющим погонны одеть их, начальников величать по чинам, крестьянам в пути объяснять, что мы, шкуровцы, отступаем с фронта, что скоро придут, следом, красные и повсюду будут Советы.

Лозунг для казаков, большинство которых были украинцы—„даешь Украину“.

План командования, смелый по замыслу, был смело и выполнен. Командующий группой разработал операцию просто и ясно: удар кулаком; после удара, составляющие кулак части—две бригады пехоты—расходятся в разных направлениях и расширяют коридор, куда врывается конница, открывает шашками дорогу сквозь ближние тылы и уходит в рейд.

3-го ноября в 4 часа дивизия выступила из Волобуево—Чувардино и к 5¹/₂ часам в одной колонне подошла к с. с. Похвиснево—Рыжково.

В 5 часов 3-го ноября латышские стрелки в предрассветных сумерках двинулись по только-что выпавшему снегу на Чернь и Чернодье. Без выстрела подошли они густыми цепями к заставам противника. Последние открыли беспорядочный огонь, но были переколоты. Начался бешеный рукопашный бой на окраинах деревень Чернь и Чернодье.

Хорошо рассчитанный удар, направленный на д. Чернь на ю.-з. и на д. Чернодье на ю.-в., разорвал фронт противника.

В образовавшийся прорыв по дороге между д. д. Чернь и Чернодье устремилась червоно-казачья дивизия, ударом шашек сбила небольшие заставы противника и двинулась на с. Покровское. Рота пехоты противника, занимавшая с. Покровское, была атакована авангардной сотней 1-го полка и изрублена.

Путь был открыт.

В рейд! Церемониальным маршем под огнем. Неприятные для корниловцев встречи.

Дивизия в одной колонне вытянулась по полю и подходила к селу Покровскому.

Хорошо видимая колонна была взята под перекрестный огонь батареями противника, стоявшими у с. Хитровки и юго-восточнее с. Чернодье. Огонь внес некоторое замешательство в головной полк.

Штаб дивизии, заметив это, на рысях в'ехал на холм у дороги, по которой шла колонна. Ад'ютант начдива подсказал к командиру полка и передал распоряжение начдива: „Церемональным маршем мимо начдива рысью“, указав направление на ближайшую балку.

Ободрившийся полк под перекрестным огнем неприятельских батарей прошел церемональным маршем на рысях мимо штаба дивизии и скрылся в балке, по которой продолжал движение. За ним туда же двинулся штаб дивизии, а остальные полки, свернули с дороги и обошли балкой обстреливаемое место.

Во время церемониального марша в штабе дивизии осколками снарядов было ранено две лошади, в полку ранено несколько лошадей и одна убита.

Так удачно сошедший церемониальный марш под обстрелом поднял настроение в полку и ободрил всю колонну.

Дивизия подошла к с. Покровскому. Латышский кавполк был выделен из колонны на с. Гранкино, получив задание уничтожить тылы противника, предполагаемые в этом селе.

Действительно, латыши захватили там обоз противника и далее шли по восточному берегу р. Неслед, параллельно движению главных сил, очищая от тылов противника встречные села. В с. Покровском, в качестве проводника, был взят лесник, который повел дивизию глухой лесной дорогой.

Пройдя лес, колонна полем, без дорог, пошла на с. Студенок, где было получено, от латышского полка следующее донесение:

1) Латстрелки отступили из с.с. Чернь—Чернодье и прорыв закрыт—таким образом дорога назад отрезана.

2) В с. Фроловке захвачен обоз со снарядами; снаряды брошены в речку, прислуга изрублена, лошади полк взял с собой вместе с частью повозок.

Начдив приказал бросить повозки и взять с собой только лошадей, чтобы не затруднять движения полка. Хотя и жаль было бросать хороший обоз, но сделать это было необходимо, так как в рейде, где требуется быстрота и подвижность, обоз можно сравнить с камнем на шее у пловца.

Главная колонна из с. Студенок двинулась на с.с. Турьи—Черемошная; слева виднелась колонна латышского полка, шедшая туда же. В Черемошной латышский полк присоединился к главной колонне. Красноармейцы были веселы и хвастались трофеями.

был взят лесник, который повел дивизию глухой лесной дорогой.

Пройдя лес, колонна полем, без дорог, пошла на с. Студенок, где было получено, от латышского полка следующее донесение:

1) Латстрелки отступили из с.с. Чернь—Чернодье и прорыв закрыт—таким образом дорога назад отрезана.

2) В с. Фроловке захвачен обоз со снарядами; снаряды брошены в речку, прислуга изрублена, лошади полк взял с собой вместе с частью повозок.

Начдив приказал бросить повозки и взять с собой только лошадей, чтобы не затруднять движения полка. Хотя и жаль было бросать хороший обоз, но сделать это было необходимо, так как в рейде, где требуется быстрота и подвижность, обоз можно сравнить с камнем на шее у пловца.

Главная колонна из с. Студенок двинулась на с.с. Турьи—Черемошная; слева виднелась колонна латышского полка, шедшая туда же. В Черемошной латышский полк присоединился к главной колонне. Красноармейцы были веселы и хвастались трофеями.

Из Черемошной колонна двинулась на Сванские Дворы, что по шоссе Кромы—Фатеж. У Сванских Дворов на шоссе встретилась рота корниловцев; головная сотня бросилась в атаку, и рота была изрублена. Пленных не брали.

В Сванских Дворах захватили лазарет и команду выздоравливающих Корниловской дивизии. Когда наша дивизия прошла через Сванские Дворы, мост через р. Свану на шоссе был взорван.

Взрыв моста и отсутствие вблизи хороших переправ через р. Свану лишали противника возможности увезти находившиеся в Кромах броневые машины.

Жителям было сказано, что мы шкуровцы, отступаем с фронта и рвем мосты, потому что сзади красные.

За Сванскими Дворами головная сотня захватила корниловский обоз, числом более 100 подвод. Повозки были брошены, кони взяты с собой, обозная прислуга изрублена.

К 6-ти часам утра 4 ноября дивизия прибыла и расположилась на большой привал 1-я бригада со штадивом—Теплый Колодезь; латышский кавполк—с. Самодуровка; 3-й Кубанский полк—с. Молотычи. Охранение заставами, кольцевое. Привал прошел спокойно.

За 37 часов 120 верст. Налет на Фатеж и Поныри.

В 9 часов 4-го ноября, после трехчасового отдыха и кормежки коней, было приказано; 1-й бригаде и латышскому кавполку выступить через Ольховатку на Поныри; 1-й бригаде атаковать и взять Поныри, подорвать ж.-д. линию Орел—Курск, после чего отойти в с. Ольховатку; латышскому кавполку оставаться в Ольховатке в резерве начдива и освещать раз'ездами пройденный путь и тыл 1-й бригады. Один эскадрон был выслан на ст. Возы для взрыва ж.-д. линии и разрушения станции. 3-й Кубанский полк получил задание сделать набег на г. Фатеж, после чего идти в с. Ольховатку.

План этот был несколько рискован, так как силы рейдирующей конницы им дробились, но зато, в случае успеха, он произвел бы на противника сильное впечатление, что и требовалось.

Лошади и люди были измучены 24-часовым непрерывным маршем с несколькими стычками, при сильном встречном ветре, по обледенелым полям. У многих лошадей ноги были окровавлены, многие лошади потеряли подковы. Казаки устали, так как почти половину пути пришлось идти пешком, ведя коней в поводу. Трехчасовой отдых несколько восстановил их силы, вера в успех двигала дальше.

Дивизия выступила с привала в 9¹/₂ ч. 4-го ноября и к 12 часам того же дня прибыла в с. Ольховатку, где был оставлен штаб дивизии и латышский кавполк. А 1-я бригада, к 14 часам прибыла в с. Поныри, захватив там десятка два пленных.

Пленные показали, что на ст. Поныри стоит бронепоезд, эшелоны пехоты и несколько эшелонов с обмундированием.

1-я батарея открыла огонь по станции и бронепоезду, а 1-я бригада атаковала ст. Поныри.

После часового боя червонцы заняли ст. Поныри, причем захватили на станции 60 вагонов с обмундированием; около 100 пехотинцев было изрублено. Находившийся на станции бронепоезд вынужден был под огнем нашей батареи, которой он ответил двумя десятками выстрелов, уйти в сторону Курска.

При ваятии ст. Поныри было освобождено 380 человек пленных красноармейцев. После осмотра, который им сделал начдив, из них сформировали роту, посадили на подводы и послали, в качестве прикрытия, к 1-й батарее. Ротным командиром был назначен из их среды дельный и расторопный красноармеец, бывший младший унтер-офицер.

На станции взорвали все стрелки и крестовины. Высланная подрывная команда взорвала, кроме того, полотно ж.-д. линии в 12 местах и подорвала мост-трубу к югу от станции.

Во время боя одна сотня первой бригады пошла в сторону ст. Мало-Архангельской для того, чтобы воспрепятствовать подходу к ст. Поньри эшелона или бронепоезда противника от г. Орла. Эта сотня в 10 верстах севернее ст. Поньри взорвала в трех местах полотно ж. д. и затем подошла к ст. Мало-Архангельской, причем в конном строю пыталась атаковать станцию, но огнем расположившейся там пехоты противника силою до батальона была отбита.

Дело под станцией Поньри стоило 1-й бригаде одного убитого и нескольких раненых.

1-я бригада оставалась на ст. Поньри до 17 часов, после чего перешла в с. Ольховатку, оставив в с. Поньри одну сотню для наблюдения за станцией и за большой дорогой на с. Архангельское.

В то же время, высланный из с. Ольховатки эскадрон латышского кавиолка достиг ст. Возы, что южнее ст. Поньри и, атаковав ее, взял, взорвал на станции все крестовины и стрелки, захватил в плен коменданта станции и к ночи вернулся в с. Ольховатку.

Между тем, 3-й Червоно-Казачий Кубанский полк не менее успешно выполнял свою задачу. Полк выступил в 10 час. из с. Молотычи через с. Жердево на г. Фатеж. К 13-ти часам полк подошел к Фатежу и, открыв по городу беглый огонь из бывшего при нем взвода конной батареи, ворвался в конном строю в город.

В городе находились караульная команда и офицерская рота. Опеломленные, они не успели приготовиться к бою и погибли под казацкими шашками. В городе было захвачено два бронетрактора и два 8-ми дюймовых орудия. Бронетрактора взорвали, с орудий сняли замки, а стволы подорвали.

В Фатеже было освобождено из тюрьмы около 100 человек сидевших там красноармейцев и советских работников. После набега, расправившись с полицией и спрятавшимися офицерами, полк к 21 часу того же дня прибыл в с. Ольховатку, где уже находилась вся дивизия.

Всего за 37 часов дивизия прошла 120 верст, открыла себе боем дорогу к тылам противника, к вечеру второго дня разгромила эти тылы, разрушила в 15 местах линию ж. д. Орел—Курск и сосредоточилась в с. Ольховатке. Следует отметить чрезвычайную слабость тылов противника, совершенно за них спокойного, за что—и жестоко наказанного.

Всего за два дня уничтожено: 2 роты пехоты при прорыве, рота пехоты и лазарет возле Сванских Дворов, 2 роты пехоты в Фатеже (из них одна офицерская), рота пехоты на ст. Поньри, комендантская команда на ст. Возы—итого более 6 рот пехоты; захвачено—артиллерийский обоз, 2 тяжелых орудия, 2 бронетрактора и эшелон с обмундированием; в 15 пунктах взорвана ж. д. Орел—Курск и разрушено 2 станции.

Потери с нашей стороны составляли менее десятка убитыми и ранеными. К числу потерь противника не отнесены убитые по всему пути следования дивизии полицейские чины.

На другой день после набега на Поньри—Фатеж противник начал спешно эвакуировать Курск и Льгов. Курский губернатор с экстренным поездом выехал в Харьков „по делам службы“...

Вести с фронта. Дело под Сабуровкой Разгром корниловцев.

В то время, как червонные казаки прорывались при помощи латышской дивизии в районе Чернь—Чернодье и ушли в рейд, противник перешел в наступление на участке латдивизии. В течение 3-го ноября латыши сдали дроздовцам взятые было Чернь и Чернодье и отошли с позиции на участке Жерновец—Ретяжи.

Пластунская бригада Павлова и 2-я Латышская отступили к северу на несколько верст по всему фронту.

Однако, действие рейда не замедлило сказаться. Встревоженный появлением конницы на своих тылах по шоссе Кромы—Фатеж, противник вечером 3-го ноября приостановил наступление.

День 4 ноября прошел в мало решительных действиях с обеих сторон. Противник на всем участке ударной группы отбил атаки латышей, но вечером 4-го ноября стал свертываться в колонну и отходить. На фронте осталась редкая цепь, которая снялась с наступлением темноты и также отошла.

В ночь с 4-го на 5-ое ноября латышская дивизия заняла по всему фронту позиции противника и с рассветом 5-го ноября стала его преследовать по пятам.

Эти сведения еще не дошли до рейдирующей конницы. Штадив червонно-казачьей знал только то, что противник отбил латышей на участке Чернь—Чернодье и восстановил положение—остальное ему не было известно.

Ночь с 4 на 5 ноября прошла для рейдирующей конницы спокойно. Дивизия отдохнула и покормила коней, падавших с ног от усталости. На рассвете 5-го ноября высланы были раз'езды на Повныри—Мало-Архангельск—Бирюки—Подольяне—Сванские Дворы. При этом особенное внимание обращалось на пути, пройденные дивизией, и на север, где находились действующие части противника.

Раз'езд, высланный на ст. Мало-Архангельск, к 12-ти часам донес, что по дороге из Архангельского на Повныри движется большая колонна противника при артиллерии. Подсчитано было 3 батальона и 8 орудий; впереди пехоты раз'езд заметил конницу противника силою около полка.

Штадив решил не даваться противнику, идущему на Повныри, приказал дивизии свернуться и выполняя задания командарма через с. Тагин идти на ст. Дьячья для удара по фронту противника; латышский кавполк был выделен в качестве бокового арьергарда к с. Сабуровке с задачей прикрыть главные силы.

Изложенное в форме приказа решение и донесение о прежних двух днях работы дивизии в рейде было вручено взводному командиру 1-й сотни 1-го полка т. Гриценко с приказом прорваться со своим взводом в районе Жерновец к нашим частям и вручить донесение первому встреченному штабу латышской дивизии. Это донесение было доставлено в штаб одного из латышских полков в ночь с 5 на 6-е ноября. Командарму оно было доложено немедленно по проводу.

В 13 часов дивизия в одной колонне выступила из с. Ольховатки и, охраняясь походными заставами и раз'ездами, двинулась на Сабуровку.

Возле Сабуровки латышский кавполк завязал перестрелку с раз'ездом от авангарда идущей по большаку пехоты противника. Дивизия, оставив латышский кавполк в Сабуровке, с приказом идти затем в арьергарде, двинулась на Бирюки—Подольяне. Туда прибыло донесение, что в с. Тагин стоит штаб 1-го Корниловского полка с небольшим прикрытием.

От захваченных раз'ездами пленных выяснили, что корниловцы и дроздовцы отступают по всему фронту по той причине, что „в тылу у них 10000 казаков“. Штадив приказал атаковать с. Тагин.

1-й Червоно-Казачий полк подошел к селу и в 18 часов в конном строю атаковал с. Тагин, причем в конном же строю лихой атакой взял высившуюся над с. Тагин гору, куда отступил командир полка с офицерской ротой.

В с. Тагин была захвачена канцелярия 1-го Корниловского полка, убит ад'ютант полка и изрублено до 200 пехотинцев, но полкового знамени взять не удалось, так как его упорно защищала знаменная офицерская рота. Настойчивым преследованием ее почти всю изрубили, но командир полка и конные ординарцы со знаменем ускакали в село Сеньково.

Выехавшая на с. Сеньково сотня червонцев была встречена огнем батальона пехоты. Из того же села 2 тяжелых орудия открыли огонь по с. Тагин, но около 23 часов огонь прекратился.

К 24-м часам 5-го ноября дивизия расположилась таким образом: в с. Тагин—1-й, 2-й и 3-й полки, в с.с. Бирюки—Подоляне—латышский кавполк.

Высланные на станции Дьячья и Архангельская раз'езды к 3-м часам 6 ноября донесли следующее:

1) в с. Воронец прибыли латышские стрелки, идущие на Тагин.

2) с. Архангельское занято крупными силами противника.

Латышским стрелкам немедленно было послано сообщение о противнике. Раненых, художонных казаков и сформированную из отбитых пленных красноармейцев роту оставили в с. Тагин до прихода латышей.

Взятые в с. Тагин пленные сообщили, что 1-й Корниловский полк будет отступать на с. Поньри. Решено было параллельно преследовать его и, если возможно, обогнать и дать бой при поддержке идущих на хвосте у корниловцев латышских стрелков.

В 4 часа дивизия повернула на Бирюки—Подоляне—Сабуровку и в 7 часов 6-го ноября прибыла в Сабуровку. Сюда же, по донесению раз'ездов, шли из Архангельского корниловцы. Пленные, захваченные раз'ездом, показали, что корниловская дивизия должна занять линию Поньри—Сабуровка—Сванские Дворы.

Дивизия расположилась таким образом: латышский кавполк и 2-й Черказполк с батареей—в Сабуровке; 1-й и 3-й полки—в с. Самодуровке; от последних было выдвинуто по сотне в села Петроселки—Теплый Колодезь.

Латышам послали сообщение о движении противника и просьбу ударить на него со стороны с.с. Бирюки—Подоляне. Густые цепи корниловцев подошли к Сабуровке со стороны с. Александровка. Спешенные эскадроны латышского кавполка, расположенные за избами и гумнами на восточной окраине Сабуровки, встретили противника огнем.

По распоряжению начдива, 2-й Черказполк выделил дивизион без пулеметов, который по оврагу, идущему от Сабуровки на юго-восток, обошел противника и вышел ему во фланг. Другой дивизион 2-го полка, посланный в обход противника со стороны с.с. Бирюки—Подоляне, связался с двумя ротами подошедших латышей, которые взяли противника во фланг. Используя паличные силы, штадив вызвал к себе из Самодуровки 1-й полк.

Корниловцы открыли по Сабуровке огонь из 6 полевых и 2-х шести дюймовых орудий. Огонь был чрезвычайно силен. Цепи противника перебежками подходили к селу. На артиллерийский огонь противника отвечали орудия 1-й конной полевой батареи.

В это время к начдиву подскочил командир латышского кавполка и доложил, что спешенные эскадроны с трудом выдерживают натиск противника, который подошел уже к самому селу.

Начдив приказал подать к себе 2 орудия полевой конной батареи и с этими двумя орудиями прискакал к спешенным эскадронам Латышей. Огнем пехоты противника у нашего первого орудия было убито 3 лошади и одна ранена. Тогда орудие на руках вкатили за гумно, а за соседним гумном поставили другое орудие. Взвод открыл беглый огонь картечью и гранатами по растерявшейся пехоте противника, подошедшей уже на прямой выстрел.

Увидев замешательство пехоты противника, командир латышского кавполка, г. Крышьян, скомандовал—„коноводы, коней“.

Но прежде, чем коноводы подали коней, конно-пулеметная команда 2-го Черказполка и конные пулеметчики латышей на тачанках, всего с 16-ю пулеметами „Максима“, карьером вынеслись из села, повернули тачанки и открыли огонь по пехоте противника. За ними ураганом помчались 4 эскадрона латышей. В то же время глубоко на фланге противника из балки вынеслись три сотни 2-го Черказполка и с гиком бросились в шашки, а на другом фланге в атаку шел 2-й дивизион 2-го Черказполка.

Через несколько минут громадное снежное поле было взрыхлено конскими копытами и усеяно трупами. Артиллерия подготовила успех, конные пулеметчики и всадники

завершили победу. Красное оружие еще раз торжествовало на поле сражения. Под могучим конным ударом погиб лучший пехотный полк добровольческой армии. Это был 1-й Корниловский офицерский полк.

Преследование противника велось до с. Поньри. Сотня 2-го Черказполка ворвалась в Поньри, но огонь бронепоезда с линии железной дороги вынудил ее уйти.

В этом бою было взято 5 полевых орудий, два 6-ти дюймовых орудия и большой обоз. Пленных не было—в те жестокие дни пленных не брали.

В деле под Сабуровкой обращает на себя внимание согласованность работы частей и взаимная выручка: как только латыши сели на коней, так тотчас же противника атакуют с флангов дивизионы 2-го полка. Характерно и стремление нашей конницы решить бой конным ударом—жив конный дух красной конницы и воспитание конницы идет по верному пути.

Итоги рейда. Противник отступил на 100 верст.

Ближайшим следствием рейда было то, что противнику не удалось устроиться на реке Свапе. Латыши перешли в дальнейшее наступление и после коротких боев в районе Молотычи—Петроселка отбросили противника к Фатежу, где он и укрепился на линии р. Усож, выдвинув свой левый фланг к г. Дмитриевску.

Благодаря рейду были достигнуты следующие результаты:

1) В нашей армии выросло наступательное стремление и уверенность в победе—еще не битый на этом фронте противник в рейде был бит.

2) Противник, перешедший 3 ноября в наступление, рейдом конницы был вынужден к отходу. Под комбинированным ударом конницы с тыла и пехоты с фронта, противник очистил территорию от линии Чернь—Жерновец до р. Усож, что составляет около 100 верст в глубину.

3) В рейде и во время преследования противника конницей взято 5 полевых 3-х дюймовых орудий, два 6-ти дюймовых орудия, два 8-ми дюймовых, 2 бронетрактора, уничтожено до 1200 пехотинцев и артиллерийский обоз.

Рейд на Льгов.

Узел, который нужно разрубить. Червоно-казачья дивизия готовит новый рейд.

Разбитый под Орлом 1-й корпус добровольческой армии, состоявший из дроздовцев, корниловцев и марковцев под командой генерала Кутепова укрепился по линии ст. Вазы (по жел. дороге Орел—Курск)—г. Фатеж—р. Усож—г. Дмитриевск.

Латышская дивизия пыталась сбить противника с этой линии, но безуспешно,—противник упорно сопротивлялся. По железно-дорожной линии Льгов—Брянск дроздовцы перешли в наступление на ст. Комаричи. Упорными боями они принудили к отходу 7-ю стрелковую дивизию и обстреливали ст. Комаричи из тяжелых орудий, установленных на бронепоездах.

Червоно-казачья дивизия в это время отдыхала и ковала коней в районе Петроселка—Молотычи. Пошли дожди, а вслед за ними ударили морозы. Наступила гололедица, некованная конница была бессильна.

10 ноября выпал снег. Коней тем временем подковали; дивизия за 4 дня отдохнула от рейда на Поньри—Фатеж.

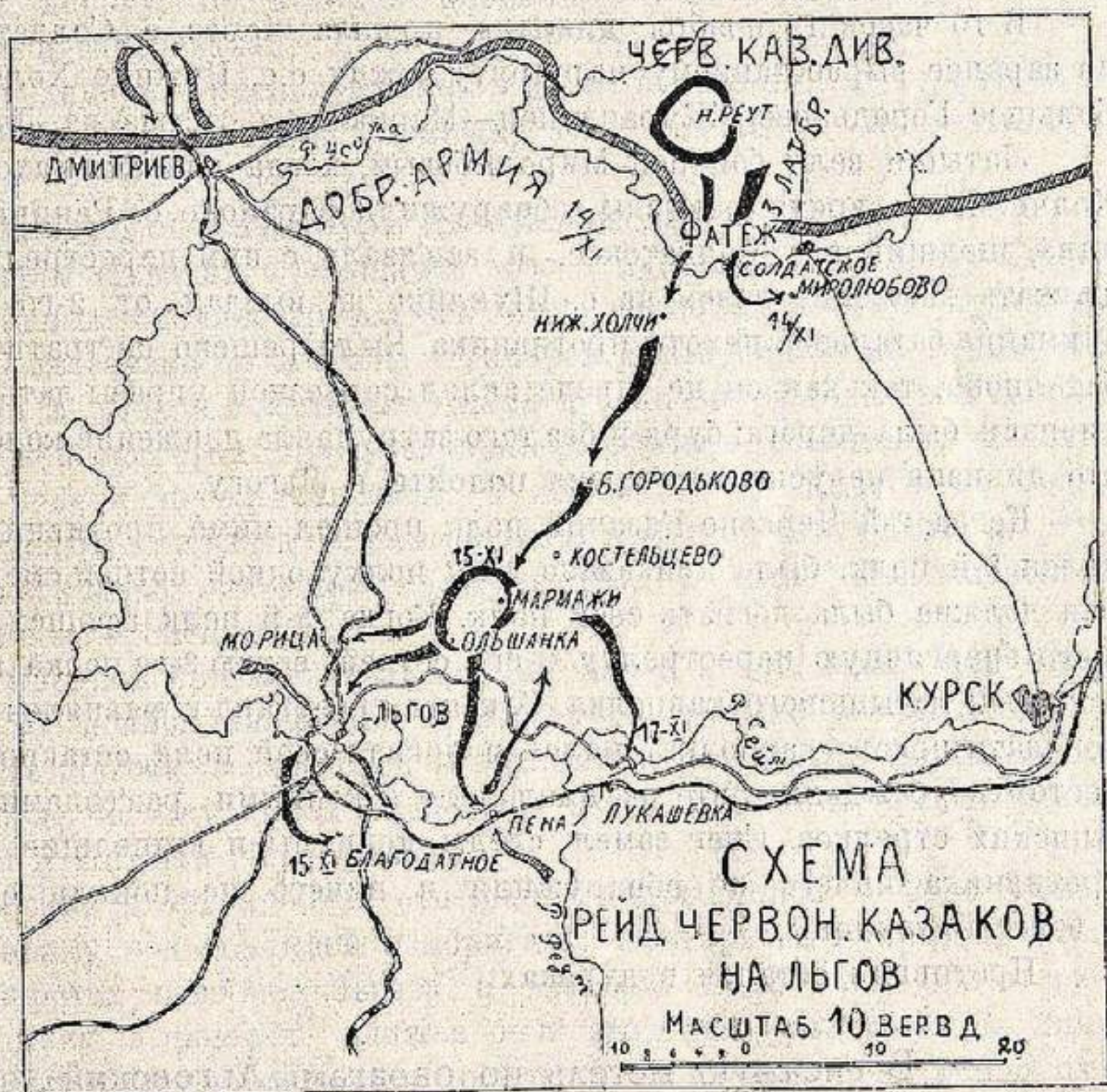
Командарм XIV, т. Уборевич, убедившись, что наша конница отдохнула и готова к новым боям, приказал прорваться на участке г. Фатежа и сделать набег на Льгов.

Львовский железнодорожный узел имел для противника весьма крупное стратегическое значение: он связывал Курск, Брянск, Харьков, Коренево. На Львовский узел опирались дроздовцы и корниловцы. Поэтому командарм приказал: „Во что бы то ни стало разрушить Львовский узел“.

13-го ноября червоно-казацкая дивизия сосредоточилась в с. с. Нижне-Реут—Путчина, что в 10 верстах северо-западнее г. Фатежа. Дивизию усилили еще одним полком кубанцев, который был влит в качестве пополнения в 3-й Червоно-Казачий полк. Всего в дивизии имелось: в 1-й бригаде 1000 сабель, во 2-й Сводной—900 при 6 орудиях и 40 пулеметах Максима.

Высланная разведка обнаружила части пехоты противника на р. Усож в с. с. Тарасовка и Солдатское. 3-я Латышская бригада под командой т. Стуцка вела наступление на г. Фатеж—с. Солдатское (в 6 верстах западнее Фатежа); главный удар был нацелен через с. Солдатское в обход г. Фатежа. Дивизия связалась с Латышской бригадой.

На совещании начдив червоно-казацкой и комбриг 3-й Латышской решили, что на рассвете 14 ноября латышская бригада прорвет фронт противника у с. Солдатское, в прорыв войдет червоно-казацкая дивизия и, расширяя его, выйдет в рейд на Львов.

Латстрелки помогают. Под покровом снежной бури.

На рассвете 14 ноября латышские стрелки атаковали с. Солдатское, выбили противника и повели наступление на Фатеж—Миролюбово (что южнее Фатежа) фронтом на юго-восток. На остальных участках латышской дивизии бои шли с переменным успехом. Особого напряжения не было, так как бушевала снежная выюга, затруднявшая операции. В районе ст. Комаричи противник вел наступление и занял станцию.

Пользуясь снежной бурей, червоно-казацкая дивизия на рассвете 14 ноября прошла через с. Солдатское, занятое стрелками 3-й Латышской бригады, и в одной колонне двинулась на Львов.

Приказ по дивизии разработали на два дня; в 1-й день предполагалось пройти до сел Мармажи и Ольшанка, что в 15 верстах северо-восточнее Львова; во 2-й день— атака на Львов. Целью рейда было разрушить Львовский железнодорожный узел и затем ударить в тыл дроздовцам в направлении г. Дмитриевска.

В рейд шло 1900 сабель, 32 пулемета „Максима“ на тачанках, 6 орудий при 6-ти зарядных ящиках, 32 патронные двуколки, 16 санитарных тачанок, при штадиве 2 троечные повозки с патронами и 4 с подрывным имуществом.

Полки шли по порядку номеров. В авангарде в 2-х верстах шел дивизион 1-го полка. Связь поддерживалась густой парной цепочкой; видно было не далее 200 сажень. так как снежная вьюга превратила день в ночь. Фланги охранялись от каждого полка раз'ездами. В арьергарде в одной версте шел полуэскадрон латышей, — от главных сил к нему была протянута цепочка. Вьюга через 10 минут совершенно заметала следы дивизии; не оставалось даже следов от артиллерии и обоза.

В 10 часов 14 ноября дивизия прошла через с. Солдатское и двинулась дальше по заранее выработанному маршруту между с.с. Нижние Холчи—М. Руда на Щуклино—Большое Городьково—Журавлинец—Мармажи и отсюда на Льгов.

Латыши вели бой под Миролобовым, когда дивизия находилась на уровне Нижние Холчи. В это время раз'езды обнаружили в районе с. Репинка батальон пехоты противника, шедший в с. Солдатское, и зав'язали с ним перестрелку. Начдив приказал продолжать движение полем на с. Щуклино и выслал от 2-го полка сотню, чтобы отвлечь внимание батальона пехоты противника. Было решено не тратить времени на уничтожение батальона, так как он не представлял серьезной угрозы латышам, а каждая минута для дивизии была дорога: буря и без того затрудняла движение колонны и следовало опасаться, что дивизия не успеет во-время подойти к Льгову.

Когда 2-й Червоно-Казачий полк прошел мимо противника и с противником поравнялся 3-й полк, было приказано 3-му полку одной сотней сменить сотню 2-го полка, которая должна была догнать свой полк. Когда 3-й полк прошел мимо противника, завязавшего энергичную перестрелку с его сотней, сотню 3-го полка в таком же порядке сменил эскадрон латышского кавполка. А когда арьергард поравнялся с противником, то и эскадрон латышского кавполка снялся и догнал свой полк, оставив противника перед пустым местом в убеждении, что он имел дело с конными раз'ездами, охраняющими фланг латышских стрелков. Снег замел следы конницы и вышедшие на след дозоры пехотинцев противника ничего не обнаружили и ничего не поняли, обманутые снежной пеленой и завесой конницы.

Противник остался в дураках.

В снежную метель по оврагам. Львовский узел разрушен.

Дивизия червоных казаков прошла через с. Щуклино и подходила к с. Большое Городьково. Буря бушевала с большой силой и затрудняла и без того тяжелую дорогу по холмистой местности.

Проходя через села, червонцы, бывшие в погонах, распускали слухи, что они—шкурровцы и отступают с фронта под натиском красных. В деревнях рождались и расползались во все стороны слухи о разгроме белых, доходившие и до армии противника и пугавшие солдат и командиров, как грозное предостережение. В глухих деревнях крестьяне убивали отдельных солдат добровольческой армии.

А наша конница шла вперед, одолевая горы, спуски и под'емы. Возле с. Большое Городьково, при спуске и под'еме через крутой овраг пришлось спешить две сотни: одна сотня на руках спускала орудия, а другая втаскивала на гору, так как лошади не могли справиться с обледеневшим крутым под'емом. Лошади и люди выбивались из сил, но все шли и шли, побуждаемые какой-то дикой энергией. На одном под'еме орудие, подтянутое почти до верху, сорвалось вниз и потянуло за собой казаков, при этом одному казаку отрезало ступни ног. Громадный ком из людей и стали неся с ледяной вершины. С грохотом эта масса упала на дно оврага. Но на смецу спешат новые взводы; орудие

другим путем, через сломанные заборы, через огороды втащено на гору—и дивизия идет дальше, шаг за шагом одолевая и овладевая пространством.

На переходе между с. Большое Городьково и Журавлинкой стемнело. Дивизия, имея при себе до двадцати крестьян-проводников из с. Большое Городьково, сбилась все-таки с пути среди бесконечных оврагов. Пришлось перестроить взводы, сомкнуть дивизию без интервалов, опоясаться пулеметами от нападения врага, спешить людей и поставить их с подветренной стороны за конями. От дивизии была выделена длинная сплошная цепочка, во главе с работниками штаба, которая по компасу розыскала с. Журавлинку, путаясь по оврагам, и затем нашла дорогу, по которой дивизия через Журавлинку прошла в Мармажи—Ольшанку, где и заночевала.

К 2-м часам 15 ноября дивизия расположилась таким образом: 1-й Черказполк—в Ольшанке, штадив и 2-й Черказполк—в с. Мармажи, 3-й Черказполк и латышский кавполк—в с. Костельцево.

Всего за 18 часов в сильную снежную бурю дивизия сделала свыше 50 верст.

1-й Червоно-Казачий полк захватил в Ольшанке обоз и пулеметную команду Самурского полка. Без сопротивления сдались 10 человек при офицерах и 8-ми пулеметах „Максима“; при этом было захвачено 40 повозок. Офицеров взяли в плен на „афинском“ вечере пьяными; они сидели за столом в костюмах Адама и с ними три голые женщины—певицы из Яра и Харьковской оперетки. Протрезвившиеся офицеры сообщали, что наше появление было для них полной неожиданностью; в Льгове о нас ничего не знают, на фронте дроздовцы наступают, ими взята ст. Комаричи. В г. Льгове есть пехота и артиллерия, на станции стоит несколько эшелонов с имуществом и штаб Май-Маевского; по линии Льгов—Брянск ходят бронепоезда.

Начдив приказал 2-й Сводной бригаде—латышскому полку и кубанцам—при взводе артиллерии с рассветом 15 ноября атаковать г. Льгов со стороны с. Кочетно, что в 5 верстах северо-восточнее Льгова, взять город и станцию и разрушить пироксилином железно-дорожный узел, после чего кубанцам расположиться в с. Кочетно, а латышскому кавполку в с. Подгороднем и Нижней Деревеньке.

Для взрыва путей послали с бригадой 2 отделения подрывников с 20-ю пудами пироксилина. 1-му Черказполку под командой комбрига т. Григорьева приказали атаковать с. Морица, что в 10 верстах севернее Льгова и взорвать мост через р. Котловец. 2-й Черказполк, находившийся в резерве, должен был высылать раз'езды на линию Черемошня—Клесово—Черный Колодезь, освещать пройденный в первый день рейда путь, и послать сотню для взрыва моста по линии Курск—Льгов через р. Реут у ст. Пена.

Части выступили для операций в 9 часов. Метель продолжалась.

2-я бригада под командой т. Крышняна подошла к с. Кочетно и открыла артиллерийский огонь по г. Льгову, а затем подала орудия ближе к городу и повела огонь по станции Льгов, где скопилось много эшелонов. В результате этого тотчас же задымили паровозы и со станции ушел на Суджу штаб Май-Маевского.

После короткой артиллерийской подготовки 2-я бригада атаковала Льгов. Кубанцы и латыши ворвались в город и начали рубить столпившуюся на улицах пехоту. Противник пытался задержаться за мостом, ведущим из города на Нижнюю-Деревеньку, но два эскадрона латышей спешились и губительным огнем выбили пехоту. Кубанцы карьером прошли мост, ударили по бегущим и вместе с посаженными на коней латышами ворвались на станцию.

В городе взяли до 700 пленных, 3 орудия и много пулеметов. На станции захватили до 200 вагонов с военным имуществом и обмундированием. Кубанцы преследовали белогвардейцев до с. Благодатного и взяли при этом большой обоз. Подрывная команда взорвала мост через р. Атака и мост по Курско-Льговской железно-дорожной линии, через насыпь; мост упал и забаррикадировал линию Льгов—Курск.

Ночью латыши расположились в Подгороднем и Нижней Деревеньке, а кубанцы в с. Кочетно. 1-й Червоно-Казачий полк атаковал в 11 часов с. Морица, но артиллерийским огнем бронепоезда, подошедшего от Дмитриевска, был выбит и успел только взорвать путь у с. Морица. Бронепоезд исправил путь и через Льгов прорвался на ст. Ортаково. Полк отошел на Дмитриевское—Ольшанку. Взвод от 1-го полка был послан по большаку на с. Панкеево. В нескольких верстах за с. Панкеевым, к северу, взвод встретил, идущую на Льгов роту пехоты противника, сопровождавшую 2 орудия 45-линейных и 2 орудия 3-дюймовых. Пользуясь метелью, взвод взял в пашки пехоту, изрубил прикрытие и взял в плен 70 пехотинцев и 4 орудия, принадлежавшие 2-му Дроздовскому полку. Орудия при 4-х офицерах с прислугой с 4-мя зарядными ящиками и зарядами доставлены были в Мармажи, в штаб дивизии.

Операция сотни, высланной на с. Пена для взрыва моста, успехом не увенчалась: в с. Глушково эту сотню встретила огнем рота противника, засевшая с пулеметами за мостом через р. Сейм. После перестрелки сотня отошла в с. Козью.

К вечеру 15-го ноября дивизия выполнила полученное ею задание: Льговский узел был разрушен. В операциях 15 ноября принимала участие вся дивизия. За день было взято до 800 пленных, 5 орудий 3-х дюймовых и два 45-линейных, разрушен Льговский узел, захвачено 200 вагонов с амуницией, обмундированием и продовольствием и несколько локомотивов. В результате рейда дивизия отрезала пути отхода Дроздовской дивизии и лишила ее связи с высшим командованием.

День 15-го ноября можно считать началом разгрома Дроздовской дивизии.

Военная хитрость. Противник в панике.

В то же время фронтовые части противника еще ничего не знали о нашем рейде и отсутствие связи со Льговом приписали буре, которая вообще везде порвала связь 16 ноября буря продолжалась с прежней силой,—день превратился в ночь. Казаки кормили коней и отдыхали.

По доступным для пехоты дорогам, во все стороны на 10 верст по кругу были высланы раз'езды, кроме того, полкам было приказано иметь непосредственное охранение заставами.

Так как все пути отхода вели через район г. Льгова и у штадива не было сомнений в том, что противник будет немедленно отступать, как только узнает о рейде и разрушении Льговского узла,—то штадив решил выждать противника на себя и встретить его со свежими конями и людьми. Для того, чтобы внести панику в ряды фронтовых частей противника и внушить им представление, что конница висит на них и каждую минуту может обрушиться, было решено выслать сеть крупных раз'ездов на север к фронту противника. Раз'езды должны были появляться на фронте в 50 верст, обязательно приходить в соприкосновение с пехотой противника, завязывать с ней перестрелку и пытаться захватывать пленных, после чего отходить обратно, произведя как можно больше шума в непосредственном тылу фронтовых частей противника.

Осуществляя эту мысль, начдив выслал 4 раз'езда, каждый силою в один взвод, по маршрутам: с. Котлево—Тураевка—большак на Дмитриевск—1-й взвод; Котиево—Узник—Святая Роща—2-й взвод; обратно к Фатежу по маршруту рейда—3-й взвод, и к большаку на Курск—4-й взвод. Взводы сделали свое дело: все привели по несколько пленных и дошли до линии Присветово—Волица—Узник—Щуклино, где встретили уже отходящего противника.

Прием этот, простой по замыслу, дал требуемый результат: паника на фронте выросла и отступающие части думали уже не об организованном сопротивлении, а только о том, как бы уйти из-под удара нашей конницы. Таким образом, наша военная хитрость вполне удалась.

Бой под селом Костельцево. Деникинцы — по деникинцам. Разбит 2-й Дроздовский полк.

17 ноября снежная буря продолжалась, не утихая. Штадив полагая, что 17-го начнутся бои с отступающей с фронта пехотой противника, подтянул в с. Мармажи 1-й и 3-й Червоно-Казачьи полки, латышский же кавполк вывел из Льгова и поставил в с. Кочетно, приказав иметь во Льгове один эскадрон, а другим эскадроном освещать участок Ширково—Танкаево. От 2-го полка с рассветом 17 ноября были посланы раз'езды на Клесово—Черный Колодезь.

Эти раз'езды донесли, что три батальона пехоты противника, двигаясь от с. Черный Колодезь вошли в с. Костельцево и завязали с ними перестрелку.

Штадив приказал 2-му полку атаковать с. Костельцево со стороны Муравлинка—Мармажи, 3-му полку атаковать с. Костельцево со стороны с. Рогово, действуя во фланг и в тыл противнику, отрезая его от с. Болванова и стремясь к полному окружению. Пересеченная диким лабиринтом оврагов местность не позволяла действовать в конном строю. 1-ой Черказбатарее приказано было из с. Мармажи открыть огонь по с. Костельцево.

Командир дивизиона донес, что для боя можно использовать захваченную у противника исправную 45-линейную гаубицу, к которой есть пленные офицеры, прислуга и снаряды. Офицеров направили к начдиву, который предложил им свободу, если они будут стрелять по своим; офицеры согласились. Начдив добавил, что если они будут плохо стрелять, после того, как дали обещание, то им придется стать к стенке. Один из пленных офицеров заявил, что будет попадать без промаха, если ему дадут свободу,— этому офицеру было поручено управлять огнем.

Через пол часа гаубица открыла огонь по с. Костельцево и меткими выстрелами сбила колокольню, на которой стояли пулеметы противника. Огонь артиллерии, управляемой командиром артдивизиона из цепи по телефону, был чрезвычайно меток и много содействовал успеху.

В 13 часов из с. Клесово прискакал казак с донесением, что от Клесова на Запрутье—Костельцево идет пехота противника силою до полка. Пехота как-будто идет без оружия,—оружие лежит сзади на подводах. На вопрос начдива, слышен ли под Клесовым артиллерийский огонь, казак ответил: „Ні, не чути, бо вітер з півночі“.

Начдив решил попытаться отбить обоз противника и обезоружить его, для чего была выслана сотня 1-го полка. Вместе с этим отправили извещение о движении противника командиру 2-го полка, тов. Потапенко, с приказом наблюдать Журавлинку.

Назначенная сотня только успела выйти из с. Мармажи на Клесово, как уже прибыл весь взвод, бывший в раз'езде, и привел с собой большой обоз с винтовками. Как выяснилось из донесения взводного командира, батальон пехоты противника шел через Запрутье на Костельцево, причем, в виду дурной погоды, сложил оружие на сани, взятые у крестьян. Обоз отстал, примерно, на пол версты и шел с небольшим прикрытием.

Взводный командир решил захватить обоз. Взвод под'ехал к обозу; взводный командир в погонах эсаула завел речь с командиром прикрытия, юным прапорщиком, а, затем, червонцы внезапно бросились в шашки. Прикрытие изрубили, обоз забрали. В нем оказалось до 400 винтовок, которые через Журавлинку были доставлены казаками в Мармажи. Снежная метель скрыла это „разоружение“, произведенное почти без выстрела, и батальон пехоты противника благополучно прибыл в Костельцево без оружия. Начдив, для проверки донесения, допросил захваченного живым офицера, взятого спящим в санях; офицер подтвердил, что оружие всего батальона налицо и что с оружием осталась только знаменная офицерская рота. Батальон входит в состав 2-го Дроздовского полка, идет в Костельцево на соединение с полком.

В Костельцево, таким образом, собрался весь 2-й Дроздовский полк. Около 15 час. от командира 2-го полка червонцев поступило донесение, что в Костельцево через Запутье прибыло подкрепление — батальон пехоты. В ответ командиру полка было сообщено, что этот батальон оружия не имеет.

Часов около 16-ти артиллерийский огонь усилился с обеих сторон; противник отвечал из четырех 3-х дюймовых орудий.

В 16 часов 2-й и 3-й полки пошли бурной атакой в шашки, охватив с. Костельцево с трех сторон. Село было взято, захвачено до 1000 пленных и два орудия. Знаменная рота успела уйти со знаменем на Болвановку—Кривоторовку. Многие офицеры не сдавались в плен и кончали самоубийством; всего сдалось в плен 36 офицеров. Мы потеряли до 40 человек убитыми и ранеными; был ранен помощник командира 2-го полка Ислам-Гирей Макеев.

В 18 часов уже стемнело. Пленных и трофеи доставили в с. Мармажи. В течение ночи в разных местах раз'ездами захватывались отдельные группы дроздовцев. В овраге возле Костельцева были найдены 2 орудия без замков, брошенные знаменной ротой. Всего за день взяли 1200 пленных и 4 орудия (2 исправных и 2 без замков).

„Смелость города берет“.

Дивизия ночевала в следующем порядке: 1-й полк—в Ольшанке, 2-й полк—в с. Мармажи, 3-й полк—в Костельцево, латышский кавполк—Кочетно—Льгов. На ночь было выставлено кольцевое охранение заставами по линии Морица—Панкеево—Журавлинка—Болваново—Козья Ретица—Мирохино—Кудищево.

В 7 часов 18 ноября стоявшая в с. Кудищево застава была атакована и выбита пехотой противника. Противник силой в полк через Кудищево двинулся на Льгов, стремительно атаковал расположенные во Льгове 2 эскадрона латышей, выбил их из города и через Нижнюю Деревеньку ушел за реку Сейм. Командир латышского кавполка выступил с полком в погоню, но противник отступал в полном порядке в одной колонне, отходя на Суджу и отбивая атаки латышского полка. Латыши взяли несколько пленных и захватили часть обоза.

От пленных стало известно, что атаковал Льгов и прорвался на юг 1-й офицерский Дроздовский полк под командой полковника Туркуля. Полк отступал с фронта в полном порядке и шел все время в одной колонне, в кулаке.

Причиной прорыва дроздовцев является слабость охранения и вызванная успехом беспечность латышей. Полковник Туркуль действовал решительно и энергично, правильно рассчитал удар и выполнил его внезапно и смело, — эти данные всегда обеспечивают успех. „Смелость города берет“ — смелость и внезапность выручили Туркуля в его операции под Льговом.

Утром 18 ноября высланная на Черный Колодезь разведка связалась с латышскими стрелками и от них узнала, что 17-го ноября взят Курск. Высланные на север раз'езды в полупереходе связались с нашей пехотой. К полудню того же дня 41-я Стрелковая дивизия подходила к Льгову.

Пять бронепоездов в ловушке. Рейд окончен. Противник в беспорядке отходит.

Около 14 часов раз'езд, посланный на Козью—Лужково, донес, что от Курска на Льгов в затылок один другому идут три бронепоезда. Вскоре артиллерийский огонь показал, что бронепоезда подошли к Льгову и обстреливают его; но так как Львовский узел был взорван, то через Льгов бронепоезда уйти не могли. Нужно было отрезать им и другой, путь отступления. Тотчас же две сотни 2-го Черказполка с отделением подрывников направились взорвать мост через р. Реут у ст. Лукашовка, 1-й полк и штадив перешли

в с. Речицу, латышский полк занял линию Льгов—Городянский; 2-й полк червонцев—Борисовку—Угоны; 3-й полк—Макаровку—Глушиково. При этом латыши получили приказ иметь во Льгове дивизион, который должен препятствовать высадке десанта из бронепоездов, а другим дивизионом из Городянского наблюдать бронепоезда и препятствовать исправлению обрушенного моста. Артиллерия стала в балках впереди с. с. Борисовка-Городянский и одним взводом открыла огонь по рабочим, исправлявшим путь, и по батареям на бронепоездах. Первые же очереди шрапнелей разогнали команду рабочих, пытавшихся разобрать мост, лежавший поперек пути тяжестью в несколько тысяч тонн (тона=61 пуду).

Около 17 часов в юго-восточном направлении раздался сильный взрыв: дивизион 2-го полка выполнил свою задачу. Путь возле ст. Лукашевка был взорван.

Бронепоезда сидели в ловушке. Начдив приказал артиллерии не стрелять по бронепоездам, чтобы их не повредить, а обстреливать только прислугу, если она выйдет из поездов.

Бронепоезда открыли сильный, но беспорядочный огонь по селу и оврагам, безуспешно пытаясь нащупать наши части. Работало до 25 орудий с 5 бронепоездов, стоявших между ст. Лукашевкой и Льговом. Огонь их вреда никому не причинил.

Предполагалось ночью атаковать бронепоезда в пешем строю. Но прислуга той же ночью оставила бронепоезд и ушла на юг. Поезда были взяты червонцами и пехотой 41-й стрелковой дивизии без боя. В бронепоездах „На Москву“ и „Дроздовец“ противник подорвал орудия, остальные—„Генерал Дроздовский“, „Иван Калита“ и „Офицер“—были взяты в полной исправности. Бронепоезд „Генерал Дроздовский“ был переименован в „Червонный Казак“ и через две недели бил дроздовцев на путях от Харькова к югу.

В ночь с 18-го на 19-е ноября была установлена связь с латышской дивизией в г. Фатеже. Льговский рейд закончился. В штадив латышской отправили 1700 пленников, два 45-линейных орудия и девять 3-дюймовых орудий. Бронепоезда приняла 41-я стрелковая дивизия. Противник в беспорядке отходил на всем Харьковском направлении.

Результаты Льговского рейда.

1) Окончательный перелом настроения в обеих армиях: в XIV-й армии выросла вера в себя и в победу, в частях корпуса ген. Кутепова противник морально был совершенно разбит и разлагался. Во время преследования целые батальоны сдавались без боя.

2) Противник потерял 1700 человек пленными, до 500 убитыми, девять полевых 3-дюймовых орудий, 2 орудия 45-линейных, до 50 пулеметов, до 200 вагонов со снабжением и 5 бронепоездов. На бронепоездах взято в исправном виде 19 орудий, в том числе несколько дальнобойных пушек Кане и 6 неисправных орудий, много снарядов и пулеметов.

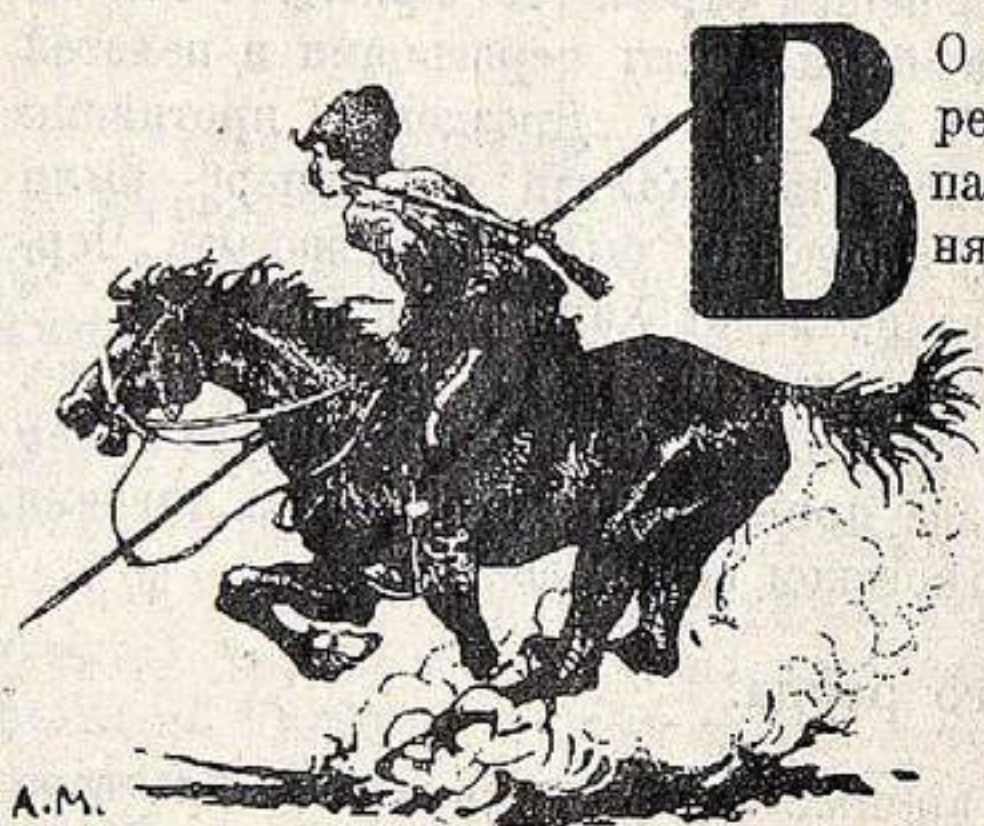
3) Рейд помог очистить от противника территорию до 150 верст в глубину, от Фатежа до Суджи.

К Азовскому морю.

Вслед за отступающим противником. Взятие ст. Готня. Остановка.

В О второй половине ноября, отдохнув после Львовского рейда, дивизия получила приказ преследовать отступающего противника в направлении г. Суджа—ст. Готня, стремясь выйти параллельно отступающим частям противника.

21 ноября дивизия выступила из занимаемого ею района—Речица—Городянок и в районе с. Пена переправилась через р. Сейм. Затем дивизия двинулась на Бобрин-Стремоухов по большаку, что к югу от с. Пена и далее, на с.с. Волконское—Ширково-Немча. Сильная снежная метель заметала дорогу, но дивизия шла вперед.

К ночи дивизия подошла к с. Ширково-Немча, которое, как оказалось, было занято противником. В ночном мраке, в страшной метели, дивизия обрушилась на село, наводнила его всадниками, изрубила несколько десятков пехотинцев и до 100 человек взяла в плен. Это были остатки 2-го офицерского Дроздовского полка.

Метель бушевала и на следующий день и настолько сильно, что лишала противника всякой возможности правильно разобраться в обстановке, в результате чего днем в село явилась в полном составе 8-я рота дроздовцев и сдалась в плен, что было полной неожиданностью и для дроздовцев и для червонцев.

Только к вечеру метель утихла, и дивизия могла продолжать движение. К ночи 22 ноября дивизия через с. Солдатское достигла с. Бирюковки и там ночевала.

За день по непроезженной дороге, по снежным сугробам, с трудом удалось сделать 20 верст.

23 ноября дивизия с востока атаковала г. Суджу и, при поддержке подошедших пехотных частей, взяла его. Противник спешно отступал к югу. После короткого отдыха дивизия выступила в направлении м. Пены, куда и прибыла 26 ноября. В районе м. Пены стояли части латышской дивизии; совместно с ними червонцы 27 ноября утром продолжали наступление на ст. Готня.

27 ноября латышские стрелки перешли в наступление в направлении на г. Богатый—м. Томаровка. Червоно-казачья дивизия получила приказ наступать в направлении ст. Готня и овладеть этой станцией.

Выбив противника из с. В. Пена, дивизия полевой дорогой обошла с.с. Венгеровка и Псковская и ударила на с. Зинаидино. Части противника, занимавшие Венгеровку и Пековскую, отступили без боя под угрозой их тылу в направлении с. Кобылевка и далее к югу. Дивизия, выбив противника из с. Зинаидина, атаковала с. Ракитное и к ночи после упорного боя заняла его. С рассветом 28 ноября дивизия атаковала ст. Готня, заставила бронепоезд, стоявший на станции, уйти на Харьков, и к вечеру 28 ноября ст. Готня была взята.

Выполнив задачу, дивизия стала на отдых в с. Ракитном и принялась ковать коней и подтягивать обозы. Противник укрепился по линии Гайворон—Хотмыжск—Зыбино—м. Томаровка и далее по р. Ворскла до с. Яковлева.

Латышская дивизия своими авангардными частями завязала бои с противником по этой линии, подтягивая в то же время артиллерию и огнеприпасы. Все части подтягивались и приводились в порядок (длительное преследование расстраивает не только преследуемого, но и преследователя). Прежде, чем вступать в новое сражение с противником, который подтянул резервы и устроился на крепких позициях, нужно было подтянуться и самим изготавиться к бою.

На всем участке происходили только мелкие стычки, причем противник местами пытался переходить в наступление и проявлял активность.

В течение недели червоно-казачья дивизия стояла в м. Ракитном. Штадивом были приняты меры к тому, чтобы за время стоянки поднять дисциплину в частях несколько ослабевшую за время наступления. В с. Ракитное был вызван занимавшийся „барахольством“ 3-й Кубанский Червоно-Казачий полк; начдив арестовал до 20 казаков и одного командира сотни за „барахольство“; был также отстранен от должности командир полка. С казаками велись политбеседы; дисциплина заметно поднялась.

Снова вместе с латышами в тыл врагу.

В первых числах декабря латыши пытались сбить противника с позиций, занятых корниловцами, марковцами и алексеевцами у Белгорода, но противник, подтянувши резервы, отбил их атаку.

После этого неуспешного боя на фронт прибыл командующий XIV-й армией т. Уборевич и член Реввоенсовета, т. Орджаникидзе. Выяснив обстановку, командарм приказал: червоно-казачьей дивизии приготовиться к рейду на Харьков, подковать коней и пополнить запас огнеприпасов.

6 декабря был получен приказ по XIV-й армии, в котором войскам давались такие задания: правофланговым пехотным частям вести наступление в общем направлении на г. Полтаву, латышам—сбить части противника, защищающие Белгород, и вести наступление на Харьков, передав I-ю Латышскую бригаду в оперативное подчинение начдиву червоно-казачьей; червонцам и I-й Латбригаде (командовал ею т. Вайнян) — прорваться на участке севернее Грайворона и совершить рейд на Харьков, имея задачей отрезать противнику отступление на Змиев и Лозовую и не позже 12 декабря взять г. Харьков.

Штадив приказал полкам дивизии оставить при обозах всех худоконных и в рейд идти с небольшими обозами (исходя из того же расчета, что и в рейде на Льгов), латышской бригаде оставить всех слабых и плохо обмундированных стрелков при обозе; все обозы и походные кухни оставить, на стрелка взять по 300 патронов на руки и по 300 на запасных повозках; латышской бригаде в рейде двигаться на санях (латыши были обуты в валенки).

Итого в рейд шло 2 конных полка по 200—400 сабель, при 10 пулеметах на каждый полк и 6 орудиях на дивизию, 3 стрелковых полка по 300 штыков каждый при 12 пулеметах на полк и небольшой обоз.

У Богодухова. Встреча с Терской дивизией. На Мерёфу.

В 10 часов 7 декабря отряд выступил из района м. Ракитное и в одной колонне двинулся через ст. Готня на м. Б. Писаревку, что в 40 верстах к югу от ст. Готня. К ночи 7 декабря отряд прибыл в м. Б. Писаревку, где и расположился на ночлег, выставив охранение в сторону городов Грайворон—Богодухов—Ахтырка.

В 9 час. 8 декабря отряд выступил из Б. Писаревки в следующем порядке: в голове шла 1-я Червоно-Казачья бригада, за ней 3-й Кубанский Червоно-Казачий полк, затем латышские стрелки на санях и за латышами-пехотинцами латышский кавполк.

Фланги колонны охранялись раз'ездами, которые шли на 3 версты от колонны по местности и по проселкам. На пол-пути раз'езды были заменены, так как кони уставали, двигаясь местами по целине. К 15 часам дивизия прибыла в м. Сенное, что в 10 верстах восточнее Богодухова. Наши раз'езды вошли в соприкосновение с пехотными частями противника, отошедшим из м. Сенное в г. Богодухов.

К Богодухову с севера подходили наши пехотные части; их разведка завязала перестрелку с противником на линии с. Дмитриевка—ст. Незнаеваха.

Погода стояла теплая, шел дождь вперемежку со снегом.

Отряд ночевал в м. Сенное, выставив кольцевое охранение.

Утром 9 декабря отряд выступил из м. Сенное. С утра шел дождь. Латыши спешно меняли сани на повозки, но исправных повозок у крестьян в декабре имелось мало, и замена шла чрезвычайно медленно. Без повозок латыши идти не могли: среди журчавших ручьев и талого снега, под дождем, в своих валенках они были совершенно беспомощны.

Отряд двигался очень медленно. Порядок движения колонны был тот же, что и 8-го декабря.

За это время под давлением нашей пехоты противник оставил г. Богодухов и спешно отступал на Валки.

В с. Александровке к начдиву червоно-казачьей приехал начдив Саблин, который сообщил, что его дивизия имеет задачу идти на Полтаву—Валки, но одну бригаду он намерен бросить на Харьков через Мерчик—Люботин и сам идти вместе с нею.

Рейдирующий отряд вышел из Александровки для ускорения марша двумя колоннами: первая состояла из 1-го, 2-го, и 3-го Червоно-Казачьих полков при одной батарее и пошла на с. Краснополье по южному берегу реки Мокрый Мерчик; вторая колонна—латышская бригада и латышский кавполк—двинулась по северному берегу той же реки на с. Новый Мерчик.

Пехотные части противника в с. Новый Мерчик попытались задержать отряд, но, попав под двойной удар с севера и с юга, спешно отступили по направлению к ст. Люботин, оставив нам 2 пулемета, около 30 повозок и несколько пленных. Пленные показали, что противник—корпус ген. Кутепова—расчитывает дать бой под Харьковом; по словам пленных, на станцию Мерёфа прибыло много конницы белых.

Отряд, движение которого чрезвычайно задерживалось медленным движением латышей, остановился на ночлег в с. Новый Мерчик—Краснополье, выставив кольцевое охранение и выслав раз'езды к ст. Огульцы и ст. Люботин. Раз'езды к рассвету донесли, что на ст. Огульцы стоит бронепоезд противника, а в с. Старый Мерчик—пехота противника, обстрелявшая раз'езды сильным ружейным огнем.

Штадив червоной приказал отряду выступить в 6 часов 10 декабря двумя колоннами: 1-й бригаде и 3-му полку при батарее по маршруту Н.-Мерчик—хутор Лихова—Пустошь—с. Черемушна—Ордынка—Ракитное—Мерёфа; латышской бригаде и латышскому кавполку, при вводе артиллерии, по маршруту Н.-Мерчик—м. Огульцы—Ордынка—Мерёфа. Пройти железную дорогу Полтава—Харьков в предрассветной мгле. Латышам

захватить бронепоезд на ст. Огульцы и взорвать полотно у ст. Майский Раз'езд. Связь между колоннами поддерживать путем высылки раз'ездов через каждые пол-часа. Охранение прежнее; каждой колонне иметь в авангарде не менее сотни.

Погода стояла очень дурная: с 4-х часов шел дождь и поднялся чрезвычайно густой туман. Все таяло. Движение частей было весьма затруднено; артиллерия еле двигалась по размытым, талым дорогам. Дурная погода плохо отражалась на состоянии отряда; около 100 латышей отморозили ноги, обутые в валенки, и были оставлены в с. Новый Мерчик.

Колонна выступила в 6 час. 10 декабря. Густой туман и слякоть мешали видеть дальше, чем на четверть версты. Снег на буграх растаял, в долинах стояла непроходимая грязь.

Первая колонна значительно обогнала вторую. Латыши, еще только подходили к ст. Огульцы, когда 1-я бригада через хутор Лихова Пустошь подошла к с. Черемушно.

1-й Червоноказачий полк прошел с. Черемушно и двинулся к с. Ордынке. В это время арьергард колонны был обстрелян раз'ездом противника, подошедшим со стороны м. Огульцы.

У с. Ордынки 1-й полк встретил заставы противника, смял их, ворвался в Ордынку, и захватил там большой кавалерийский обоз, убив около сотни кавалеристов разных полков.

Одновременно 2-й Червоно-Казачий полк вытянулся из с. Черемушно и шел к с. Ордынке. Штадив, обеспокоенный появлением раз'езда противника со стороны м. Огульцы, послал 3-му полку приказание выслать раз'езд, которому обследовать с. Огульцы, а 2-му полку оставаться в с. Черемушно в резерве.

Тем временем, 1-й полк, как выяснилось впоследствии, опросил взятых пленных и установил, что пленные и захваченный обоз являются частью Терской казачьей дивизии, которая стоит в местечке Огульцы. Опасаясь нападения со стороны противника, командир полка спешно вывел полк из с. Ордынки и построил его на западной окраине села.

Примерно, в 12 часов между Черемушно и Ордынкой, со стороны ст. Огульцы появились раз'езды противника. 2-й полк, полагая, что это раз'езды латышского кавполка, послал связных, но этих связных, конечно, обстреляли ружейным огнем. Тотчас же вслед за этим из густого тумана вышла и двинулась в атаку на 2-й полк лавина всадников противника; в атаку шло около трех конных полков.

2-й полк попытался встретить противника конным ударом, но был сбит и, отражая противника пулеметами, стал отходить на х. Гриневка, что в 2 х верстах южнее с. Черемушно.

При 2-м полку находилась батарея; дав несколько выстрелов, она быстро встала на передки и начала отходить за пулеметы, но в одном из орудий сломалось дышло, и пулеметным огнем противника были перебиты лошади. Всадники противника кинулись на батарею. Отбиваясь, прислуга пыталась спасти орудия; завязалась рубка около орудий.

В это время 1-й полк атаковал противника со стороны Ордынки, а казаки 2-го полка бросились на выручку батарее. После ожесточенной схватки 3 орудия были нами отбиты, четвертое же досталось врагу. Атаку 1-го полка червонцев противник остановил и 1-й полк откатился за овраг к хутору Паньковка.

К 13 часам прибыла связь от 2-й колонны (латышской) и донесла, что колонна заставила уйти на Харьков бронепоезд, находившийся на ст. Огульцы, и подошла к м. Огульцы.

Было приказано: 1-й Червоно-Казачьей бригаде атаковать противника, взять м. Ордынку; и во чтобы то ни стало вернуть потерянное орудие; латышской бригаде и латышскому кавполку—взять Огульцы и двигаться на м. Ордынку; 3-ему полку оставаться в резерве

начдива (в с. Черемушно). Выполняя приказ, 1-я бригада энергичным ударом сбила противника и потеснила его к м. Ордынке, куда и ворвалась на его плечах; одновременно с этим вышла к Ордынке и 2-я колонна, взяв м. Огульцы. Попав в клещи, под удар с юго-запада и севера, белые казаки спешно отходили к ст. Мерефа.

Преследовать противника выехал 3-й полк, раз'езды которого к ночи заняли м. Ракитное. Отряд ночевал в с.с. Ордынка — Черемушно, имея кольцевое охранение. Кони выбились из сил — бездорожье их в конец вымотало.

С рассветом 11 декабря отряд выступил в следующем порядке: конные полки на Ракитное — Мерефу, латыши-пехотинцы при взводе артиллерии на х. Сухой — Озерянка — Мерефа.

Конный бой под Ракитным. Взятие Харькова.

К 10 часам 1-й, 2-й и 3-й Червоно-Казачьи полки и латышский кавполк подошли к Ракитному, Латышская бригада — к х. Сухому.

В районе с.с. Большая Озерянка — Озерянка — Мерефа наши раз'езды обнаружили очень сильную конницу противника, которая выходила навстречу нашим частям.

На поле между с. Ракитным и Озерянкой разыгрался конный бой: с нашей стороны — 4 конных полка, со стороны противника — Терская дивизия и 3 кавалерийских полка — драгунский, кирассирский и сводный. Численность каждого Терского полка доходила до 400 сабель, кавалерийские полки — до 200 сабель. Обе стороны маневрировали.

Противник пытался занять выигрышную позицию и, зайдя правым плечом, устроился крылом к х. Сухому. Два батальона латышей, получив приказ идти как можно быстрее, (они должны были выйти во фланг противнику), почти бегом, прошли около 2-х верст и вышли на фланг противника в тот момент, когда он выстраивался для атаки.

Запела сигнальная труба, и всадники противника бросились в шашки.

В это мгновение на склоне горы, у фланга противника, появились латыши, открывшие частый ружейный и пулеметный огонь. Тотчас же Червоно-казачья дивизия ударила в шашки. Превосходная числом конница противника была смята и бежала на Мерефу — Змиев.

Преследуя противника, червонцы заняли Мерефу, где захватили много трофеев: пулеметы, эшелоны со снарядами, громадные вещевые склады и эшелоны беженцев — буржуа. Между прочими трофеями значилось два 3-х дюймовых орудия.

Немедленно по взятии ст. Мерефы бригада латышей и 3-й Червоно-Казачий полк направились на Харьков, а дивизион 3-го полка на ст. Жихорь (по ж. д. линии Харьков — Змиев) с задачей взять станцию и удерживать в своих руках, а если придется отойти, то взорвать ж.-д. путь.

Двигаясь ночью с 11 на 12 декабря, латыши и 2-й Червоно-Казачий полк 12 декабря вошли в г. Харьков и очистили окрестности города от деникинских отрядов. В Харькове были взяты большие трофеи и много эшелонов, имевших быть отправленными на Мерефу и Змиев и застрявших, вследствие захвата нами названных станций.

Одновременно с латышами и 2-м Червоно-Казачьим полком, в Харьков вступила бригада Саблина, двигавшаяся без боев вслед за рейдирующим отрядом.

После взятия Харькова, червоно-казачью дивизию перевели в район ст. Мерефа на отдых, где она и расположилась, дляковки коней и подвоза огнеприпасов.

Но через несколько дней, когда обнаружилось стягивание крупных сил противника в районе ст. Лозовая, дивизия получила приказ идти на Лозовую. Подковав коней,

червонцы выступили из района ст. Мерефы и через Лозовую двинулись на юг, преследуя противника, совершенно деморализованного и неспособного к сопротивлению.

От Харькова до Бердянска.

В двадцатых числах декабря Главком дал приказ частям XIV-й армии изменить направление с юга на запад. 8-я Червоно-Казачья дивизия перешла в подчинение командарма XII, который приказал дивизии двигаться перед фронтом армии, преследуя противника в общем направлении на Бердянск и в то же время имея ближайшей задачей захват ст. Гришино, чем достигалось уничтожение связи между группой ген. Бредова и добровольческой армией.

Исполняя указанную задачу, 8-я Червоно-Казачья дивизия к 26-му декабря сосредоточилась в районе с. Александровки.

Начдив, т. Примаков, 14 декабря временно выбыл из строя, вследствие контузии и воспаления легких.

В Александровке, на пополнение дивизии, в качестве 3-й бригады, прибыла бывшая 11-я кавалерийская бригада под командой Сметанникова.

В ночь на 29 декабря авангардные части дивизии ворвались в поселок Гришино и после небольшой перестрелки очистили его от противника; при этом было захвачено несколько эшелонов с разного рода военным имуществом и санитарный поезд. Был также взят в полном составе запасный дивизион Синих Кирасир, который состоял почти целиком из учащихся средних учебных заведений различных городов Украины.

Новый Год дивизия праздновала в районе ст. Гришино.

3-го января, продолжая выполнять основную задачу, дивизия выступила из Гришино, имея в авангарде вновь прибывшую 3-ю бригаду, которая под влиянием побед червонцев, рвалась в бой, желая заслужить звание червонцев. К сожалению, белогвардейцы, имея основательный урок, не решались останавливаться и уходили к морю на аллюрах более быстрых, чем могли двигаться уставшие кони червонных казаков. В два перехода дивизия достигла с. Царе-Константиновки, где захватила 2 санитарных поезда с тифозными больными.

Следует отметить, что выражение белых „нас победил тиф“—имеет свои основания: в каждом селе, на каждой станции наши войска заставляли сотни больных и умерших солдат белой армии. Чем дальше белые отступали к морю, тем больше больных и трупов оставалось за ними и тем быстрее таяли ряды солдат, способных к бою.

Двигаясь по этой усеянной трупами дороге, червонцы 8 января, после 2-х часового боя, заняли Бердянск, где захватили около 300 офицеров, 10 автомобилей, 5 орудий и 20 исправных пулеметов.

За время этого преследования, от Харькова до Бердянска (на Азовском побережье) дивизия взяла большое число трофеев: обозы, артиллерию и пленных. Белые сдавались сотнями, сопротивлялись только офицерские части, сражавшиеся без надежды на победу, с отчаянием смерти.

К концу года Украина была очищена от белогвардейцев, но сменивший Деникина барон Врангель стягивал свои силы в Крым, и готовил новую армию для борьбы с Рабоче-Крестьянской Республикой. В состав армии Врангеля вошли остатки армии Деникина, корпус ген. Слащева и местное крымское татарское население, большей частью мобилизованное насильно.

Вторая годовщина. Червонцы—у ворот Крыма.

10-го января в Бердянске 1-й Червоно-Казачий полк отпраздновал 2-ю годовщину своего существования.

А 12 января от командарма XIII было получено приказание, в котором указывалось, что, по агентурным сведениям, противник стягивается в Крым, где думает укрепиться и оправиться. С целью помешать планам Врангеля, 8-й Червоно-Казачьей дивизии было поставлено задание захватить Геничesk и оттуда ворваться в Крым.

14 января дивизия выступила из Бердянска.

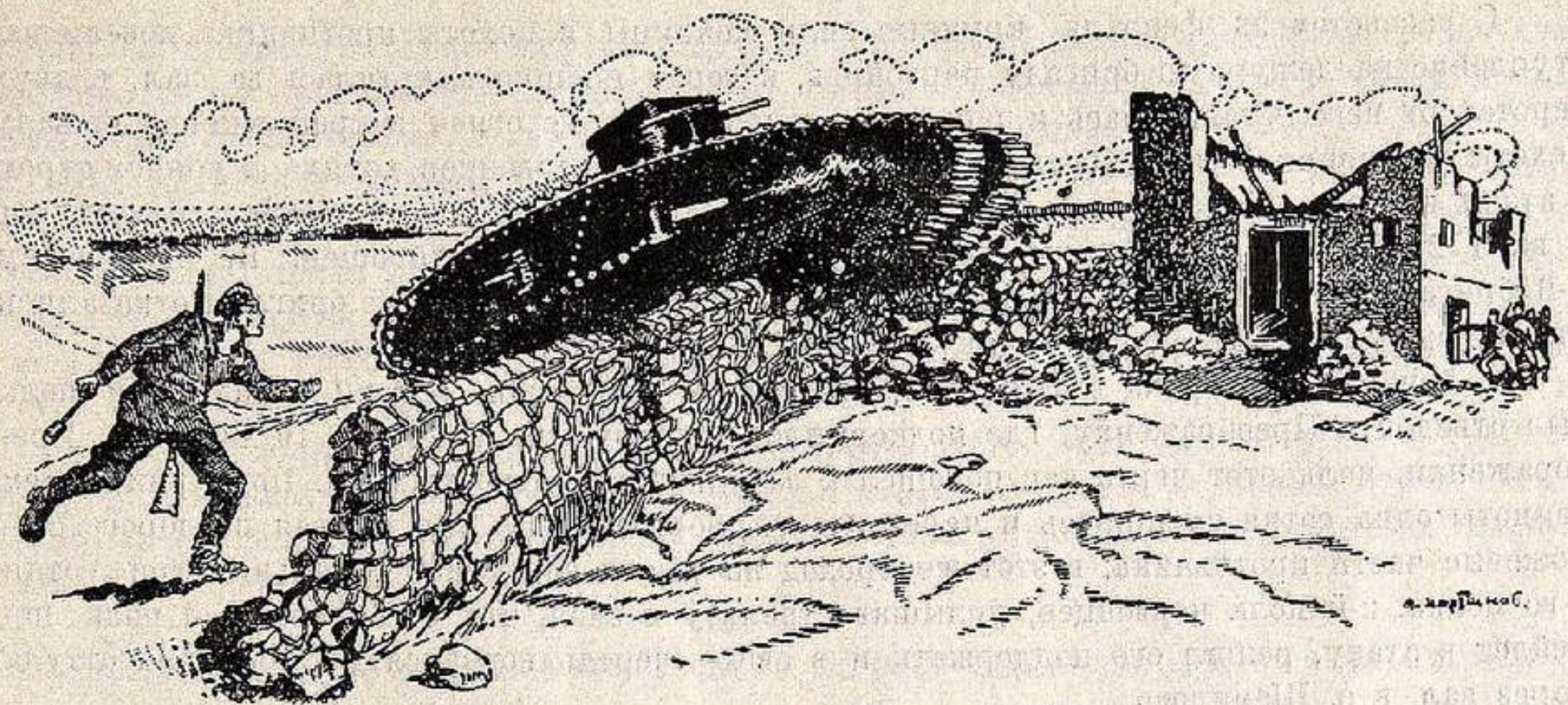
Земля после дождя оттаяла и дороги испортились, а на другой день ударил мороз и образовалась гололедица, в результате чего дивизия двигалась очень медленно, делая в день 20—25 верст.

В район Мелитополя дивизия стянута только к 21 января. Тылы сильно отстали, а лошади чуть не падали от изнурения. Небывалая метель при 20 градусах мороза вынудила дивизию к бездействию на двое суток и только 26-го января части ее могли двинуться дальше.

У стан. Сокологорное червонцы встретились с противником, который пытался продемонстрировать перед ними свои танки, но видя, что на казаков они не производят нужного впечатления, убрался в Геничesk и оттуда через Чангарский мост ушел в Крым.

А.В. Мартынов

Под Перекопом.

Червонцев перебрасывают к Перекопскому перешейку.

ГЛАВНОЕ командование, считаясь с невозможностью для конницы вести бой под Чангарским мостом за его обладание, сняло червонных казаков с этого участка. Бой за Чангарский мост поручили пехоте, а червонцам дали задание наступать на Крым со стороны Перекопа, куда дивизия и прибыла в первых числах февраля.

К этому времени противник занимал междуозерное пространство, сильно укрепив его окопами и проволокой. Наши части находились на линии х. Булгаков—Картказак.

Перекопский перешеек представляет из себя равнину, ограниченную с востока и запада водой, а с севера валом вышиной до 5 сажени и рвом глубиной в 3 сажени, шириной в сажень. Вал и ров идут через весь перешеек от Сиваша до Черного моря. Вал имеет два прохода, годных для кавалерии, и только один из них годен для прохода артиллерии и обоза. Пехота может пройти всюду, хотя с немалым трудом. Населенные пункты на перешейке редки и бедны; кроме того, совершенно нет воды, годной для питья.

Дивизия застала на участке одну бригаду 46-й дивизии, сильно уставшую от боев и малочисленную—в ее полках имелось не более, чем по 200 штыков. В первый же день червонцы сменили пехотные части.

Пехота заняла район Чаплинка—Аскания Нова, а дивизия расположилась на линии Павловка—Григорьевка—Перво-Константиновка; одна бригада занимала перешеек, имея главные силы и штаб в г. Армянске. Штадив стоял в Перво-Константиновке. Дежурные бригады сменялись через каждые три дня, так как условия стоянки сильно утомляли людей и лошадей дежурной части, которой приходилось ежедневно вести мелкие стычки с противником.

Неудачная вылазка белой конницы. Новые силы. Наступление на Крым.

Из показаний пленных было установлено, что белое командование решило Крыма не сдавать и что в районе Юшунь—Джанкой противник имеет много Донской конницы под командой Морозова, которая в спешном порядке ремонтируется и формируется.

С рассветом 23 февраля крупные силы конницы и пехоты противника повели наступление на дежурную бригаду червонцев, которая спешно выкатилась за вал, в двух верстах от него остановилась и перешла в контр-атаку, но огнем закрепившейся на валу пехоты противника была отбита. Три раза 1-я бригада червонцев ходила в конном строю в атаку на вал, 1-й полк даже ворвался на вал, порубил несколько десятков пехотинцев и взял 2 пулемета, но метким огнем с обоих флангов был отброшен. На поддержку 1-й бригаде была прислана 3-я бригада, но комбриг и комсостав 1-й бригады отказались от поддержки и дали слово начдиву, что вал и Армянск возьмут сами.

К вечеру 23 февраля в виду того, что казаки продрогли, а кони устали, 1-й полк был отведен в Преображенку, где подкормился и отдохнул. Выйдя в 19 часов из Преображенки, полк этот через час подошел к западной оконечности вала. Под прикрытием темноты одна сотня спешилась и через проход ворвалась за вал, сбивая по дороге сторожевые части противника; в этот же проход на рысях ворвались остальные три сотни 1-го полка. 2-й полк червонцев, услышав стрельбу и зная, что с темнотой 1-й полк перейдет в атаку, решил его поддержать и в свою очередь ворвался в Перекоп, а оттуда через вал, в с. Шемилово.

Таким образом, Перекопский вал был взят обратно; противник в беспорядке бежал к Армянску, а на утро 24 февраля отошел на старые позиции.

С этого времени начинается полоса затишья, так как белые наступать не решались, а червонцы без пехоты также не имели возможности вести наступление.

В конце февраля стало известно, что на поддержку червонцам идут пехотные части эстонской дивизии и одна бригада 46-й пехотной дивизии. Прибывшие войска стянулись в района Чаплинка—Перво-Константиновка—Преображенка—Перекоп—Армянск. В ночь с 25 на 26 февраля пехотные части сменили червонцев на сторожевом участке и червоно-казачья бригада отошла в район с. Владимировка.

Командование белых, по словам перебежчиков, ожидало нашего наступления и готовилось к нему, стягивая силы с юга Крыма на север.

По приказу командарма, в командование группой вступил Ю. Саблин. Был выработан следующий план операции: впереди идет пехота, штурмуя окопы противника и сбивая его к югу; вслед за пехотой с занятием переправы на р. Чатарлык, конница прорывается через фронт противника и идет в его тыл в общем направлении на юг.

С рассветом 13 марта пехотные части эстонской дивизии атаковали противника, сбили его и, непрерывно преследуя, к вечеру заняли Юшунь, а затем продвинулись к югу от Юшуни до хут. Чегер. Противник укрепился за р. Чатарлык. Наши пехотные части, не имевшие резервов, уставшие за день боя и понесшие значительные потери, оказались не в силах вести дальнейшее наступление.

В ночь с 13 на 14 марта из района Перво-Константиновки в район Юшуни была переброшена для поддержки пехоты 1-я Червоно-Казачья бригада, которая прибыла в с. Юшунь и расположилась бивуаком на южной окраине этого села.

Наши части занимали северный берег р. Чатарлык до хут. Чегер, откуда сворачивали круто на север, упираясь своим левым флангом в южную оконечность озера Горахой.

Противник сильно укрепился за р. Чатарлык и, по словам взятых пленных, готовил контр-удар со стороны Бижк—Мамчик, где группировались большие силы его конницы, пехоты и артиллерии.

1-я бригада, оставив один полк в с. Юшунь, другой (1-й) полк выдвинула для совместных действий с одним из полков 46-й дивизии в направлении моста через р. Чатарлык (в 4-х верстах севернее хут. Воронцово) и для занятия переправы через реку.

1-й полк продвинулся по большаку на 3 версты от Юшуни, где связался с командиром пехотного полка, который сообщил, что его полк малочислен, имеет всего около 150 человек, да и те измучены и вести активных действий не могут; противник сильно

укрепился и зорко охраняет переправы; река вброд непроходима вследствие очень вязкого дна. Берег противника возвышается над нашим и днем атаковать его совсем невозможно. Было решено немедленно повести наступление и занять переправу.

Пехотный полк должен был наступать на мост, справа от него шла 1-я сотня червонцев и слева 2-я. В 4 часа утра 14 марта в совершенной темноте части перешли в атаку, без выстрела подошли к реке и мосту, но были обнаружены секретом противника, который пустил ракету. Тотчас же вслед за этим весь берег противника и наш осветился целым градом ракет, заработали пулеметы, нанося нашим частям большие потери. Атака была отбита.

Пехотный полк потерял всякую боеспособность, и его отправили в тыл, а участок занял червоно-казачий полк. Червонцы перед самым рассветом в пешем строю снова повели наступление на противника, но опять огнем пулеметов были отбиты и отошли в исходное положение.

Контр-наступление противника. Уходим за вал. Один за всех, все за одного.

Утро осветило картину всего участка. На левом фланге работали пулеметы и слышен был гул различного калибра орудий. Противник на всем участке перешел в наступление превосходными силами пехоты и конницы и всюду, не исключая и участка 1-го полка червонцев, оттеснил наши части.

К 12 часам выяснилось, что контр-наступление противника было удачным и что он уже занял хутор Чегер на своем левом фланге и распространился до хут. Короба на правом фланге.

Наши части, неся большие потери, отходили. Артиллерию и обозы отправили из Юшуня на север к хут. Булгаково. Штаб командующего группой отошел туда же; стало вполне ясно, что сражение проиграно. Необходимо было задержать наступление противника, чтобы дать возможность нашим частям отойти в порядке.

В 14 часов через Воронцовский мост переправилась бригада конницы противника и пошла в атаку на 1-й полк червонцев. Измученные ночным и дневным боями, голодные, на некормленных и непоенных конях, червонцы все же отбили атаку конницы противника и заставили его держаться на почтительном расстоянии.

В 15 часов противник стремительным натиском, в составе пехоты и конницы, занял Юшунь с восточной стороны. Положение для 1-го Червоно-Казачьего полка стало более чем угрожающим, но комбриг своевременно приказал 2-му полку атаковать противника, взять Юшунь и удерживать его до тех пор, пока 1-й полк не пройдет угрожаемую линию.

2-й полк под командой т. Потапенко ринулся на противника, занял Юшунь, и, неся большие потери, выполнил данное ему задание,—1-ый полк был спасен.

К вечеру 14 марта отступление наших войск шло по всему фронту:

Конница противника, пытавшаяся преследовать нашу пехоту, была, в свою очередь, атакована 1-м и 2-м полками червонцев, после чего на пехоту больше не наседали, а только шла за ней издали. К ночи 1-я Червоно-Казачья бригада дошла до хут. Булгакова, где и заночевала.

За ночь наша пехота отошла за вал и, для прикрытия отступления, на смену 1-й бригаде червонцев, была брошена 3-я бригада под командой Сметанникова. С утра 15 марта 3-ю бригаду атаковали превосходные силы конницы и пехоты противника. Отбив две конных атаки и медленно отступая, к 12 часам она перешла вал, который был сейчас же занят противником.

После нашего отступления, врангелевцы стали возводить солидные укрепления на валу, взятые Красной Армией только в конце 1920 года.

Во время операций под Перекопом 1-й и 2-й полки червонцев потеряли до 50% своего конского состава и до 40% людьми.

Подготовка с обеих сторон.

В разгар перекопских боев, в распоряжение червоно-казацкой дивизии прибыл М. Павлович-Вельтман и вручил червонцам знамена от ВЦИК'а и Петроградского Совета за орловские бои. Червонцы радостно приняли эти высокие боевые отличия и поклялись никогда не опускать своих знамен перед врагом. Настроение частей Червоного Казачества, несмотря на отступление, было превосходным.

15-го марта вернулся в строй начдив Примаков.

Тов. М. Павлович, вручивший знамена от ВЦИК'а и Петроградского Совета 8 ой Червоно-Казачьей дивизии. Знамена должны были вручаться в Харькове, но догнали дивизию лишь у Перекопа и вручены под гром орудий на берегу Черного моря.

После безуспешных попыток ворваться в Крым, командование XIII-й армией временно решило перейти на Перекопском участке к обороне и стянуть сюда свежие силы для дальнейшей борьбы за Крым. Имевшиеся в распоряжении нашего командования данные заставляли предполагать, что борьба будет упорная, так как противник усиленно укреплял перешеек, пополнял старые и формировал новые части. В распоряжении барона Врангеля к этому времени было до 60 тысяч солдат и офицеров деникинской армии, из которых он воссоздавал старые дивизии: Корниловскую, Алексеевскую, Дроздовскую и Марковскую.

Червоно-казацкая дивизия несла сторожевое охранение по линии хут. Преображенка между Сивашем и Черным морем. Дивизия состояла из трех бригад по 2 полка в каждой; 3-я бригада, свежая и недавно прибывшая, под командой Сметанникова, не уступала 1-й бригаде по численности. Слабее других была 2-я бригада (комбриг т. Ляховенко), состоявшая из 3-го Кубанского и 4-го, вновь сформированного, полков.

4-й полк стоял в 50-ти верстах от дивизии в с. Каланчак и охранял побережье Черного моря. В сторожевом охранении на линии хут. Преображенка постоянно дежурила одна бригада, сменявшаяся через каждые трое суток.

Остальные бригады усиленно занимались строевой подготовкой и сделали большие успехи в обучении.

Обучение на глазах противника, всегда в поле, воспринималось казаками прекрасно. И полки далеко шагнули вперед после Орловского похода.

1-й полк потерял орудие. Эстонская дивизия под ударом. Червонцы спешат на-выручку.

Между нашими частями и частями противника, стоявшими в сторожевом охранении, происходили постоянные стычки: то наш раз'езд снимал заставу противника, то стрелки противника спешивали наших всадников.

В середине марта, пользуясь предрассветным туманом, противник сделал внезапный набег на хут. Преображенку, ударом конницы и двух броневых машин сбил стоявший в сторожевке 1-й полк червонцев, прижал его к болоту Янис-Агач и захватил у полка одно орудие. Полк, вышучиваемый всеми остальными частями дивизии, был чрезвычайно озлоблен на врага и горел желанием отомстить за поражение.

В двадцатых числах марта дивизия была сменена—сторожевое охранение заняли эстонцы. Червоно-казачья дивизия расположилась так: 3-й Червоно-Казачий полк—в с. Григорьевке, 5-й и 6-й полки со штабом дивизии—в Павловке, 1-й и 2-й полки—Владимировка—Строгововка, 4-й полк—в с. Каланчак на охране побережья Черного моря.

Эстонская дивизия стала: штаб дивизии—в с. Чаплинке, полки—в с.с. Чаплинка, Спендиаровка, Перво-Константиновка, Адамань.

Утром 25 марта противник, числом до 2000 сабель и до 800 штыков, при артиллерии и бронемашинах, атаковал части эстонской дивизии, занимавшие х. Преображенку, частично изрубил, частично взял в плен, атаковал и взял с. Перво-Константиновку, и к 11 часам почти целиком уничтожил одну эстонскую бригаду.

К 12 часам противник занял с. Спендиаровку и главными силами конницы устремился на с. Чаплинку, которое и взял к 14 часам. Эстонская дивизия была рассеяна и частично уничтожена. Раз'езды противника от с. Чаплинки направились на с. Аскания-Нова, где стоял штаб группы т. Павлова.

В 12 час. в штаб червоно-казачьей дивизии прискакал находившийся для связи в с. Перво-Константиновке при штабриге казак и на словах доложил, что крупные силы конницы белых атаковали Перво-Константиновку, что там идет бой и эстонцы уже, вероятно, разбиты.

Начдив приказал звонить в штаб группы тов. Павлову и запросить о положении дел; 3-му полку разведать Перво-Константиновку и Спендиаровку и приготовиться к бою; 1-й бригаде на рысях идти в Павловку; 2-й бригаде идти в Григорьевку; туда же направились и штаб дивизии.

В 12 часов 30 мин. командующий группой ответил, что эстонская дивизия ведет бой с противником под Чаплинкой и что раз'езды противника появились на дороге Чаплинка—Аскания-Нова; тов. Павлов просил прикрыть чем-либо Асканию-Нову.

В 13 часов штадив выехал из Павловки и через 20 минут прибыл в Григорьевку. 3-й полк уже был готов к бою, раз'езды полка вели перестрелку с противником у Перво-Константиновки и Спендиаровки. В Перво-Константиновке наш раз'езд обнаружил до полка пехоты и крупные силы конницы. Значительные силы конницы противника вели бой у Чаплинки.

Начдив приказал 3-му полку выслать раз'езды по линии Перво-Константиновка—Спендиаровка—Чаплинка. За раз'ездами в виде поддержки поставлены были все сотни полка. Созданная, таким образом, завеса препятствовала противнику разглядеть наш маневр. При каждой сотне имелось по два тяжелых пулемета и по два легких; последние были переданы раз'ездам.

На линии завесы завязался огневой бой; противник действовал нерешительно: очевидно, главное его внимание было направлено на Чаплинку, где находилась эстонская пехота.

Пехота противника из Перво-Константиновки вышла в направлении с.с. Григорьевка—Павловка и, завязав перестрелку с нашими раз'ездами и одной сотней, подошедшей на поддержку к раз'ездам, медленно продвигалась к с. Григорьевке. Начдив приказал артиллерии открыть огонь,—меткие выстрелы взвода 2-й батареи заставили пехоту противника залечь и продвигаться вперед перебежками, медленно и приспособиваясь к местности.

В это время, в 15-ом часу, подошла 3-я бригада под командой П. Сметанникова. Начдив приказал ей расположиться в 2-х верстах западнее Григорьевки и разведать Спендиаровку, имея в виду атаковать это село.

Противник бежал на старые позиции. Симферопольский полк перешел на нашу сторону. Затишье.

День был погожий, земля почти просохла. В бинокль с курганов было видно верст на 8—10.

В 15-м часу наши правофланговые раз'езды донесли, что около 500 сабель конницы в 3-х верстах севернее Спендиарова обходят наш правый фланг. Начдив приказал 3-му полку, оставив два взводных раз'езда для наблюдения Перво-Константиновки и Чаплинки собраться на восточной окраине Григорьевки, которую противник обстреливал огнем полевой артиллерии.

Полагая, что план противника заключается в том, чтобы охватом нашего фланга прижать червоно-казачью дивизию к Сивашу и этой угрозой вынудить к отходу, начдив распорядился на участке с Перво-Константиновки поставить 4 тяжелых пулемета и взвод казаков 3-го полка. По расчетам начдива эти пулеметы и взвод могли создать у противника впечатление крупной силы и удержать его пехоту в пассивном состоянии не менее часу—время, нужное для подхода 1-й бригады.

3-й полк со взводом артиллерии получил приказ перейти на правый фланг и с севера окружить, охватывающую наш правый фланг конницу противника, поставив ее между ударом 3-й бригады и 3-го полка. 3-й бригаде было сообщено о маневре 3-го полка и приказано его поддержать ударом одного из полков или всей бригадой—по усмотрению комбрига П. Сметанникова.

В 17-м часу подошла 1-я бригада. В это время послышался орудийный огонь на правом фланге,—очевидно в дело вступил 3-й полк. В бинокль была заметна конница противника, отходившая на галопе от Чаплинки на Спендиарово.

Оказалось, что 3-й полк, обойдя охватывавшего нас противника, внезапно открыл по нему артиллерийский огонь и затем атаковал в конном строю. Не приняв боя, противник на галопе стал отходить на Спендиарово, откуда вышли резервы противника силою до 400 сабель.

1-я бригада открыла артиллерийский огонь из прибывшей с нею 1-й батареи по пехоте противника и стала разворачиваться для боя, чтобы атаковать Перво-Константиновку.

3-я бригада построилась для атаки и ударила в направлении Спендиарова, но противник снова не принял атаки и на галопе, бросая обоз, стал отходить на Перво-Константиновку. Замечательно, что офицеры бросились бежать первыми,—их поразили точные маневры нашей конницы, которая совершала перестроения по сигналу трубы.

Видя бегство белых, преследуемых 3-м полком и 3-й бригадой, 1-я бригада червонцев оставила пехоту противника, занимавшую Перво-Константиновку и ударила наперерез бегущей коннице, но опоздала—конница главными силами успела проскакать к хутору Преображенка, и бригада отхватила только хвост противника. Пехота противника через Сиваш бежала к Перекопу, бросив обозы и пулеметы.

В результате боя нами было взято до 50 повозок, пулеметы и пленные, изрублено до 200 всадников противника. Преследование велось до г. Перекопа.

Ночью один полк 3-й бригады был выдвинут в сторожевку на линию хут. Преображенка.

Материальные результаты боя были невелики, но моральное впечатление на противника было произведено весьма серьезное. Нетрудно представить себе настроение всадника, который вынужден был под нашими ударами уходить галопом от Спендиарова до Перекопа—свыше 10 верст.

Результаты не замедлили сказаться: ночью сторожевой полк 3-й бригады был поднят на ноги противником, шедшим от Перекопа—это в полном составе, при части офицеров, шел сдаваться Симферопольский полк пехоты, принимавший участие в набеге.

Полк привел с собой всех мулов от батарей и коней от пулеметных повозок. Привезти орудия и пулеметы полк не смог, так как их шум мог разбудить офицеров штаба, мимо которого надо было проходить. Отправив сдавшийся полк в тыл, наши сторожевые части немедленно произвели сильную демонстрацию против Перекопа,— по их расчетам, тревога должна была усилиться вследствие исчезновения целого полка пехоты.

Действительно, противник чрезвычайно переполошился и до рассвета стрелял из ружей и пулеметов по степи перед Перекопским валом, в то время, как наши казаки сидели на х. Преображенка, курили у огней и забавлялись произведенным череполохом.

26 марта дивизия расположилась в следующем порядке: одна бригада в с. Перво-Константиновке, другая—в Павловке, 3-й полк—в Григорьевке, а эстонскую дивизию отвели в тыл для формирования.

Конец марта прошел в мало активных действиях; и червонцы и противник высылали партии наездников, которые рубились в степи под Перекопом; с нашей стороны особенно отличался командир 6-го полка, т. Новиков, и некоторые казаки, показавшие себя настоящими джигитами в этих стычках и поединках.

Подкрепления. Неудачный штурм Перекопского вала. Героизм латышских частей.

В апреле месяце на Перекопский участок прибыли латыши и 3-я Стрелковая дивизия, которые заняли линию сторожевого охранения, построили окопы и, местами, проволочные заграждения. К противнику также подошли резервы и, по слухам, прибыли танки.

По сведениям разведки, противник спешно укреплял Перекопский вал и строил проволочные заграждения. За валом он установил мощную артиллерию—свыше 30 легких, тяжелых и дальнобойных батарей (более 100 орудий); на валу было поставлено свыше 300 пулеметов. Флот противника из линейных кораблей и миноносцев крейсировал близ портов Чурюм и Хорлы, у мыса Джалдыхан. Эскадрилья в 10 аэропланов почти ежедневно бросала бомбы в наше расположение.

Червоно-казачью дивизию перевели на отдых в с. Каланчак, на берегу Каланчакского залива. Дивизия, в которой к этому времени было около 1600 сабель, спешно мобилизовала коней в районе Кинбурнской косы и в г. Алешки, производила учение и выезжала молодых лошадей.

Почти до середины апреля на Перекопском участке стояло затишье. Красные части подтягивались, осматривались и готовились к штурму; противник укреплял свои позиции.

Наконец, 12 апреля был получен приказ: латышам и эстонцам на рассвете 13 апреля штурмовать вал; одной из бригад червоно-казачьей дивизии встать непосредственно за атакующими частями и, в случае успешного штурма, развить успех, преследуя противника. Остальным частям дивизии оставаться в с. Каланчак и вступить в дело после взятия вала и выхода пехоты к междуозерному району.

11 апреля была пасха. Дивизия праздновала ее скачками. Десятки всадников на площади с. Каланчак джигитовали и выказывали свое искусство в езде. На второй день пасхи местная труппа ставила спектакль для казаков; день прошел в веселой гульбе, а ночью 2-я бригада пошла на Перекоп.

Штурм не удался. Правда, части латышской дивизии и группы Нестеровича дошли до вала и в некоторых пунктах заняли его, но огонь мощной артиллерии и сотни пулеметов заставили отхлынуть волну атакующих. Штурм стоил нашим частям нескольких сотен убитыми и более тысячи ранеными: в числе убитых было несколько командиров полков.

На правом фланге один из латышских полков под командой т. Кальнина, брата начдива латышской, ворвался на вал и держался там около получаса, но затем огнем пулеметов полк был уничтожен—убит был и командир полка. Вернулось лишь несколько десятков солдат этой героической части.

Противник, отбив наши атаки, бросил свою конницу на нашу отходившую пехоту, но атака, стоявшей за пехотой 2-й бригады отбила у конницы противника охоту выходить за вал.

Когда отход наших частей от вала ясно определился, червоно-казачья дивизия была вызвана в Преображенку, куда прибыла на рысях, и заняла сторожевое охранение. Штаб дивизии расположился на хуторе Преображенка, который систематически обстреливался артиллерией противника; дивизия стала бивуаком в степи за хутором.

Возле этого хутора 14 апреля разыгрались крупные конные бои.

Конный бой у Перекопа. Не помогли и танки.

В ночь на 14-е апреля латдивизия и группа Нестеровича попытались вторично атаковать вал, но были отбиты.

С рассветом противник перешел в контр-наступление, ввел в бой 2 танка, несколько бронемашин, конницу и отборную пехоту.

Вид танков заставил пехоту отойти за х. Преображенка к небольшим высотам по берегу Янис-Агача. Казаки, не видавшие танков, готовы было последовать примеру пехоты. Начдив и военком об'ехали полки и об'яснили, что танк делает 3-4 версты в час и потому не страшен. Казаки ободрились. От полков были вызваны добровольцы—засесть в х. Преображенка и попробовать донять танки.

До 200 всадников с командиром 2-го полка, тов. Потапенко, поскакали в Преображенку и засели за каменными строениями в парке. К хутору подходили два танка, 4 броневомобиля и до 800 пехотинцев сводного офицерского полка.

Командир конного дивизиона расположил артиллерию так, чтобы взять танки под перекрестный огонь. Батареи встали в 100 саженях впереди казаков. Несколько сотен лавой двинулись вперед.

Танки вошли в Преображенку и медленно задвигались по улицам. Ружейная трескотня и взрывы бомб сопровождали их. Казак первого полка Калиниченко подошел к танку из-за каменной стенки. Идет вплотную и выбирает, куда бросить бомбу. Преждевременный взрыв ранит его и он падает.

Танк идет дальше, раненого увозят, но уже все полки знают подвиг Калиниченко.

Один танк вышел из хутора и двинулся на дивизию. Заработали конные батареи. Гранаты ложатся вокруг танка, но он все идет в дыму разрывов. Работают пулеметы танка по лаве, которая раздалась перед ним и пропустила его. Снаряды „Гочкиса“ ложатся у нашей батареи.

Удачное попадание—танк остановился. Беглый огонь. Танк завертелся, стал уплывать. Оба танка ушли к Перекопу.

Сводный офицерский полк занял кладбище у хутора.

Огонь наших конных батарей переносится на кладбище. 1-й и 4-й полки посланы в атаку. Несколько десятков всадников врезаются на кладбище сквозь проломы, сделанные артиллерией в стене, остальные окружают кладбище и через несколько минут гонят более 300 пленных.

Здесь происходит случай, который можно было бы принять за легенду, если бы 700 всадников не были его очевидцами. Из-за ограды кладбища вылетела броневая машина, очевидно, с целью отбить пленных. В полках смятение, но какая-то шальная голова командует:

— „Даешь в пашки броневик!“

Несколько удалцов кидаются на машину и увлекают полк. Броневик быстро поворачивает и уходит к Перекопу.

В этот момент в двух верстах показалась конница противника, она опоздала поддержать танки и выручить пехоту.

Положение сторон было следующее:

На нашем правом фланге, у моря—3-я бригада Сметанникова. Против нее—Донская бригада татарской дивизии и полк немецких колонистов.

У парка (в резерве)—3-й и 2-й полки, у кладбища—1-й и 4-й полки, против них—два кирасирских полка и Новороссийский драгунский полк.

Дальше к северу две сотни ингушей и две какие-то неизвестные части противника, нацеленные на Преображенку.

3-я бригада вступила в бой с донцами и после короткой схватки отошла на 2 версты к западу, преследуемая конницей противника. 4-й полк пулеметами на тачанках, поданными вперед, остановил кирасир и драгун. 1-й полк ушел в резерв. Дивизион 3-го полка был послан в парк и там спешился для огневого боя, причем снял с тачанок 4 „Максима“. 2-й полк пошел в обход Преображенки, чтобы атаковать во фланг конницу противника. Артиллерия бездействовала—обе стороны сошлись слишком близко.

Кирасиры и драгуны потеснили 4-й полк, не принявший удара, но взятые под огонь дивизионом 3-го полка остановились у кладбища. Эскадрилья в 12 аэропланов прилетела от Перекопа и начала бомбить 1-й полк и батареи. Она сбросила более 100 бомб разного веса, из них одна попала в тачанку и прислугу; всего от аэропланов погибло 7, ранено 11 казаков.

1-й полк совместно с 4-м атаковал кирасир. Кирасиры, расстроенные огнем дивизиона 3-го полка, не приняли удара и отошли на версту за кладбище.

Атака донцов вынудила к отступлению 3-ю бригаду. Донцы, наседавшие на эту бригаду, подставили свой фланг и тыл 1-му полку. Однако, не имея возможности использовать весь 1-й полк, подготовленный для удара по центру, начдив бросил во фланг и тыл Донской бригады 12 пулеметов „Максима“ 1-го и 3-го полков с полусотней прикрытия 1-го полка.

Пулеметы галопом выехали на позицию и с 1000 шагов открыли огонь по донцам. Донская бригада противника смещалась; очевидно, за огнем пулеметов она ожидала атаки. 3-я бригада перешла в контр-атаку и Донская бригада отступила к садику у моря. Преследовавшая ее 3-я бригада налетела на огонь пехоты противника, засевшей в садике и отошла, оставив одну сотню свою против Донской бригады. Под прикрытием сотни бригада построилась, подала вперед взвод своей батареи и открыла огонь по садику у моря. Противник отвечал из 4-х орудий; с вала по нашему взводу открыла огонь тяжелая батарея противника.

Одновременно с ударом пулеметной команды 1-й полк атаковал центр, где были кирасиры, и как раз в этот момент штадив получил донесение, что слева 2-й полк и еще какая-то конница пошли в атаку на фланг противника. Начдив ввел в бой свой последний резерв: две сотни 3-го полка построены были в первой шеренге, во второй встали связь штаба дивизии и конные номера с разведчиками батарей.

Этот резерв атаковал центр противника и обратил в бегство центральную его группу из двух кирасирских полков, одного драгунского, дивизиона ингушей, сотни личного конвоя и еще каких-то невыясненных частей. Конница противника бежала к валу, преследуемая нашими частями и огнем вынесшихся вперед на карьере тачанок с 26 пулеметами.

Видя успех центра, 3-я бригада атаковала Донскую бригаду и татарский дивизион, после короткой рубки опрокинула их, взяла в плен немецкий полк и 4 орудия, с которых успела снять замки, но вывести не могла, попав под огонь артиллерии с вала.

Всего взято за день до 40 пулеметов, до 600 пехотинцев, 4 орудия, более 400 лошадей и 200 кавалеристов, 3 кирасирских значка (эскадронные), 1 драгунский значек (эскадронный), 1 бунчук; на поле осталось до 300 убитых и раненых.

Наши потери: до 100 убитых, более 200 раненных (преимущественно холодным оружием), в том числе до 30 лиц командного и комиссарского состава.

Дроздовцы высадили десант.

На следующий день конница Морозова вышла из-за вала, но не приняла удара червонцев, двинувшихся ей навстречу.

В тот же день разнеслись слухи о десанте, который якобы высаживался противником на полуострове Хорлы. Слухи эти подтвердились: около 14 часов в направлении порта Хорлы уже слышен был огонь тяжелой судовой артиллерии; к 16 часам от порта Хорлы прибыло донесение комбрига Германовича, который сообщал, что противник обстреливает его бригаду из судовых орудий эскадры, подошедшей в составе 8 вымпелов. Эскадра пытается высадить в Хорлы десант; части бригады Германовича вынуждены к отходу и защищают перешеек, соединяющий полуостров с континентом.

Ночью в направлении порта Хорлы слышался сильный орудийный огонь, утихший к полуночи; к рассвету поступило донесение от Германовича о том, что он все еще защищает перешеек и что противник высаживает десант из подошедших транспортов.

Отведенная частично на ночь в Адамань червоно-казацья дивизия с рассветом снова вышла к Преображенке на поддержку оставленной там бригаде и стала на позицию, отразив попытку противника утром перейти в наступление.

К 12 часам Германович извещал, что десант противника наступает, идет бой за обладание перешейком. К 14 часам он уже доносил, что противник сбил его с перешейка и распространился вглубь континента в северном направлении. Если бы противнику удалось развить успех в северном направлении, то он вышел бы на тылы нашей армии и захватил бы всю нашу тяжелую дальнобойную артиллерию.

Одновременно противник производил демонстрации от Перекопа. Эскадрилья в 10 аэропланов забрасывала бомбами хут. Преображенку и червоно-казацью дивизию, которая, во избежание потерь от бомб, приняла разомкнутые построения.

К 16 часам противник прекратил демонстрацию, а в 18 часов дивизия получила приказ выйти навстречу десанту. Дивизия на рысях двинулась к порту Хорлы. Десант к этому времени уже находился на пути к с. Адамань.

Раз'езды обнаружили большую колонну пехоты противника. С наступлением темноты дивизия квартиро-биваком расположилась ночевать в хуторах, что к северу от с. Адамань. Противник ночевал в с.с. Адамань—Александровка. Ночью был переброшен 2-й полк червонцев в район между с. Адамань и портом Хорлы. Пехота Германовича, ночевавшая в с. Щетинцы сообщила, что противник в с. Чурюм взял 4-орудийную батарею эстонской дивизии; по словам Германовича, десант состоял из 3000 дроздовцев под командой ген. Витковского.

Червонцы атакуют десант. Дроздовцы уходят в Крым. Конница Морозова еще раз бита.

На рассвете 17 апреля десант противника выступил из с. Адамань и двинулся к северу на тылы нашей Перекопской группы. Червоно-казацья дивизия вышла ему навстречу.

Завязался бой; открытая степная местность не позволяла колоннам нашей конницы подойти к десанту ближе, чем на полторы версты; примерно, с этого расстояния дивизия в конном строю пошла в атаку. Дроздовцы встретили ее огнем 2000 винтовок и свыше 50 тяжелых и 50 ручных пулеметов. Атака была отбита. Только 2-й полк червонцев, атаковавший хвост десанта, захватил около сотни пленных, изрубил несколько десятков, взял пулеметы, обоз и мотоциклет.

3-я бригада, действуя лавой, остановила противника и завязала с ним комбинированный—пеший и конный—бой. Но действия в конном строю были неуспешны: огонь десанта, в котором имелось до 1500 офицеров, отражал все попытки червонцев ударить в конном строю. Дивизия спешила: огонь 12 орудий и спешенных сотен нанес большие потери противнику.

Десант, вынужденный отбивать наши атаки, принял оригинальный боевой порядок: построил ряд гигантского каррэ, в котором не было полной сомкнутости, но и разомкнутость была невелика. В таком порядке десант медленно отступал к Перекопу, минуя Преображенку.

Штадив червоно-казачьей подчинил себе две батареи латышской дивизии—42- и 48-линейную — и усилил ими огонь своих трех конных батарей, нанося десанту крупный урон.

Десант отходил к Перекопу, отжимаясь к Перекопскому заливу; когда он был на линии хут. Преображенка, оттуда вылетели наши бронемашины и, ворвавшись в цепь дроздовцев, открыли пулеметный огонь. Вслед за ними в конном строю ударил 1-й полк и захватил около 200 пленных. Десант был смят и дивизия строилась для новой атаки, но вылетевшие аэропланы противника вынудили ее на время рассыпаться; момент был утерян.

В это время из Перекопа подошла конница Морозова и дивизия выслала против нее 2 полка. Завязался бой, в результате которого Морозовская конница снова была бита и ушла за вал, но она все же спасла десант, понесший, впрочем, большие потери: на поле от Адамани до Перекопа осталось до 500 трупов.

Дроздовская дивизия, прошедшая от Хорлы до Перекопа, взяла у нас 4 орудия; это стоило ей 300 пленных и до 500 убитых. После такой неудачной попытки десанта, дроздовцы снова ушли в тыл, в Симферополь, на формирование.

Итоги трехдневных боев: до 1500 пленных, 4 орудия, 60 пулеметов. Наши потери: убит командир 5-го полка т. Гончаренко, ранен военком того же полка т. Иванов; убито и ранено около 100 человек комсостава и выбыло из строя убитыми и ранеными до 500 рядовых. Дивизия, имевшая 14-го апреля утром 1500 сабель, 17-го апреля вечером насчитывала 960 сабель.

На отдых. Усиленное обучение. Новый враг.

Червонцы были сменены пехотой и отведены в Адамани на отдых. Начдив приказал спешно мобилизовать коней; еще ранее в Полтавскую, Черниговскую, Киевскую и Харьковскую губернии были направлены вербовщики; теперь им было послано приказание присылать на вербованных волонтеров. Дивизия спешно пополнялась и обучалась.

После упорных боев 14—17-го апреля для командования стало ясно, что Крым приобретает значение серьезного участка. Агентурные сведения говорили о новых и новых формированиях, предпринятых генералом Врангелем. По всем данным, Врангель усиленно готовился к походу; белогвардейские офицеры говорили о походе на Москву. Республика стягивала к Перекопу новые силы для того, чтобы поскорее покончить с этим осиным гнездом, так как на западе появился новый враг: Польша выступила войной против Советских Республик.

Наши пехотные части заняли Перекопский участок и укрепляли позиции перед хутором Преображенкой. Червоно-казачья дивизия стояла в резерве: с.с. Адамани—Чурюм. По приказу главкома в дивизию влилась 13-я кавалерийская бригада т. Микулина, один из полков которой—Московский—принимал участие в бою 14-го апреля. 1-я бригада дивизии была оставлена без изменений и только пополнилась за счет 2-й бригады; 3-я бригада была названа 2-й, а прежняя 2-я расформирована по 1-й и 2-й; 13-я Кавбригада получила 3-й номер.

Дивизия, находясь в резерве, непрерывно обучалась. Никто не терял времени даром. Обучение в условиях близости противника давало особенно хорошие результаты. Вместе с военным обучением велась и политическая работа. Больших боев не было; дивизия отдыхала.

Эскадрилья аэропланов противника часто навещала червонцев, и казаки привыкли к воздушному врагу. Ружейным огнем один самолет был сбит и спустился за валом. Однажды эскадрилья в полном составе прилетела в с. Адамань и сбросила сотни полторы бомб, причем приняла стадо скота за колонну всадников и перебила 18 коров; в другой раз эскадрилья сбросила около сотни бомб. К этому вскоре привыкли и не боялись, тем более, что больших поражений самолеты не причиняли и больше пугали, чем убивали.

В мае месяце дивизия червонцев была переброшена из с. Адамань в Каланчак, а затем в Павловку, Владимировку, Ивановку и Строгановку.

А в середине мая 1920 г. червоно-казачью дивизию сняли с Перекопского участка и перебросили на польский фронт.

3-ья часть.

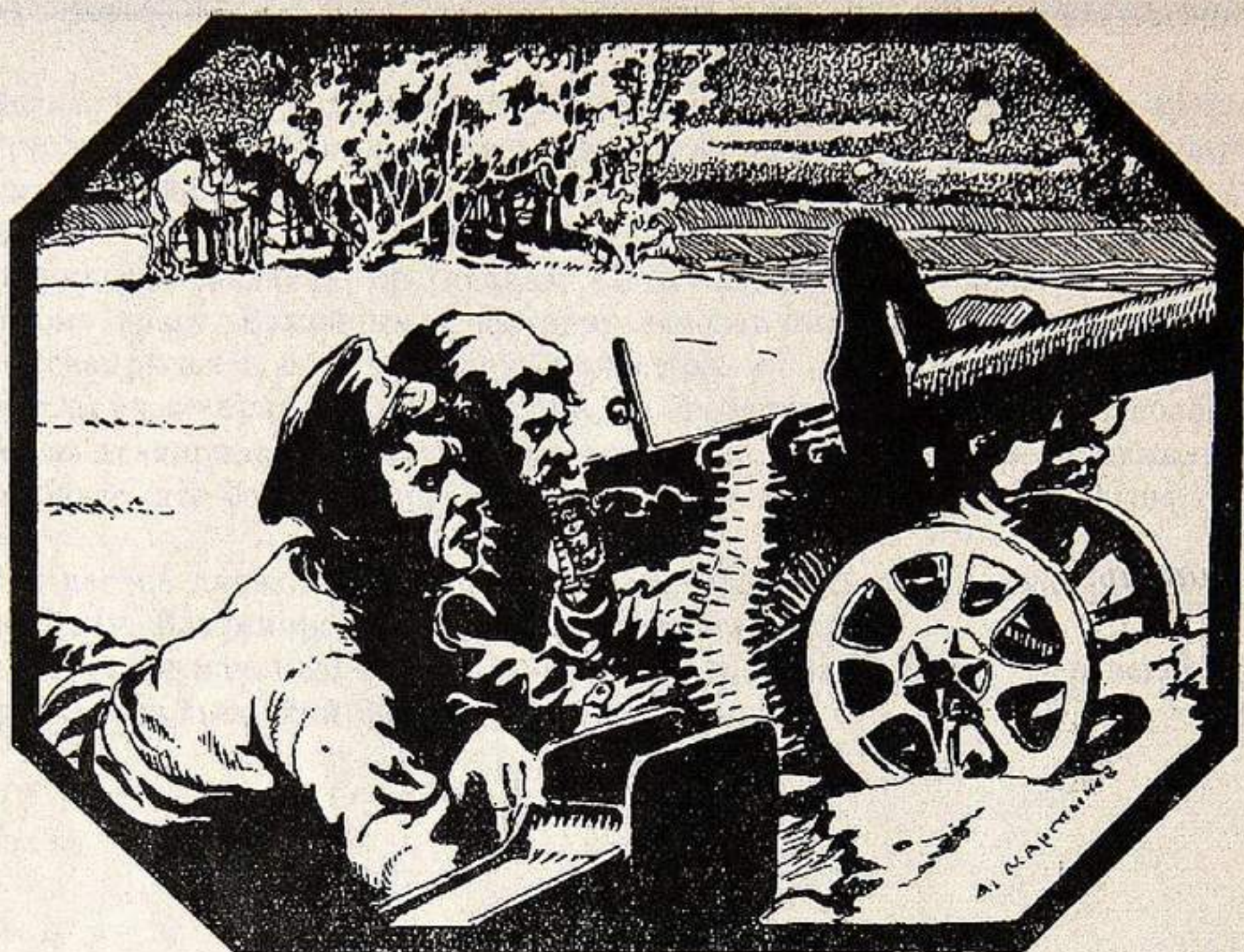

На польском фронте.

июнь 1920 г.—октябрь 1920 г.

ГОПБ

От Днепра к Збручу.

Обстановка на фронте. По дороге.

К маю 1920 года поляки занимали почти всю правобережную Украину: в районе города Киева польские части форсировали реку Днепр и вели бой с красными войсками у станции Бровары.

Переброшенная с Кавказа и Дона на Польский фронт армия Буденного походным порядком вышла через Екатеринослав во фланг полякам.

Почти одновременно червоно-казачья дивизия переправилась у города Бериславля на баржах через Днепр и пошла на Подолию; марш на 800 верст (Вознесенск—Голта—Голованевск—Гайсин) был рассчитан весьма точно. Дивизия двигалась тремя колоннами по трем параллельным дорогам. Вместе с дивизией шла ремонтная комиссия, пополнявшая путем мобилизаций конский состав дивизии.

Несмотря на походное движение, издавалась дивизионная газета „Червоный Казак“.

В середине июня дивизия прибыла в район гор. Голованевска, что к северу от гор. Голта.

Штарм XIV стоял в этот момент в гор. Голта. Командарм, тов. Уборевич, встретил червонцев весьма приветливо: его армию, чрезвычайно малочисленную, приход двух тысяч сабель значительно усиливал. Произведя смотр дивизии, командарм признал состояние ее вполне удовлетворительным.

Казаки рвались в бой. В их представлении поляки являлись вековечным врагом Украины, который сидел в украинском селе или в лице пана-помещика или в лице сахарозаводчика. Старые песни времен Богдана Хмельницкого пелись в полках: национальная рознь поляка и украинца, „ляха“ и „хохла“ причудливо переплелась с классовой ненавистью к пану. Усилия политработников направлялись к тому, чтобы уничтожить это переплетение, выявить классовый характер войны с панской Польшей, показать казаку, что наш враг не польские рабочие и крестьяне, а польская буржуазия.

Первые стычки. Неудачные попытки прорваться. Познанская пехота знакомится с червонцами.

На следующий день после смотра червонцы выступили на Гайсин—Винницу. В это время тов. Буденный у города Липовца прорвал фронт польской армии и вышел к Житомиру. Поляки отступали по всему фронту. Червонные казаки в несколько переходов достигли города Хмельника, где и столкнулись с врагом.

Первая стычка с новым противником имеет чрезвычайное влияние на весь дальнейший ход действий войсковой части: победа в первом бою окрыляет, поражение—надолго вселяет уныние. Первая стычка разыгралась в нашу пользу—две роты польской пехоты, стоявшие в селах Юзефополь—Терешполь, что в 15-ти верстах к северо-западу от города Хмельника, были уничтожены червонцами. Поляки ушли за реки Буг и Случ и укрепились по линии: м. Любар—гор. Острополь—с. Гречаны—м. Старая Ст. Синява—м. Новая Синява—Летичев.

Конная армия вела бои в районе г. Новоград-Волынска. На участке Ст. Синява—Летичев стояла наша сводная стрелковая дивизия силой в 700 штыков; у м. Любар—кавбригада Котовского в 600 сабель. Поляки весьма тщательно укрепили свою оборонительную линию окопами и проволочными заграждениями; на участке Ст. Синява—м. Острополь проволочные заграждения были устроены в четыре ряда.

Червоно-казачья дивизия, получив приказ прорвать фронт противника и выйти к городу Проскурову, несколько раз пыталась выполнить задание, но проволочные заграждения мешали успешности атаки, а недостаток технических средств и отсутствие тяжелой артиллерии не давали возможности уничтожить заграждения. После нескольких безуспешных атак дивизия отошла в резерв и по-бригадно расположилась: первая бригада—с.с. Юзефополь—Терешполь, вторая—с.с. Чешки—Шпичинцы, третья и штадив—с.с. Войтовцы—Качановка.

На рассвете 28-го июня поляки, разведав нашу пехоту на участке Ст. Синява, силой в пять батальонов вышли из-за проволоки, разметали пехоту сводной стрелковой дивизии, имевшей на этом участке до 300 штыков и подступили к селам Шпичинцы—Чешки. Вторая Червоно-Казачья бригада, стоявшая там, отступила от названных сел на две версты к северу и завязала ружейный бой с противником. Вскоре от обороны она перешла к наступлению, одновременно третья бригада—из с. Войтовцы через с. Кумановцы—ударилась во фланг полякам.

Лихой удар в шашки смял и расстроил познанскую пехоту; в результате боя пять польских батальонов были окружены и частично изрублены и заколоты, частично сдались в плен. Всего взято до 400 пленных, 10 пулеметов, несколько десятков повозок и много винтовок; с нашей стороны убито около 80 казаков.*)

Немедленно вслед затем дивизия атаковала Ст. Синяву, но засевшая за рекой в окопах, укрепленных проволочными заграждениями, пехота поляков отбила нашу атаку.

Еще одна неудачная попытка. Переход червонцев в район гор. Бара.

Дивизия ночевала в с.с. Шпичинцы—Юзефополь—Войтовцы.

К вечеру 28-го июня в штадив прибыл тов. Уборевич. Заслушав доклад о деле под Ст. Синявой, он одобрил действия дивизии и приказал 29-го июня прорваться на участке с. Гречаны для рейда на Старо-Константинов—Проскуров. Прорыв должна была совершить сводная стрелковая дивизия, а затем уже через этот прорыв должна пробраться в тыл противнику конница, назначенная в рейд.

*) Большую помощь в этом деле принесли пики, произведшие сильное впечатление на молодую, мало обстрелянную польскую пехоту.

С рассветом 29-го июня две бригады стрелковой дивизии и червонцы сосредоточились у с. Адамполь.

Артиллерия обеих дивизий стала на позициях у того же села и под руководством начармии, тов. Фрейберга, открыла огонь по укреплениям противника в районе сел Мисноровка—Ивки—Гречаны.

Пехота стрелковой дивизии двинулась в атаку на с. Гречаны—Ивки, но встреченная огнем пулеметов и артиллерией противника залегла, не доходя проволочного заграждения. К вечеру бой окончился; наша пехота после повторных атак отступила—ясно было численное превосходство противника. Командарм, лично наблюдавший за ходом боя, после совета с начдивами червоно-казачьей и стрелковой приказал: стрелковой дивизии занять и наблюдать участок Летичев—Острополь, червоно-казачьей—в ночь на 1-е июля сняться и идти ночными переходами к гор. Бар, где и прорвать фронт противника для рейда на Проскуров.

Рейд на Проскуров.

Подготовка к рейду. Почему был нужен рейд?

В ночь со 2-го на 3-е июля дивизия сосредотачивается в районе с. Овсянике—Чернилеговцы—Клопотовцы, имея впереди себя на участке Летичев—Бар 60-ю Стрелковую дивизию. Перегруппировку, производившуюся в ночное время, противник не заметил.

Подготавливая прорыв, командарм, тов. Уборевич приказал: 60-й Стрелковой дивизии прорвать фронт у ст. Комаровцы—Ивановцы, наступая на гор. Бар с северо-востока; 8-й Червоно-Казачьей дивизии ворваться в прорыв, рейдом разрушить тылы противника в г.г. Проскурове и Черном Острове, а затем ударить в направлении Старо Константинова в тыл собранной против Буденного ударной группы польской армии.

По сведениям нашего армейского разведывательного отделения в Проскурове стоял штаб 6-ой польской армии, а в Черном Острове—базы снабжения этой армии.

Всего червоно-казачья дивизия брала с собой в рейд 148 повозок (из них 48 тачанок с пулеметами Максима); из 4-х батарей выделили от каждой по взводу (всего 6 полевых орудий); горные орудия оставили за неисправностью. После отправки художонных, в дивизии осталось 2000 сабель.

Категорически запрещалось брать лишний обоз; успех дела основывался на быстроте и подвижности. Был намечен маршрут, рассчитанный на два перехода.

Настроение казачьей массы не оставляло желать ничего лучшего.

Конский состав был хорош, втянут в работу переходом от Перекопа к Бугу.

Бронепоезда и пехота прорывают фронт. Червонцы идут в рейд.

Вечером 3-го июня наши бронепоезда открыли огонь по ст. Комаровцы, вынудили к отходу бронепоезд противника и ворвались на самую станцию, где высадили десант в 200 чел. пехоты. Десант занял станцию, захватив там штаб 45-го польского пех. полка. Вслед за бронепоездами пехота наша заняла Волкозинцы и атаковала позицию противника на всем участке Комаровцы—Бар. Завязался ночной бой на фронте в 12 верст.

Участок от станции Комаровцы до села Комаровцы был очищен от польских войск. Прорыв совершили, главным образом, бронепоезда, при незначительном участии пехоты. Одна из главных причин нашего успеха—внезапность удара.

В разгар боя в ночной мгле к ст. Комаровцы подошла в одной колонне червоно-казачья дивизия и остановилась на большаке от ст. Комаровцы до с. Радовцы. В с. Гришки командарм лично встречал и провожал в рейд полки. Наконец, последний полк прошел—сердечное прощанье с командармом, веселые напутствия. Штаб дивизии галопом обогнал

колонну и пошел впереди дивизии. В полной тишине тронулись казаки мимо бронепоездов, вспыхивающих молниями выстрелов.

По рядам приказ: „Не шуметь и не курить“. Слева—оживленная перестрелка в районе с. Ивановцы, справа—редкая одиночная стрельба у с. Згарок. По жел. дороге сильный артиллерийский огонь—дуэль бронепоездов и полевых батарей поляков. Впереди у с. Комаровцы—сначала одиночные выстрелы, затем частый огонь. Авангард вошел в дело. Вдруг доносится далекое „ура“. Выстрелы реже, наконец стихают. Слышна команда „марш“.

Для опытного уха ясно, что путь очищен и авангард рубит бегущих—донесения ждать нечего—это только лишняя трата времени.

Первый день рейда Повстанцы. Пятьсот поляков выбыло из строя.

По дороге валяются трупы.

В Комаровцах на улице стоит толпа вооруженных крестьян—это повстанцы, взявшие винтовки у убитых поляков. Они горят ненавистью к полякам.

Один из них спрашивает: „Куда нам?“

Начдив отвечает:

„На Бар! Помогите пехоте“.

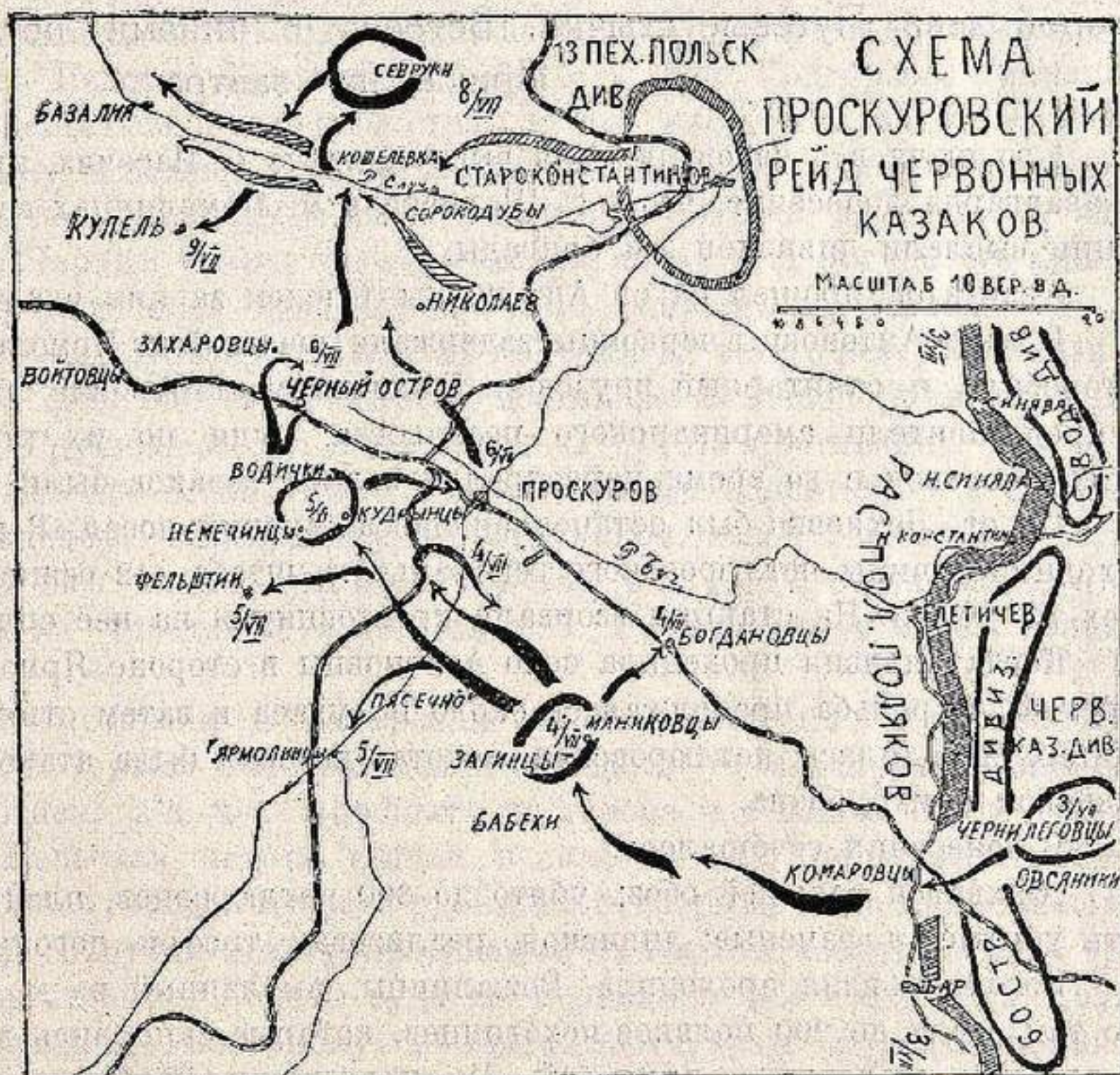
Вся толпа быстро строится и идет на Бар. Там слышна кононада.

От села Комаровцы к селу Галузинцы дивизия идет рысью—нужно выиграть время. На полпути донесение от авангарда: „В Галузинцах изрублено до 100 поляков, авангард идет на село Шыинцы“.

В с. Шыинцы на улицах трупы—изрублена какая-то обозная команда. Выйдя за с. Шыинцы, колонна подвигается шагом. Начдив разрешает играть трубачам (при каждом полку свой хор трубачей); веселые мотивы звенят в воздухе. Погода отличная, дорога немного пылит, столб пыли идет за колонной.

За селом Шыинцы по дороге на м. Деражня передовые части дивизии натываются на польский обоз. Разведдивизион штадива высылается для ликвидации. Дивизия, чередуя аллюры, идет на Зяньковцы. Разведдивизион на глазах у нее настигает обоз. Казаков встречают огнем с повозок, идущих в карьер, но широкая лава охватывает обоз, в пыли сверкают шашки. Обоз взят, идет рубка прикрытия. В с. Зяньковцы от командира разведдивизиона поступает донесение: взято 100 подвод, изрублено до 100 пехотинцев. Отдается распоряжение: коней взять, повозки бросить. Крестьянам разрешено разобрать обоз—целыми толпами устремляются они в поле.

К закату дивизия приходит в с. Загинцы.

Наш авангард просит поддержки. Высылается 1-й полк. Слышна ружейная и пулеметная стрельба. С приходом полка огонь усиливается, затем смолкает вовсе. Взято до 100 пленных, изрублено до 200, захвачено до 200 повозок; конная часть прикрытия (до 50 конных) ускакала к м. Деражня. Повозки бросили, коней разобрали по полкам, а имущество роздали крестьянам.

На ночь дивизия расположилась в с.с. Загинцы—Маниковцы—Фащевка, выставив кольцевое охранение. Высланные от застав раз'езды всю ночь ловили полицию и жандармов.

Опрошенные пленные показали: в Деражне—штадив 12-й польской, в Проскурове—штаарм 6-й польской; в Проскурове же и в Черном Острове—базы снабжения 6-й армии.

За первый день дивизия сделала более 50 верст (от с. Овсяники до м. Михалполь); изрубила до 400 поляков, взяла 100 пленных, отбила до 300 подвод обоза и несколько пулеметов.

Ночь проходит спокойно.

Второй день. Путевые стычки. Встреча с чинами петлюровского ген. штаба.

Приказ на „завтра“.

5-го июля в 5 часов дивизия выступила на с. Пасечна, прибыв в которое получила от авангарда донесение, что в с. Шаровка и м. Ярмолинцах есть противник. Для ликвидации выслали дивизион 2-й бригады.

Авангард прошел на с. Антоновцы. Следом за ним в 3-ех верстах шла дивизия.

В селе Антоновцы червонцы задержали шедший из Ярмолинец в Проскуров легковой автомобиль и санитарный грузовик. В легковом автомобиле следовали чины 6-й армии и представители американского посольства, судя по их документам. Они пытались отстреливаться и во время перестрелки залпом казаков были убиты.

На ст. Лехновка был остановлен пассажирский поезд. В поезде, в штабном вагоне находились чины петлюровского генерального штаба—42 офицера. Во время перестрелки всех их убили. На станции взорвали крестовину и на нее спустили два вагона.

Когда дивизия проходила село Антоновцы в стороне Ярмолинец слышалась сильная стрельба. Стрельба продолжалась около получаса и затем стихла. Оказалось, что в Ярмолинцах находилась петлюровская пехота, которая была атакована посланным туда дивизионом и изрублена.

В донесении сообщалось:

„Захвачен большой обоз; убито до 300 петлюровцев, пленных нет; с нашей стороны есть убитые и раненые; дивизион, реализовав трофеи, догонит дивизию“.

Когда дивизия проходила Рожалинцы, высланный на м. Фельштин раз'езд донес, что там стоит до 200 поляков-пехотинцев, которые заперлись в школе и на заводе. Фланговая сотня завязала с ними бой. На поддержку ей была выслана еще одна сотня от 2-й бригады под командой помкомандира полка. Когда дивизия прибыла в Немечинцы, бой в м. Фельштин кончился. Через некоторое время помкомполка, атаковавший Фельштин, донес, что две роты пехотинцев, запершиеся в каменном здании школы, выбиты оттуда ручными гранатами и изрублены. С нашей стороны убито 10, ранено 15 казаков, со стороны противника убито свыше 100 человек.

К 16 часам дивизия расположилась на большой привал: 1-я бригада— село Водички—Клишковцы; 2-я бригада и штадив—с. Немечинцы; 3-я бригада с.с. Волипа—Кудрынцы.

Начдив, решив одновременно атаковать Проскуров и Черный Остров, приказал:

1-й бригаде под командой тов. Григорьева сняться с привала в 2 часа 6-го июля и через Педосы—Редкодубы атаковать Черный Остров, уничтожить расположенную там польскую часть и отдел снабжения и расположиться там же. На время боя обеспечить

себя от нападения польских бронепоездов, для чего взорвать жел. дорогу в сторону Волочиска и в сторону Проскурова.

2-й бригаде под командой тов. Сметанникова перейти в село Педосы и быть в резерве начдива, наблюдая тылы 1-й и 3-й бригад. Один дивизион 4-го черказполка передать в оперподчинение комбрига 3.

Штадиву и разведдивизиону находиться в селе Педосы при 2-й бригаде.

3-й бригаде под командой тов. Микулина и дивизиону 4-го черказполка выступить в 2 часа 6-го июля на гор. Проскуров, атаковать Проскуров, взорвать Проскуровский жел.-дорожный узел, после чего идти в с. Педосы на соединение с дивизией.

В 2 часа 6-го июля части выступили для выполнения оперативного приказа.

Третий день. Под Черным Островом.

Сотня, шедшая в авангарде 1-ой бригады, атаковала с. Педосы, где находилась пехота противника (застава, около полуроты), изрубила ее и двинулась на м. Черный Остров. Поднятая на ноги выстрелами заставы пехота противника встретила полусотню сильным огнем и вынудила ее отойти за с. Педосы. Командир 1-й бригады, тов. Григорьев, приказал двум сотням 1-го полка спешиться и в пешем строю в лоб наступать на ст. Черный Остров. Остальные 6 сотен под командой командира бригады и два орудия конно-полевой батареи двинулись в обход через Редкодубы на с. Захаровцы. Комбриг намеревался атаковать местечко и станцию Черный Остров с северо-запада, а не с юга, откуда его ждали. Для взрыва пути в сторону Волочиска была послана к ст. Войтовцы полусотня.

Для взрыва пути в сторону Проскурова начдив выделил из своего резерва дивизион 2-й бригады, который занял село Войтовцы, взорвал мостик на железнодорожной линии и повел наступление на с. Грушевица, где была замечена пехота противника.

Тем временем спешенные две сотни 1-го полка перебежками подвигались к станции Черный Остров, ведя оживленную перестрелку с противником. Взвод 2-й батареи встал на позицию и открыл огонь по станции; завязался огневой бой. Все свое внимание противник обратил на юг, где на участке от с. Педосы до с. Грушевица он видел конных и спешенных казаков.

В разгар огневого боя со стороны с. Захаровцы загремели орудия 1-й конной батареи. 1-я бригада ворвалась в Черный Остров с северо-запада, но была встречена сильным ружейным и пулеметным огнем. 2-й полк спешился на галопе и в пешем строю выбил противника из местечка. Польская пехота вышла в поле, но и здесь была атакована дивизионом 1-го полка в конном строю. Началась рубка. На поддержку прискакал 2-й полк, уже снова севший на коней. Изрубив пехоту противника, бригада в конном строю бросилась на станцию. Со стороны села Педосы туда же ворвались две сотни 1-го полка. Польские части в панике бежали к Волочиску, но были настигнуты и почти целиком изрублены.

Пленных не было. На ст. Черный Остров захватили 300 вагонов со снабжением 6-й польской армии, хозчасть штарма и вагон с казначейством. В числе убитых — 3 генерала и министр общественного призрения; убито до 500 рядовых. В снабжении было 30 вагонов с обмундированием и 100 вагонов со снарядами и патронами. Многие вагоны, зажженные нашими снарядами, горели; в огне рвались патроны, гранаты и снаряды.

Операция против Черного Острова командиром 1-й червонно-казацкой бригады, тов. Григорьевым, проведена блестяще. Демонстрацией спешенных двух сотен он отвлек внимание противника, обошел его и атаковал с тылу, чем и выиграл бой.

Дивизион, высланный на ст. Войтовцы, у с. Грушевицы встретил до 300 пехотинцев противника, атаковал их, но был отбит. Высланная на поддержку сотня дала возможность повторить атаку, и пехота была изрублена.

Дивизион подорвал мостик по дороге на Проскуров. Шедший на всех парах из Проскурова поезд слетел с рельс. До 20 вагонов с пехотинцами разбилось. По поезду открыли пулеметный огонь, уничтоживший всех, кто спасся от крушения.

Налет на Проскуров. День, дорого стоивший противнику. Командарм благодарит.

В 14 часов от комбрига 3, тов. Микулина, поступило донесение об операции против Проскурова:

На рассвете бригада подошла к Проскурову. Недалеко от Проскурова конная застава противника встретила бригаду огнем. Не отвечая на выстрелы, комбриг приказал трубачу трубить атаку. Застава бросилась бежать к городу, бригада на плечах заставы ворвалась в город и начала рубку. До 500 пехотинцев осталось лежать на улицах города. Червонцы захватили часть Штарма, административные приказы по армии, лошадей командарма 6 (генерала графа Росмера), два орудия и большой обоз (более 500 повозок).

Командарм улетел на аэроплане. Бронеотряд из 4-х бронеавтомобилей и нескольких грузовых машин с офицерами прорвался на шоссе и умчался на гор. Волочиск, пролетев ракетой мимо стоявшей в селе Водички полусотни. Бригада, пробыв в Проскурове два часа и реализовав захваченные ценности, отошла к Черному Острову.

Часть пехоты противника успела отступить в предместье Заречье, сожгла за собой мост и ружейным огнем встретила атаку. Взять Заречье не представилось возможным, так как река непроходима вброд.

День 6-го июля обошелся полякам в 1000 убитых, у них было захвачено до 300 вагонов со снабжением, разгромлен Штарм 6, разрушено управление армией, взято два орудия и большой обоз.

После боя дивизия расположилась: 1-я бригада и штадив—Черный Остров-Захаровцы; 2-я бригада—Автоновка—Катериновка; 3-я бригада—Педосы—Редкодубы—Войтовцы.

В м. Черный Остров установили радио-станцию, донесшую Штарму XIV о разгроме противника в Проскурове и Черном Острове, а также о результатах первых двух дней рейда. В полночь радио станция приняла ответ Штарма XIV: командарм благодарил за службу и повторял директиву ударить в тыл Ст.-Константиновской группе противника.

Четвертый день. Дело под Сорокодубами.

Перед разговором со Штармом XIV радио-станция обнаружила верстах в 70—100 к северу-востоку радио-станции армии Буденного, говорившие между собой. Начдив полагал, что конная армия находится в районе Шепетовка—Ст.-Константинов.

Раз'езды к 21-му часу 6 июля донесли: „В Проскуров пришла польская пехота, отступающая с фронта; м. Николаев занято пехотой противника; со стороны Волочиска на ст. Войтовцы прибыли эшалоны с пехотой и разгружаются“.

Штаб дивизии решил, что в м. Николаев и Красилов находится, очевидно, Ст.-Константиновская группа поляков, отступающая от гор. Ст.-Константинова.

Нужно было выиграть время, чтобы утомленные трехдневной гонкой кони могли отдохнуть, но также следовало выйти на перерез Ст.-Константиновской группе. Поэтому дивизии приказано было построиться и перейти в район сел Большие Зозулинцы—Малые Зозулинцы, где кормить коней. Эшелоны на ст. Черный Остров ежечь, вагоны со снарядами взорвать. Распоряжение было выполнено и зарево грандиозного пожара с фейерверком снарядов вспыхнуло над ст. Черный Остров.

В 5 часов 7-го июля при свете грандиозного пожара дивизия в порядке первых дней движения выступила на с. Катериновка—Говоры—Б. Зозулинцы.

В район села Б. Зозулинцы дивизия прибыла к 8-ми часам 7-го июля и расположилась: 1-я бригада с. М. Зозулинцы и с. Клитна, 2-я бригада и штадив с. Б. Зозулинцы, 3-я бригада с. Шмырки.

Расположение дивизии оказалось не совсем удачным: 1-я бригада была зажата в большой системе реки Случ.

В с. Клитна 1-я бригада захватила обоз противника (до 40 повозок), изрубив прикрытие и прислугу.

Высланный на с. Сорокодубы раз'езд 1-й бригады донес, что из с. Сорокодубы на с. Клитна идет колонна противника силой до 2000 штыков и большой обоз. Бригада села на коней и вышла навстречу противнику.

Завязался бой, закончившийся общей атакой казаков. Противник, оказавшийся петлюровской бригадой, отступавшей на Ст.-Константинов в составе двух полков, был разгромлен. В штадив доставили 400 пленных, взяли 10 пулеметов и большой обоз. Командир неприятельской бригады был убит в бою, штаб бригады изрублен.

Доставленный живым один из офицеров-штабистов показал, что Старо-Константинов спешно эвакуируется, так как там стало известно о разгроме Проскурова и Черного Острова. Поляки—дивизия пехоты—намереваются отступить за Волочиск, в виду того, что и под Шепетовкой также идет бой. По сведениям некоторых пленных, Шепетовка взята утром 7-го июля, а Ст.-Константинов обойден с севера „какой-то“ конницей Котовского.

Польские войска напирают.

Около 21-го часа заставы 2-й бригады завязали перестрелку с противником на линии Волица-Иодко—Сл. Чернелевецкая. По дорогам Николаев—Купель—Красиллов—Писаревка шла большая колонна польской пехоты и обоза с нехотным прикрытием.

Выяснилось, что это был обоз с артпарками отступающей с фронта пехоты. Наши заставы были смяты и отошли к селу Зозулинцы.

К 22½ часам пехота противника подошла к с. Б. Зозулинцы и открыла огонь по селу. Навстречу ей вышли спешенный 4-й полк и дивизион разведчиков. Штадив, учитывая ночную темноту и неудобство принимать бой между речками, а также сильную усталость конского и людского состава, приказал: 1-й бригаде перейти в с. Клитна, 2-й бригаде—в с. М. Зозулинцы. Комбригу 3, тов. Микулину, с 3-мя раз'ездами в конях было послано приказание перейти в село Мехеринцы и там ждать распоряжений, полагая себя в дивизионном резерве. Два раз'езда вернулись и доложили, что лес между селами Зозулинцы и Шмырки занят пехотой противника, которая их обстреляла. Третий раз'езд не вернулся. Полагали, что ему удалось пробраться и доставить приказание.

Пятый день. Червонцы в тяжелом положении. Удар по 3-ей бригаде. Дивизия потеряла 100 всадников.

Около 23 часов в с. Б. Зозулинцы вступила пехота противника. К 4 часам раз'езд 1-й бригады донес, что из с. Чернилевка на Сорокодубы идет большая колонна пехоты противника. Навстречу ей вышла 1-я бригада. Противник открыл по с. Клитна артиллерийский огонь сначала из 4-х, затем из 8-ми трехдюймовых орудий.

Зная, что перед ним большие силы и не желая давать бой, имея позади целую систему болот и речку с одной лишь только переправой, штадив распорядился:

1-й бригаде задержать противника; 2-й бригаде перейти в с. Кошелевка, откуда через Волица-Вонсовичи ударить во фланг противнику одним полком, а один полк иметь в резерве. Из с. Кошелевка 2-й бригаде выслать взвод через село Мехеринцы на с. Шмырки искать связи с 3-й бригадой и приказать ей идти на с. Мехеринцы.

1-ой бригаде, когда 2-я бригада перейдет в с. Кошелевка, перейти туда же, расположиться за речкой, уничтожить мостик и удержать противника на этом рубеже, не давая распространяться на запад.

К 7 часам 1-я бригада, пытавшаяся в конном строю атаковать противника, была отбита и отошла в с. Кошелевка, переправившись без потерь под прикрытием густого тумана.

Противник занял с. Клитна и повел наступление на село Кошелевка, но со стороны села Волица-Вонсовичи был атакован полком 2-й бригады и задержался в селе Клитна, исправляя взорванный мост через реку Случ и готовясь, очевидно, идти на село Б. Зозулинцы. По переправе был открыт артиллерийский огонь взводами 1-ой и 2-ой батарей, но противник под огнем все же начал переходить через Случ.

В это время поступило донесение о том, что в м. Кульчины находится бригада Котовского. Ей послали предложение атаковать противника с востока.

От 3-й бригады прибыло сообщение (через высланный взвод), что она идет на с. Мехеринцы, попав в с. Шмырки под удар противника, зацепившего ее флангом. Комбригу 3 приказано было остановиться в с. Мехеринцы, наблюдая дорогу на Б. Зозулинцы. Пути отхода указаны на с. Ордынцы.

Около 12 часов противник густыми цепями—в бинокль видно было до 2000—3000 пехотинцев—при поддержке 8-ми орудий начал сильно теснить 1-ю и 2-ю бригады и артиллерийским огнем заставил замолчать и переменить позицию 2-й взвод 2-й батареи.

1-я и 2-я бригады отошли версты на $1\frac{1}{2}$ —2 к западу от села Кошелевка.

В то же время одна колонна противника переправилась у с. Зозулинцы и двинулась берегом реки Случ на м. Базалию. В бинокль видна была большая пыль по дороге Красилов—Зозулинцы; там, вероятно, шла еще колонна противника. Ясно стало, что наша конница имеет перед собой более дивизии пехоты противника. Захваченные в с. Кошелевка два пленных показали, что перед нами вся 13 пехотная дивизия—ударная Ст.-Константиновская группа противника, отступающая к Волочиску.

Колонна пехоты противника от с. Б. Зозулинцы подошла к селу Мехеринцы, спибли сторожевое охранение 3-й бригады, не успевшей даже изготовиться к бою, и открыла по селу Мехеринцы, забитому нашей конницей, беглый огонь из 4-х орудий с короткой дистанции. 3-я бригада спешно отступила к северу.

1-я и 2-я бригады отходили от села Кошелевка под натиском пехоты противника. Вынужденный к такому отступлению штадив в 16 часов приказал дивизии отойти в район сел Ордынцы—Карчовка—Севруки, где и стать на отдых. Отход прикрывать 1-й бригаде, так как резервная 3-я бригада была слишком расстроена отходом из села Мехеринцы.

Противник двумя колоннами по обоим берегам реки Случ прошел на м. Базалия, где и стал на почлег. Дивизия ночевала в селах Севруки—Карчовка—Ордынцы, выслав для наблюдения за противником взводные раз'езды. О преследовании не могло быть и речи, вследствие сильной усталости конницы и полной расстроенности резервной 3-й бригады. За день дивизия потеряла свыше 100 чел. убитыми и ранеными. Потери противника не выяснены; мы насчитали до 100 трупов, оставленных им на поле боя.

Рейд окончен. Итоги.

Высланный из села Севруки на м. Кульчины раз'езд привез от тов. Котовского сведения, что наша пехота заняла Проскуров и Ст.-Константинов, а тов. Буденный захватил Шепетовку. Тов. Котовский сообщал о своем намерении идти на м. Базалию. Начдив решил преследовать противника в направлении м. Купель—Волочиск.

9-го июля дивизия выступила на м. Купель, куда и прибыла после полудня. Противник ушел за реку Збруч. Высланные на Черный Остров раз'езды связались с 60-ой стрелковой дивизией. Рейд закончился.

Армейская задача, поставленная дивизии (разгром тылов 6-й армии), была выполнена удовлетворительно. Противник потерял до 2000 поляков и около 800 петлюровцев убитыми, разогнан был штаб 6-й армии и разрушена связь между ее частями, захвачено на станциях Ярмолинцы, Черный Остров, Проскуров до 500 вагонов со снабжением, взято и испорчено 10 трехдюймовых орудий.

Командарм XIV, тов. Уборевич, дал следующую оценку рейду в приказе по армии: „8-я Червоно-Казачья дивизия 5-ти дневным рейдом по тылам 6-й польской армии разгромила 6-ю армию и вынудила ее очистить территорию от Буга до Збруча“. Это слишком сильно сказано—„разгромила армию“, ибо фактического разгрома армии не было, но все же действие рейда было решающим в операции XIV армии на линии реки Буг.

Проскуровский рейд еще один раз доказывает, что конница, правильно использованная, попрежнему может оказывать большое влияние на исход армейской операции.

В Галиции.

На линии реки Збруч.

РАСПОЛОЖИВШИСЬ по линии реки Збруч, поляки укрепились и стали спешно приводить в порядок свои разрозненные части.

Из м. Купель червонцы выступили 10-го июля на с. Белозорка, оттеснив противника к западу. В это время поляки начали проявлять активность на участке Волочиск—Тарноруда. Дивизию спешно перебро- сили на названный участок и там она приняла участие в крупном двухнедельном сражении на реке Збруч, у Волочиска. Пехота 60-й Стрел- ковой дивизии, получившей пополнение, тщетно атаковала Волочиск;

поляки, стянув крупные силы и мощную артиллерию, отбивали наши атаки.

В одном из боев, когда у с. Волчковцы (что в 5 верстах к северу от г. Волочиска), наша пехота форсировала реку Збруч, первая бригада переправилась через реку и про- двинулась в тыл Волочиска, захватив свыше 100 пленных, но была взята под перекрест- ный огонь неприятельскими батареями и отошла обратно, причем был ранен комбриг, тов. Григорьев, и убиты начштабриг тов. Самусь и до 30 казаков.

Удар в тыл противнику. Взятие Збаража и Тарнополя. За здоровье
Красной Армии—из польских бокалов.

После целого ряда безуспешных попыток форсировать Збруч у Волочиска, начдив червонно-казачьей предложил новому командарму, сменившему Уборевича, тов. Молкача- нову, план прорваться конницей у м. Ожоговцы и уже оттуда ударить в тыл противника. Молкачанов в течение нескольких дней колебался, но наконец разрешил сделать попытку и червоно-казачья дивизия 24 июля форсировала Збруч, взяла м. Токи и ударила в тыл противника.

Раз'езды червонцев обнаружили в селе Воробьевка, что к югу от м. Токи, два батальона польской пехоты, двигавшиеся на м. Токи. Навстречу им дивизия выслала 3-ю бригаду, которая и завязала бой с противником, закончившийся тем, что два польских батальона были частично изрублены, частично взяты в плен; пленных немедленно отправили в м. Ожоговцы вместе с нашими ранеными.

Дивизия выступила к городу Збаражу и сосредоточилась в с. Лубянка-Выше, заняв передовыми частями Лубянку-Низше, что в трех верстах от Збаража. Цепи противника расположены были на окраине города фронтом к нам. Наши раз'езды завязали с ними перестрелку, в то время как артиллерия дивизии выехала на позицию и открыла огонь по цепям противника; 3-я бригада энергично их атаковала, но была отбита и завязала с противником ружейный бой. В ночь на 26 июля та же самая бригада вторично атаковала город Збараж. Две сотни ворвались в самый город и дошли до замка князей Вишневецких, но ручными гранатами и пулеметным огнем пехотных частей, засевших в замке, были отбиты и вынуждены отойти.

Перед рассветом 26 июля атака была повторена 2-й и 3-й бригадами и на этот раз Збараж был взят.

Противник не ожидал такого бешеного удара и потому 3-й бригаде удалось захватить штаб бригады противника вместе с секретным оперприказом по 6-й польской армии.

Насколько неожиданным и стремительным был наш удар можно судить по тому, что в наши руки попал накрытый для польских офицеров стол с приборами и вином. За этим столом комбриг 3-ей, тов. Демичев, пил за здоровье Красной Армии из польских бокалов.

Вторая бригада под командой тов. Микулина выступила на Тарнополь, скрытно подошла к городу, внезапно атаковала и взяла его, выбив оттуда крупные силы противника и захватив большие трофеи. Польские части по всему фронту армии отошли за реку Серет и, используя оставшиеся после империалистической войны окопы, укрепили линию этой реки.

Стрыйский рейд.

У дороги на Львов. Польские части теснят Красную Армию.

По взятии Збаража и Тарнополя червоно-казацья дивизия получила приказ продвинуться в северном направлении к верховьям реки Серет и в районе м. Подкамень форсировать реку Серет для движения в направлении на г.г. Золочев—Львов.

Части XIV армии повсеместно вышли на реку Серет, а конная армия подошла к району г. Броды. В районе последнего завязались упорные бои между красными частями и поляками.

Противник с особым упорством оборонял линию реки Серет, которая представляла собой наиболее серьезный рубеж, прикрывавший дорогу на Львов.

К 30-му июля дивизия сосредоточилась в районе м. Подкамень и оттеснила противника за реку Граберка. Временно червоно-казацья дивизия вошла в оперативное подчинение командарма конной, тов. Буденного, и получила приказ, оставаясь на левом фланге конной армии сбить противника на участке с. Загорце—река Лух—река Граберка. В это время конная армия вела упорные бои с конницей противника в районе м. Топоров—Станиславчик—Берестечко. Натиск ударной группы противника вынудил конную армию отойти к востоку от г. Броды; под давлением поляков и червоно-казацья дивизия отошла к м. Подкамень.

После упорного боя противник вынудил оставить и это местечко и отойти на 5 верст к востоку и юго-востоку.

Снова в наступление.

Однако, оправившись от удара, конная армия перешла в наступление, а на участок м. Подкамень прибыла 45 стрелковая дивизия под командой тов. Якира, который объединил под своим командованием 47 стрелковую, 45 стрелковую и червоно-казацкую дивизии.

45-я стрелковая дивизия выбила противника из м. Подкамень, штурмом взяла Подкаменский монастырь доминиканцев, расположенный на высокой скале, и выдвинулась на линию реки Граберки. Одновременно червоно-казацкая дивизия, действуя южнее 45-й, подошла к реке Серет в районе с. Заложце. После недельных боев (в середине августа) ударная группа, получившая наименование группы Львовского направления, форсировала реку Серет и двинулась к Львову.

Червоно-казацкая дивизия была исключена из состава ударной группы тов. Якира и возвращена в оперподчинение командарма XIV.

Связи со штабом XIV штаб дивизии не имел. Решено было преследовать противника, двигаясь между конной и 14-ой армиями, в общем направлении движения последней.

6-я польская армия, в состав которой входили 12-я, 13-я и 18-я дивизии пехоты (полки большого численного состава), быстро отступала по всему фронту XIV-ой армии. Отступление велось польскими частями вполне организованно; их арьергарды задерживали продвижение красных частей и давали возможность главным силам, свернувшимся в большие колонны по дивизиям, отходить в порядке. Стратегической конницы 6-я польская армия в то время не имела.

Перехваченный нами оперативный приказ по армии раскрыл нашему командованию все расчеты противника. Приказ этот определял порядок движения польских колонн на случай отступления с линии р. Серет. Согласно этому приказу противник должен был задержаться и укрепиться на линии рек Буг и Золотая Липа, используя для обороны старые укрепления, оставшиеся со времен войны 1914—1917 г.г.

Задача червоно-казацкой дивизии начальнику дивизии казалась ясной: быстрым выдвижением вперед дивизия должна захватить переправы через р. Золотая Липа и помешать противнику устроиться на предполагаемой им линии обороны. Указаний от штаба XIV на этот счет никаких не имелось.

40 верст с боем за день. Разрушены ж.-д. линии. „Полагать себя в рейде“.

В течение всего дня 17 августа червоно-казацкая дивизия, имея вправо связь с частями стр. дивизии, двигавшейся на гор. Золочев, преследовала противника, сбитого с р. Серет.

Из района с. Волчковце-Низше (к северу от Зборова) дивизия выдвинулась к с.с. Вышневичк—Липовце (южнее Золочева в 10 верстах), захватив после перестрелки переправы через р. Золотая Липа в районе с. Вышневичк. В течение дня было взято несколько повозок и несколько человек обозной прислуги. Пленные эти показали, что одна колонна противника движется по шоссе Гологуры—Куровице (Золочев—Львов), а другая „где-то южнее“.

Считая свою задачу незаконченной, начдив решил 18 августа форсировать р. Золотая Липа и, выдвинувшись к м. Свирж, перерезать железнодорожное сообщение по линиям Львов—Перемышляны—Бржезаны и Львов—Ходоров—Галич, а также проникнуть в тыл ночующим в Дунаюве и Гологурах пехотным группам противника.

Решение это было сообщено начальникам соседних пехотных дивизий и послано штабу с ординарцем в виде приказа по дивизии, вместе с разведывательной сводкой.

Частям дивизии было приказано:

1-й бригаде, имея в авангарде дивизион, идти по маршруту Вышневичк—Выписки—Хлебовице-Свирские—Сарники. При движении через железнодорожное полотно Львов—

Бржезаны взорвать железнодорожный мост в районе Волкув—Брыков, а по достижении с. Сарники захватить дивизионом ст. Выбрановку и взорвать железнодорожную линию Львов—Галич.

Двум остальным бригадам идти в 4-х верстах севернее по маршруту Вишневич—Перемышляны—Свирж—Ланы.

Для взрыва железнодорожного пути к северу от м. Перемышляны выслали сотню от одной из бригад. Взрыв этот должен был обеспечить дивизию при движении через полотно от нападения бронепоездов противника. Фланги колонн охранялись сильными раз'ездами.

В 6 часов 18 августа червоицы переправились через р. Золотая Липа. Во время переправы слышна была канонада к северу. В виду того, что огонь орудий после короткой энергичной вспышки стал удаляться к северо-западу, предположено было, что противник отходит и решено продолжать движение.

К 12-ти часам авангард главных сил выбил из Перемышлян роту пехоты противника и, отрядив для преследования полусотню, двинулся к м. Свирж. Главные силы беспрепятственно форсировали р. Гнилая Липа и вступили в м. Перемышляны. Неприятельский аэроплан безрезультатно обстрелял дивизию на мосту через Гнилую Липу и скрылся в западном направлении.

Во время движения через Перемышляны пришло донесение от правого флангового раз'езда, что от с. Гологуры к м. Перемышляны движется пехота противника. Сотня, взрывавшая полотно на ст. Кросенко, к северу от Перемышляны, завязала перестрелку с передовыми частями этой пехоты.

Приблизительно в это же время с юга раздался гул взрыва: 1-я бригада перешла полотно железной дороги и взорвала его.

В 15 часов 2-я бригада достигла м. Свирж и через него проследовала к м. Бобрка, а в 16 часов в м. Свирж вступил штаб дивизии и 3-я бригада.

В м. Свирж в штаб дивизии прискакал ординарец из штаба стрелковой дивизии от начдива т. Якира, который сообщил, что конная армия т. Буденного взяла гор. Буск и движется на гор. Львов, а стрелковая дивизия успешно ведет бой на р. Золотая Липа и имеет целью движение на Львов с востока. Директив от штаба XIV армии для Червоно-Казачьей дивизии попрежнему не было. Почти одновременно от авангарда поступило донесение, что в гор. Перемышляны вступил противник.

Левый фланговая первая бригада донесла, что она прибыла в Хлебовицы-Свирские и после часового отдыха идет на Сарники.

Во время движения первая бригада захватила несколько повозок из обоза 12-й польской пехотной дивизии; пленные сообщили, что 12-я дивизия находится в районе м. Дунаюв и ничего не знает о нашем присутствии в ее тылу. Те же пленные показали, что какие-то пехотные части спешно перебрасываются поездами из Галича на Львов и Варшаву, которой грозит непосредственная опасность от Красной Армии.

На основании этих сведений, хотя очень туманных и сбивчивых, авангарду было приказано поспешить по речей пути Львов—Галич, чтобы помешать переброске сил противника.

В 16½ часов 2-я бригада взяла после короткого боя с пехотой и жандармами м. Бобрка, в 17 часов после более упорного сопротивления та же бригада взяла ст. Бобрка, взорвала полотно и стрелки на ст. Бобрка, а также мостик к северу от нее в районе Боркува. Телеграфное сообщение Львов—Галич было прервано.

Приблизительно к тому же времени дивизионом 1-й бригады взят ст. Выбрановка и взорвал мостик к югу от ст. Выбрановка. На ст. Выбрановка и Бобрка было взято более ста пленнх и несколько пулеметов.

На ночь дивизия расположилась: 1-я бригада и штаб див.—с. Сарники, 2-я бригада—с. Ланы, 3-я бригада—с.с. Кологуры, Соколовка (все пункты южнее ст. Бобрка).

Всего за день с боем червонцы прошли более 40 верст. Результаты первого дня — разрушение железнодорожных линий Львов—Бржезаны и Львов—Галич. Трофеи: более ста пленных, несколько пулеметов и повозок. Потери: менее десятка убитых и раненых.

Дивизия вышла в тылы противника; Перемышляны находились в руках противника, связи с частями Красной армии не было.

После совещания в селе Сарники начдив решил идти с дивизией на Стрый. К Львову шла конная армия Буденного и группа Гафира. Червонные казаки думали, что Буденный, имеющий около 10000 сабель, сам легко справится с задачей. Ни у одного из червонцев, да вероятно и у самого Буденного не было ни малейшего сомнения в том, что Львов будет взят буденовцами. Характерно, что в штабе тов. Гафира в частных разговорах намечался даже комендант для города Львова. Поэтому червонцы и решили идти на Стрый. Такой образ действий был совершенно правилен до тех пор, пока сохранялась уверенность в том, что Буденный возьмет Львов, и он перестал быть правильным после неудачи тов. Буденного.

Полкам было приказано: „Полагать себя в рейде“. Приказ этот, прочтенный в сотнях командах и батареях, вызвал громадный подъем настроения среди привычной к набегам казачьей массы.

На Стрый!

Задача вышедшей в рейд дивизии заключалась в разобщении Львова с Галичем и Львова через Миколаев со Стрыем, а также в разрушении пунктов, которые по условиям связи и транспорта могли быть базами для частей противника, оперирующего на участке XIV-ой армии.

Появление конной дивизии на путях сообщения армии противника, в районе штаба армии, а также разрушение всех железнодорожных линий в тылу противника и уничтожение его огневых интендантских складов внесло бы полную дезорганизацию в работу польского командования, нарушило бы все его расчеты, расстроило бы отступавшие части противника и дало бы возможность наступающим по фронту частям Красной Армии бить польскую армию по частям.

Начдив решил: разрушить железнодорожный узел Ходоров по линии Львов—Галич и жел.-дор. линию Миколаев—Львов, после чего совершить набег на гор. Стрый.

В гор. Стрый сходилась 5 железнодорожных линий; уничтожение этого узла разрушило бы связь между южной и северными группами противника.

Связи со штабом не было. Радиостанция осталась при обозах дивизии, и передать сведения о расположении дивизии и о принятом решении не представлялось возможным.

Частям дивизии было приказано:

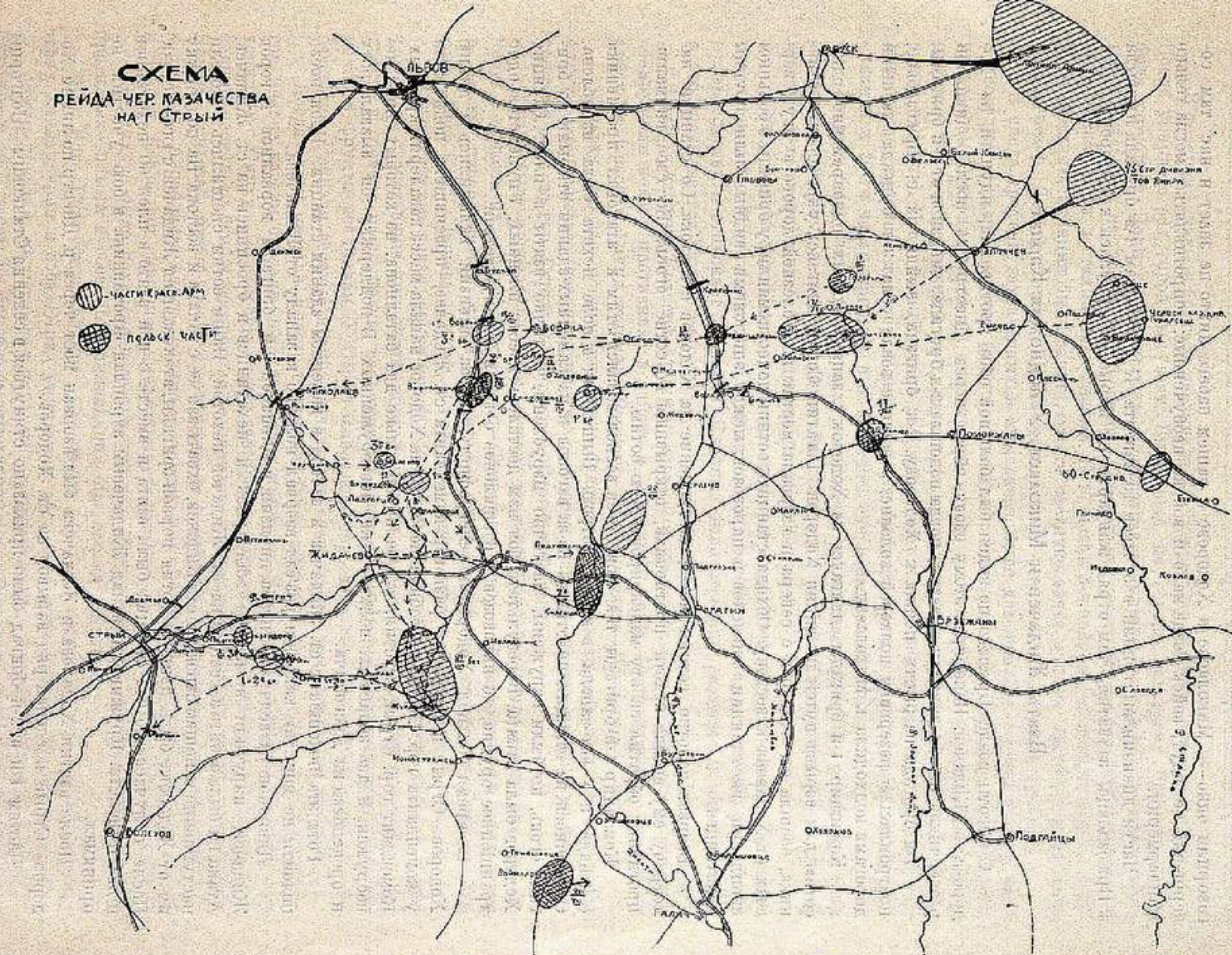
1-й бригаде выступить с рассветом 19 августа по маршруту Сарники—Соколовка—Бржоздовце (к югу), откуда разведать Ходоров и атаковать его с запада. По занятии Ходорова—разрушить жел.-дор. узел Ходоров и взорвать мостики по линиям, идущим от Ходорова.

2-й бригаде идти по маршруту 1-й бригады и сосредоточиться в м. Бржоздовце, где и быть в дивизионном резерве; один дивизион по прибытии в Бржоздовце выслать на гор. Жидачев, атаковать и взять его, после чего взорвать пути к западу от Жидачева по линии Ходоров—Стрый. Со 2-й бригадой следовал штаб дивизии.

3-й бригаде идти лесом по маршруту Выбрановка—Стульское, на гор. Миколаев, взять его внезапной атакой, взорвать большой мост через реку Днестр по линии Львов—Стрый, после чего идти в Бржоздовце на соединение с главными силами.

Этот, несколько рискованный, план имел много шансов на успех, потому что сведения от крестьян совпали со сведениями от пленных и с доносениями раз'ездов и все

**СХЕМА
РЕЙДА ЧЕР КАЗАЧЕСТВА
НА Г. СТРЫЙ**

говорили одно—в Миколаеве и Ходорове о нашем набеге никто не знает и нас там совершенно не ждут; войск веде мало и войска необученные; сопротивляться могла только жандармерия.

Части дивизии выступили в 5 часов 19 августа. К 10¹/₂ часам 1-я бригада прибыла в Бржозовце, захватила там отряд жандармерии и рысью двинулась к Ходорову.

Взяты Жидачев и Миколаев. У подножия Карпат.

С высоты возле Бржозовце виден был большой обоз противника, идущий из Ходорова на Жидачев. Наперерез этому обозу вброд через Днестр был послан дивизион разведчиков штаба дивизии и затем, когда подошла 2-я бригада, дивизион от 2-й бригады.

1-я бригада на рысях пошла к Ходорову. 2-я бригада, выйдя из с. Бржозовце, построилась в резервной полковой колонне, в ложине возле села. 3-я бригада лесными дорогами подходила к Миколаеву.

Командир 1-й бригады, двигаясь на Ходоров с запада, послал одновременно одну сотню для взрыва путей по линии Ходоров—Рогатин. Сотня, двигаясь укрыто от противника, обошла ст. Ходоров с севера и взорвала мостик по железной дороге в двух верстах от Ходорова к востоку. Обходя станцию, сотник донес командиру бригады о большом скоплении на станции эшелонов и паровозов; между эшелонами видны были группы пехотинцев.

Взорвав полотно, сотник повел наступление на Ходоров с востока. Со станции навстречу ему вышла пехота противника, открывшая по сотне огонь. Все свое внимание противник обратил на эту маневрировавшую сотню.

Командир 1-й бригады тов. Григорьев воспользовался этим и атаковал противника с запада и с юго-запада в конном строю. Вышедшая в поле пехота была изрублена. Оставшиеся на станции пехотинцы из-за вагонов и из каменных зданий открыли по бригаде огонь, но были окружены, частично изрублены, частично взяты в плен. Станция Ходоров была занята. В результате боя нам досталось двести пленных, 7 пулеметов, одно траншейное орудие, 16 паровозов и 6 эшелонов с военным имуществом.

Во время боя под Ходоровым телеграфисты штаба дивизии включились в линию Ходоров—Стрый и слушали разговор коменданта ст. Жидачев, просившего поддержки у коменданта гор. Стрый и сообщавшего, что на Ходоров напала масса кавалерии красных. Комендант гор. Стрый ответил, что он имеет только два батальона, из которых один невооружен, и два запасных полка, тоже невооруженных. В поддержку он вызвал роту и бронепоезд из Дрогобыча.

Рота эта подошла к ст. Жидачев и засела в каменном здании станции. Бронепоезд подойти не мог, так как наш разезд взорвал полотно к западу от Жидачева.

Дивизион разведчиков штаба дивизии и дивизион 2-й бригады ворвались в город Жидачев, изрубили несколько жандармов и пехотинцев и бросились на ст. Жидачев. Атака их была отбита засевшей на ст. Жидачев пехотой. Наши сотни спешили и повели наступление в пешем строю на ст. Жидачев, охватывая ее с запада и востока. На поддержку им от Ходорова была двинута сотня первой бригады, атаковавшая Жидачев с юго-востока. После получасового боя станция была взята и вместе с ней взято в плен 60 пехотинцев и два пулемета. Кружившийся над Жидачевым аэроплан противника в бою участия не принимал.

После взятия Ходорова и Жидачева был взорван мост через р. Днестр по линии Ходоров—Стрый и сделан ряд взрывов на ст. Ходоров.

Частям 1-й и 2-й бригад было приказано стянуться в селения Станковцы—Подгорцы и Бржозовце, где и расположиться на почлег. Штаб дивизии—с. Бржозовце.

В то время, как 1-я бригада наступала на Ходоров, 3-я бригада атаковала Миколаев. После упорного боя город был взят. Вышедшая из города навстречу бригаде пехота была изрублена. Попытка противника задержаться на улицах города вследствие стремительности атаки не увенчалась успехом. Отшедший к ст. Миколаев батальон пехоты противника засел в станционном здании. К 17 часам 3-я бригада, действуя лавой, окружила станцию. Станция была занята, пехота частично взята в плен, частично изрублена, мост через р. Днестр взорван. На станции взято до ста пленных и много трофеев.

В числе трофеев, захваченных в Миколаеве, было два эшалона с военными грузами и несколько с разным грузом (плуги, гвозди, косы и т. д.). Все эти грузы были розданы крестьянам. Находящиеся на станции два вагона с динамитом и пироксилином были продвинуты на подорванный мост, заряжены капсюлями и взорваны (до 300 пуд. взрывчатых веществ). Грандиозный взрыв разрушил мост и полотно на большом участке. По ликвидации противника в гор. Миколаеве, 3-я бригада отошла на соединение к главным силам и к 20-ти часам прибыла в с. Малехов, где и расположилась.

За день было взято три города, разрушено две железно-дорожные линии и один жел.-дорожный узел, захвачено свыше 300 пленных и трофеев. Части дивизии за исключением 6-ти сотен вели бой и сделали по 50-ти верст.

Ввиду полной невозможности в дальнейших операциях таскать с собою пленных, приказано было объявить им, что Советская власть освобождает их от службы польскому правительству и отпускает по домам. Пленные были отведены раз'ездом за наши заставы и отпущены на все четыре стороны.

Связи с частями Красной Армии не было. Высланные на восток от Ходорова раз'езды обнаружили пехоту противника в районе м. Подкамень и м. Княгиница. По слухам от крестьян, Красная Армия занимала Рогатин—Перемышляны—Глиняны.

Полагая, что задачу дивизии можно будет считать законченной лишь тогда, когда будут разрушены все соединяющие юг с севером жел.-дор. линии, Начдив приказал продолжать рейд до гор. Стрый и разрушить Стрыйский узел.

Отдано было приказание: всем полкам дивизии в одной колонне выступить 20 августа в 6 часов из района Бржоздовце—Станковцы и через Залесье выйти к мосту через р. Днестр, переправиться через р. Днестр и идти дальше по маршруту Смухув—Зырава—Ново Село—Дашава—Стрый. В голове колонны идти 3-ей бригаде.

Погода стояла ясная, грунт сухой. Полки шли за полками в одной колонне. Хоры трубачей, следовавшие при своих полках, играли марши. Крестьяне и крестьянки радостно встречали наши полки; разряженные девушки (был праздничный день) бросали цветы и фрукты всадникам. У Стрия ожидалось серьезное дело, но казаки шли как на праздник. Гремели веселые песни; создавалось впечатление триумфального шествия.

Когда части прошли Днестр, стали отчетливо видны Карпаты. При виде синюющих гор, многие казаки бросали папахи вверх и кричали: „Ура, даешь Стрый“. Дивизия подходила к с. Смухув. Со стороны Стрия навстречу дивизии прилетели два аэроплана, бросившие несколько бомб и обстрелявшие дивизию из пулеметов. Потерь они не причинили. Начдив приказал, чтобы ввести в заблуждение противника, обозначить движение на юг к Галичу. Аэропланы около полудня кружились над колонной, после чего улетели к Львову. Когда они скрылись, дивизия круто повернула на запад и двинулась к Стрию.

В Смухове было получено известие, что в с. Журавно через Днестр переправляется противник—пехота и обоз. Для ликвидации был послан 4-й полк.

В с. Ново Село от командира 4-го полка прибыло донесение, что в Журавно был отряд жандармерии и обоз. Отряд уничтожен, обоз взят, полк идет на хвосту дивизии.

Части дивизии, не встречая никакого сопротивления, достигли селений Дашава—Юзефиче в 16½ часов. 3-я бригада была выдвинута в с. Гензельдорф. Командиру 3-й бригады, тов. Демичеву, было приказано атаковать гор. Стрый. Для усиления этой группы,

наносившей главный удар, командиру 3-й бригады был подчинен 3-й полк (из 2-й бригады).

Дивизиону разведчиков штаба дивизии поручили взорвать железнодорожное полотно по линии Стрый—Болехов возле ст. Моршин.

Командир 1-й бригады получил приказ выслать дивизион с отделением подрывников на ст. Конюхов по линии Стрый—Мункач для взрыва мостика в районе ст. Конюхов.

Для охранения тыла и флангов оперирующей группы командиру 1-й бригады, тов. Григорьеву, выслать взводные раз'езды, освещая определенные полосы. Остальные четыре сотни 1-й бригады и подошедший 4-й полк составляли резерв начдива.

Красная конница—в Стрые.

Операция началась в 18 часов. Командир 3-й бригады, Демичев, выслал один дивизион по направлению с. Стржалков—Грабавиц для взрыва путей по линиям Стрый—Мункач и Стрый—Дрогобыч. На ст. Стрый стояло два бронепоезда; дивизион должен был отрезать им путь отступления.

Одна сотня направилась на с. Доброва для наблюдения за флангом и порчи путей. Остальные 9 сотен и 4 орудия сосредоточились в с. Подгорце, откуда и начали наступление на гор. Стрый.

Наступление, поддержанное сильным огнем 4 х орудийной батареи, стоявшей в с. Подгорце, задерживалось целой системой речек, прикрывающих гор. Стрый с юга (около 10 горных речек и ручьев). Один полк был спешен и повел наступление в пешем строю. Завязался бой за переправы, обороняемые 800 штыками пехоты. Бой затягивался. Переправы обстреливались сильным ружейным и пулеметным огнем; наши части продвигались очень медленно.

Командир бригады, тов. Демичев, воспользовался наступавшими сумерками и приказал трем сотням через мосты в колонне атаковать в конном строю пехоту противника.

Три сотни во взводной колонне карьером понеслись через мосты. Пехота противника пришла в панический ужас при виде массы всадников, мчавшихся через мосты, которые гудели от топота кованых копыт. Огонь цепей противника стал стихать; цепи поспешно начали отходить к городу, но были настигнуты атакующими сотнями. Пехота погибла под шашками. Бронепоезда противника, угрожаемые обходящими сотнями и попавшие под жестокий огонь наших батарей, начали спешно уходить на Дрогобычскую линию.

Головные три сотни, решившие бой, потеряли во время атаки до 70 лошадей и 50 всадников. Уцелевшие всадники (сотни были небольшого численного состава в 50—70 всадников), раз'яренные сопротивлением, уничтожали все, что было на пути. Изрубив пехоту, они ворвались на станцию и в город, продолжая рубку отдельных пехотных групп.

В это время тов. Демичев ввел в дело свой резерв, атака которого завершила поражение. На станции и в городе оказалось много пехотинцев, не имевших вооружения. Пехотинцы эти были в большинстве русскими военнопленными, набранными польским командованием. Кроме них в Стрые стоял польский пехотный запасный батальон. Вся эта пехота, пользуясь темнотой, разбежалась по домам и в горы, которые были в нескольких верстах к западу от Стрыя. Долго еще во тьме ночной были слышны выстрелы наших раз'ездов, встречавшихся с бегущими группами пехоты.

Бронепоезда успели уйти на Дрогобыч. На ст. Стрый было захвачено до 300 вагонов с разным имуществом, в том числе несколько эшелонов снабжения 6-й польской армии. Часть трофеев разобрали полки, а остальное было сожжено.

Дивизион 1-й бригады, отправившийся для взрыва пути на ст. Конюхов, равно как и дивизион разведчиков, отправленный взрывать пути к ст. Моршин, свою задачу выполнили. На станции они встретили только жандармерию, которая была изрублена.

К рассвету все части сосредоточились: 1-я бригада—Дашава, 2-я—Юзефиче, 3-я—Гельзендорф.

За день было сделано больше 50-ти верст и после упорного боя разрушен железнодорожный узел. Наши потери—до ста лошадей и 75 человек убитых и раненых. Взятые в плен поляки, числом до 400, были отпущены по домам, с наказом не воевать против Красной Армии.

21-го августа дивизия выступила в 9 часов и сосредоточилась в районе Смухув—Журавно. Нужно было дать отдохнуть коням и выяснить обстановку. Дивизия встала на квартиро-биваке по селам Зырава, Смухув, Заблотовце и выслала раз'езды к ст. Бобрка, Рогатину и Галичу.

Дивизия выходит из рейда. Что дал рейд?

В ночь на 22-е августа раз'езды донесли:

- 1) возле м. Войнилово, что в сторону Галича, находится вышедшая для розыска нашей рейдирующей конницы петлюровская конница (силой в 5—6 полков);
- 2) в районе ст. Выбрановка (что к северу от Ходорова) находятся польские уланы, невыясненной численности и соединения;
- 3) в районе Княгиница—Подкамень находится пехота противника.

Весь район от Стрыя до Подкаменя и от Выбрановки до Войнилова (с запада на восток 60 верст, с севера на юг—более 60 верст) был свободен от противника.

Принимая во внимание усталость дивизии и недостаток огнеприпасов, а также имея в виду практические результаты рейда, начдив решил выводить дивизию из рейда, для чего уничтожить сгруппировавшуюся в районе Рогатина пехоту противника, соединиться с красными частями и предложить нашему командованию бросить в прорыв пехоту, которая совместно с конницей могла бы дойти до Стрыя и выйти на фланги Львовской и Галичской группам противника.

Утром 22-го августа дивизия выступила в одной колонне по маршруту Жидачев—Ходоров—Подкамень.

Вечером того же дня дивизия прибыла в Подкамень и связалась с нашей пехотой, вошедшей в это время в гор. Рогатин.

Результатами 5-ти дневного набега на тылы 6-й польской армии можно считать следующее:

- 1) разрушение всех коммуникационных линий армии противника, сзади которого оставались только испорченные и на долгий срок приведенные в негодность железнодорожные линии: Львов—Бржезаны, Львов—Ходоров—Галич, Львов—Миколаев—Стрый, Ходоров—Стрый, Болехов—Стрый;

- 2) разрушение всякой связи между частями 6-й армии и армейским командованием;

- 3) уничтожение продовольственных и интендантских складов в Ходорове и Стрые;

- 4) уничтожение живой силы—до 1500 человек рядовых и несколько десятков офицеров;

- 5) освобождение от противника территории по фронту и в глубину на 80 верст;

- 6) из-за этого рейда противник не смог устроиться по линии р.р. Золотая-Лина—Буг.

Всего за время рейда дивизия сделала более 200 верст, взяла города Перемышляны, Бобрка, Миколаев, Жидачев, Стрый, разрушила опорные пункты—железнодорожные узлы Стрый и Ходоров и произвела более 20-ти взрывов на 5-ти железнодорожных линиях.

На подступах к Львову.

Приказ командарма. Неудача под Николаевом.

23-го августа, связавшись с пехотными частями 41-ой и 60-ой стрелковых дивизий, червоно-казацья дивизия двинулась снова к ст. Ходоров и к вечеру того же дня прибыла в район м. Бржоздовце.

Красная пехота вышла на линию реки Свирж и закрепились в м. Княгиница.

Вечером 23 августа штадив получил приказ командарма XIV, Молкачанова, ударить по тылам противника в направлении Комарно-Городок и этим ударом оказать содействие пехотным частям во взятии Львова.

В приказе по армии указывалось расположение наших частей:

41 дивизия выдвинулась на линию река Гнила Липа—м. Княгиница, 60 стрелковая дивизия отошла к м. Свирж; ударная группа тов. Якира вела бои на линии с. Остров—м. Ярычув.

Привезший приказ тов. Логинов сообщил, что конная армия и группа тов. Якира вели бои на подступах к городу Львову, но были отбиты и конная армия отошла в направлении м. Каменка к северо-востоку от Львова.

Во исполнение приказа командарма, начдив приказал 2-й бригаде взять гор. Николаев, где находилось до двух тысяч штыков неприятельской пехоты и прибывший из города Львова бронепоезд. Штадив и 3-я бригада перешли в м. Роздол, 1-я бригада расположилась в с. Малехов.

В десять часов 24 августа 2-я бригада вступила в бой с противником у с. Верин, сбила его и двинулась к городу Николаеву, но огнем подошедших неприятельских подкреплений и бронепоезда была остановлена и завязала огневой бой с пехотой противника. Последняя, опираясь на непроходимый лес и пригород Николаева, упорно оборонялась. Горная и лесистая местность совершенно не позволяла действовать в конном строю.

К 14 часам со стороны гор. Львова к ст. Бориниче подошел бронепоезд противника и открыл огонь по селу Гранки, где находилась застава 1-й бригады. Вслед затем со стороны Бориниче показались три эскадрона польских улан и до батальона пехоты—очевидно, десант бронепоезда. 1-я бригада завязала бой с противником, 1-я батарея открыла огонь по бронепоезду. К 17 часам 1-я бригада оттеснила противника к железной дороге, но почти в то же время 2-я бригада сдала село Верин и отошла к с. Крупско. Один полк 3-й бригады был послан на поддержку 1-й бригады. 2-я бригада отошла к Роздолу, а остатки 3-ей и штадив перешли в м. Бржоздовце.

На поддержку 60-й дивизии. Наступление на Львов задержано. Упорные бои у м. Свирж.

В ночь на 25 августа от командарма XIV был получен приказ выйти в район м. Бобрка—Свирж оказать содействие 60-й стрелковой дивизии в овладении г. Львовым. Сообщив начдиву 41 стрелковой о своем движении и сведения о противнике, дивизия 25 августа через село Дзевентники вышла к с. Сарники.

Фланговые раз'езды 1-го полка в районе ст. Бобрка обнаружили двигавшуюся к ст. Выбрановка бригаду польских улан (3 полка по 6 эскадронов). Дивизион 1-го полка, разведывавший район ст. Бобрка, столкнулся с 4-мя эскадронами улан у села В. Хлебовице, что в 5-ти верстах севернее ст. Выбрановка. Уланы отрезали дивизиону движение на восток и встали между ним и дивизией. Одновременно подошедший от ст. Бобрка бронепоезд

поезд противника начал обстреливать казаков артиллерийским и пулеметным огнем. Дивизион в конном строю атаковал и опрокинул улан, не принявших удар, и через село Ланы соединился с дивизией.

На ночь дивизия расположилась по-бригадно в с.с. Сарники, Стоки и Хлебовице-Свирские. В лесу у села Стоки был захвачен врасплох батальон польской пехоты, частично взят в плен, частично разбежался в дремучем лесу.

Ночью из с. Сарники в с. Хлебовице перешел штадив, двигаясь через лесную чащу. Штабисты вынуждены были зажечь факелы и фонари и при их свете разыскивать дорогу в глубоком мраке галицийской ночи, усиленном непроницаемым сводом из ветвей деревьев, переплетавшихся над дорогой. Это было фантастическое зрелище: колонна всадников, освещая факелами дорогу, движется во мраке столь сильном, что всадники не различают головы лошади. Вокруг—стена безмолвного леса, в котором ни листок не шелухнет.

В районе села Хлебовице-Свирские 26 августа дивизия связалась с частями 60-й стрелковой дивизии и помогла им овладеть м. Свирж, из коего они накануне были выбиты.

Пехота противника укрепилась на линии с. Ланы—г. Бобрка—с. Стржалки—лес к северу от м. Свирж—с. Ханачувка. По сведениям пленных, этот участок занят был 4-мя бригадами пехоты и бригадой улан. Таким образом, на подступах к Львову противник сосредоточил весьма крупные силы.

26 августа вечером поляки перешли в наступление чехотными частями на участке с. Стоки—с. Сарники; одновременно бригада улан от ст. Выбрановка двинулась на м. Стржелиска и к ночи заняла его. Первая атака противника у с. Стоки была отбита, но через несколько часов, получив подкрепление, польская пехота распространилась по лесу и, ведя огневой бой с нашей конницей, вынудила бригаду к ночи отойти на м. Свирж. Другая бригада из с. Сарники, теснимая пехотой и уланами, отошла к селу Лубечка-Волохова.

27 августа противник бешено атаковал м. Свирж при поддержке восьми-орудийной батареи, но все атаки были отбиты огнем наших спешенных частей. Вечером польская пехота ворвалась в парк на западной окраине м. Свирж. В парке завязался рукопашный бой между спешенными казаками и пехотой противника. Не выдержав нашей контр-атаки, забросанный ручными гранатами противник отошел из парка за речку Свирж в лес. Ночь прошла спокойно. В течение нескольких дней шли упорные бои за обладание м. Свирж; парк и центр местечка несколько раз переходили из рук в руки, но в конечном счете Свирж был нами удержан.

Прорыв нашего фронта

Одновременно упорные бои шли и по всему галицийскому фронту. В разгар этих боев противник на участке г. Галича потеснил 45 стрелковую дивизию, и конница подошедшего на поддержку полякам Петлюры в тылу 41 дивизии заняла г. Подгайце. 41-ая дивизия отошла на линию г. Рогатин—Золчув—Подгайце. 8-я Червоно-Казачья дивизия была снята со Львовского направления и через Бржезаны брошена на г. Подгайце ликвидировать прорыв.

К этому времени общее положение галицийского театра военных действий было таково: конная армия Буденного, потерпевшая неудачу у Львова, уходила из Галиции перебрасываясь на Варшавское направление; 45-я и 47-я дивизии (общей численностью до 6000 штыков) занимали участок Каменка—Полонице—Ханачув; 60 дивизия (3000 штыков) занимала участок Ханачув-Свирж-Рогатин; и от Рогатина на Подгайцы до Днестра стояли части 41 дивизии силой до 2000 штыков. Итого 11-12 тысяч штыков и 2000 сабель

занимали по фронту 150 — 200 верст—примерно на каждую версту приходилось до 50 бойцов.

Силы противника, приблизительно, определялись в 35000 бойцов, из них 25000 поляков, 10000 петлюровцев.

Ликвидация прорыва. Галичский плацдарм очищен от противника.

В первых числах сентября Червоно-Казачья дивизия взяла город Подгайце, к которому одновременно подошли с востока части 41-й стрелковой дивизии, и через м. Завалув ударила по направлению к г. Галич. Обнаружив группировку противника в южном направлении, дивизия произвела удар на с. Тустобабы, выбила оттуда петлюровцев и вынудила их к отходу по двум направлениям—на Галич и Иезупол.

В течение нескольких дней дивизия очищала от петлюровских отрядов участок Галич—Иезупол—Монастержиска.

У села Кончаки 4-й Черкашполк столкнулся с гайдамацким полком черношлычников. Разыгрался конный бой; полк черношлычников, атакованный в конном строю, потерял до 70 убитых и отошел к Галичу.

Очистив Галичский плацдарм от мелких частей противника и передав участок прибывшим частям 41 стрелковой дивизии, червоно-казачья дивизия переходит с Галичского направления на участок города Рогатина.

Бои в районе Рогатина. Червонцы и польские уланы. У Ходорова.

Первоначально распоряжением командарма червонцы попали на лесной бесфуражный участок Стратин—Нараюв, но после энергичных протестов начдива были выведены оттуда и брошены на участок Рогатин—Золчув.

Выбив противника из г. Рогатина и дождавшись прибытия туда пехоты 41 стрелковой дивизии, червонцы получили приказ форсировать реку Гнила Липа. Разведав противника и установив, что у села Кониншки кроме почти исправного моста имеется брод, командование дивизии поручило комбригу 3-го тов. Демичеву, форсировать в этом месте реку и обеспечить переправу для дивизии.

Участок Рогатин—Бурштын был занят бригадой улан противника (18 эскадронов), г. Рогатин и м. Бурштын охранялись пехотой. На рассвете 3-я бригада в брод переправилась через реку Гнила Липа и, заняв село Кониншки, навела переправу. К 10 часам переправа была готова и вся дивизия перешла через реку. Уланы противника расположились на линии с. Солонец—Городков—с. Явче—Зады. Очевидно, не решаясь сойтись с нами в конном строю, уланы спешили и завязали огневой бой с выброшенным в лаву 6-ым Черкашполком.

Убедившись, что уланы не собираются садиться на коней и меряться холодным оружием, штадив выдвинул взвод полевой батареи к холму, что в 2-х верстах западнее села Кониншки, и прямой наводкой открыл огонь по цепи улан. Уланы зашевелились и начали нервничать; их артиллерия сосредоточила огонь по нашему взводу. Тогда 5-й, 4-й и 3-й полки во взводной колонне на рысях двинулись к селу Явче. Уланы открыли по колонне огонь, но когда 5-й полк пошел галопом, а лавы 6-го полка стала смыкаться на крылья, противник не выдержал и стал отходить. Коноводы противника подали коней, и уланы, бросив несколько пулеметов, на быстрых аллюрах начали отступать за реку Свирж.

В это время на шоссе Княгиница—Рогатин обнаружена была батарея противника и батальон пехоты. Высланные 4-й полк и дивизион разведчиков штаба дивизии под командой тов. Глоты изрубили пехоту и захватили 4 орудия.

Дивизия вышла на линию с. Подмихаловце-Загорже. Артиллерия противника с высот, что западнее с. Оскрежинце, до поздней ночи обстреливала наши позиции и, пользуясь доминирующим положением, наносила нам серьезные потери.

Ночью 2-я бригада у с. Оскрежинце форсировала реку Свирж, сбив противника, атаковав его в пешем строю, заняла село Оскрежинце, а затем, закрепив переправу, разведала село Вержбица, которое оказалось занятым уланами. На рассвете 1-я бригада, точно также форсировав Свирж, заняла м. Княгиница. 3-я бригада взяла село Грегоров, выбив оттуда противника ударом в пешем строю.

Пехота 60 дивизии к ночи того же дня стала выходить на линию реки Свирж на участке Дехова-Подкамень. На левом фланге операция шла слабее и 45 дивизия выдвинулась на линию реки Гнила Лица, нигде ее не форсировав.

1-я бригада от села Княгиница и 2-я бригада от Оскрежинце повели наступление на с. Вержбица и на подступах к нему завязали ружейный бой с польскими уланами, спешными и занимавшими высоты по ту сторону безымянного притока р. Свирж.

Бой принял затяжной характер. Шел мелкий дождик, земля несколько раскисла и вместе с ней раскисло настроение казаков.

В сильный бинокль начдив обнаружил цепь спешных кавалеристов противника; за нею в балке были видны коноводы с конями (до 400 коней). Очевидно спешено было не менее 3-х эскадронов. Восточная окраина села Вержбицы уже была занята спешными казаками 2-й бригады. Бой шел из-за бугра, господствовавшего над селом.

В 3-х верстах к западу от села Вержбицы стояла 4-х орудийная батарея противника, которая била по второй бригаде. Начдив приказал взводу 1-й батареи, бывшей при нем, открыть огонь по коноводам противника, а 1-му полку приготовиться к атаке на батарею. Так как пересеченная местность не давала возможности атаковать, то приказано было атаку начать с подхода в колонне, а затем уже развернуться и строить фронт.

Перед атакой один пулемет на тачанке был послан по шоссе. Он не должен был обратить на себя внимание (что сделает батарея одна какая-то скачущая повозка?) и, подехав как можно ближе к батарее, открыть по ней огонь, стараясь взять под обстрел передки. Пулемет рысью поехал по шоссе. Червонцы дали в его сторону несколько ружейных выстрелов—как-будто он бежал от них.

Взвод 1-й батареи открыл беглый огонь шрапнелью по коноводам. Попадания были очень удачны: коноводы заметались и бросились бежать. В бинокль было видно, как они уносились, как испуганные лошади вырывались от них и бежали во все стороны, а облачка шрапнели все рвались и рвались над ними. Цепь уланов, увидав бегство коней, начала нервничать, некоторые побежали к коням. В это время 1-й полк на рысях двинулся к батарее и, пройдя полверсты, пошел в рощу. Затрещал пулемет с ранее высланной тачанки—мишенью для него служили коноводы улан. Неприятельская батарея быстро встала на передки и карьером унеслась в сторону м. Ходоров. 1-й полк перехватил коноводов и начал рубить улан. 2-й полк, вызванный из резерва, шел на подмогу. Увидев рубку, 2-я бригада села на коней и, пройдя село Вержбица, ударила на улан с фронта. Дружной конной атакой уланы были сбиты и бежали.

1-й полк преследовал бегущих до м. Ходоров и попытался ворваться в самое местечко через мост, но огнем пехоты и бронепоезда был отбит и отошел в с. Волчатиче. 2-я бригада взяла с. Сухров и ворвалась в с. Загоречко, но встреченная огнем бронепоезда и пехоты, вернулась в с. Сухров.

Всего за день было взято до 350 коней, около 15 пулеметов и незначительное число пленных—казаки неохотно брали в плен „липовую кавалерию, способную только к пешему строю“.

Заняв Волчатиче и Сухров сильными заставами, полки отошли на ночевку в с.с. Помонета и Вержбица. С рассветом предполагалось овладеть станцией Ходоров.

Противник переходит в наступление. Разгром батальона львовских волонтеров.

Однако, противник, положение которого на всех участках было вполне удовлетворительно, который в районе м. Свирж оттеснил 60 стрелковую дивизию за реку Гнила Липа, предупредил нас. Ночью он вытеснил наши заставы из с.с. Волчатиче и Сухров.

На ст. Ходоров заметно было сильное оживление: по сведениям, полученным от пленных, там разгружалась 8-я пехотная дивизия противника, прибывшая из Львова.

С рассветом противник перешел в наступление. До 1000 штыков наступало от с. Молодынче на с.с. Новосельце-Грегоров. До бригады пехоты двигалось от Ходорова на с. Сухров и с. Помонета.

Соседи-пехотинцы ставили в известность, что от м. Подкамень на гор. Рогатин движется сильная колонна неприятельской пехоты, почему части 60-й дивизии отходят за реку Гнила Липа. 41-ая дивизия сообщала, что противник из района Букачовцы-Бурштын распространяется на север и теснит части 41 стрелковой дивизии из хутора Зады.

Близ с. Вержбица 2-я бригада червонцев завязала огневой бой с пехотой противника. Части 3-й бригады вели бой на участке Новосельце—Грегоров.

В бинокль можно было видеть, как по дороге на Княгиницу, примыкая левым флангом к шоссе, шли цепи поляков, одетые в черные шинели.

Четыре роты большого численного состава подвигались уступным порядком, наступая как на учении. Цель маневра была очевидна—занять бугор с крестом (на нем в этот момент стоял, наблюдая за движением противника, начдив), восточнее села Вержбица, выйти во фланг 2-й бригады и угрожать м. Княгиница. Был отдан приказ 1-ой бригаде уничтожить этот батальон.

Раньше, чем 1-я бригада развернулась к бою, противник занял возвышенность с крестом и открыл сильный огонь по шоссе, у которого стоял 1-й полк. Одновременно подошел бронепоезд противника и открыл артиллерийский огонь по м. Княгиница.

1-й полк попал в затруднительное положение: или под обстрелом, неся большие потери, отступить на Княгиницу, или атаковать высоты, на которые с трудом идет конь—высоты, защищаемые 5—6-стами стрелков. 1-й полк решил—атаковать. Командир полка, тов. Безпалов, ударил в шашки. Атака удалась. Неся большие потери, казаки поднялись на гору и начали рубку. Под Безпаловым одна за другой убиты были две лошади, ранено несколько сотников, убито много казаков—но пехота бежит, пехоту рубят, а сзади подходит 2-й полк и поддерживает атаку. В результате боя до 400 пленных, много убитых, включая и командира батальона. По показаниям пленных этот батальон был первым батальоном Львовских волонтеров.

Противником занят Рогатин. Червонцы отбивают Рогатин. Отступление из Галиции.

Червсно-казачьи части удерживают занятые позиции, но к ночи получают донесения, что противник занял Подгородье и бой идет на окраине гор. Рогатина, что на участке 41 дивизии он подходит к с. Кониньки. Отдается приказ отступить.

На ночлег дивизия располагается по селам Явче, Кониньки, Бабушов. Выставляется сторожевое охранение на линии реки Свирж. Рогатин в то время был уже занят противником.

Ночь проходит спокойно. На рассвете противник вытеснил 2-ю бригаду из с. Явче. Под натиском из Рогатина, Бурштына и Явче дивизия отошла в Золчув. Противник, заняв гор. Рогатин, форсировал в его районе реку Гнила Липа и перешел в наступление.

Завязались упорные бои у Рогатина. Дважды червонцы и стрелки врывались в город, но оба раза должны были его оставить.

На второй день противник, выдвинувшись на три версты от Рогатина, занял Чортову Гору—крутую, высокую, обрывистую меловую скалу, покрытую скупой травой. Начались упорные бои за обладание этой скалой—она являлась ключом к Рогатину. Но и противник это последнее обстоятельство хорошо учел: на горе сидело до 800 отборных пехотинцев. Неоднократные штурмы спешенных казаков не увенчались успехом: как только они подходили к подножью горы, со скал сыпался град ручных гранат, и жестокие потери вынуждали их отходить.

Но командарм категорически приказал—взять Рогатин. После безуспешных боев за Чортову Гору решено было форсировать Гнилу Липу и ударом во фланг и тыл взять Рогатин.

На рассвете дивизион разведчиков штаба дивизии под командой тов. Глота и 3-я бригада форсировали Гнилу Липу у сел Бабушов—Кониньки и ударили на Рогатин. 2-я бригада прикрыла Галичское направление, 1-я оставалась в резерве. Противник, не ожидавший такого маневра, чрезвычайно растерялся. До 1000 пехотинцев вышли навстречу нашей коннице из города, но были лихо атакованы и изрублены; несколько сот было взято в плен.

Глот, командир дивизиона разведчиков, пал в этом бою смертью героя.

Красная Армия отступает. Силы—неравны. Червонцы идут в тыл Тютюннику.

Противник оставил Рогатин и отошел на Княгиницу и Подкамень, но этот наш частный успех у Рогатина не мог повлиять на обстановку всего фронта.

41-ая дивизия отошла от Галича до Подгайце, конница Тютюнника громила ее тыл. 60 дивизия отходила от города Перемышляны на восток. Червоно-казачьей дивизии пришлось от Гнилой Липы отойти в Золчув, где она получила приказ ликвидировать Тютюнника, занявшего гор. Подгайце.

Положение нашего Галичского участка стало чрезвычайно тяжелым: противник ввел в бой свежие силы—8-ю, 4-ю пехотные дивизии и бригаду улан на участке наших 41-ой и 60-ой дивизий и несколько свежих дивизий на участке 45-ой и 47-ой дивизий. Числом бойцов он превышал нас в три—четыре раза. Наши же пехотные части даже не успели получить пополнение и большинство из них имело по 200 штыков в полках. Ковная армия ушла на Врангеля. В общем мы были чрезвычайно ослаблены, а противник, наоборот, усилен. В армии ходили слухи о наших неудачах под Варшавой. Красноармейцы падали духом.

В такой обстановке 16 сентября дивизия червонцев выступила из м. Золчув на Подгайце. К этому времени противник совершил перегруппировку: 4-я стрелковая дивизия заняла гор. Рогатин, а 8-я пехотная дивизия—г. Галич. На стыке между ними была расположена бригада польских улан. Правее 8-й пехдивизии, южнее гор. Галич, действовала армия Петлюры. Наши пехотные части у Рогатина и Галича утром 16 сентября были сбиты и начали отступление по всему фронту. Однако точных сведений об этом штадив Червоно-Казачьей не имел.

Отход из Галиции.

Дело под Шумлянами

Положение на фронте. Движение сил противника.

ТО было 16-го сентября 1920 года.

В этот день, как уже было выше указано, 8-я Червоно-Казачья дивизия выступила для выполнения армейского приказа—выйти в тыл коннице противника, занявшей гор. Подгайце. Рассвет 2-го дня отхода советских войск из Галиции застал дивизию

уже в движении на ст. Скоморохи откуда начдив предполагал выйти через Яблонов—Дрыщув в район дер. Хорожанка.

Соседние справа части 123-й стрелковой бригады утром этого числа дрались у м. Бурштын и под давлением противника оставили его, отойдя к деревне Липица-Гурна, где и оставались до вечера в ожидании дальнейшего движения противника. Левее части 41-ой дивизии стремительно отошли на линию реки Стрыма. Таким образом создан широкий прорыв, куда противник устремился тремя колоннами, развивая свое продвижение на восток.

Конница Тютюнника занимала уже в это время гор. Подгайце, а 3 батальона противника (его правая колонна) м. Завалов. Средняя неприятельская колонна силою до 1000 штыков при 6 орудиях двигалась из м. Большовце через Загуже—Быбло—Бокув; левая колонна в составе 4-х батальонов польской пехоты и полка шеволежеров шла через м. Бурштын на деревню Свистельники. Вся эта группа из трех колонн имела задачу выйти к вечеру 16 сентября на линию реки Золотая Липа для последующего движения в общем направлении на м. Козово в обход города Бржезаны.

Севернее двигалась другая группа в составе 4-й польской дивизии и уланской бригады, которая, заняв гор. Рогатин, выдвигалась на гор. Бржезаны с фронта.

Возвращаемся к событиям на участке 8-й дивизии.

Левая колонна противника, шедшая из района м. Бурштын, была задержана упомянутым выше утренним боем с частями 123 стрелковой бригады и передовые ее конные части подошли к району Свистельники—Скоморохи только к вечеру 16-го сентября. В описываемом деле части этой колонны какого-либо активного участия не принимали, ограничившись перестрелкой с арьергардными частями червоно-казачьей дивизии.

Противник окружен. Высота „383“.

Средняя колонна противника, двигаясь по маршруту своему, достигла деревень Загорже—Конкольники, имея раз'езды на ст. Скоморохи и в дер. Гербутув, и проследовала дальше. Приблизительно в это же время голова колонны 8-й Червоно-Казачьей дивизии подошла к деревне Свистельники, где от раз'ездов и поступили сведения о появлении противника на ст. Скоморохи.

В виду этого начдив приказал 3-й бригаде, шедшей в голове колонны, продолжать движение на Скоморохи и, действуя активно, прикрыть движение двух других бригад, которые были двинуты через деревню Свистельники в обход встреченного сопротивления, тормозившего главную задачу—скорейший выход в тыл группе противника, занимавшей гор. Подгайце.

Свернув из деревни Свистельники на ст. Скоморохи, комбриг занял ее после незначительной перестрелки, после чего, продолжая двигаться дальше, овладел и деревней Гербутув.

Тем временем части средней колонны противника, двигаясь дальше, заняли своим авангардом деревню Бокув. Здесь авангард приостановился в виду неожиданного для него и, несомненно, непонятого появления нашей конной колонны по дороге Свистельники—Шумляны. Эта остановка авангарда позволила хвосту колонны противника подтянуться, и к моменту занятия комбригом 3 деревни Гербутув, в деревне Загорже оставались лишь незначительные арьергардные части противника. Без всякого труда сбив их, комбриг 3 занял и деревню Загорже, откуда, стремительно развивая успех, одним полком (6-м), занял последовательно Яблонув, Хохонюв и Дятятин, оказавшись таким образом в тылу и на фланге всей польской колонны.

Пока эти события развивались, 1-я и 2-я бригады двинулись из деревни Свистельники на деревню Шумляны. Не доходя версты две до последней, правые заставы натолкнулись на части противника в районе деревни Быбло. Дивизион 1-го полка атаковал эту деревню и занял ее, захватив несколько лошадей.

В это же время авангардные части противника, занимавшие деревню Бокув, разобрались наконец в обстановке и открыли по колонне артиллерийский огонь с высоты „383“, что западнее деревни Бокув.

В результате обстрела части 1-й бригады, шедшие в голове колонны, развернулись для боя фронтом на Бокув—Быбло (уже занятые нами, как указывалось выше); части же 2-й бригады, под ураганным огнем, свернули круто на север и, двигаясь укрыто прямо по местности, подошли к деревне Шумляны с северной стороны, где и стали в качестве дивизионного резерва. В деревне Шумляны расположился и полевой штаб дивизии.

Здесь между начдивом и комбригом 2 произошло короткое совещание. Обстановка была еще совершенно не выяснена и чревата всякими возможностями; сведений о 3-й бригаде еще не имелось—на ее участке был лишь слышен бой. Лесистая местность к востоку от района столкновения совершенно неблагоприятствовала действиям конницы. В виду этого начдив решил, отнюдь не втягиваясь в лес, отжимать противника в общем направлении на деревню Гнильче, имея под непрерывным наблюдением дороги на д.д. Рудники—Божикув, куда тотчас же была выдвинута сильная разведка от 2-й бригады.

Однако инициативу наступления временно захватил противник. Цепи последнего начали спускаться с высоты „375“, что севернее д. Бокув, и успели занять южную окраину д. Шумляны, где и зацепились, пытаясь распространиться по деревне.

Для восстановления положения был немедленно выдвинут разведывательный дивизион дивизии, а немного спустя и дивизион 4-го полка с командиром полка. Части противника, проникшие в д. Шумляны, под угрозой охвата поспешно покинули занятую ими окраину и отошли в исходное положение на высоту „375“, где и залегли.

Части 4-го полка продолжали наступление на высоту в пешем строю. Разведывательный дивизион пошел восточнее, стремясь обойти д. Бокув лесом.

Это положение и следует считать исходным для дальнейшего развития имевших место событий.

После того, как противник был выбит из д. Шумляны, начдив и работники штаба, наблюдавшие за боем, обратили внимание на высоту „383“ у дер. Шумляны. С наблюдательного пункта начдива отлично было видно на ней скопление каких-то предметов, весьма напоминавших орудия, снятые с передков, и зарядные ящики.

Высота подверглась тщательному осмотру при помощи нескольких биноклей. Однако упорное молчание предполагаемой батареи, имевшей достаточно целей, привело к тому, что мнения разделились; часть наблюдателей стояла за батарею, другая часть за возы или телеги, брошенные на поле оглоблями кверху.

Вопрос был разрешен начдивом, который приказал перенести на предполагаемую батарею огонь 2-й батареи, стрелявшей в это время по залегшим целям противника. Наблюдательный пункт батареи был тотчас же перенесен на наблюдательный пункт начдива и командир батареи открыл ураганный огонь, поражавший точностью попаданий.

Уместно напомнить, что части 3-й бригады к этому времени уже заняли д. Дитятин, части 1-й бригады продолжали удерживать д. Быбло. Таким образом, вся пехота противника, входившая в состав его средней колонны, оказалась скученной в районе высоты „383“, что и предreshило в дальнейшем ее участь. Привлеченная наступлением 4-го полка от д. Шумляны и движением 1-й бригады от д. Быбло, пехота противника расположилась преимущественно на склонах высот, прилегавших к высоте „383“, уделив, очевидно, недостаточное внимание своему тылу в направлении на д. Дитятин, что и было немедленно использовано комбригом 3.

Атаки на высоты „375“ и „383“. Противник ошеломлен.

Сосредоточение нашего огня на высоте „383“ и ураганный характер этого огня привлекли внимание всех частей, ввязавшихся в бой. 3-я червоная батарея перенесла свой огонь туда же. Одновременно комбриг 3 послал 6-му полку приказание атаковать высоту от д. Дитятин.

1-я бригада выдвинула в направлении на высоту одну сотню, но последняя попала под ружейный и пулеметный огонь с высоты „375“ и вынуждена была укрыться у ее подошвы, в балке.

Дивизион 4-го полка, продолжая свое наступление, достиг гребня высоты „375“, но здесь цепи должны были залечь под сильным огнем пехоты противника, расположившейся против д. Бокув.

Как выяснилось впоследствии, две сотни 6-го полка под командой помощника командира полка бросились в атаку на высоту по собственному почину еще до получения приказа комбрига 3 об атаке. Сотни эти ворвались на батарею, которая действительно была расположена на этой высоте, и захватили было 2 орудия, но были отбиты огнем прикрития и отскочили в балку южнее высоты, откуда и вели перестрелку вплоть до момента общей атаки всех частей дивизии, к которой они и присоединились, поддержанные остальными двумя сотнями полка.

Эпизод этот, разыгравшийся на южном склоне высоты „383“, с наблюдательного пункта начдива виден не был. Была замечена лишь усиленная беготня пехоты в сфере нашего обстрела, что и было приписано его действительности. Эта беготня указывала одновременно и на сосредоточение противника на самой высоте, в виду чего начдив решил двинуть в атаку ввязавшиеся в бой части 1-й и 2-й бригад.

Однако посланные с этими приказаниями адъютанты не успели даже раз'ехаться, как с запада от высоты „383“ выросла конная цепь, шедшая в атаку на высоту от д. Быбло. То 1-й полк не выдержал слишком заманчивого зрелища и по инициативе командира полка бросился в атаку.

Дальнейшие события были разыграны как по нотам привычными к конному бою полками. Приказывать больше было нечего—оставалось только наблюдать.

Части 1-го полка до батареи дойти не могли и под сильнейшим орудийным огнем отлетели южнее в балку, где стояла высланная раньше сотня, к которой они и присоединились.

Спешенный дивизион 4-го полка, видя движение в атаку 1-го полка, немедленно подвел коноводов и бросился было на поддержку, но под сильным огнем цепей противника, лежавших впереди д. Бокув, также вынужден был отойти в исходное положение.

Видя неуспех атаки, командир 2-й батареи довел до предела интенсивность огня, под прикрытием которого атаковавшие части и собрались в порядок, как указано выше.

Последствием этой атаки было то, что пехота противника, хотя и отбившая ее, но уже поколебленная самым появлением атакующих всадников, а также расстроенная изумительно точным огнем батареи, начала поспешно отходить со своих позиций к высоте „383“, двигаясь в беспорядке и инстинктивно сбиваясь в кучу.

Над неприятельской батареей—красный флаг. Противник уничтожен.

Этот момент не был упущен, и части 1-го и 4-го полков (последний к этому времени собрался весь—подошел на рысях из резерва 2-й дивизион), снова бросились в атаку, поддержанные сильнейшим огнем батареи, вырывавшей шрапнелью целые группы противника. Артиллерийский огонь велся до последней минуты, когда наши всадники были уже на батарее противника. Одновременно от д. Дитятин появилась конная цепь 6-го полка, также вторично шедшая в атаку, а из д. Бокув бросился разведывательный дивизион, успевший занять эту деревню обходным движением во время паники, вызванной первой атакой.

Вся эта конная масса неудержимо обрушилась на орудия противника и сбившуюся около них в кучу пехоту. Последняя, после ничтожной попытки отстреливаться, бросилась в панике бежать. Часть прислуги батареи последовала ее примеру. Оставшиеся храбро защищались до последнего человека, ведя из двух орудий огонь на картечь, но положения этим, конечно, не спасли.

Ворвавшимися на батарею казаками сопротивлявшаяся прислуга была немедленно изрублена в клочья, после чего на батарее был водружен красный флаг. Вся главная масса атаковавших бросилась преследовать бежавшую, частью на д. Дитятин, частью на д. Гнильче, пехоту противника. В кратчайший срок все бежавшие были изрублены, если не считать нескольких десятков чудом уцелевших пленных сплошь с рублеными ранами.

Средней колонны противника больше не существовало.

Что дало Кр. Армии дело под Шумлянами?

По сведениям наших пехотных частей, подслушавших вечером этого дня польскую телефонограмму, противник исчислял свои потери в размерах до 1000 штыков и 6 орудий разных калибров (до 4½ дюймов), попавших в наши руки. С последних были увезены прицелы и замки. Увезти самые орудия не представилось возможным—запряжки заблаговременно удрали и разысканы не были.

Если признать цифру 1000 и преувеличенной, то не на много. Поле боя представляло из себя нечто ужасное и казалось серым от наваленных друг на друга польских

трупов, покрывших собой весь скат высоты „383“ к деревне Дитятин, где и закончилось побоище.

Расположение самой батареи оказалось буквально засыпанным нашими снарядами и завалено трупами погибших от артиллерийского огня, продолжавшегося до самого последнего момента атаки.

Уничтожением батарей и всех живых сил средней колонны противника и закончился бой 16-го сентября. Части 4-го и 6-го полка продолжали движение на д. Пановице, в районе которой столкнулись было с частями правой колонны противника, стремительно отходившей от м. Завалув на г. Галич, очевидно, под влиянием известия о разгроме своих соседей.

Однако столкновение это развития не получило и наши части были отозваны, как в виду наступления темноты, так главным образом и в виду получения от комбрига 3 сведений о появлении в районе Скоморохи—Свистельники конницы противника, против которой им был выдвинут 5-й полк, находившийся в бригарезерве. То левая польская колонна выходила на линию.

Учитывая нежелательность нового боя в темноте, начдив приказал немедленно взорвать захваченные орудия и отозвать все части, ведущие преследование; комбригу 3 было приказано отходить на д. Шумляны на присоединение к дивизии, избегая ввязываться в серьезное дело.

Противник, впрочем, не проявлял особой активности и части 3-й бригады без труда вышли из боя, ведя лишь незначительную перестрелку на хвосту колонны. Противник задержался у д. Свистельники и на этом рубеже заночевал.

По сборе всех частей дивизии у д. Шумляны начдивом было отдано распоряжение оставить в этой деревне один дивизион от резервной 2-й бригады для ведения разведки по линии ночлега противника.

Прочие части ночным переходом отошли в район д. Божикув, где и заночевали.

Что же касается частей 123-й стрелковой бригады, то последняя, срочно извещенная об обстановке, к вечеру того же числа отошла на ночлег в д. Тросцянице.

Таким образом, практическими достижениями этого дня можно считать:

1) уничтожение живой силы противника и его материальной части в размере (по сведениям противника) до 1.000 штыков и 6 орудий;

2) панику в правой колонне, вызвавшую очищение ею в ночь с 16 на 17 сентября м. Завалов и отход ее на Галич;

3) задержку левой колонны на линии д. Свистельники, и как общий результат—ночевку всех частей, двигавшихся в обход гор. Бржезаны, не на линии реки Золотая Липа, а на 15 верст западнее;

4) обеспечение тем самым отхода частей 123 стрелковой бригады, которая, в случае выхода противника на намеченный им рубеж, была бы отрезана от своих.

На соединение с Красной Армией.

Червонцы отрезаны от Кр. Армии. Вместе с ними 123-я бригада. Отступление продолжается.

К 12 часам 17-го сентября раз'езды донесли, что конница Тютюнника из м. Подгайце выступила на Трембовлю; Подгайце занято частями 8-й пехотной польской дивизии.

Несмотря на их неутешительность, эти донесения все же не давали ясной картины печального положения фронта. Однако через час было установлено, что противник ночевал в ночь на 17-ое сентября в гор. Бржезаны и выступил на гор. Козова, преследуя отхо-

дящие части 60-ой стрелковой дивизии; почти одновременно поступили сведения о наступлении неприятельской конницы и пехоты на деревню Шумляны—Божикув. Связь у червонных казаков имелась только со 123-й стрелковой бригадой, которая в свою очередь ни с кем, кроме червоно-казачей дивизии связи не имела и чувствовала себя весьма неуверенно.

В 16 часов 17-го сентября из района с. Шумляны отошли наши последние раз'езды и на хвосте их появились польские шеволежеры. Полевые батареи 1-й и 3-й бригад дали по ним несколько залпов, заставивших противника отойти на гору. Мосты через р. Золотая Липа были взорваны.

В 17-м часу начдив приказал отступить на с. Щепанув—с. Калнэ, где и ждать дальнейших указаний. Еще оставалась надежда задержать противника на линии р. Коропец или на линии р. Стрыпа.

Части выступили в следующем порядке: 123-я стрелковая дивизия со своими обозами и артиллерией, затем 1-я бригада, в арьергарде 3-я бригада и при ней штадив. 2-я бригада по приказанию начдива уже ранее перешла в с. Щепанув.

На переходе с. Саранчуки—с. Щепанув (в лесу) пехотная артиллерия и обозы поломали мостик через небольшую речку. Исправление мостика, несколько раз подряд ломавшегося, задержало движение всей колонны на несколько часов и лишь к 20 часам штадив и 3-я бригада начали выходить из лесу к с. Щепанув.

Солнце уже село, но еще было светло.

Противник, пройдя лесом со стороны с. Музилув, открыл огонь по колонне. Пулеметные команды 5-го и 6-го полков вылетели навстречу ему с огнем, задержали его, пока конница вышла из лесу. Один дивизион был послан атаковать противника, но как только развернулась лава, пехота противника ушла в лес, чрезвычайно густыми рядами, не дававшими возможности ударить в конном строю. Дивизион снесился и завязал ружейный бой в то время, как колонна шагом двигалась на с. Щепанув.

Под аркой из снарядов Неутешительные сведения. Отход на линию р. Стрыпа

В это время случилось обстоятельство, позабавившее всю колонну. Колонна, шедшая полем, несмотря на сумерки, была далеко видна. Неприятельские батареи, расположенные в с.с. Музилув и Литятин, заметили ее, одновременно грянули с двух сторон и обе сделали перелет через колонну. Очевидно, каждая из них приняла перелет другой стороны за свой собственный недолет, каждая прибавила прицел и следующий перелет был еще больше. Пока неприятель разобрал в чем дело, колонна под этой аркой из снарядов прошла через Щепанув и двинулась на Калнэ. Противник на хвосту занял с. Щепанув.

Дивизия спокойно ночевала в районе с. Калнэ—с. Увсе.

Утром 18-го сентября раз'езд обнаружил в с. Плотыча, что к северу от с. Увсе, конницу противника, шедшую на Тарнополь. Захваченные пленные петлюровцы Запорожской дивизии показали, что две дивизии петлюровской пехоты и конница Тютюнника 17-го сентября утром через с. Злотники прошли на Трембовлю. Крестьяне с. Злотники подтвердили, что „багацько петлюрівців—тисяч двадцять—пішли на Трембовлю—і кіннота, і піхота, і гармати“. Штадив отдал приказ в 12 часов выступить из с. Увсе и перейти на линию реки Стрыпы в район с.с. Богатковце, Бенява и Соснув, где и расположиться, взорвав за собой переправы.

По выполнении приказа, пехота 123-й бригады стала в середине, а вокруг нее расположилась конница.

К вечеру противник подошел к реке Стрыпе и через реку завязался сначала ружейный, а затем и артиллерийский бой.

К 22 часам в штадив доставлены были захваченные в селе Дарахув пленные петлюровцы. Они показали, что „сьогодні вранці“—18-го утром Тютюнник взял Трёмбовлю и намеревался итти на Волочиск. По словам пленных, в Трёмбовле захвачено много пленных и штаб 41 стрелковой дивизии.

В поисках связи с Кр. Армией. Куда отходить?

Положение создавалось неприятное: на хвосте все время сидит пехота 8-й дивизии и шеволежеры, впереди Тютюнник. Предполагалось кроме того, что утром 19-го противник подтянет к Стрыпе большие силы.

Зная, что Трёмбовля в руках петлюровцев, зная, что на Тарнополь пошла бригада улан и не зная, в чьих руках сейчас Тарнополь, штаб червонцев считал невыгодным вести бой. Поэтому был отдан приказ: ночью выступать. Маршрут: Богатковце—Настасув—Мышковице или Микулинце в зависимости от состояния переправ через Серет.

В 24 часа дивизия двинулась на Настасув; в 4 часа прибыла туда и, не останавливаясь на привал, прошла в с. Мышковице. В с. Микулинце был обнаружен разезд противника, ускакавший на Трёмбовлю. В 7 часов дивизия расположилась: с. Мышковице—Лука Велика—Чартория.

В гор. Тарнополь была послана конная связь—взвод с ординарцем начдива. Возле Тарнополя взвод увидел арьергард отходившей 60 дивизии и улан противника, выступивших из города и преследовавших дивизию. Ординарец успел передать одному из комбатов 60 дивизии записку начдива червонной, которую тот обещал вручить начдиву 60. На словах комбат сообщил, что под Збаражем идет бой и что, по слухам, Волочиск занят Тютюнником; 60 дивизия должна отходить на Волочиск—Ожоговцы. Прислав об этом донесение, ординарец остался разыскивать кого-либо из старших пехотных начальников, но к вечеру прискакал с оставшимися людьми, оставив части 60 дивизии у с. Смыковце, спешно отступающими на Волочиск.

Еще до того, как пришло донесение о положении 60-й дивизии, у с. Прошова появились разезды противника. Наша застава была выбита из с. Микулинце. Все остальные заставы еще раньше были сбиты и отошли. Село Мышковице обстреливалось артиллерийским огнем противника.

Полагая, что Тарнополь в руках 60 дивизии, начдив обеспечил переправу в с. Мышковице, оставив одну бригаду в селах Прошова и Мышковице, а остальными частями оттеснил к Трёмбовле подходившие к селу Прошова конные части противника (до 300 сабель) и пехоту (до 600 птыков).

К 18 часам две конные бригады и одна пехотная расположились в районе сел Суцин—Осталец—Скоморохи. Намечен был план—с рассветом атаковать Трёмбовлю и отбросить противника за реку Серет. Но поступившее как раз в этот момент донесение ординарца об отступлении 60 дивизии и сдаче Тарнополя опрокинуло все расчеты.

В селе Лошнюв были захвачены в плен петлюровцы и к разезду, захватившему их, перебежала машинистка 41-ой пехотной дивизии. Доставленные в штаб пленные показали что Тютюнник из Трёмбовли пошел на Скалат—Волочиск и с ним одна пехотная дивизия занимавшая до сих пор Трёмбовлю и смененная в настоящее время другой. Машинистка 41-ой дивизии сообщила, что в Трёмбовле захвачено почти все имущество штаба и много сотрудников, но начдив успел уйти и в плен не попал.

Наши разезды обнаружили пехоту противника силой до батальона в с. Иллавце. Принимая во внимание, что на Скалат Тютюнник выступил 19-го с рассветом, очевидно было, что он успел занять это село. Перед дивизией стал вопрос: куда отходить? 60-ая дивизия за ночь отойдет на Збруч—значит, к Волочиску подойдет бригада улан. К Волочиску же, вероятно, подошел и Тютюнник с конной дивизией. Путь на Гржималов отрезан. Дивизия устала и нуждается в отдыхе.

Решено идти на Волочиск. Не всегда „рыбак рыбака видит издалека“.

На совещании, по предложению комбрига 2, решено было все же отходить на Волочиск по маршруту с. Скоморохи—Мытница—Колодзювка; в Колодзювке привал на 2 часа и затем дальнейшее движение на Волочиск.

К 24 часам наши части под натиском пехоты противника оставили село Мышковице и отошли в село Прошова.

В 4 часа 20 сентября колонна выступила по указанному маршруту и к 8 часам прибыла в с. Колодзювка, где остановилась на привал. Высланные в г. Скалат раз'езды обнаружили там петлюровскую конницу и пехоту, с которыми завязали перестрелку.

В 12-ом часу колонна поднялась с привала и двинулась на с. Хмелиска.

На пути лежал скалистый и крутой Медоборский хребет. Медленно поднимались на гору орудия и запряжки обоза. С трудом шла пехота и спешенные всадники. Поднявшись на вершину хребта, начдив со штабом взшел на скалу и в бинокль стал осматривать окрестности. Видно было далеко кругом—до Борки-Вельке. А в артиллерийскую трубу Цейсса можно было отчетливо разглядеть шоссе Тарнополь—Волочиск. Движение на шоссе привлекло внимание штаба, а наведенная труба дала возможность подсчитать ясно видную на белой ленте шоссе колонну конницы—насчитали до 15 эскадронов. Несомненно, это была бригада улан, спешившая к Волочиску. Сзади загрели орудия—противник из Скалата бил по догонявшему нашу колонну арьергардному дивизиону. Но очевидно он не решился вступить в бой со всей колонной, имевшей весьма внушительный вид.

Начдив отдал приказ командиру 3-й бригады, тов. Демичеву, на рысях обогнать колонну и, двигаясь прямо на село Комионки, преградить дорогу уланам. В это время наш авангард уже прошел с. Хмелиско и подходил к селу Молчановка.

Начдив поскакал к авангарду. По дороге повстречались крестьяне на подводах.

— „Звідкіля?“

— „З Волочіску“.

— „Хто там?“

— „Та наші-ж“.

— „А більшовики?“

— „Тікають“.

— „Куди?“

— „На Росію“.

— „А давно там наші?“

— „Та з ночі“.

„Дядько“ принял нас за петлюровцев и сообщил, что в Волочиске „наші“—конница Тютюнника.

Решено было атаковать Волочиск раньше, чем подойдут уланы. На всякий случай дивизион 2-й бригады был послан на с. Волчковцы захватить там переправу, чтобы обеспечить отступление, если не удастся атака на Волочиск.

1-я бригада на рысях пошла к Волочиску. Навстречу грянул орудийный выстрел. Над бригадой разорвалась шрапнель. Вся артиллерия дивизии и 123-ей бригады изготвилась к бою—до 20 орудий наведено было на Волочиск.

1-й полк по старой традиции развернул штандарт, что означало: „К атаке“. На галопе ворвался он в Подволочиск и во взводной колонне двинулся к городскому мосту. Тихо. Не стреляют. Уже отчетливо видна пехота,—стоит и не стреляет.

Наша—60-ая дивизия!

„Мы думали на вас—уланьы идут. А у нас и без того скверно — Тютюнник сидит в тылу на станции, а нас загнал в город. Ну, поддержка пришла—мы ему вышлем“.

Выбрались благополучно. На линии реки Збруч.

Червоная дивизия связалась с 60 стрелковой дивизией и передала ей 123 бригаду Червонцы вздохнули свободно—вырвались!

А 3-я бригада в это время дралась. Тов. Демичев принял улан в засаду на пулеметы—да так принял, что уланы отлетели на 6 верст назад.

Ночью 21 сентября две бригады червонцев перешли Збруч и очистили от конницы Тютюнника тыл 60 дивизии.

Червоно-казачья дивизия установила провод с Проскуровым и получила приказ—занять линию реки Збруч. Отдохнув один день, дивизия выступила 22 сентября на Тарпороду и повсеместно до Сатанова отбросила противника за Збруч. Армия укрепилась по линии реки и приготовилась удерживать натиск противника.

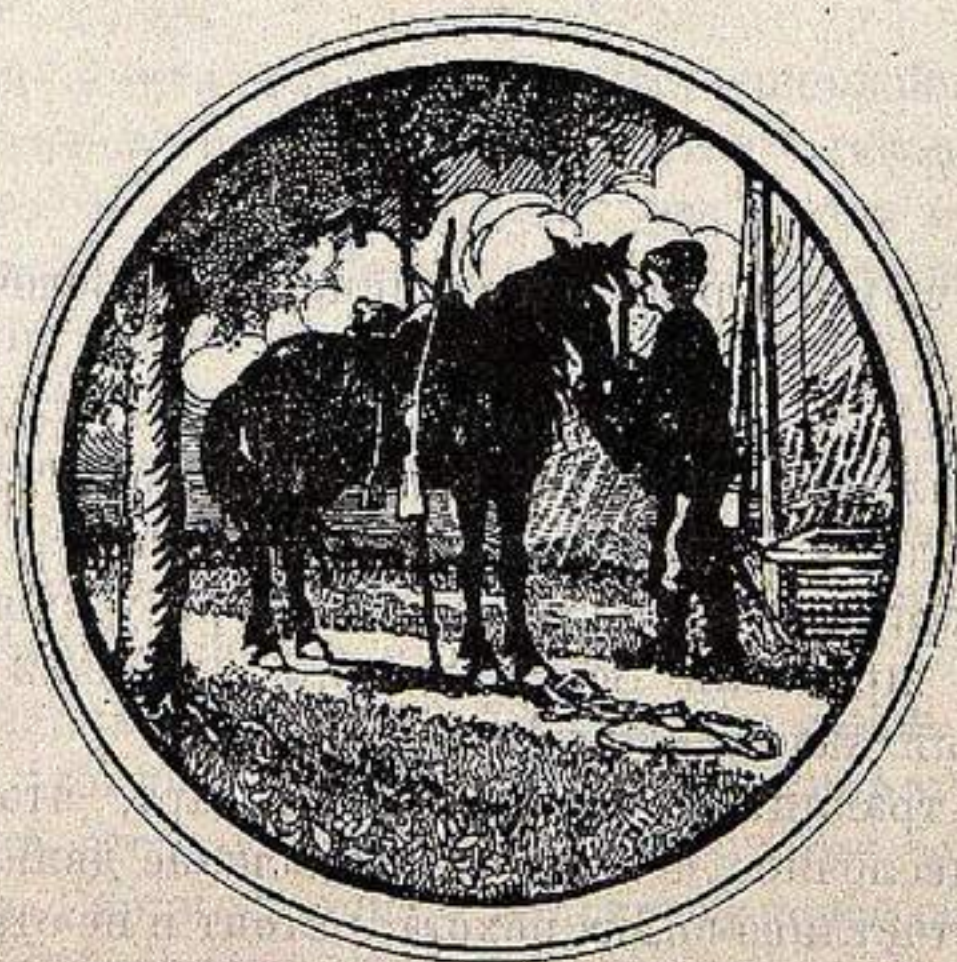
Польские части наступают. Заключено перемирие.

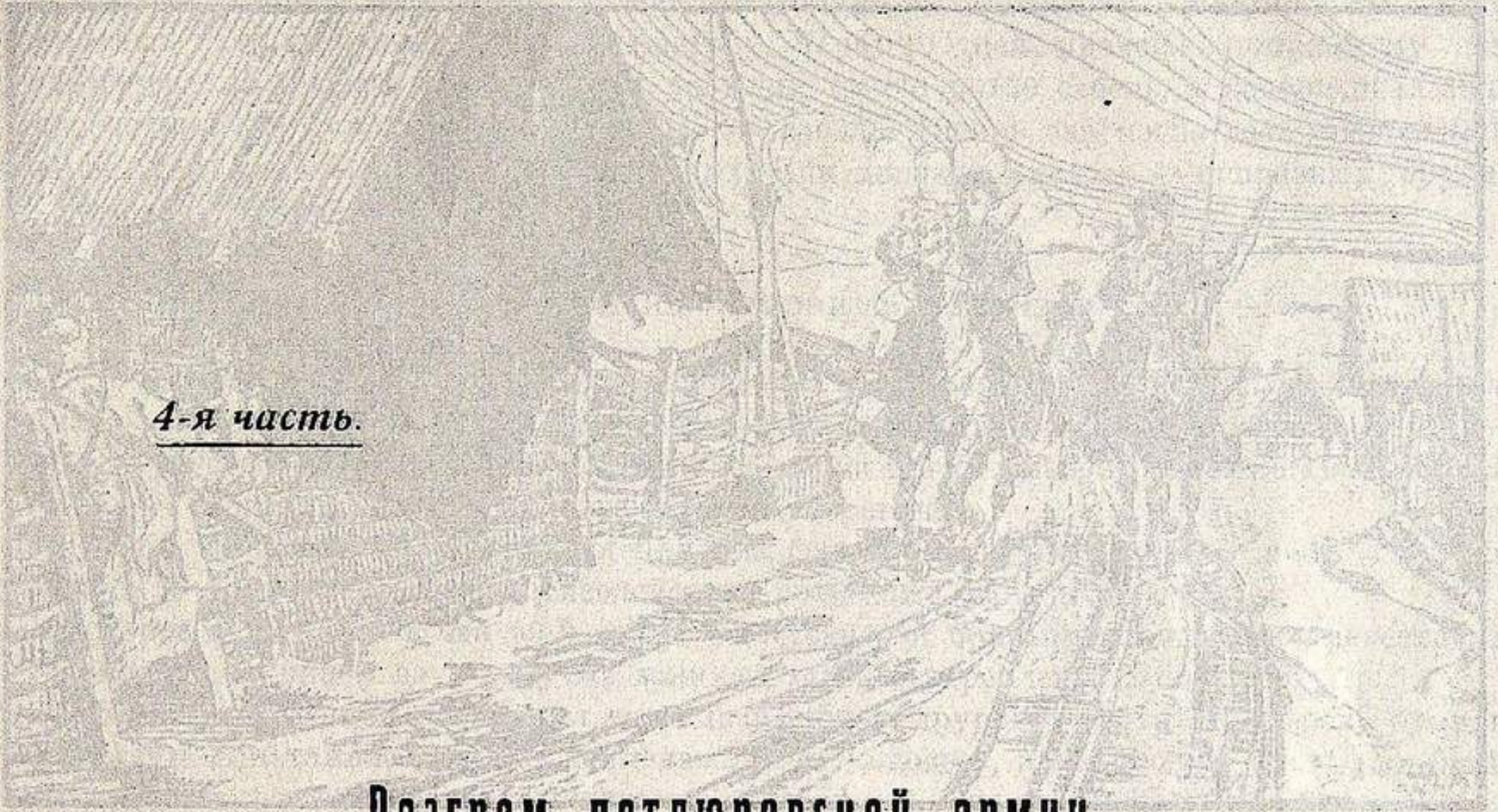
В течение недели шли бои на реке Збруч. Затем противник прорвал расположение 41-й стрелковой дивизии и его конница вышла в район м. Фрамполь—слобода Ярмолинцы. Одновременно поляки потеснили 60-ую и 45-ую стрелковые дивизии—и вся армия отошла на линию Проскуров—Старо-Константинов.

В конце сентября—начале октября конница поляков сделала рейд на ст. Коростень. В связи с этим червоно-казачья дивизия с левого фланга 14-ой армии была переброшена на правый фланг в район с. Стрибож, что в 40 верстах севернее Чудново-Волинского. В течение нескольких дней дивизия находилась в громадном Волинском лесу. К подходу дивизии, сделавшей более 150 верст флангового марша, конница противника успела уйти из рейда и дивизия была направлена в район м. Уланов—с. Сальница.

Поляки вышли на линию реки Буг. Начались переговоры о перемирии, которое вскоре и было заключено.

Главное внимание Республики было обращено на скорейшую ликвидацию Врангеля. Перемирие с Польшей развязывало нам руки и давало возможность нанести решительный удар на южном фронте.

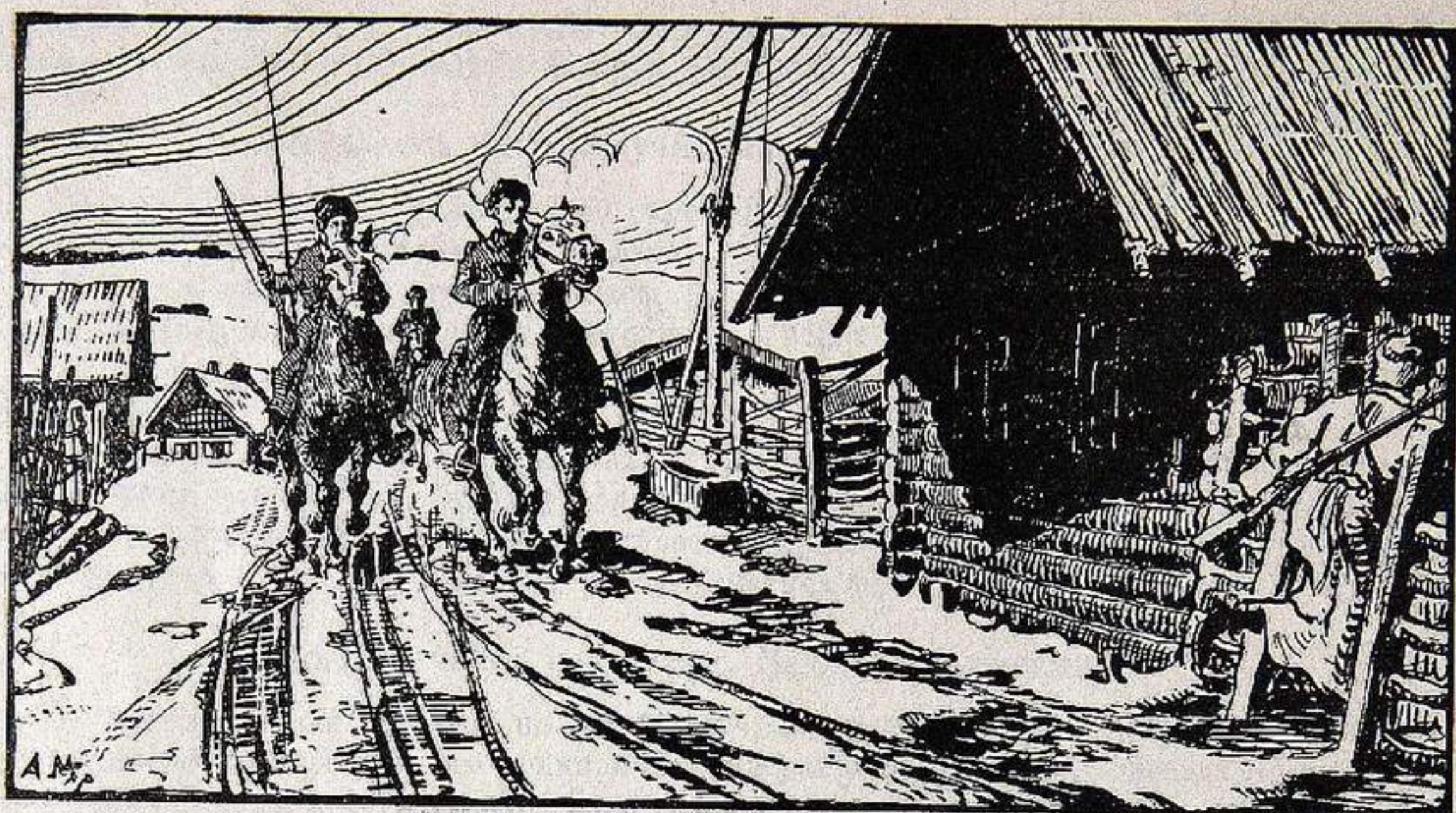
4-я часть.

Разгром петлюровской армии.

Ликвидация бандитизма.

Ноябрь 1920 г. — сентябрь 1922 г.

© ГОЛБ

Разгром петлюровской армии.

Корпус Червоного Казачества.

АЗАКИ после недельной стоянки в районе Уланов-Сальница походным порядком были переброшены в Красное, что южнее Жмеринки, и там расположились. Дивизии предстояла борьба на фронте петлюровской армии, до сих пор действовавшей вместе с польскими частями, а теперь (после заключения перемирия с Польшей) готовившейся к самостоятельным военным действиям против Советской Республики.

После нескольких дней отдыха червонцы приступили к строевым заплатам.

Осень стояла сухая, благоприятствовавшая успешному ходу „учебы“.

1-го ноября в день годовщины дивизии состоялись дивизионные скачки на призы. Несмотря на мороз, день прошел очень удачно—участников из всех полков набралось до ста человек.

Вечером в тот же день был получен приказ развернуть дивизию в 1-й Конный Корпус Червоного Казачества, включив в его состав 17 кавдивизию и бригаду башкир. Командование корпусом было возложено на начдива В. М. Примакова.

В первых числах ноября 17 кавдивизия прибыла в район расположения Черказдивизии, имея в наличии всего лишь 200 (двести!) сабель при больших обозах и нескольких пулеметах. Любой полк червонцев был сильнее этой дивизии.

Ознакомившись с вновь прибывшей частью, комкор приказал прежде всего снабдить ее ветеринарными средствами, чтобы очистить лошадей от чесотки. Начдив 17, тов. Боревич, доведший свою дивизию до такого состояния, был отстранен от должности и на его место временно назначен комбриг 3, тов. Микулин. Дивизию стали приводить в порядок: чистились обозы, годные люди и лошади направлялись в строй.

В ожидании петлюровского похода необходимо было подтянуть дивизию так, чтобы она могла дать на фронт хоть одну бригаду. Через 10 дней дивизия, попрежнему еще слабая, все же имела в полках вместо прежних 20—30 по 150 сабель, а подошедшая башкирская бригада усилила ее еще на 400—500 сабель. Теперь она могла дать в бой до 1000 бойцов, хотя неспянных и несплоченных. При дивизии имелось 4 исправных орудия и несколько пулеметов.

Страничка из истории 2-й дивизии.

17 кавалерийская дивизия, впоследствии 2-я Черниговская Червоного Казачества, начала свое существование в составе IV-й армии Западного фронта.

В августе 1920 года она была сформирована из 2-й отдельной кавбригады и отдельной Кубанской бригады. Начдивом назначили тов. Боровича.

Вновь сформированная дивизия приняла боевое крещение в районе мест. Городец, куда была направлена для противодействия польскому наступлению.

Первым вступил в бой 99-й полк из Кубанской бригады. Противник превосходил его силой и техникой да к тому же занимал хорошо укрепленную позицию.

Командный состав полка шел впереди. Один за другим выбыли из строя, будучи контужены или тяжело ранены, комполка 99 тов. Соловьев, помкомполка тов. Садовский, комэскадрона 1 тов. Малохов, помкомэскадрона 2 тов. Сиров, комэскадрона 3 тов. Николаев. В командование вступил комэскадрона 4 тов. Парфентьев.

Несмотря на такую убыль комсостава, настроение у кубанцев было твердое. Атака шла за атакой. Однако в этот день Городец взять не удалось.

На другой день 99 полк был сменил 100-ым, сразу же по прибытии на место перешедшем в наступление. Целый день прошел в атаках, оставшихся однако безрезультатными.

Все время боя ни комсостав, ни красноармейцы не получали продуктов. Отдел снабжения части находился на расстоянии более 25-ти верст и при разрушенном транспорте регулярная доставка продуктов была невозможна. Красноармейцы питались лишь картофелем с полей и сырыми листьями канусты.

На 3-й день привезли кухню, но красцы ответили: „Обедать будем лишь в Городце“, — и отослали кухню обратно. Действительно, в тот же день вечером Городец был взят.

Совершив целый ряд переходов по пересеченной болотистой местности, выдержав несколько боев с польскими и генерала Балаховича частями, дивизия отступает вместе со всей армией под нажимом превосходных сил противника. Почти все время приходится вести арьергардные бои, удерживая наступающего врага.

12-го октября 1920 г. дивизия, находившаяся в этот момент в Мозыре, получила задание выбить противника из гор. Овруча. Но по прибытии в Овруч боев вести ей не пришлось, так как киевские курсанты поляков уже выбили.

Из Овруча дивизия проследовала через Бердичев в Винницу, где и была влита в состав 1-го Конного Корпуса.

Силы Петлюры. Наши силы.

К ноябрю месяцу армия Петлюры занимала участок от города Летичева вниз на юг по реке Мурафе до Днестра. Эта армия состояла из 6 пехотных дивизий (Запорожской, Херсонской, Киевской, Волынской, Железной, Пулеметной), двух конных (эсаула Яковлева и Окремой дикой дивизии Омеляновича-Павленко) и кавбригады полковника Фролова — всего до 35 тысяч бойцов пехоты и до 5 тысяч сабель.

Армия Петлюры, снабженная поляками, все время мирных переговоров с Польшей спешно формировалась и приводилась в порядок, имея целью, как уже было сказано,

самостоятельное продолжение войны с нами, в случае, если бы Польша заключила мир. Из числа наиболее талантливых генералов у Петлюры выделялись: Омелянович-Павленко в коннице, Тютюнник—в пехоте.

С нашей стороны против Петлюры были сосредоточены 41-ая стрелковая дивизия, 45-ая стрелковая дивизия, 60-ая стрелковая дивизия и конный корпус Червоного Казачества; в армейском резерве XIV-й армии стояла 12-ая стрелковая дивизия. Наши стрелковые части получили пополнения; в среднем каждая дивизия насчитывала от 6.000 до 8.000 штыков; в конном корпусе Червоного Казачества имелось 3000 сабель и в кавбригаде Котовского, обслуживавшей 45 стрелковую дивизию, около 700 сабель. Противник превосходил нас численностью, но мы были сильнее духом и организацией.

Почетный назац 1-го полка Червоного Казачества.
Командир 2-го конкорпуса. тов. Котовский.

Получив сведения от агентуры, что на 12 ноября назначено наступление всей армии Петлюры, штаб XIV приказал предупредить противника и перейти в наступление по всему армейскому участку 11 ноября с рассветом. 17 кавдивизия оставлена была в районе м. Вороновицы—с. Красное на формирование и назначена в армейский резерв. 8-я Червоно-Казачья дивизия, под командой комкора, переброшена в Ст. Мурафу на участок 60 стрелковой дивизии, где получила задание на рассвете 11 ноября прорвать фронт противника у м. Шаргород и, совершив рейд на Могилев-Подольский, отрезать всю конную группу петлюровцев.

Левее 60 стрелковой дивизии стояли 45-ая и 41-ая. Жмеринский узел прикрывали части 60 дивизии.

На Могилев-Подольский.

Утро было туманное и холодное; деревья покрыты инеем. В 8 часов 11 ноября червонцы из м. Ст. Мурафа выступили на Шаргород. Дивизия шла в рейд налегке, оставив обоз. При каждой бригаде по взводу полевой конной артиллерии на 4-х уносах; в резерве—конно-горная 4-х орудийная батарея; всего при дивизии—10 орудий.

Порядок движения: авангард—1-я бригада, от нее на три версты—дивизион, от дивизиона на две версты—взводные раз'езды, освещающие дорогу и фланги на две версты в сторону каждый. Затем в порядке номеров остальные бригады; от 3-й бригады—арьергард силой в дивизион на 3 версты назад. Фланговое охранение от 2-й бригады—по сотне на 3 версты с каждой стороны. Штаб и комкор—при 1-й бригаде.

Маршрут: сл. Ново-Мурафская—Шестаковка—Калиновка—Ивашковцы—Лучинец—Куковка—Серебринцы. Ночевать в Нижне-Ольчедаеве, Куковке, Серебринцах и Жеребилровке.

Подойдя к селу Шестаковка, дивизия обнаружила там противника. Авангардный дивизион в конном строю атаковал его и взял в плен до 70 человек пеших петлюровцев.

Обойдя м. Шаргород через село Калиновку, дивизия прошла на ст. Ивашковцы, где ею было взято до 30 пленных, обоз и 5 офицеров. Из села Ивашковцы дивизия двинулась на м. Лучинец, где захватила до 200 петлюровцев, большой обоз и интендантский склад.

Взяв из обоза на каждый полк по пвозке сигаретт, дивизия двинулась на села Струсово и Куковка. В селе Куковка авангард захватил до 300 пленных, 2 орудия, большой обоз и до 10 пулеметов.

Дивизия стала на почлег согласно приказа. Ночью никто ее не беспокоил.

Высланный на м. Ярышев 4-й полк забрал там обоз и пленных и ночевал в Ярышевской слободе. Связи с красными частями дивизия не имела.

Комкор приказал 2-ой бригаде выступить на рассвете 12 ноября при взводе артиллерии и идти через м. Ярышев на гор. Могилев, взять Могилев и ждать приказаний, разведывая м. Черневцы. В гор. Могилеве, по нашим сведениям, стоял штаб пулеметной дивизии. 1-й бригаде приказано было идти на село Вендичаны, 3-й бригаде со штадивом на село Озаринцы.

Во всех этих пунктах предполагался противник; так как он должен был отступать мимо Могилева-Подольского, то комкор рассчитывал отрезать ему отступление. Фактически дивизия повернула кругом и ждала на себя отходящего противника. Никакого сомнения в том, что петлюровцы будут отступать, у комкора не было.

В 9 часов 12 ноября дивизия выступила для выполнения задачи.

1-я бригада дошла до леса, что западнее села Вендичаны, выбила оттуда пехоту, взяла пленных и, выйдя на реку Серебряя, завязала огневой бой с засевшей в селе Вендичаны петлюровской пехотой.

Дивизион 1-й бригады, высланный на село Озаринцы под командой Примакова Владимира (младшего), выбил из названного села пехоту противника и завязал огневой бой с подошедшими к ней резервами.

3-я бригада с комкором во главе по дороге Серебрянцы—Озаринцы перешла речку Серебряя и остановилась у перекрестка дорог в балке между селом Озаринцы и селом Вендичаны.

2-я червоно-казачья бригада через местечко Ярышев одним полком и через ст. Израйловка—другим шла к Могилеву. Дивизия была разбросана, но противник не представлялся настолько сильным, чтобы это могло внушать серьезные опасения. В случае неудачи намечено было отойти за реку Серебряя и на этом рубеже удерживать отступающего противника до подхода наступающих с фронта частей Красной Армии.

Конец дивизии Фролова.

3-я бригада, расположившаяся в балке у перекрестка дорог Вендичаны—Могилев и Озаринцы—Серебрянцы, выслала раз'езды на Вендичаны и связалась с дивизионом 1-го полка, расположенным в селе Озаринцы.

По пути на Вендичаны раз'езд в 3-х верстах от расположения бригады встретил петлюровскую конницу силой до 700 сабель, двигавшуюся от села Вендичаны на Могилев. Над конницей развевалось громадное белое знамя, которое дало основание предположить, что противник идет сдаваться. Комкор и комбриг 3, тов. Демичев, с 5-м полком, оставив 6-й полк и батарею в балке, вышли навстречу петлюровцам. Обе стороны остановились, не доходя 1000 шагов друг до друга. На беглый взгляд, противник имел до 700—800 сабель, в 5-м полку было около 400 сабель.

Попрежнему над петлюровской конницей реяло белое знамя. Комкор выслал несколько казаков для переговоров, предложив противнику сдаться и положить оружие. С казаками поскакал и командир артдивизиона, тов. Зюк. Между ним и фроловцами (это была бригада Фролова) завязался такой, не занявший много времени, разговор:

„Кидайте зброю!“

„А хто вы такі?“

„Червонцы“.

„А скільки вас?“

„На вас хватит“.

По тов. Зюку дали несколько выстрелов и он галопом поскакал к своим. Противник построил фронт и пошел в атаку. Комкор послал своего адъютанта, Кузьмичева, за 6-м полком с приказом выйти из балки и на рысях итти к месту схватки.

В бинокль видно было, что противник с места, взял в карьер—значит, выдохнется к моменту столкновения.

Полку приказано стоять на месте. Пулеметы открыли с тачанок огонь по флангу противника.

Вот уже осталось 400—500 шагов, атакующие растянулись, фронт превратился в толпу всадников. Комкор и начдив выхватили шашки и 5-й полк с риком ударил на петлюровцев. Без строя, две группы сшиблись в бешеной свалке. Несколько секунд рева, блеска стали, звона клинков—и вместо разъяренных лиц и храпящих морд петлюровской конницы хвосты коней и затылки всадников, неистово погоняющих коней для своего спасения, а сзади наседают на сравнительно свежих конях червонцы и грозно свистят их шашки.

Враг был опрокинут, смят и бежал. Удачно нацеленный удар загнал его на Серебрянский овраг и здесь, прижатые к отвесно падающему, скалистому обрыву, некоторые всадники оборачивались, в диком отчаянии рубились с преследователями и падали под их ударами, некоторые пытались спуститься на дно оврага и в бегстве искать спасения, некоторые бросали оружие и сдавались. Но червонцы рубили всех; жажда убийства овладела казаками—пощады никому не было.

Опустившиеся на дно оврага—таких было до 200—попали под новый удар—пулюкоманда 2-го полка с той стороны оврага открыла вдоль оврага огонь из 12 пулеметов. Кто не пал от шашки, погиб под пулей. Лишь кучке в 100—150 всадников удалось бежать по дну оврага в Могилев, но и там они попали под шашки 4-го полка и часть погибла, часть успела бежать оврагами (представляющими у Могилева целый лабиринт) на запад.

Часть всадников противника не приняла участия в атаке, и когда волна атакующих и бегущих хлынула к оврагу, до 150 петлюровцев кинулись по дороге на Могилев. Они нарвались на выдвинутые посредине дороги две наши пушки, смяли прислугу, но в свою очередь были атакованы сотрудниками штадива и штакора и ординарцами под командой тов. Журавлева, бросились бежать, были частично настигнуты 6-м полком и изрублены, частично бежали к Могилеву.

В результате боя нами было взято два орудия, штандарт (белое знамя оказалось желто-блукитным выцветшим штандартом дивизии Фролова), пулеметы, лошади и до 100 пленных.

Маленькие недоразумения.

Когда окончился бой и собрались к полковым знаменам рассыпавшиеся по полю казаки, с востока к селу Озаринцы стали подходить густые цепи пехоты. Это могли быть или отступающие петлюровцы или части 41-й стрелковой дивизии.

Почти одновременно из с. Вендичаны появилась колонна конницы, до 600 сабель. Конница эта открыла артиллерийский огонь по 3-й бригаде. Рассмотрев в бинокль красные значки, комкор решил, что это бригада Котовского и на огонь велел не отвечать.

К Котовскому было послано несколько человек для связи, которые через полчаса и связались с ним, после чего он прекратил огонь. Оказалось, он принял нас за фроловцев.

Не желая, чтобы и подходившая к Озаринцам пехота обстреляла 3-ю бригаду, комкор отвел ее за реку Серебряя и расположил биваком.

Пехота 41 дивизии, пройдя село Озаринцы, все же сочла долгом обстрелять нас, и лишь к 18 часам прекратила огонь, когда высланная сотня атаковала пехотинцев, взяла несколько пленных и отпустила их в дивизию с просьбой не тратить на нас патронов и приберечь их для врага.

Армия Петлюры бежит.

2-я бригада, занявшая Могилев, взяла там до 300 пленных, 20 пулеметов и много винтовок. Затем, после предварительной перестрелки с 41 дивизией, связалась с нею и на ночь была переведена в с. Озаринцы.

1-я бригада в Вендичанском лесу взяла в плен до 200 пехотинцев, около 70 коней и пулеметы.

Вечером 12 ноября, связавшись с пехотой, ночевавшей на линии Могилев—Озаринцы, дивизия выслала раз'езды на запад и стала на ночлег в прежних селах. Раз'езды за ночь взяли до 100 повозок бегущих обозов и несколько десятков пленных.

Армия Петлюры бежала. Многие офицера ушли в Румынию.

Не получая приказов от высшего командования и понимая, что самое неудачное решение было бы оставаться в бездействии, комкор приказал на рассвете 13 ноября выступить на село Попелюхи. Когда дивизия к 13 часам прибыла в названное село, со стороны села Котюжаны стала слышна сильная артиллерийская и оружейная стрельба.

Полагая, что в районе села Котюжаны идет бой между противником и 45 стрелковой дивизией, комкор решил выйти на фланги противника и приказал 1-й бригаде занять село Татариска, а 2-м остальным—Верхне-Ольчедаев и Перекоринцы.

В селе Верхне-Ольчедаев дивизия связалась с 45-й стрелковой дивизией и выяснила, что бой у села Котюжаны действительно идет между пехотой петлюровцев и 45 дивизией. 1-я бригада из с. Татариска атаковала противника во фланг и взяла до ста пленных. Противник отошел на м. Снитково, но вскоре у Котюжан появилась петлюровская конница и снова завязала бой с бригадой Котовского. 1-я бригада снова выступила из села Татариска на поддержку Котовскому, но подоспела к концу боя, когда противник уже отходил; все же казаки успели захватить несколько десятков пленных.

Дивизия ночевала в районе Верхне-Ольчедаев—Перекоринцы—Татариска.

Перемыкин спешит на помощь Петлюре. Червонцы идут к Деражне.

В Верхне-Ольчедаеве получена была информация о положении армии и армейский приказ. На юге наши части продвигались к западу от железной дороги Могилев—Подольский—Бар; на севере конная дивизия Яковлева заняла гор. Литин и угрожала Виннице, навстречу ей пошла 17 кавдивизия, усиленная бригадой бапшир.

В районе ст. Деражня на подкрепление петлюровцев прибывали и разгружались части армии генерала Перемыкина.

Дивизии было приказано: ударить в тыл группе противника, действующей против Жмеринского узла, и овладеть ст. Деражня. По овладении ст. Деражня, немедленно

Из диаграмм 1-й дивизии.

повернуть на восток, идти в район ст. Комаровцы и там ждать директив штаба армии, имея в виду ликвидацию группы Яковлева.

Утром 14 ноября дивизия выступила на м. Снитково и далее на м. Елтушково. В м. Елтушково был настигнут и взят обоз и часть пехоты дивизии генерала Тютюнника; от пленных выяснено, что сам Тютюнник легко ранен в бою под м. Снитково. По словам пленных, дивизия Омельяновича-Павленко ушла на Замахов.

Дивизия, чрезвычайно утомленная большими переходами, ночевала в районе м. Елтушково—м. Верковка—Елтушков-Подлесный совместно с частями 45 дивизии и 15 ноября утром двинулась оттуда по направлению на Ходаки—Женишковцы; части 45 дивизии остались в районе м. Елтушково.

Разгром 1-ой русской стрелковой дивизии. Взятие Деражни.

Пройдя слободу Ходацкую и подойдя к селу Женишковцы, дивизия столкнулась с частями 1-й русской стрелковой дивизии.

Первая стычка разыгралась под вечер 15 ноября. Шедшая в голове 2-я бригада имела свой авангард всего лишь на полторы версты от головы бригады. Авангард этот и колонна пехоты противника разом зашли в село Женишковцы и встретились примерно на середине его. Огнем пехоты несколько казаков было убито. Авангард на рысях отошел за село; колонна остановилась. Выяснив, что перед ним крупные силы противника и принимая во внимание наступавшую темноту, начдив приказал отойти на почевку в слободу Ходацкую и Ходаки, отложив до следующего дня ликвидацию противника. На переправу через реку Ров у хутора Нетеченского был оставлен дивизион с приказом удерживать за собой переправу до подхода дивизии.

Утром 16 ноября был отдан приказ: 2-ой бригаде через село Н. Нетеченцы атаковать село Женишковцы с юго-запада, 1-й бригаде атаковать с юго-востока через мост у хутора Нетеченского, 3-й бригаде и штабу перейти на хутор Нетеченский.

В 8 часов части выступили для выполнения приказа. Разведка обнаружила, что с. Н. Нетеченцы занято противником. Захваченные пленные показали, что перед нами 3 пехотных и 3 конных полка 1-й русской дивизии. Солдаты эти имели нарукавные белые повязки.

К 12 часам на всем участке завязался бой. 1-я бригада подошла вплотную к селу Женишковцы и вела с противником огневой бой; 2-я бригада вела бой у села Нижне-Нетеченцы.

Видя, что бой принимает затяжной характер, комкор отдал приказ комбригу 2 вывести из боя один дивизион, которому через ст. Нетеченцы пройти в тыл противника; артиллерии сосредоточить огонь в селе Женишковцы так, чтобы это имело вид подготовки к атаке в пешем строю; 6-му полку скрытно, балками обойти с. Женишковцы и атаковать в конном строю с севера.

В результате этого удара к 14 часам с. Нетеченцы и Женишковцы были взяты, захвачено в плен 700 солдат и много офицеров. Только конница и артиллерия успели уйти на Михалполь.

Отправив пленных в м. Елтушково и не преследуя отходившую конницу, дивизия развила удар на Деражню.

В с. Шелехово по пути взято было в плен 200 петлюровцев черноморского куреня. Там же дивизия встретилась с бригадой Котовского, которая подошла к Шелехову со стороны гор. Бар и стала там на ночлег.

Затем от Шелехова дивизия двинулась на Деражню и к ночи прибыла в район Буциевцы—Деражня—Карычинцы, заняв Деражню и захватив в плен в районе Карычинцы до 400 петлюровцев Херсонской дивизии.

Приказ, который не следовало давать.

Перепочевав в этом районе, дивизия, во исполнение приказа командарма, 17-го ноября направилась к с. Волковицы, куда и прибыла, встретив попутно и разогнав конную сотню мазепинского полка.

В течение 15 и 16 ноября дивизия Яковлева у гор. Литина потерпела поражение от 17 кавдивизии. Движение червоно-казацкой дивизии на Деражню и взятие Деражни обезвредило и заставило почти целиком сдаться жмеринскую группу противника. Движение на Волковицы не нужно было совершать, но приказ командарма Василенко вынудил комкора это сделать.

17 ноября, когда 8-я дивизия шла на Волковицы, дивизия Яковлева прошла от Летичева на Деражню и вырвалась из ловушки, захватив у Н. Гуты наш бронепоезд и устроив погром в Деражне.

В погоню за дивизией Яковлева.

Не дожидаясь приказа командарма, утром 18 ноября комкор приказал 8-й дивизии идти на Деражню в погоню за Яковлевым. К вечеру дивизия и бронепоезда подошли к м. Деражня и совместно с 60 стрелковой дивизией выбили оттуда Яковлева, который ушел на ст. Голосково.

В ночь с 18 на 19 дивизия ночевала в районе ст. Деражня. Ночью был получен приказ командарма, тов. Уборевича, сменившего Василенко, догнать и уничтожить дивизию Яковлева, действуя в составе корпуса совместно с подошедшей к Деражне 17 дивизией.

Утром 19 ноября корпус выступил из района Деражни и по одной дороге, имея в голове 8-ю дивизию, достиг с. Копачевка, установив, что Яковлев из села Копачевки ушел на Проскуров. Комкор приказал 8-й дивизии отрезать Яковлеву дорогу на юг на соединение с Окремой дивизией Омеляновича-Павленко, для чего идти на с. Богдановцы—Колыбань—Шумовцы; 17 дивизии идти на с. Масиовцы—Копустин—Давыдовцы—Лезнево и взять Проскуров. Штаб корпуса находился при 8-й Червоно-Казачьей дивизии.

Следуя по пятам Яковлева, корпус взял у села Богдановцы до 30 пленных, которые показали, что дивизия Яковлева пошла на Проскуров, имеет намерение прорвать фронт и уйти на юг

Из диаграмм 1-й дивизии.

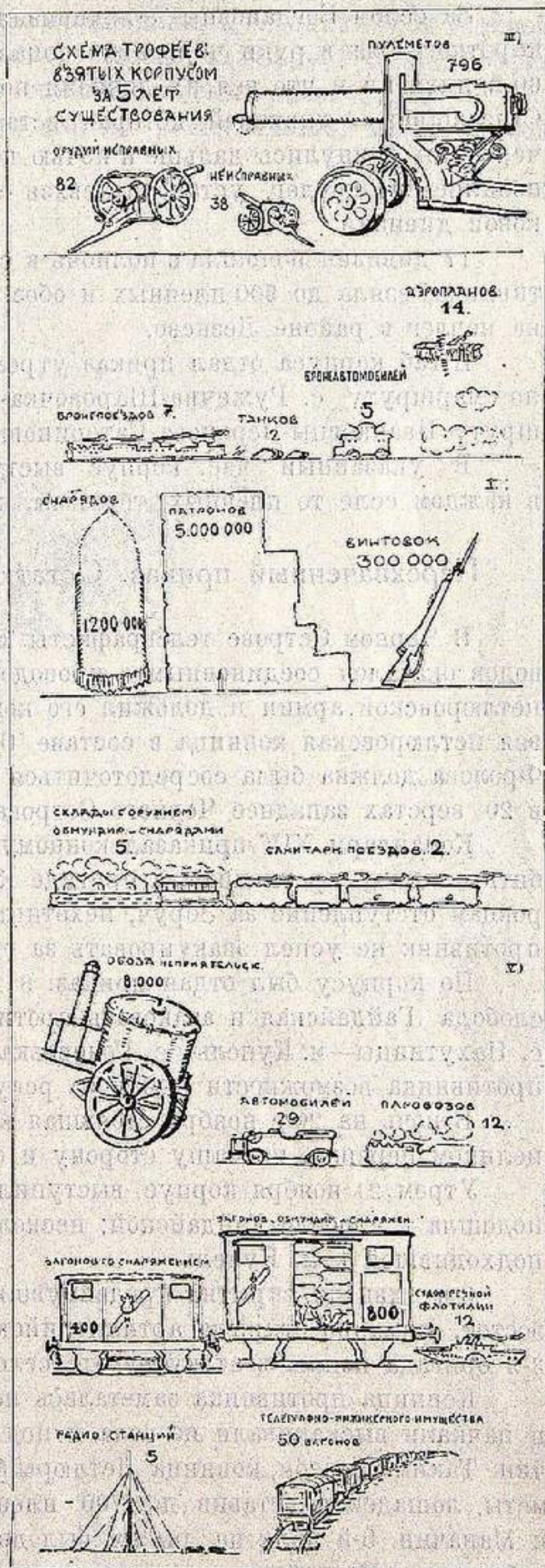

Схема трофеев, взятых корпусом за 5 лет существования.

партизанить вместе с батькой Махно. У с. Богдановцы корпус разделился и пошел по двум дорогам.

За селом Богдановцы 8-я дивизия была встречена огнем какой-то пехоты; после короткого боя в руки червонцев попало несколько пленных, которые сообщили, что они... 60-й дивизии и что вся их дивизия по полотну железной дороги идет на Проскуров. Связавшись с дивизией, которая встала на ночевку в районе с. Богдановцы—Колыбань, червонцы двинулись дальше и ночью подошли к району Ружична—Ружичанка, где и остановились на ночлег, установив связь с подошедшими от Михалполя частями 45 стрелковой дивизии.

17 дивизия подошла в полночь к с. Лезнево, атаковала находившуюся там пехоту противника, взяла до 300 пленными и обоз, после чего, заняв раз'ездами Проскуров, встала на ночлег в районе Лезнево.

Штаб корпуса отдал приказ утром 20-го ноября идти на Черный Остров; 8-й дивизии по маршруту с. Ружична-Шаровочка-с. Водички-Педосы-Черный Остров; 17-й по маршруту Иванковцы-Черепова-Катериновка.

В указанный час корпус выступил по этому маршруту и, захватывая почти в каждом селе то пленными, то обозы, к 18 часам взял Черный Остров.

Перехваченный приказ. Остатки армии Петлюры бегут через границу.

В Черном Острове телеграфисты корпуса включились в провода; один из этих проводов оказался соединенным с проводом петлюровской армии. Корпус принял приказ по петлюровской армии и доложил его командарму, тов. Уборевичу. Согласно этому приказу вся петлюровская конница в составе Окремой дивизии, дивизии Яковлева и бригады Фролова должна была сосредоточиться в районе сел Войтовцы-Писаревка-Зеленая, что в 20 верстах западнее Черного Острова, и дать бой конному корпусу.

Командарм XIV приказал конному корпусу Червоного Казачества атаковать и разбить конницу противника, а бригаде Котовского захватить Волочиск и отрезать петлюровцам отступление за Збруч, пехотным частям вести стремительное наступление, чтобы противник не успел эвакуировать за границу материальную часть и вывести пехоту.

По корпусу был отдан приказ: 8 дивизии идти по маршруту Большая Бубновка — слобода Гайдайская и атаковать противника с севера; 17 дивизии, пройдя по маршруту с. Пахутинцы—м. Купель—с. Гоноровка и ударив с севера на юг вдоль границы, лишить противника возможности выйти за реку Збруч.

В ночь на 20-е ноября стоявшая в с. Б. Бубновка сотня осетин дивизии Яковлева целиком перешла на нашу сторону и сдалась 2-му Черказполку.

Утром 21 ноября корпус выступил по указанному маршруту. К 14 часам 8-я дивизия подошла к слободе Гайдайской; несколько севернее видны были колонны 17 дивизии, подходившей к м. Купель.

8-я дивизия, скрытно продвинувшись к врагу, имевшему охранения на восток и юго-восток, внезапно открыла артиллерийский огонь по набитому конницей селу Писаревка; 3-я бригада пошла в атаку на это село.

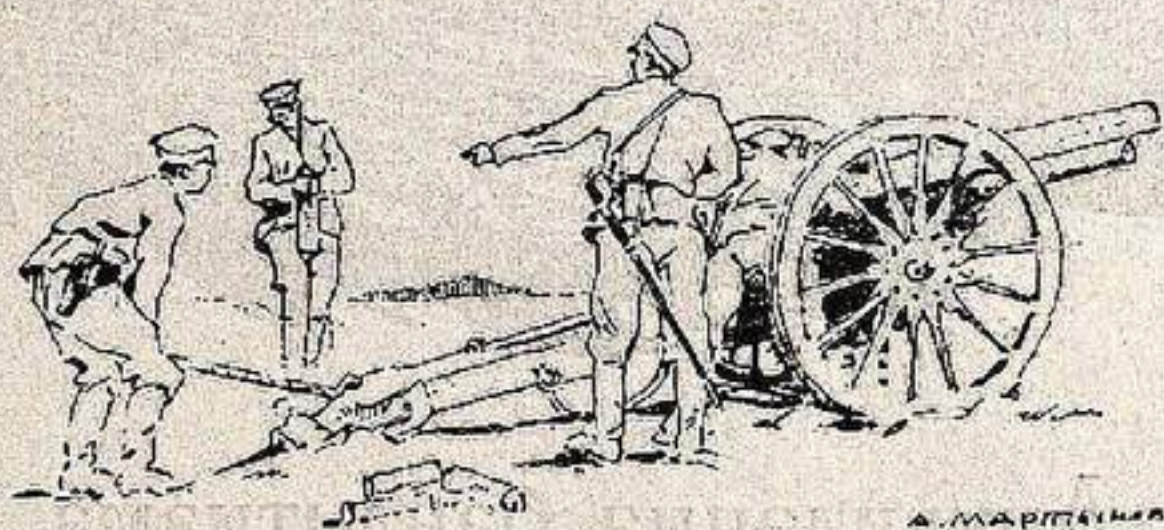
Конница противника заметалась по селу, началась паника. Всадники в одиночку и пачками выскакивали из села и под огнем артиллерии стремглав летели на с. Маначин. Таким образом, конница Петлюры была разогнана и бежала, бросив большой обоз, пулеметы, лошадей и оставив до 700 пленными. 8-я дивизия заняла Войтовцы, Писаревку и Маначин. 6-й полк на рысях был двинут на Волочиск и ворвался туда одновременно с бригадой Котовского, захватив много трофеев, пленными и пулеметов.

Несколько запоздав, и 17 дивизия атаковала Гоноровку и захватила там 6 орудий, большое количество пулеметов, до 300 пленными и один автомобиль. Затем 17 дивизия

ударил на село Куриловку, взяла там громадный обоз и подошла к реке Збруч. К сожалению, она не успела отрезать отступления коннице противника, и всадники всей „конной группы“, собиравшиеся дать бой червонным казакам, бежали за Збруч, бросив обозы и материальную часть; бежали, чтобы укрыться за спиной польского пана.

Всего за день было взято 2500 пленных, 6 орудий, до 70 пулеметов, много обозов и автомобиль.

Так кончился петлюровский поход.

Ликвидация бандитизма.

В Киевской губернии. Неудачная попытка Махно.

О ликвидации Петлюры, во второй половине ноября 1920 года, 1-й Конный Корпус в составе 2-х дивизий (8-ой и 17-ой) перебрасывается на территорию Киевской губернии в район Дзюньков—Белая Церковь. Здесь он приступает к деятельной борьбе с бандами.

Еще по пути к месту стоянки части корпуса ликвидируют в районе Жорнище—Ильинцы банду петлюровского штабс-капитана Якубенко. До прихода корпуса в новый район банды разгуливали совершенно беспрепятственно. Наиболее крупными из них являлись банды: 1) Цветковского и Грызло в районе м. Пятигоры—Роскошно—Кашеватое, 2) „Селянский полк“ в районе с. Великая Березовка (20 верст южнее г. Тараща), 3) Сука-Сущенко и Шуки в районе м. Ракитно, 4) Богатыренко в районе ст. Фастов. Кроме этих крупных имелось множество мелких банд под командой атаманов Сороки, Пелявского, Непытайко, Волоха и др., разбросанных в разных пунктах территории Киевщины.

В короткое время энергичной работой частей Конного Корпуса бандитизм был придушен. Банды, росшие ранее, как „грибы после дождя“, теперь или рассеиваются или скрываются в соседние губернии. Опросом пленных бандитов мы точно устанавливали, что разложение банд и бегство их из Киевщины были, несомненно, результатом присутствия там Конного Корпуса.

30 декабря 1921 года приказом командарма XIV части Конного Корпуса отвлекаются от непосредственной работы по борьбе с местными бандами и бросаются навстречу банде Махно, которая к этому времени, изгнанная из пределов Левобережья и преследуемая частями 1-й Конной Армии, перешла Днепр и имела намерение, „покуролесив“ на Правобережье, уйти за границу. Банда Махно в этот момент насчитывала около 2300 сабель и свыше 600 штыков при 138 пулеметах и 3-х орудиях.

Части 8-й дивизии первые встречают банду Махно в районе с. Крачковка, где и атакуют ее 31 декабря. Всю ночь с 31 декабря на 1 января 22 г. между нашими разездами и заставами противника идет оживленная ружейная и пулеметная перестрелка. С рассветом 1-го января банда вытесняется из с. Крачковка и упорно преследуется 2-й бригадой 8 дивизии, быстро уходя по маршруту Буки—Киселин—Новая Гребля. 1-я бригада, действуя во фланг противнику, натывается в с. Маньковка на часть банды силою в один полк пехоты. После 2-х часового боя бандиты в беспорядке отступили по направлению с.с. Поповка—Кривец—Куты.

В результате боя мы захватили 63 тачанки, много лошадей и седел, 15 пулеметов с лентами и другое имущество. В этом же бою был отбит батальон Вохра, захваченный в плен бандитами в районе с.с. Беринка—Иваньки. Противник понес большие потери зарубленными, так как озлобленные казаки в плен не брали.

2-го января части 1-й бригады выбивают банду из с.с. Зеленый Рог—Саботажи и преследуют ее, отступающую в панике в направлении Бузовка—Ольшанка—Шуляки—Пугачевка. Наши трофеи за день: 7 пулеметов, 18 тачанок, много имущества и одно орудие. В этот день с нашей стороны в результате ожесточенных схваток с противником пали убитыми 11 человек, в числе их сотник 2 полка тов. Соколов; раненых было 26 человек, среди них комполка 4 тов. Каратчаев (умерший от ран в Киевском военном госпитале). Это была тяжелая утрата.

4-го января и в последующие дни части 8-й и 17-й дивизий под непосредственным руководством тов. Примакова продолжают преследовать банду, которая, изменив несколько раз направление, повернула на восток, быстро уходя к Днепру. Во второй половине января банда Махно переправляется ниже города Канева на левый берег Днепра. Из частей 1 Конкорпуса для преследования банды создается ударная группа из лучших всадников на лучших лошадях под командой начдива 17 тов. Котовского, которая переходит Днепр в районе Канева и продолжает преследование банды Махно. Остальные части 8-й и 17-ой дивизий возвращаются в район Белая Церковь—Тараща.

Ударная группа приказом Командвойск Укркрыма 23 января задерживается в районе г. Сумы, откуда после отдыха через Лохвицу—с. Тарандинцы (12 верст сев.-западнее г. Лубны), с. Контокузовка (30 верст юго-западнее Пирятина), Ходоров—Ромашки (20 верст юго-зап. Переяславля), Вицентовка (28 верст сев.-вост. Таращи) возвращается в район расположения своих частей, где и присоединяется к ним 27 февраля. Из борьбы с местными бандами следует отметить ликвидацию банд Цветкова и Богатыренко. Первая банда силою в 120 сабель при 4-х пулеметах, после упорного преследования ее двумя сотнями 4 Черказполка, скрылась в направлении села Мотылевка и, надо полагать, присоединилась в дальнейшем к банде Махно, так как в Киевском районе себя больше не проявляла.

Что касается банды Богатыренко, то последняя, воспользовавшись отвлечением наших частей на борьбу с Махно, значительно оправилась и численно превышала 100 чел. „Работала“ она в лесах к северу и сев.-западу от ст. Фастов. Для борьбы с бандой был выделен специальный отряд в количестве 2-х сотен 1-й бригады 8 дивизии. Отряд настиг банду в районе хутора Хлынок, что в 10 вер. сев.-зап. Фастова, и сильным ударом 13 февраля рассеял ее. Часть бандитов была зарублена, многие ранены, остальные разбежались по соседним лесам.

На Киевщине стало спокойней. Надо идти на Подолию.

Март месяц проходит в борьбе с мелкими бандами и выкачивании дезертиров в районе расположения частей Корпуса. Бандитизм на территории Киевщины к апрелю месяцу значительно ослабился и не давал себя чувствовать. Наряду с этим в соседнем районе Липовец—Гайсин (особенно в последнем) бандитские выступления доходили до дерзости, совершенно терроризируя целые районы.

Поэтому командой Киевского Воен. Округа приказом в начале апреля перебрасывает корпус в район Липовец—Гайсин для решительной борьбы с бандитизмом.

Здесь перед приходом корпуса вне расположения воинских частей Советской власти фактически не существовало. Банды свободно переходили из одного пункта в другой, совершали налеты на села, местечки, даже на гарнизоны красноармейских пехотных частей. Движение по дорогам мелкими отрядами было невозможно. Ограбление поездов стало обычным явлением. Наглость бандитов доходила до того, что они кишмя кишели вокруг расположения пехотных частей.

Наиболее активно проявляли себя следующие бандитские группы: 1) банда Хмары—480 штыков, 150 сабель при 3-х пулеметах, 2) банда Лыхо (144 Надбужанская дивизия) 350 штыков и 650 сабель и 3) банды: Иво, Подковы, Чуприны, Даруфы, Угоря, Орленко, Черновола. Кроме перечисленных действовал ряд других безыменных, мелких банд. Численность банд увеличивалась за счет сочувствующего бандитам местного населения. Можно сказать, что Гайсинщина была охвачена поголовным бандитизмом.

Ликвидация бандитизма в Гайсинском и Липовецком районах.

Командование корпуса дает приказ частям: бандитов не щадить; участие населения в налетах, сочувствие бандитизму и, больше того, даже пассивное отношение населения к бандитизму не должно оставаться безнаказанным.

Главная работа по ликвидации бандитизма в Гайсинщине выпадает на долю 8 Червоно-Казачьей дивизии (ныне 1-й Запорожской). Все части дивизии принимали участие в борьбе с бандами. Воинская сила была использована полностью.

Больше того, перед дивизией встал вопрос о необходимости оздоровления местных партийных и профессиональных организаций и органов Советской власти, кои в Гайсинщине в то время были весьма слабы. Подив 8 выделяет ряд ответственных политических работников дивизии и вводит их в Парком, Исполком, его отделы, а также дает указания работникам частей по участию их в оздоровлении власти на местах: волостях и селах. Политработники дивизии проводят ряд конференций—милиции, комнезамов, профсоюзов и др.

С 20 по 29 апреля командование дивизии, приостановив всякие занятия в частях, объявило неделю борьбы с бандитизмом, бросив на эту работу все, что имелось в наличии.

В итоге комбинированной борьбы с бандитизмом, последний к середине мая (т. е. после месяца работы в Липовецко-Гайсинском районе), если не умер окончательно, то понес серьезные потери и уже разлагался. Во 2-ю половину апреля крупные банды Хмары и Лыхо, значительно уменьшившись, ушли из пределов Гайсинщины. Хмара был убит.

Банда Подковы частью расплылась, частью ушла за Буг. Бандитская организация Черновола, оперировавшая в районе м. Тарновка, была разгромлена и лишь остаткам ее с главарем удалось бежать в Херсонщину. Банда Иво, потеряв на три четверти своего состава зарубленными, скрывается в лесах. Из видных „деятелей“ и атаманов бандитских шаек были расстреляны и убиты: Хмара, организаторы банды Лыхо—братья Голенко, сподвижники Иво, Красноштейн и Неживой, из банды Подковы его адъютант Острица, организатор банды Руденко-Богун, помощник Левченко, атаман Павленко.

По официальным данным, а также на основании донесений комсостава частей 8-й дивизии, установлено, что на Гайсинщине зарублено было 450 бандитов, захвачено много вооружения, около 200 лошадей, 50 седел, много телефонного и другого военного имущества; найдено в земле одно 3-х дюймовое орудие (в лесу, что к юго-востоку от с. Чечелев); выловлено 2500 дезертиров и добровольно явилось 1250 дезертиров.

Работе 8-й дивизии помогала 17 Кавдивизия (ныне 2-я Черниговская), которая была расположена в южной части Липовецкого уезда. 17 Кавдивизия вела упорную борьбу с бандами, которые пытались из района расположения 8-й дивизии переходить в Липовечину.

Работа на Подолии.

Вскоре затем 1-й Конный корпус переходит целиком на территорию Подолии; штаб располагается в гор. Винница. С новой энергией взялся корпус за дело борьбы с бандами. Был установлен полный контакт с Губчека и другими Советскими органами, имеющими какое-либо отношение к борьбе с бандитизмом. Общими усилиями взялись за удушение банд. Их было много. Из районов, наиболее изобиловавших бандами, можно отметить следующие:

1) м. Шпиков-с.с. Петрашевка-Жаборичка-Журавлевка—излюбленные пункты банды Цимбалюка-Пушкаря.

2) Брацлав-Ильинцы-Гранов—база остатков банд Иво, Хмары, Лыхо. В районе Брацлава находился главный штаб бандитских организаций на Украине.

3) м. Бершадь—банда Заболотного.

4) Кодыма-Чечельник—база атамана Кошевого.

5) леса к югу от Хмельника-Хмельник-Литин-Летичев—всевозможные группировки атамана Щепеля.

Все эти районы были до крайности насыщены бандитским элементом. Нужно было „разрядить атмосферу“. Конный корпус взялся за дело в полном контакте с 24-й дивизией и органами Чека. Пришлось много, медленно, упорно, кропотливо поработать над этим вопросом.

И уже через месяц сказались положительные результаты. Так, по официальным данным о численности активных бандитов (по сводке штаблыва 24) на 1-е мая 1921 года всего на территории Подолии на учете было: штыков (бандитов)—600, сабель—500, пулеметов—20. А сводка штакора (штаб губучастка) на 4-е июня того же года говорит: пеших 400 человек, конных—175. Бандитизм пошел на убыль, и если банды еще оперировали, то они уже состояли больше из отъявленного преступно-уголовного элемента. Того почти поголовного бандитизма, который имел место полтора—два месяца тому назад, уже не наблюдалось. Были случаи, хотя и весьма редкие, когда само население отбивало налеты бандитских шаяк. Конечно, приписывать ликвидацию бандитизма исключительно вооруженной силе нельзя. Здесь сказалась и новая экономическая политика и общее укрепление Советской власти.

Правда, Подолия еще долго оставалась очагом петлюровщины и много пришлось затратить энергии почти в течение 2-х лет, пока удалось окончательно справиться с петлюровцами и петлюрятами.

Истреботряд тов. Григорьева в борьбе с Махно.

Не прекращая борьбы с подольским бандитизмом, в июне 1921 года наш корпус выделяет истреботряд тов. Григорьева, который перебрасывается на территорию Полтавщины, где и ведет энергичное преследование банды Махно.

В истреботряд тов. Григорьева вошли 1-й Черказполк из 8-й дивизии и сводная сотня тов. Бубенца из 17-й дивизии. Подкрепленный ротой и артвзводом 7-й дивизии, истреботряд весьма удачно преследует банду Махно. В результате нескольких красивых боев и стычек банда Махно несет значительные потери и совершенно деморализованная уходит из пределов Полтавщины. К началу операций истреботряда банда насчитывала

450 сабель на хороших лошадях при 20 пулеметах. За время операции она потеряла убитыми около 150 человек, ранеными и взятыми в плен 75 человек, кроме того у нее было захвачено 13 пулеметов, много тачанок и другое имущество.

В бытность отряда Григорьева на территории Полтавщины им также ликвидируются банды Иванюка и Семески, общей численностью около 90 сабель. Обе банды почти целиком изрублены в боях вместе со своими главарями.

Истребительный отряд тов. Григорьева проделал большую работу. Всему составу была объявлена в приказе по Укр. Воен. Округу благодарность. Весь комсостав отряда был представлен к ордену Красного Знамени.

Корпус ушел—бандиты ожили.

В августе 1921 г. части корпуса уходят на большие маневры. В старых гнездах бандитизма: Брацлавщине, Ольгопольщине и Литино-Летичевском районе опять усиливается бандитское движение, поддерживаемое тревожными слухами о предполагаемом наступлении Петлюры. Опять число банд, налетов, убийств увеличивается, усиливается анти-советская агитация. Банды Артема Онищука, Левченко, Коваленко, Бернадского, Шепеля, Орла (Гальчевского) и Карого опять начинают свою гнусную работу.

Снова за старое дело.

Большие маневры оканчиваются. Корпус возвращается на старые места своих стоянок и снова принимается за старое дело удушения бандитизма.

Банды, энергично преследуемые частями корпуса, терпят частые поражения, бросаются из одного района в другой, и многие, как Карый и Лыхо, совсем покидают территорию Подолии. Атаман Шевчук (Беда) распускает свою банду и амнистируется. Помощник Заболотного по политчасти, Лещенко, и комбриг Карый—Онуфриевич с целым отрядом в 30 человек являются добровольно в Губчека Подолии, атаман Коваленко ведет переговоры о переходе на сторону Советской власти.

Общая численность активных бандитов пеших и конных к концу сентября не превосходит 400 человек, в то время как в августе и начале сентября количество их поднялось было до 800.

Польский подарок, и как мы его приняли.

27-го октября Польша пропускает через границу в районе сел Жерновка—Голенищево крупную Петлюровскую банду—4-й Конный полк 4-ой Киевской Стрелковой дивизии численностью в 350 человек при 4-х пулеметах „Максима“, под командой полковника Палия. Сразу выпускается целый ворох воззваний к украинскому населению, которое призывается к восстанию против Советской власти. Бандитизм зашевелился, успешность сбора продалого уменьшилась, заработали петлюровские агитаторы.

Банда Палия, перейдя Збруч при горячем содействии польских военных властей, прошла через Кузьмин—Ярмолинцы—Зиньков—Божиковцы—Згарок—Старая Гута (в 9 вер. юго-вост. Деражни), где и встретила с частями 2-й Черказдивизии. В результате боя банда теряет много убитыми и ранеными и поспешно уходит на север, в район Чудиновцы (8 верст сев.-зап. Хмельника), переходит Буг, и далее, упорно преследуемая частями 1-й бригады 2-й Черказдивизии, отступает на Цимбаловку—Мшанец—Малый Браталов—Авратин—Матронка.

В последних двух пунктах банда настигается нашими частями; происходит бой. 1-я бригада удачно атакуывает противника. В результате боя 170 бандитов зарублено,

много раненых; 3 пулемета, все имущество и обоз с канцелярией остаются в наших руках. Банда в панике рассеивается. Сам Палий ранен и с небольшой кучкой офицеров скрывается в лесах и лишь впоследствии присоединяется к банде Тютюнника, которая перешла границу на территории Воляни и, как известно, потерпела „знаменитое поражение“, будучи разгромлена частями тов. Котовского.

Последняя туча рассеянной бури.

Неудачные попытки и Палия и Тютюнника наводят панику на бандитов Подолии. Войственное настроение их падает, и к началу зимы 21—22 годов бандитизм на Подолии значительно уменьшается, уходит в подполье или просит амнистии у Советской власти. К 1-му января 1921 года на территории Подолии насчитывалось до 85 человек активных бандитов, а к 15 февраля 22 года их уже было всего лишь около десятка. Уменьшению бандитизма, конечно, помогла холодная зима.

С наступлением весеннего времени 1922 года подольский бандитизм опять начинает оживать, снова появляются „из-под снега“ банды Гальчевского, Левченко, Коваленко, Витра, Сорви-Головы, Столяра, Демьяненко. Однако предупрежденный целым рядом мер бандитизм уже не мог развиваться до тех размеров, каких он достигал в прежние годы. Да и Подольское село разочаровалось в бандитизме, поняло, что не в нем искать защитника своих интересов. Банды недолго оперируют, быстро уничтожаются и исчезают со сцены. И только одна—банда Гальчевского, питаемая усердно офи-

Казак 7-го полка у знамени, полученного полком за борьбу с бандой Палия.

церским составом из-за кордона—живет дольше всех в районах Литино-Летичевском, Жмеринском и Ново-Ушицком. Пользуясь холмистой местностью указанных районов, прячась в лесах, имея хорошо налаженную разведку, она не дает возможности так легко себя ликвидировать. К лету банда эта значительно разрастается и имеет несколько отрядов: Подковы, Галюка, Кирилюка, Кохана, каждый от 20 до 50 человек.

Начгубучастка Подолии, Примаков, принимает ряд чрезвычайных мер по борьбе с бандой Гальчевского. Все пункты, наиболее посещаемые ею, насыщаются пехотными гарнизонами, выделяется два истребительных отряда из частей Конкорпуса и начинается самая энергичная погоня за бандой. 27-го августа банда настигается истребительным отрядом 3-го Черкаского полка под командой тов. Щербакова в районе с. Старая Гута, где и терпит частичное поражение (5 человек убитыми и несколько лошадей взятыми в плен). Не выдержав преследования, банда расплывается и через Радовецкие Хутора бежит в направлении Старые и Новые Гармаки, объединяется на фольварке Красное, опять настигается истребительным отрядом тов. Щербакова и снова бежит в направлении Говоры. Здесь она попадает под удар конразведки 71-го полка и оставляет на поле сражения свою канцелярию и 7 лошадей. Банда уходит в лес, что к югу от села Михайловцы, где еще раз встречается

с истреботрядом тов. Щербакова, принимает бой, и в результате, потеряв 20 человек зарубленными, часть ранеными и захваченными в плен, бежит по направлению к польской границе, переправляется через Збруч и с песнями уходит в польский Гусятин.

С уходом банды Гальчевского на территории Подолии остаются жалкие ее остатки под командой атаманов Бойды, Галюка и других. Ликвидирует их летотряд Конкорпуса под командой тов. Бояринова.

Бандитизм на Подолии умер.

С этого времени можно сказать, что бандитизм на Подолии умер. К изъятию одиночных бандитов, задержавшихся еще в Подольской губ., и выкачке оружия приступает Губернская Чрезвычайная Тройка.

Из диаграмм 1-ой дивизии.

За все время борьбы с бандитизмом Конным Корпусом убито атаманов 17, взято в плен 8, зарублено бандитов свыше 1000, взято в плен бандитов около 800, захвачено много вооружения и военного имущества.

Наши потери за этот период: убито 97, ранено 192 и пропало без вести 51.

Ныне Червоное Казачество, как и вся Красная Армия, пользуясь боевым затишьем, напряженно работает, учится, готовится к грядущим схваткам.

„Старики“ почти все ушли по демобилизации; на смену им пришел молодняк 1901 года.

Коммунистический Союз Молодежи Украины послал Корпусу свыше шестисот добровольцев.

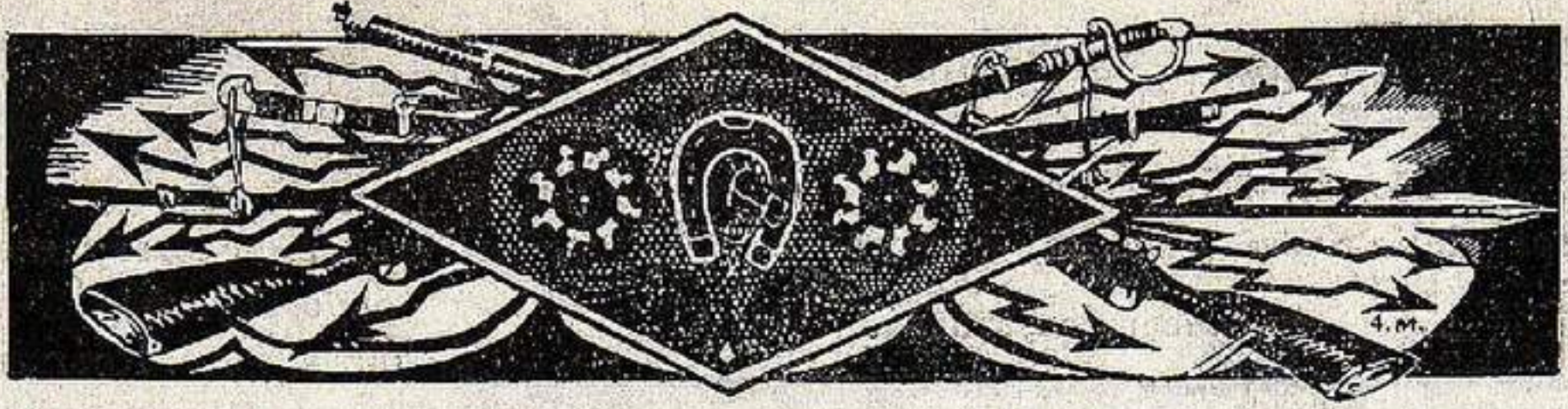
Тяжело приходится молодому казаку. С 5 часов утра и до позднего вечера он то на чистке лошадей в конюшне, то в строю, то на политчасе, то в одном из кружков клуба.

Наскоро закусив куском хлеба, бежит он к своему коню. После нескольких часов строевых занятий, ноет от напряжения все тело, болят „шенкеля“. Политчас, клуб несут целую гору новых понятий, новых знаний. Все это нужно совместить и разместить.

И все преодолевает энергия молодости. Уже новые, молодые „старики“ появились в корпусе. Молодняк первого призыва учит прибывающих пополнителей.

10-го января 1923 г. Червоное Казачество праздновало свою 5-ую годовщину.

На конях перед бывшим атаманом полка проходил корпус молодежи. Церемониальным маршем вели ее „старики“, те самые „старики“, в послужном списке которых, написанном их шашкой, значится 4 года борьбы с врагами революции.

Из „послужного списка“ Червоного Казачества.

Награды частям корпуса.

ВОЕВАЯ работа Червоного Казачества неоднократно была отмечена советскими органами Республики различного рода наградами.

За взятие города Александрии 1-й полк Червоного Казачества получил почетное знамя от Александрийского Совета. Главная улица города была переименована в улицу Червоных Казаков.

Первую годовщину полка Червоного Казачества Украинское Советское Правительство отметило вручением полку почетного красного знамени с надписью: „Славным червоным казакам—Тимчасовий Робітниче-Селянський Уряд України“:

Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет в заседании своем от 7-го марта 1921 г. постановил наградить весь 1-й полк в целом Орденом Красного Знамени с правом носить этот Орден на знамени от Украинского Рабоче-Крестьянского Правительства.

За успешные бои с белой армией под Орлом в 1919 г. бригада Червоного Казачества получила почетное знамя от ВЦИК'а и от Петроградского Совета.

2-й полк Червоного Казачества получил знамя от Реввоенсовета 14-й армии за дела в рейдах против деникинцев.

Бывший 5-й (ныне 3-й) полк получил знамя от ВЦИК'а за набег на Тюп-Джанкой в Крыму

Летотряд 3-го полка, разгромивший банду Гальчевского, был награжден знаменем с надписью: „Червоным казакам 3-го полка от Летичевского Уездисполкома за уничтожение банды Гальчевского“.

7-й Черказполк (ныне 5-й) 2-й дивизии получил красное знамя от Литинского Уисполкома за ликвидацию банды Палия в Литинском уезде.

Кроме того, большое число почетных знамен получено частями корпуса от советских органов Подольской и других губерний в порядке шефства и в ознаменование их заслуг по борьбе с бандитизмом.

Приказ Р. В. С. Р.

№ 1938—342.

1-й Конный Корпус за особые заслуги перед Рабоче-Крестьянской властью в героической борьбе частей корпуса с врагами революции и в память сформирования 8-й Кавдивизии корпуса из бригады Червоного Казачества, по соглашению с Всеукраинским Центральным Исполнительным Комитетом, именуется:

1-м корпусом Червоного Казачества имени Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета.

Зам. председателя РВСР Склянский.

Грамота к знамени от Петроградского Совета.

Совет Рабочих и Красноармейских депутатов Петроградской Коммуны приветствует 8-ю Червоно-Казачью дивизию, нанесшую ряд тяжелых ударов белогвардейским бандам, опрокинувшую в исторической битве при Кромах лучшие неприятельские полки, взявшую целый ряд городов, совершившую ряд блестящих рейдов и захватившую в беспримерной двухлетней борьбе с силами контр-революции тысячи пленных, громадное число тяжелых и легких орудий, тысячи вагонов, много паровозов и бронепоездов.

Красный Петроград посылает знамя 8-й Червоно-Казачьей дивизии, чтобы отметить этим актом свою братскую признательность дивизии за ее героические подвиги в борьбе за освобождение пролетариата и трудового крестьянства от ига капитала.

Красный Петроград надеется, что 8-я Червоно-Казачья дивизия, нанеся такие тяжкие удары белогвардейским бандам, довершит свое дело и разобьет на своем участке последние остатки белогвардейских банд.

От имени Красного Петрограда, по поручению Политотдела Югзапфронта, Уполномоченный РВС Югзапфронта

(подпись).

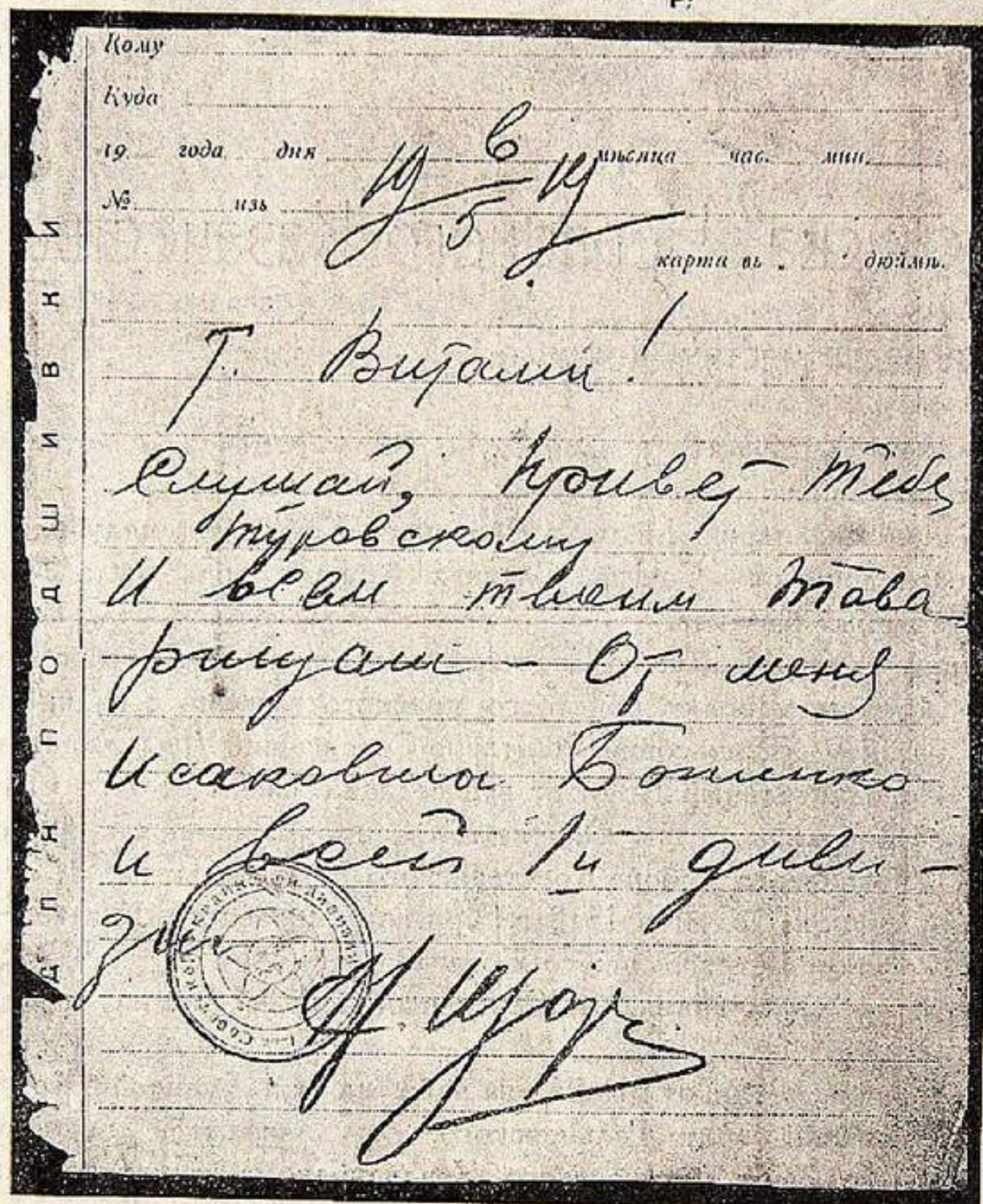
От имени Московского Совета.

Товарищ Примаков!

Мы посланы на фронт Московским Советом рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

По взятии нашими доблестными красными войсками города Орла, пролетариат Москвы постановил командировать нас на фронт для выражения горячего приветствия красным героям. По прибытии на фронт нас со штаба 14 й армии направили в 8-ю Червоно-Казачью дивизию.

Товарищ Примаков! Мы все время от города Орла до города Льгова стремились попасть в боевую семью червоных казаков, чтобы иметь возможность передать самое горячее

Записка тов Щорса (командира, 1-ой Повстанческой дивизии, впоследствии Комдива 44, убитого в бою), посланная тов. Примакову в дни совместной борьбы против гетманских и петлюровских войск.

приветствие, самую искреннюю благодарность от имени трудящихся масс всему командному составу и всем казакам червонной дивизии за ту храбрость и стойкость которую проявили червонные казаки и их командиры в последнюю и решительную минуту, результатом чего явился разгром противника и его бегство.

Несмотря на все принятые меры со стороны штаба вверенной вам дивизии для того, чтобы мы как можно скорее могли попасть к вам на передовые линии, нам этого достигнуть не удалось в виду того, что доблестные червонные казаки безудержно идут вперед

Мы не можем их настичь в течение уже десяти дней, и так как нам необходимо срочно возвратиться в Центр, то мы решили передать приветствие 8-й Червоно-Казачьей дивизии письменно.

Приветствуем вас, товарищ В. М. Примаков, и весь командный состав и всех казаков вверенной вам дивизии от имени пославших нас к вам рабочих.

На золотые страницы истории освобождения рабочих и крестьян от ига капитала и царских генералов будет занесено имя червонных казаков. Мы расскажем пославшим нас о червонных казаках, как о тех, кто в любую минуту, не колеблясь, отдаст свою жизнь в борьбе за власть рабочих и крестьян.

Мы, рабочие, находясь в тылу, ни на минуту не остановим своей работы для того, чтобы вы, красные герои, не испытывали на фронте нужды ни в обмундировании, ни в оружии, ни в патронах и снарядах.

В знак нераздельности, в знак спаянности рабочих с фронтом протягиваем вам руку, дорогие червонные казаки!

На подлиннике подпись рабочих: Сафонов, Конугин.

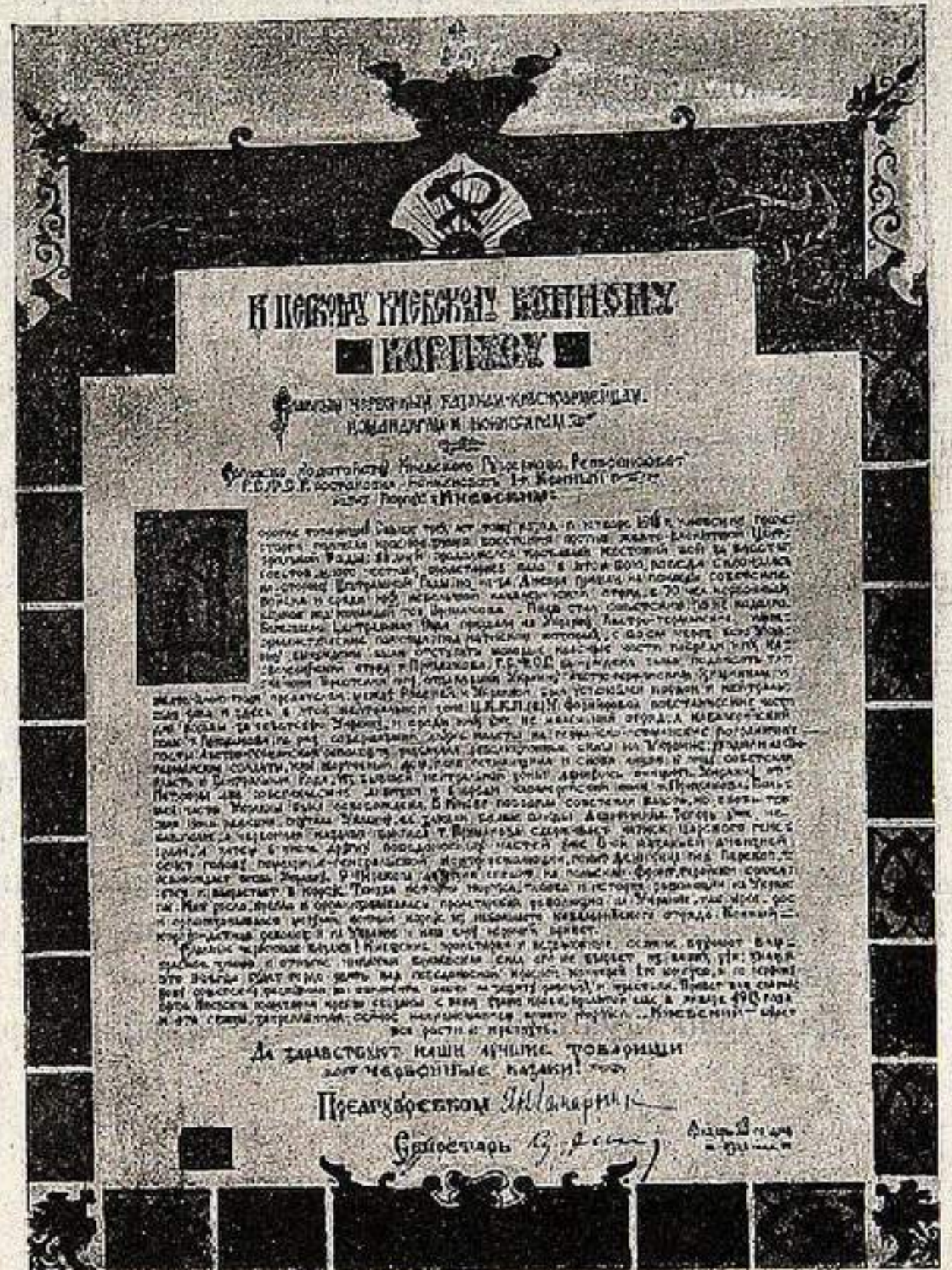
Грамота от Киевского Губревкома.

Славным червоным казакам—красноармейцам, командирам и комиссарам.

Согласно ходатайства Киевского Губревкома, Реввоенсовет РСФСР постановил наименовать 1-й Конный Корпус Киевским.

Дорогие товарищи! Свыше 3-х лет тому назад, в январе 1918 г., киевские пролетарии подняли красное знамя восстания против желто-блакитной Центральной Рады; 11 дней продолжался кровавый жестокий бой за власть Советов. Много честных пролетариев пало в этом бою. Победа склонялась на сторону Центральной Рады, но из-за Днепра пришли на помощь советские войска и среди них небольшой кавалерийский отряд в 70 человек червонных казаков под командой тов. Примакова. Киев стал советским. Но не надолго. Бежавшая Центральная Рада призвала на Украину австро-германские империалистические полчища, под натиском

Грамота Киевского Губревкома.

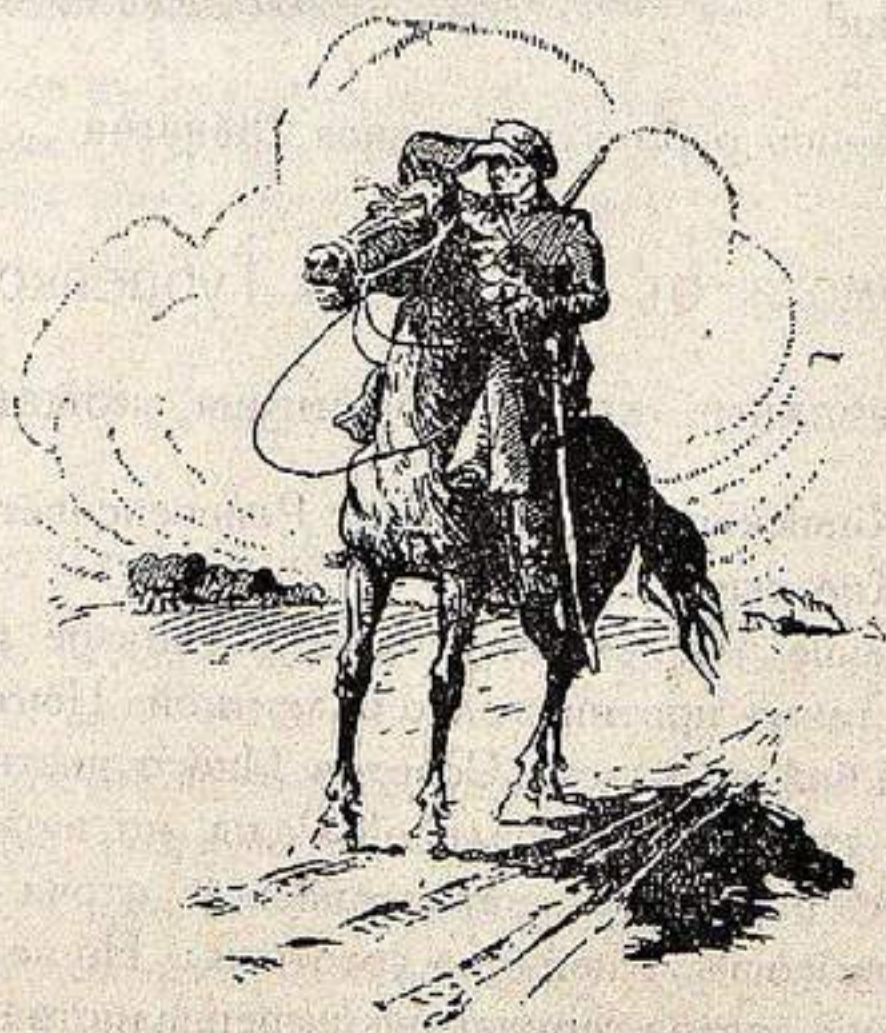

которых, с боем, через всю Украину вынуждены были отступить молодые красные части и среди них кавалерийский отряд тов. П р и м а к о в а. РСФСР вынуждена была подписать тягчайший Брестский мир, отдававший Украину австро-германским хищникам и желто-блукитным предателям. Между Россией и Украиной был установлен кордон и нейтральная зона. И здесь в этой нейтральной зоне Ц.К.К.П.(б)У., формировал повстанческие части для борьбы за советскую Украину, и среди них уже не маленький отряд, а кавалерийский полк тов. П р и м а к о в а, не раз совершавший лихие налеты на германско-гетманские пограничные посты. Австро-германская революция развязала революционные силы на Украине. Уходили австро-германские солдаты. Как карточный дом пала гетманщина, и снова—лицом к лицу Советская власть и Центральная Рада. Из бывшей нейтральной зоны двинулись очищать Украину от Петлюры две повстанческие дивизии и впереди кавалерийский полк тов. П р и м а к о в а. Большая часть Украины была освобождена. В Киеве победила Советская власть, но вновь темная ночь реакции окутала Украину—ее заняли белые банды Деникина. Теперь уже не кавполк, а червоно-казачья бригада тов. П р и м а к о в а сдерживает натиск царского генерала, а затем в числе других победоносных частей уже 8-й Казачьей дивизией сечет голову помещичье-генеральской контрреволюции, гонит Деникина под Перекоп, освобождает вновь Украину. С Перекопа дивизия спешит на польский фронт, героически сражается и вырастает в корпус. Такова история корпуса, такова и история революции на Украине. Как росла, крепла и организовывалась пролетарская революция на Украине, так креп, рос и организовывался могучий конный корпус из небольшого кавалерийского отряда. Конный корпус—детище революции на Украине, и наш ему привет.

Славные червонные казаки! Киевские пролетарии и незаможные селяне вручают вам красное знамя и отныне никакая вражеская сила его не вырвет из ваших рук; знамя это всегда будет гордо реять над победоносной красной конницей 1-го корпуса и по первому зову Советских Республик вы обнажите шашки в защиту рабочих и крестьян. Привет вам, славные орлы! Киевские пролетарии крепко связаны с вами узами крови, пролитой еще в январе 1918 года, и эта связь, закрепленная сейчас наименованием вашего корпуса „Киевский“, будет все расти и крепнуть.

Да здравствуют наши лучшие товарищи—червонные казаки!

Предгубревкома Яч Гамарник.

ПАМЯТИ ПАВШИХ

©ГОПБ

ОТДЕЛ 2

Червоное Казачество на фронтах гражданской войны потеряло
убитыми 3550 бойцов

В лесах нейтральной зоны под немецко-айдамацкими пулями—

В мрачные дни отступления под ударами белой армии—

В упорных боях под Орлом—

В снегах и метелях Львовского и Фатешского рейдов, громя
отборные белоказачьи части,—

Под Перекопским валом в ожесточенных схватках с войсками
Врангеля—

На победном пути от Днепра к Карпатским горам—

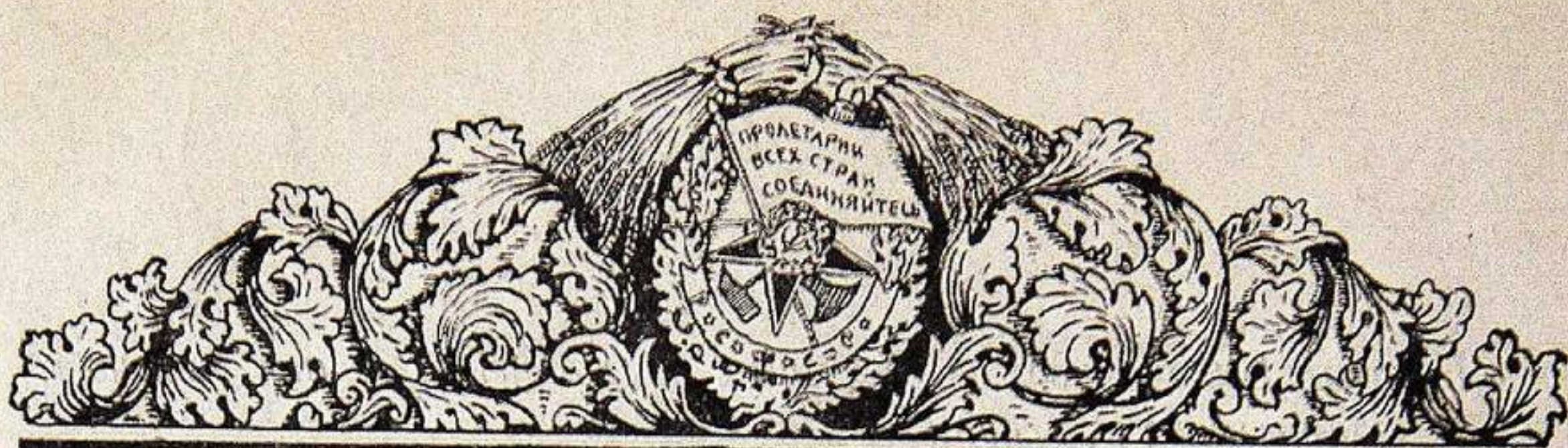
В борьбе желто-блакитного с червоным на Петлюровском
фронте—

— Пали они, отстаивая жизнь и независимость Республики
Советов.

Немногие знают их по именам.

Но их коллективное имя—имя червоного казака, смертью своей
заплатившего за победу Революции,—вечной памятью оста-
нется в истории.

И ярким призывом к борьбе будет гореть оно в летописи Великого
Октябрьского Восстания.

Смертью героев.

1918 год... Кровавый, грозный год гнева и мести. Грандиозная трагедия разыгралась на украинском театре гражданской войны. Германские полчища, призванные Петлюрой, залили Украину. Сапог прусского жандарма задушил Украинскую Республику, нагайка гайдамака свистела над крестьянином, мстя за пережитые дни страха перед гневом народным.

В лесах, в оврагах появились отряды мстителей—партизан. Их борьба, жестокая, кровавая, требовала могучих натур, гигантской силы и выносливости.

Память рисует мне три силуэта бойцов той эпохи, тех, кого уже нет.

ГАНЖА. Гигант рабочий. Энергичное лицо, полное неукротимой энергии и дикой силы. Эта буйная сила—наследие предков-запорожцев—так странно сочеталась с дивным серебристым голосом, певшим „сумные“ украинские песни в темные ночи в лесу над Десною.

Сильный, злой и веселый. Безумно храбрый в бою, способный на подвиг и умевший после боя приласкать ребенка, спеть ему колыбельную песнь в сумерках крестьянской хаты.

КОРОПЕЦ. Сотник 1-й сотни. Унтер-офицер, крестьянин Полтавской губернии, Лохвицкого уезда. Среднего роста, с больш-

шими черными усами, задумчивыми черными глазами, степенный, молчаливый, осторожен, рассудителен, холодно-бешен в бою.

ЧУПРИНА. Взводный командир 1-й сотни. Бывший артист какой-то украинской бродячей труппы. Нежная фигура, прекрасные, нежные девичьи глаза. Прозвище „Маруся“, душа женщины и храбрость молодого львенка.

Все они пали в один день, в светлый солнечный день, на поле Славы, от ружейных пуль и штыковых ударов в бою с немецкими солдатами под Воробьевкой.

Пуля пробила высокий лоб Ганжи. Восемь пуль пронзили Коропца. Рядом с цветком, продетым в петличку, чернела штыковая, смертельная рана на груди у „Маруси“.

Тов. Ганжа.

Тов. Коропец.

Казачьей горячей кровью покрылось Воробьевское поле... Много пролетарской крови пролито в степях Украины. Из этой крови выросли красные маки—цветы Свободы. Пожар восстания охватил Украину, сжег трон гетмана и окрасил в алые цвета знамена германских солдат. Они унесли этот цвет к себе на родину.

Спите с миром, товарищи!

Окропленные вашей кровью знамена мы пронесем через весь мир. „Из ваших костей поднимется мститель кровавый“. Этот мститель—Красный Воин закончит начатую вами борьбу.

Красная Армия победным маршем дошла до старых границ и выпла на поля Галиции. Даром ничто не дается—ценой крови покупалась победа. На пороге Галиции, в бою на реке Збруч легло много казачьих голов. В числе других при форсировании реки Збруч убит и Д. САМУСЬ—организатор Коммунистического Союза Молодежи в Чернигове, революционер, вынесший на своих плечах тяжесть гетманского подполья, и солдат революционной армии.

Во время нелегальной работы в гетманском подполье в Киеве т. Самусь был арестован и приговорен к расстрелу. Взвод юнкеров отвел его к стене. Залп... Самусь упал, и юнкера ушли, уверенные в точности своих выстрелов. Но плохо

Почной холод привел в себя бронежилетного у стены и пронзенного Самуся. Он уполз от стены, на по подпольной работе и отпра

Героическая борьба Республиканской армии всех коммунистов в ряды Армии Казачества, выдвинулся, как спомимый, хладнокровный, мужеством командира бригады. Работал

С червонными казаками Саполный лишения и битв, от Орла на передовой линии. С ними же,

...В пламени боя, под огнем перейти Збруч.

Самусь и комбриг Григорьев подехали к речке. Переправа обстреливается тяжелыми орудиями.

Гулкий стон орудийного боя. Грохот взрывающихся снарядов.

В дыму, в предсмертных судорогах корчится на земле 6 казачьих коней. Убито два казака, ранен Григорьев, смертельно ранен Самусь. До 20-ти ран на теле Самуся. Льет кровь. Смертельная бледность легла на лицо, но он еще в сознании.

Глубокий, последний взгляд...

„Может, что скажешь, Данило?“

„Прощай. Передай хлопцам—вперед. Пусть заплатят за меня“.

И умер.

А мы пошли вперед. Мы отомстили. Мы перешли Збруч и дошли до Карпат, до стен Львова.

На Шумлянкой горе мы справили поминки по Даниле—там легло до 1.000 поляков под ударами наших сабель.

Так умер комсомолец Самусь. Скиньте шапки перед его памятью. И пусть наш смертный час будет также красив, как эта смерть на поле битвы.

При атаке десанта, высаженного генералом Врангелем у Перекопа, вражеским снарядом убит тов. ГОНЧАРЕНКО, командир 5-го Червоно-Казачьего полка.

Унтер-офицер, крестьянин, совершенный образец красного кавалериста, превосходный наездник, спокойный, сдержанный в бою, до дерзости храбрый в атаке, он, как

Данило Самусь.

ности своих выстрелов. Но плохо Пчонной холод привел в себя бронежилетного у стены и пронзенного Самуся. Он уполз от стены, на по подпольной работе и отпра

Героическая борьба Республиканской армии всех коммунистов в ряды Армии Казачества, выдвинулся, как спомимый, хладнокровный, мужеством командира бригады. Работал

С червонными казаками Саполный лишения и битв, от Орла на передовой линии. С ними же, ...В пламени боя, под огнем перейти Збруч.

Самусь и комбриг Григорьев подехали к речке. Переправа обстреливается тяжелыми орудиями.

Гулкий стон орудийного боя. Грохот взрывающихся снарядов.

В дыму, в предсмертных судорогах корчится на земле 6 казачьих коней. Убито два казака, ранен Григорьев, смертельно ранен Самусь. До 20-ти ран на теле Самуся. Льет кровь. Смертельная бледность легла на лицо, но он еще в сознании.

Глубокий, последний взгляд...

„Может, что скажешь, Данило?“

„Прощай. Передай хлопцам—вперед. Пусть заплатят за меня“.

И умер.

А мы пошли вперед. Мы отомстили. Мы перешли Збруч и дошли до Карпат, до стен Львова.

На Шумлянкой горе мы справили поминки по Даниле—там легло до 1.000 поляков под ударами наших сабель.

Так умер комсомолец Самусь. Скиньте шапки перед его памятью. И пусть наш смертный час будет также красив, как эта смерть на поле битвы.

При атаке десанта, высаженного генералом Врангелем у Перекопа, вражеским снарядом убит тов. ГОНЧАРЕНКО, командир 5-го Червоно-Казачьего полка.

Унтер-офицер, крестьянин, совершенный образец красного кавалериста, превосходный наездник, спокойный, сдержанный в бою, до дерзости храбрый в атаке, он, как

и подобает казаку, нашел в атаке смерть. Прекрасна жизнь, ушедшая на борьбу за свободу, прекрасна смерть, принятая в бою.

Командир 4-го полка, тов. **НОВИКОВ**. Силач и красавец, он пользовался заслуженной репутацией „бешеного“. Так прозвали его всадники Морозова за его атаки у Перекопа. Это прозвище за ним осталось и в полку.

Буйная натура не давала ему сидеть, сложа руки, и в дни отдыха. В такие дни он выезжал на аванпосты и под выстрелами неприятельских пикетов разгуливал на виду у врага, покуривая трубку, или рубился с каким-либо удалцом-джигитом. Он убит в атаке, прорвавшись с горстью всадников через две линии пехоты в центр села, занятого штабом полка Познанских стрелков, пытаясь атаковать в лоб пулеметы противника. Его полк повторил атаку, чтобы отбить тело любимого командира.

Эта атака дала нам победу, а телу Новикова почетное погребение. Пусть смерть его учит, как надо умирать.

Убит в атаке... Умер смертью героя... Бесконечно приходится повторять слова, но нет иных слов, когда вспоминаешь о смерти героев.

Молодой, избалованный жизнью сын богача, тов. **ГЛОТ** волонтером вступил в ряды червонцев и в этих рядах нашел смерть. Выйдя на фланг врагу, он решился на безумное дело—с двумя сотнями атаковал три батальона готовой к бою пехоты. Победа всегда венчает безумство храбрых—эта атака принесла Глоту орден Красного Знамени, победу и смерть.

Тяжело раненый в бою с бандой, на смертном одре тов. **КОРОТЧАЕВ**, командир 4-го полка, был награжден орденом Красного Знамени и умер с ясной улыбкой, зная о победе и веря в конечное торжество своего дела.

В атаке убит военком 1-го полка тов. **КУЛИК**, суровый к себе и другим, с суровой, закаленной жизнью, душой. Его прощальный жест в сторону Махно решил судьбу махновщины. Ураганом пошел в атаку против банды 1-й Червоно-Казачий полк и тысячная банда была разгромлена атакой небольшой железной горсти всадников, решивших победить или погибнуть.

„Кровь за кровь“—этот беспощадный закон воскрес в наш бурный век. Много червоных казаков легло в боях за свободу. Их подвиги дали им вечное бессмертие. Память о них будет жить в веках.

В. Примаков.

Из рапорта комбрига 3, тов. **Сметанникова**, начдиву 8.

Убитым в бою 16-го апреля 1920 г. в конной атаке на село Адамань, командиром 5-го Черказполка Ильей Прокофьевичем Гончаренко совершены нижеследующие подвиги:

1) 9-го февраля лично тов. Гончаренко была произведена разведка позиции противника у хутора Молоканы и доставлены самые точные сведения о его силах и расположении на этом участке;

2) 13-го февраля тов. Гончаренко со второй сотней своего полка обходом правого фланга противника занял хутор Молоканы, находящийся за этим флангом, и удерживал его до приказа моего о прекращении совершаемой нами демонстративной операции;

3) при отступлении нашей пехоты от Юшуньских позиций 5-й полк под командой тов. Гончаренко удерживал атаки противника на нашу расстроенную пехоту, давая ей возможность почти без потерь выйти из сферы огня;

4) 25-го марта в конной атаке вверенной мне бригады под селом Григорьевка тов. Гончаренко стремительным ударом 3-й сотни своего полка прорвал фронт противника, чем способствовал успеху атаки, перешедшей в преследование нами кавалерии белых;

5) 14-го апреля у кладбища хутора Преображенка тов. Гончаренко, видя порчу танка противника, бросился с полком на его пехоту, увлек за собой шестой полк и ата-

ковав пехоту противника, захватил 55 пленных, 3 орудия, 3 пулемета и уничтожил свыше 100 пехотинцев.

6) 16-го апреля тов. Гончаренко впереди своего полка атаковал село Адамань, занятое пехотой противника в числе до 1400 штыков, был смертельно ранен снарядом и скончался через 4 часа.

Из рапорта комбрига 3 начдиву 8.

Комполка 6, Новиков Степан Николаевич, совершил нижеследующие подвиги:

1) 6-го января 1920 г. сотня 5-го полка при пулемете была брошена на 18 верст вперед бригады, остановила отряд противника у сел Поповка и Алексеевка, состоявший из отборных частей (дроздовцы и корниловцы), взяла в плен 29 человек, зарубила 44 и захватила обоз и имущество. Во время этой атаки тов. Новиков самоотверженно сражался впереди своей сотни, храбростью своей показывая пример казакам, участвовавшим тогда еще впервые в конной атаке на дисциплинированную прекрасно, вооруженную пехоту противника;

2) 25-го февраля с. г. 3-й бригаде приказано было взять Перекоп, Армянск и восстановить утраченное-было положение по линии хуторов, в 6—8-ми верстах к югу от Армянска. Тов. Новиков, командуя 6-м Червоно-Казачьим полком, лихой атакой занял гор. Армянск и, несмотря на отчаянное сопротивление противника, захватил хутор Булгаков-Деды и Карт-Казак, восстановив положение на нашем правом фланге;

3) при оставлении расстроенной в боях 1-й Эстонской бригадой гор. Перекопа, тов. Новиков, не взирая на то, что правый наш фланг под натиском конницы противника был оттеснен к северу от хутора Преображенка, удержал противника на линии, что южнее высоты 7,1 и отбил огнем его конную атаку, вынудив противника перебросить часть конницы от Перекопского залива к Сивашу, чем задержано было общее наступление противника и предоставлена нашей пехоте возможность спокойного выхода из сферы огня;

4) во время стоянки полка в хуторе Преображенка в сторожевом охранении тов. Новиков провел переговоры с солдатами добрармии, в результате чего на нашу сторону перешло 176 перебежчиков с лошадьми, мулами, замками от 4-х орудий и 11 исправными пулеметами;

5) в боях за обладание Перекопским валом 14-го апреля предводительствуемый тов. Новиковым 6-й полк атаковал конницу противника, взял пленных, замок от орудия, панорамы от двух орудий и пулемет, изрубив всю орудийную прислугу;

6) 15-го апреля полк тов. Новикова в течение всего дня удерживал пешие и конные атаки противника на наш правый фланг у Перекопского залива. Противник численностью своей превосходил состав 6-го полка в 3—4 раза, но, благодаря действиям полка, атаки его успехом не увенчались.

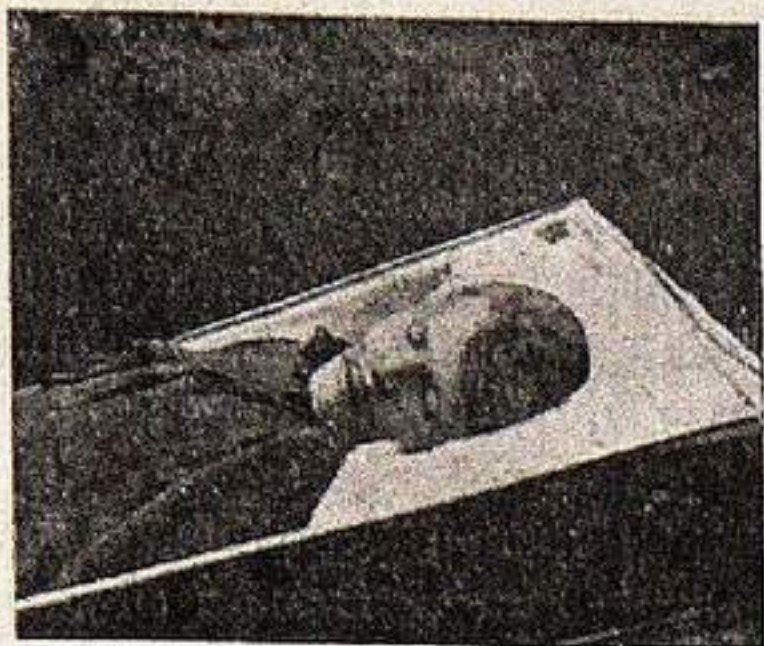
Ф. М. Святогор.

Сын крестьянина Черниговской губернии, тов. Святогор 18-ти летним юношей вступил в ряды Красной Гвардии.

Будучи командиром батальона в 60-й дивизии, он не раз выказывал чудеса храбрости. Во время ожесточенных боев, в самых опасных местах, где было малейшее замешательство, появлялся тов. Святогор и своим порывом увлекал за собой красноармейские массы. Однажды, будучи ранен, истекая кровью, он не оставил рядов своей части и, опираясь на плечо своего ординарца, продолжал атаку, окончившуюся для нас победой.

Когда командующий армией привез на целую бригаду 60-й дивизии один орден Красного Знамени, то этим орденом был награжден тов. Святогор.

Также отважно, с таким же самоотвержением сражался он под знаменами червоного казачества, вступив в его ряды в тот момент, когда бригада червоного казачества развертывалась в дивизию. В самые опасные места, на самые рискованные предприятия посылали тов. Святогора, будучи заранее уверены, что он с честью выполнит данное ему задание.

Тов. Святогор в гробу.

Тов. Святогор погиб от рук бандитов; не в бою, а из-за угла убили его. В тот момент, когда он проезжал через село Бруслинов Литинского уезда, на него напали 8 бандитов из банды Гальчевского и зарубили его.

Казак о тов. Святогоре.

1920-ый год. Бси в районе Волочиска. Наша сотня стоит в резервной колонне. К врид. сотнику подходит какой-то красноармеец, в серой рубашке, потертых защитного цвета шароварах и коротких сапогах. С веселой, жизнерадостной улыбкой сообщает о своем назначении на должность сотника. Казачня, смеясь, завязывает

с тов. Святогором (это был он) свое первое знакомство.

Сразу же новый сотник показался нам хорошим товарищем и дельным командиром и это первое впечатление неоднократно подтверждалось на деле. Лихая атака под Волочиском показала смелость, отвагу, решительность и рыцарское отношение к пленным тов. Святогора.

Мне пришлось пробыть с ним всю польскую кампанию и никогда я не видел его одним. Он всегда был с казаками.

Казаки 3-й сотни 4-го полка, первые с ним сроднившиеся в огне, в пороховом дыму атак будут всегда помнить мчавшегося, не знающего никаких преград, с криком „братва, вперед!“ тов. Святогора.

Казак А. Алексеев.

Тов. Логинов.

„Большевицкий Мольтке“—так называли его у нас. Старый партийный работник, член партии с 1915 г. тов. Логинов пришел в Красную Армию здоровым, полным сил. Начальник штаба Украинской Советской армии, он решил пойти командиром в пехотный полк, чтобы быть в гуще красноармейской массы. Весь ушел в работу. Тяжело раненый в одном из боев, был отправлен в лазарет. Но лечился недолго и вскоре опять вернулся на фронт, вступив в дивизию Червоного Казачества. Здесь, на передовых позициях, работал он начальником оперативного отдела в полевом штабе дивизии. Спокойный, хладнокровный, трезво-расчетливый, он обладал недюжинными военными способностями.

В марте 1920 года, больной, с повышенной температурой тов. Логинов работает над военными планами Червоного Казачества. Напрасно пытались отправить его в лазарет. Через два дня он снова был на своем посту.

„Знаю, говорил он, у меня чахотка, но в лазарете я умру еще скорее“.

И в этой чахотке он сгорел.

Смерть не менее героическая, чем на поле битвы.

Е. П.

Памяти тов. Саранчука.

Наша 1-я и 2-я сотни расположились возле Старой Гуты. Сюда мы приехали, чтобы найти банду Палия и уничтожить ее.

Чуть светает... Слышен тревожный свисток: „Выезжай“. Через пять минут мы готовы. Нам объясняют, что банда близко, что нужно быть настороже.

„Ладно“, — отвечают казаки, усмехаясь и поглядывая друг на друга: „Даешь банду“. Еще минута — и мы двинулись.

Дождик накрапывает, грязно. Некоторым холодно, ибо они только в одних гимнастерках. Они жалуются, обращаясь к казакам, одетым в шинели. Те посмеиваются над ними, говоря: „Вон видишь лесок, — там пан Палий — он тебя нагреет“.

И так, шутя, продолжаем мы двигаться дальше в сторону Терешполя. Подъезжаем к лесу... Вдруг со стороны леса раздается ружейный залп, за ним „максимка“ застрочил.

Командир дивизиона тов. Царев приводит сотни в порядок. Раздается короткая команда: „В атаку, за мной“.

Впереди всех, как вихрь несется с голой шашкой тов. Саранчук. Вслед за ним и остальные казаки сотен. Умело рубят червонцы. Через 15—20 минут атака кончена. Около 60 трупов бандитов раскинулось в разные стороны. Оставшиеся в живых бандиты скрылись в лесу.

Собралась братва вместе и опять посмеиваются. „Ну что, нагрелся?“ — спрашивает один казак другого.

Вдруг шутки обрываются. Узнаем, что один из боевых казаков, который лишь несколько минут тому назад рубил налево и направо, убит бандитами. Погиб один из лучших наших товарищей — тов. Саранчук.

Ему было всего 21 год. В нашем полку он служил с самого начала его формирования.

Казаки вместе двигаются дальше, преследуя оставшихся в живых бандитов. Они знают, что банда еще не совсем разбита. Они готовы к новым боям и новым победам. Они знают, что нет победы без жертв.

Казак 2-й сотни 5-го (б. 7-го) полка Чиркин.

Тов. Еломистров.

Рассвело. Мы всем полком расположились за помещичьим парком около хутора Преображенка и ожидаем приказа наступать. Латыши, впереди нас, под самым Перекопом ведут ожесточенную перестрелку.

Часов в 9 утра — команда: „По коням... В цепь!“

Рассыпались. В 200 шагах от нас два танка и броневики.

Танки открыли огонь из траншеек. Один снаряд упал около политрука 2-й сотни, тов. Еломистрова, контузив ему голову.

От взрыва земля поднялась, исцарапала тов. Еломистрову левую щеку и забила ухо. Спокойно обращается он к стоящему рядом казаку и просит очистить ухо от земли и сделать перевязку. С улыбкой замечает: „Поздравили с добрым утром“.

Через час тов. Еломистров получает новую рану — в левую руку (пуля прошла через кость). Просит снова сделать ему перевязку и остается в строю. Шутит с казаками, развивает план, как удобнее броситься в атаку, как лучше и сильнее наносить удары шашкой и т. д.

Спустя 2—3 часа сотня бросилась в атаку на офицерский полк, и тов. Еломистров, как ни в чем не бывало, полетел впереди сотни с обнаженным клинком.

“Товарищи, за мной! Ура!”...

Офицерский полк был стерт с лица земли, но не стало в наших рядах и одного из лучших бойцов—тов. Еломистрова. Во время схватки его смертельно ранили в грудь.

Когда тов. Еломистрова везли к перевязочному отряду, увидел он полковое знамя, и со слезами на глазах сказал: „Прощай, заветное знамя свободы. Товарищи, передайте сотне, чтобы держались теснее друг друга, да присмотрите за моим конем. Может быть, еще выздоровею“.

Он не выздоровел.

Товарищи, казаки 2-ой и пулеметной сотен, помните ли вы тов. Еломистрова? Существует ли у вас сейчас такая же сплоченность, какая была раньше, и какую завещал нам, умирая, тов. Еломистров?

Старый казак 2-ой сотни 1-го Черназполна.

„Червоный Казак“ № 59 (146).

„СТАРИКИ“

©ГОПБ

ОТДЕЛ 3

Полевой штаб
8 дивизии
в 1919—20 гг.

1) Начдив В. Примаков (чл. партии с 1914 г.), со своими адъютантами Ф. Пилипенно (чл. партии с 1917 г.) и Б. Кузмичевым (чл. п. с 1917 г.); 2) штадив С. Туровский (чл. п. с 1912 г.); 3) военкомдив Е. Петровский (чл. п. с 1917 г.); 4) помначоперод Д. Самусь (чл. п. с. 1915 г.—убит под Збручем); 5) начоперод Логинов (чл. п. с 1915 г.—умер от чахотки), 6) адъютант штадива Шильман (чл. п. с 1917 г.); 7) начразведот Журавлев (чл. п. с 1918 г.); 8) начадминот Рубинов (чл. п. с 1917 г.).

Штаб 1-го Конного Корпуса.

В. М. ПРИМАКОВ.

На школьной скамье.

Виталий Маркович Примаков родился в с. Шуманах Черниговской губ. Черниговского уезда 18-го декабря 1897 года, в семье сельского учителя. Учился в Черниговской гимназии и, будучи гимназистом 4-го класса, вступил в политическую организацию учащихся без особого партийного направления.

Эта организация, ставившая своей целью революционное воспитание молодежи, насчитывала в 1912—1913 г. до 180 участников со всех учебных заведений г. Чернигова: гимназистов, реалистов, гимназисток, учеников духовной и учительской семинарий. Кроме нее, в Чернигове существовала партийная социал-демократическая организация, состоявшая из рабочих чугунного и лесопильного заводов, сапожников и портных. Обои организациями руководил один общий комитет.

В январе 1913 года из организации учащейся молодежи выделился кружок в 8 человек. В него вошли: В. Примаков, Коцюбинский Юрий, Вульф Шафранович (убит), Муринсон (убит), Имшенецкий Валериан (убит), Шильман, Стецкий и Шаевич. Все оставшиеся в живых члены этого кружка сейчас работают в коммунистической партии.

Кружок, называвшийся секцией, занялся изучением исторического материализма и политической экономии. Руководили им социал-демократы. Весь 1913 год секция работала очень усердно, никем не тревожимая, собиралась чуть ли не ежедневно и во многом содействовала развитию своих участников.

Готовясь к работе среди масс, члены секции совместно с еще двумя кружками организовали своего рода „школу красноречия“.*)

Метод в этой школе практиковался такой: сначала ее ученики писали речи на бумаге, затем составляли конспекты речей и таким путем учились логически излагать свои мысли. В дальнейшем председатель очередного собрания кружка давал тому или иному члену школы по своему выбору тему для речи, совершенно неожиданную для того, кому предстояло говорить. На обдумывание предоставлялось 5 минут; вслед затем должна была следовать приблизительно получасовая речь. Участники школы изучали речи Лассаля, Жореса, Маркса. Сам Примаков говорит, что школа красноречия дала ему очень много.

В п а р т и ю.

Весной 1914 года вся секция вступила в партию и ее члены начали вести партийную работу. Примаков руководил двумя кружками: учащихся и папиросниц и портных. В это время в Чернигов прибыли высланные из Киева административным порядком Аня Гольденберг (большевичка) и ее три подруги, екатеринославские работницы. Вокруг них образовался небольшой кружок из рабочих и учащихся. Секция Примакова также примкнула к этому кружку. Кружок дружно работал, ведя партийную и профессиональную работу, и один из его членов тов. Цинберг, человек очень талантливый, умело и успешно провел забастовку заготовщиков обуви. Издавался подпольный рукописный журналчик для молодежи. Сначала он назывался „Вперед“, затем „Красное Знамя“.

Когда в 1914 году вспыхнула война, в Черниговской социал-демократической организации произошел раскол на оборонцев и пораженцев.

Раскололась и организация учащихся: меньшевики стояли за войну, и часть учащейся молодежи пошла за ними, охваченная шовинистическим порывом. Небольшая группа большевиков (около 100 человек) решительно стала на позицию гражданской войны вместо империалистической. Секция, членом которой состоял Примаков, примкнула к большевикам. Большевистская группа затем связалась с Киевской организацией и получила оттуда тезисы и первые прокламации большевистского Центрального Комитета. Она вела пропаганду среди рабочих и распространяла прокламации среди солдат, стоявших в Чернигове.

Осенью 1914 года гг. Туровский, Зюк и Бунин были арестованы при распространении прокламаций и сосланы на север, в Вологодскую губернию.

Т ю р ь м а.

Группа установила связь с солдатами. Среди последних имелись большевики. В кабаках и трактирах нередко бывали случаи, когда солдаты, напившись пива, били городовых, цели марсельезу. Жандармерия, встревожившись, стала разыскивать организацию, и 14 февраля арестовала за разбрасыванием прокламаций гг. Цинберга, Темкина, Гольденберг и Примакова. После произведенного в комнате Примакова обыска, обнаружившего нелегальную литературу, арестовали и хозяина квартиры тов. Муринсона.

Сначала всех арестованных посадили в участок, а затем, после допроса в жандармском управлении, перевели в Черниговскую тюрьму в одиночные камеры.

Заключение было особенно тяжело потому, что никто из заключенных не знал азбуки для перестукивания — нельзя было переговорить друг с другом. Случайно на корешке одной книги Примаков нашел азбуку и сообщил ее остальным. За перестукивание у него отобрали все книги.

Два месяца сидел он без книг, а потом заявил тюремному начальству, что если ему их не дадут, то он „устроит скандал“. На вопрос, в чем выразится этот скандал, он ответил, что будет читать на всю тюрьму лекции по истории. Угроза не подействовала.

*) В один из этих двух кружков входили гг. Туровский, Зюк и Бунин.

Тогда Примаков в тот же вечер взлезает на подоконник и начинает читать лекцию по истории. Часовой снизу грозит пристрелить оригинального „профессора“, но подоконник наклонный и попасть в лектора не легко. Лекция продолжается. Во всех окнах показываются любопытные физиономии арестантов, собираются надзиратели, кричат, ругаются. „Скандал“ получился большой. К Примакову явился „сам“ начальник тюрьмы и заявил, что если он не прекратит „лекций“, то его посадят в карцер. Примаков потребовал книг и заявил, что пока их ему не дадут, он читать „лекции“ не перестанет. Еще два дня он читал, а на третий ему дали книги, рассудив, что так будет лучше.

В мае 1915 года всю группу этапным порядком перевели в Киевскую тюрьму, предъявив обвинение по 129-ой статье (первые пять параграфов) и по 32-ой статье Свода Военных Постановлений 22-ой книги.

По дороге в Киев арестованные занимались разговорами с конвойными и даже успели „сагитировать“ одного из них, по фамилии Школьный, впоследствии ставшего социал-демократом.

В Киеве в одиночке сидеть было лучше, чем в Чернигове. Имелось много книг и все заключенные занимались.

В июле месяце арестованных судил военно-окружной суд. На вопрос „признают ли себя виновными“, Примаков от имени всех товарищей ответил: „Да, мы распространяли прокламации и вели агитацию против войны, но ставим себе это не в вину, а в заслугу и честь перед народом“.

Судьи потребовали занести это заявление в протокол, как новый пункт обвинения.

Всех подсудимых приговорили к лишению прав и преимуществ и к ссылке в Сибирь на вечное поселение.

В Киевской тюрьме всех осужденных остригли наголо, одели в арестантские халаты и посадили во 2-ую камеру 10-го каторжного коридора. Камера была общая, в ней уже сидели политические каторжане: 4 большевика (среди них т. Яков Полуян, имевший уже года четыре каторги, 1 анархист (Бочковский), 4 эс-эра, выступавших против войны (Соколовский, Сосновский, Шеверницкий и Чарторыйский) и еще несколько польских социалистов.

Камера была дружная: много читали, спорили, эс-эры писали стихи, писал тогда стихи и Примаков. Через несколько недель всех каторжан (кроме Полуяна и Безуглова) разослали по каторжным централам, а в камере осталось всего лишь 5 ссыльных.

Режим в тюрьме стал гораздо тяжелее. Примакова раз посадили в карцер за то, что он обругал надзирателя и фельдшерицу, отказавшихся дать лекарство больному товарищу. Карцер, называвшийся по местному „полубутылкой“, представлял из себя камеру в подвале тюрьмы, без света, шириной в два шага и длиной в четыре.

Но издевательство тюремщиков этим не ограничивалось: посреди камеры лежала, вместо кровати, доска для спанья, посыпанная негашеной известью. Негашеная известь благодаря сырости растравляла до костей тело посаженных в карцер, ложившихся на доску. Примаков вытер известь рубахой и мог лежав спокойно, часто вставая, чтобы согреться гимнастическими упражнениями от невыносимого холода „бутылки“.

Через несколько дней после карцера Примаков вместе с товарищами по камере выдерживает голодовку. Причиной ее послужило следующее: однажды надзиратель выругал Полуяна, в другой раз ударил его ключом. На протест, заявленный камерой начальнику тюрьмы, последний не обратил никакого внимания.

В ответ на это камера объявила голодовку, выставив ряд требований к тюремной администрации, причем Примаков, Циберг и Полуян отказались не только от хлеба, но и от воды. Голодавших рассадили поодиночке в камеры уголовных, надеясь этим сломить их упорство.

Через пять дней все трое встретились в тюремной больнице; их туда привесли на носилках, так как они уже не могли ходить от истощения.

В больницу приехал инспектор тюрем. Голодавших хотели кормить насильно, но они заявили, что в таком случае разобьют стекла и вскрыют себе стеклами вены.

После такого заявления, требования голодавших были целиком удовлетворены, и голодовка прекратилась.

Дней через 10 Примакова опять перевели в камеру, из которой вскоре отправили в ссылку. В наказание за голодовку ссыльные были отправлены в ручных кандалах.

Ссылка.

Через месяц Примаков прибыл в Красноярск и, заболев сыпным тифом, пролежал там шесть недель. По выздоровлении его отправили в с. Шелаевское, расположенное по реке Бирюзе (приток Ангары), по местному чалдонскому названию—Ана. Там жили ранее сосланные: Шварц, Гопкало, Евгения Брук, М. Богданович и другие.

Примаков поступил на работу к одной чалдонке, вместе с еще одним товарищем. Он должен был ежедневно рубить сажень дров, за что получал квартиру, 2 фунта хлеба в день и кувшин молока. Через месяц Примаков снова заболел—брюшным тифом. Его отправили в больницу Долгий Мост, причем в дороге он захватил еще воспаление легких.

Пролежав 7 недель в больнице, Примаков вернулся в Шелаевское и поступил в кузницу молотобойцем.

В мае Примаков ушел из Шелаевского в селение Абан, крупный (сравнительно) культурный центр в 60 верстах от железной дороги, в котором жила большая (около 50 ч.) колония ссыльных. Среди ссыльных были тов. Иоффе, Бочковский, приехала туда и Гольденберг со своим мужем Добронравовым, старым ссыльным.

Ссыльные часто собирались, устраивая политические дискуссии.

Группа большевиков переписывалась с ЦК партии, раз в 2 месяца получала письма от т. Стасовой и была в курсе партийной мысли. Имелись среди ссыльных и оборонцы.

Примаков в Абане поступил в столярную, сначала учеником, потом подмастерьем, затем занялся целым рядом других ремесл.

Служил Примаков (по распоряжению комитета ссыльных) и в волостном правлении, причем украл оттуда 6 паспортов, чтобы дать возможность некоторым товарищам удрать.

Все эти весьма разнообразные занятия будущий красный генерал совмещал с работой секретаря комитета ссыльных, в который он был избран.

Освобождение.

В селе, где жил Примаков, было 14 стражников и 2 жандарма. Как только в начале марта 1917 года отголоски февральской революции докатились до Сибири, 8 ссыльных вместе с Примаковым явились к приставу и спросили: „Известно ли вам, что Николай отрекся?“

Пристав ответил, что приказа об этом он не имеет.

Примаков ему подал манифест об отречении. В то время, как пристав читал, Примаков взял браунинг, лежавший у того под рукой, а другой товарищ забрал винтовку, стоявшую в углу. После этого Примаков попросил у пристава маузер и наган. Тот решил, что ему удобнее исполнить просьбу, и отдал.

Вооружившись, ссыльные пошли к казарме стражников, по дороге отобрав у урядника наган и шашку. Стражники, сидевшие за попойкой, растерялись от неожиданности и их без особого труда разоружили.

Ссыльные организовали комитет защиты революции, а вскоре затем (в конце марта 1917 г.) уехали в Россию.

Правительство Керенского было так внимательно к нуждам ссылки, что дало ей бесплатный проезд... в таких же самых арестантских вагонах, в которых ссыльные прибыли в Сибирь, правда, теперь уже без жандармов.

По дороге ехавшие устраивали митинги на вокзалах и в сибирских городах, сочувственно встречаемые населением.

В дни Октября.

10 апреля Примаков приезжает в Чернигов, затем до августа 1917 года работает в Киеве: членом Киевского Комитета партии, агитатором, журналистом. В августе по приказу комитета вступает в 13 пех. зап. полк рядовым и выбранный от полка на 2-ой Всероссийский Съезд Советов приезжает в Питер как раз в дни Октября, с головой окунаясь в лихорадочную, боевую обстановку Питера.

Организовав отряд Красной Гвардии, участвует в бою под Пулковом. Рабочие Речкинского паровозного завода—красногвардейцы, под командой его,—человека, не умевшего стрелять как следует,—перебежками по болоту, идут брать казачий бронепоезд, и—при поддержке гренадеров—берут.

Съезд Советов избирает Примакова (ему тогда было 19 лет) членом ВЦИК'а; тов. Свердлов посылает его на Украину.

Атаман.

Прибыв в Харьков, Примаков с другими товарищами ведет агитационную работу во 2-ом Украинском полку Центральной Рады, стремясь привлечь солдат этого полка на сторону Советской власти и, разоружив с их помощью офицеров, весь полк сделать советской воинской частью.

Работа приводит к нужному результату. В ночь с 27-го на 28-ое декабря происходит разоружение. Утром по улицам Харькова вместо 2-го Украинского полка идет 1-й Червоно-Казачий. Примаков назначается его атаманом.*)

С этого дня жизнь Примакова и Червоного Казачества сливаются,—они неотделимы друг от друга.

В огне гражданской войны.

Не имея никакого военного образования (если не считать весьма кратковременного пребывания в 13-ом пехотном полку), Примаков вел червоное казачество по тяжелому, победному пути. И не растерял, не расстроил вверенных ему сил, а выковал в огне гражданской войны из небольшого отряда крепкий боевой корпус.

Как это дико звучало бы в старое время: один из талантливейших командиров—без всякого военного образования.

Но революция в огне своем ковала своих защитников, не справляясь с требованиями академизма, и Примаков был именно из тех людей, которых она ставила на их истинное место.

Умение группировать вокруг себя хороших бойцов, умение быстро различать истинные качества человека, редкая находчивость, чисто украинская сметка, непоколебимое самообладание и умение быстро приспособляться ко всем особенностям обстановки, гранитная твердость и стойкость—вот качества, сделавшие Примакова вождем, „железным рыцарем“ червонцев.

Но трудно писать, чем и где отличился Примаков. Это значит—повторять историю червоного казачества. Почти в каждом бою червонцев—фигура Примакова.

*) Подробности разоружения см. дальше, в отделе воспоминаний.

1918 год.

Полтава, Киев, отступление на Харьков, Новочеркасск, Москва, нейтральная зона— вот этапы, пройденные полком червонцев в 18-ом году.

Бурное было время: все клокотало, кипело. Украина перевидела несколько правительств. Войска за войсками, армия за армией волнами перекатывались по ней.

И, носясь от города к городу, с фронта на фронт, вбирая в свои ряды все новые и новые пополнения, полк, под руководством Примакова, представлял из себя военную школу, в которой под орудийный огонь и трескотню пулеметов учился военному делу и сам Примаков и все червонцы, учились любовно, напряженно, потому что так приказывала партия, так требовала революция. Вот несколько отрывочных эпизодов той поры.

* * *

В Киеве надо было выбить юнкеров из занимаемых ими казарм, расположенных рядом с казармами полка Георгиевских кавалеров. Сил не хватало, оружия также. Что делать?

В штаб червонцев прибыла делегация полка георгиевских кавалеров для того, чтобы заявить, что они будут держать нейтралитет в разгоревшейся борьбе за Киев и этим заявлением обезопасить себя от возможных потерь. Делегаты сидят у Примакова. Примаков просит их обождать, пока выслушает донесения.

Является один и рапортует: „Доношу, что уланский полк вошел в Киев. Где прикажете разместиться?“

Прибывает другой и докладывает: „Прибыл артдивизион“.

Через пять минут входит третий: „Докладываю о прибытии бронедивизиона“.

Примаков спокойно говорит: „Приказываю открыть огонь по юнкерам“.

Старший из делегации нервно вскочил и бросился к Примакову.

— Позвольте... Рядом же наши казармы... Ведь снаряды могут попасть и к нам...

Примаков с приятной улыбкой на лице, мягко, но твердо отвечает:

— Ну, война—ничего не поделаешь...

Тот растерянно бормочет:

— Погодите немного, мы сами уладим... Мы их заставим уйти...

— Ну, если так, я отменю приказ, но чтобы через час все было готово, иначе откроем огонь.

Делегация пулей вылетела из штаба и понеслась к себе. Юнкера по настоянию георгиевских кавалеров ушли из казарм и туда вступили красные части.*)

Почему же стоит об этом говорить?—Да потому, что у червонцев не было ни одного орудия, не говоря уже об артдивизионах. Прием рапортов был маленьким спектаклем, блестяще придуманным и разыгранным Примаковым и давшим такую бескровную для червонцев победу.

* * *

Примаков, со своим адъютантом Кузьмичевым, едет по Крещатику (в Киеве). Видят толпу, слышат шум, дикая крики. Ремневцы, матросы, босяки грабят винный погреб. У всех из карманов торчат бутылки. Пьют тут же из горлышка.

Повернув к толпе, Примаков обращается к Кузьмичеву:

— Ну, что, разгоним, Борька?..

— Можно!

Быстро врзаются в толпу, бьют грабителей шашками плашмя, давят лошадьми. Кое-кто пробует стрелять, но слишком быстры движения Примакова и его адъютанта— толпа разбегается.

Двое без единого выстрела прекратили погром.

*) См. „От отряда к корпусу“, стр. 29.

* * *

Во время боев под Ахтыркой, под Примаковым убили лошадь и, падая, он сломал себе ногу. Лечиться не поехал, а остался в строю и месяца три ездил без стремян с забинтованной ногой. Червонцы отошли под Харьков, на станцию Пересечня. Им приказали задерживать противника. Небольшому отряду дали в помощь рабоче-крестьянскую бригаду. Было в ней до 1000 штыков, но все ее бойцы, харьковские рабочие, еле владели оружием. Красных побили. Примаков приказал Кузьмичеву ехать на правый фланг, где дрался партизанский отряд левых эс-эров, и организовать отступление правого фланга.

Червонцы и большая часть бригады спешно отступили на Основу.

А Кузьмичев, проехавший на правый фланг, остался с группой левых эс-эров. Эс-эры после короткого размышления решили двинуться по шоссе к Харькову. Кузьмичев с эс-эрами не пошел, а направился по полотну железной дороги по тому пути, по которому ушли червонцы.

Идет Кузьмичев и видит—вдали конные немцы скачут по полотну. Желая проверить—за ним ли, он лег и стал смотреть за их продвижением. Немцы прямо к нему. Кузьмичев быстро побежал. Всадники все приближаются. Хоть пулю пускай в рот! Вдруг видит—из-за бугра скачет всадник, видна белая повязка. „Мне“—рассказывал он после—„почему-то все верилось, что Примаков выручит. Так и вышло. Я бегом... Немцы галопом за мной. Ну, успел. Быстро вскочил на седло к Примакову и вдвоем ускакали, отстреливаясь из маузеров“.

Оказалось, что Примаков, заметив отсутствие Кузьмичева, бросился разыскивать его. Скакал версты три, пока не нашел и не спас товарища.

* * *

Нейтральная зона... Надо прибрать к рукам своевольничающего атамана Черняка, никак не желающего действовать согласованно с червоно-казачьим полком.

Примаков предлагает Черняку сговориться. Тот в конце концов соглашается, но так, чтобы свидеться наедине, имея с собой лишь только адъютантов.

...Оба атамана сидят за столом в крестьянской хате, тут же их адъютанты (с Примаковым—Кузьмичев). Все четверо вооружены, как полагается уважающему себя партизану.

„Слушай, друже“—говорит Примаков,—„для пользы дела нужно тебе работать со мной в контакте.“

„Пошел к...“ достаточно выразительно отвечает Черняк, а сам внимательным взглядом следит за каждым движением Примакова—не заговорил бы тот, случайно, языком револьвера.

„Напрасно материшься, товарищ“...—стараясь скрыть охватившее его раздражение замечает Примаков и, постукивая по столу, выбивает пепел из потухшей трубки.

А затем... затем лезет в карман за свежей порцией табака и... перед носом Черняка вырастает дуло револьвера. Такое же дуло направлено и на спутника Черняка—то действует Кузьмичев.

„Руки вверх!“

Пышные усы атамана Черняка смешно топорщатся на лице, полном недоумения от такого неожиданного оборота переговоров.

— Теперь мы сговоримся скорее... Слово держать умеешь?

— Ну... умею.

— Пиши!

Примаков диктует Черняку обязательство во всем подчиняться боевым распоряжениям атамана червонцев.

На прощанье угощает Черняка сигаретами, захваченными у немцев. Расстаются почти друзьями.

Обязательство свое Черняк выполнил.

1919—1920-й год.

Март 1919 года. Червонцы находятся в одном из сел под Шепетовкой. Петлюровцы окружают фланги и тыл села. К селу уже под'ехал неприятельский броневик, в селе стрельба, отдельные червонцы начинают разбегаться, теряясь. Вот-вот, паника охватит всех и из села никто не выйдет живым.

Примаков схватывает знамя и командует:

„Все к знамени! Вперед!“

Быстро червонцы группируются около знамени и вылетают из села, пробив дорогу и не потеряв никого.

Примаков умеет объединять в минуту растерянности.

* * *

Ночь... Червонцы отступают по местности. Дорога невыносимо вязка и грязна, а с червонцами артиллерия, идущая в авангарде отряда.

Одна пушка застряла в грязи. Ее бросили.

Примаков, под'ехавши к ней, бросается с распросами: „В чем дело?“ Один отставший артиллерист смущенно поясняет: „Нельзя вытащить“.

Действительно, пушка по дуло уже погрузилась в воду болота. Холод, грязь, пасмурное, хмурое небо.

„Как нельзя?!“ Примаков слезает с коня, бросает бурку и по пояс становится в воду. Подскочила сотня на помощь — и пушку вытащили.

* * *

В районе Ортчиково-Чернетчино происходит ночной бой червонцев с железной бригадой генерала Геймана.

Первая сотня потрепана, отстунает. Возле нее показывается Примаков. Ночь. Вдруг снарядом убивает полусотника и несколько казаков. Сейчас будет паника.

Примаков — со смешком: „Что, хлопцы, гостинца испугались?“ Те тоже смеются и ободренные спокойствием Примакова выстраиваются и в полном порядке идут в бой.

* * *

Прорыв Орловского фронта, рейд в тыл белым, прикрытый снежной бурей, он лучше всего говорит о Примакове — вожде. Но писать о нем нечего — он вошел в историю.

За этот рейд Примаков получает первый орден Красного Знамени, а червонцы — знамя от ВЦИК'а.

Рейд на Проскуров дал Примакову второй орден. Что дал этот рейд Республике — об этом рассказывает история Червоного Казачества.

* * *

Выходя из Проскуровского рейда, червоно-казачья дивизия попала под селом Зозулинцы, что называется, „в переплет“.

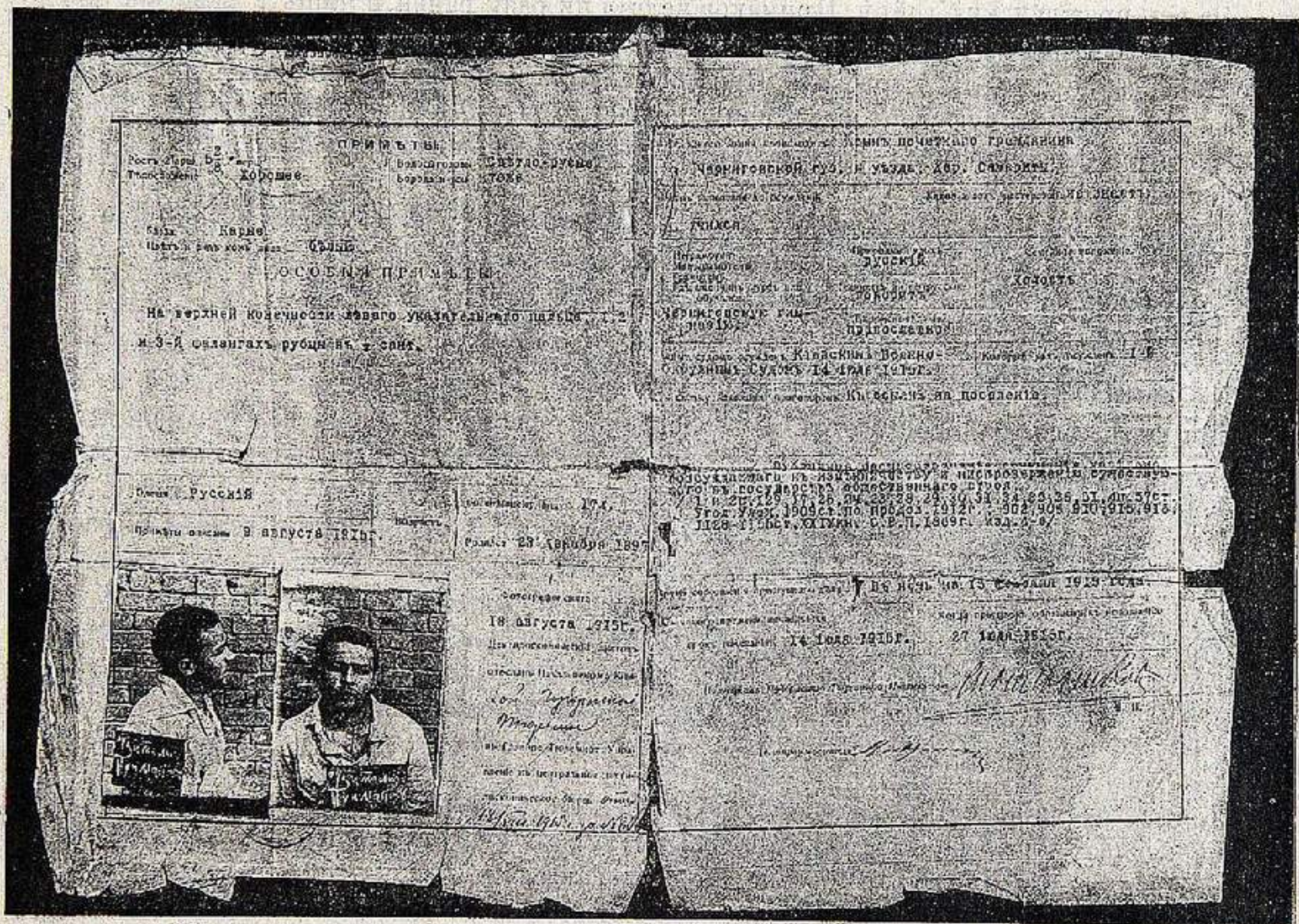
Отступая нужно было переправляться через реку. У моста скопились обозы, раненные — давка невероятная. Один полк, рассыпавшись цепью, прикрывал отступление. Все орудия поляков сосредоточились на этом полку... Вот-вот, цепь не выдержит, дрогнет — и тогда пропал полк, обозы, вся дивизия.

Примаков спокойно под'езжает к цепи, спешивается и обращается к Кузмичеву: „Борька, есть закурить?“

Тот привык ничему не удивляться—полез в карман, несмотря на необходимость обстановки.

— „Даешь“—берет Примаков пачку. „Ишь, черти, как жарят“,—спокойно, лениво добавляет он, свертывая, как ни в чем не бывало папиросу. Кончил. Закурил.

„А ну, передай по цепи—говорит он, отдавая пачку Кузьмичеву.

Две страницы из статейного списка на ссыльно-поселенца В. М. Примакова.

Все, смотря на спокойно улыбающееся лицо Примакова, как будто забыли про огонь, про противника, закурили, повеселели. А противник лезет вперед, того гляди сшибется грудь с грудью. Цепь лежит, не прекращая стрельбы. Прошло минут 15. Примаков, зорко наблюдавший за местом, увидел, что все наконец, переправились.

„Ну, а теперь давайте отступать“, тем же спокойным голосом сказал он.

И полк отошел в полном порядке.

Как относятся червонцы к Примакову.

Примаков имеет одно, чрезвычайно важное свойство вождя: собирать вокруг себя группу, крепко спаянную, из хороших, беззаветно преданных ему людей.

...Январь—февраль 1918 г. Киев. Червонцы собираются выступить. Пулеметная команда должна была отправиться первой со специальным заданием. Все собрались и стояли, разговаривая. Вдруг кто-то бросил в стоявших бомбу, Примаков стоял посередине. Бомба упала рядом с ним. Начальник пулеметной команды, заслоняя собой Примакова, бросился вперед: „Атаман!.. Бомба!“

Примаков был закрыт бросившимися к бомбе, чтобы защитить его, казаками. Бомба разорвалась, убив нескольких казаков, поранив и опрокинув многих. На улице грязь, снег, кровь, смешались вместе.

Начальник пулеметной команды, первый заслонивший Примакова получил 18 ран, но Примаков был спасен.

Не раз пытались убить Примакова, но всегда спасали его или собственная находчивость, или беззаветная преданность червонцев.

За всю гражданскую войну, Примаков не был ни разу ранен, и лишь 2 раза контужен.

„Нашего Примака и пули не берут“— любовно говорили червонцы.

Никогда не видели червонцы Примакова усталым, растерявшимся, дрогнувшим. Всегда, в самую жаркую пору боев, одно появление его с неизменной трубкой в зубах вливало в казаков новую энергию, новую бодрость и бешеным, непреодолимым становился их напор.

В бою Примаков—неумолимо твердый командир; вне боя—лучший товарищ и друг любого червонца, ласково помогающий ему, чем может. И когда червонцы говорят с другими о Примакове—их лица всегда озаряются радостью и гордостью.

П о с л е в о й н ы .

Когда Примаков изредка наведывается домой—форма прочь, на голову соломенную шляпу, на ноги лапти. Идет в поле—косить, вязать снопы, применять к хозяйству матери все те ремесла, которым он выучился в ссылке.

Утром мать дает боевые задания: „Ты, Виталий, и Борис,—мост и ворота справьте, а потом снопы возить“.

Такие ворота сделали Примаков с Кузмичевым, что впору артели плотников.

Приезжает председатель Черниговского Губисполкома в гости. Примаков снопы возит.

„А ну, друже“, говорит ему, „едем в поле“.

Свозили, склали снопы и только потом сели пить чай и беседовать.

* * *

Когда говоришь с Примаковым, смотришь на его открытое лицо с прямым твердым взглядом серых глаз, на его крепкую, стройную фигуру, слушаешь его мягкий голос, который в нужную минуту мгновенно перерождается в сталь—тебя невольно охватит обаяние, ни с чем не сравнимой твердости, уверенности, спокойной, но мощной силы. Чувствуешь, что этот человек никогда не потеряется, всегда найдется, устоит в самых тяжелых случаях.

И все это сочетается с мягким любовным отношением Примакова к человеку, с истинно товарищеской теплотой обращения.

* * *

В 15 лет революционер, попадающий в ссылку, 19-ти лет—член Учредительного Собрания, член ВЦИК'а, в 20 лет—победитель царских генералов,—таков Примаков.

Кончилась война. Наступило время учебы. Примаков едет на высшие военно-академические курсы. В июле этого года кончает их и вновь возвращается в корпус.

* * *

Много и ярче можно и нужно написать о Примакове, но если вы хотите видеть его во весь рост—биография для этого не нужна.

Возьмите и разверните историю Червоного Казачества. Лучшей биографии никто никогда не сможет написать. Разве сам Примаков, когда снова заговорят орудия и пулеметы...

В. Касименко.

С. А. ТУРОВСКИЙ

(начальник штаба 1-го Конного Корпуса).

Уроженец Чернигова, сын крупного буржуа-предпринимателя, тов. Туровский еще гимназистом участвовал в революционных кружках, а в 1912 году вступил в Р.С.-Д.Р.П. (большевиков).

В 1914 году в начале войны за распространение прокламаций против войны Туровский был арестован и в административном порядке выслан в Вятскую губернию. В 1916 г. его вызвали из ссылки и призвали в армию, назначив в понтонный батальон рядовым. В конце 1916 года он—старший унтер-офицер этого батальона, а в 1917 году—солдат революции.

Февральская революция застала Туровского на партийной работе в армии, которую он продолжал до октября 1917 г. В октябре тов. Туровский принимает активное участие в перевороте, в январе 1918 г. командует сербским отрядом Красной Гвардии в Киеве.

С 15-го августа 1918 г. тов. Туровский служит в Червоном Казачестве, сначала помощником атамана полка, затем начальником штаба полка, начальником штаба дивизии и, наконец, начальником штаба корпуса. От Днепра до Карпат, от Орла до Черного моря прошел он с червоными казаками, выявив большой организаторский талант и крупное военное дарование, как начальник штаба.

Он — мозг Червоного Казачества. В тиши кабинета, за книгой и в походе, под буркой у стога сена, за картой и полевой книжкой разрабатывал он маршруты победных маршей Червоного Казачества. Дерзкий замысел, яркая идея претворялись им в точный план действий, противопоставлялись все „за“ и „против“, намечались пути к осуществлению.

Точный ум и хорошая душа соединились в Туровском. Серьезный и сосредоточенный в работе, он, отложив карту, будет весело дурить с товарищами, и между шутками и баловством неожиданно предложит идею, которая заставит прочих ахнуть от удивления.

За отличия в бою у ст. Поньри и у гор. Льгова тов. Туровский награжден орденом Красного Знамени.

А. В. БАГИНСКИЙ.

Андрей Васильевич—наследственный пролетарий. Прадед его—крепостной, дед—столяр, отец—рабочий масляных заводов. 12-ти лет лишившись отца, он, чтобы помочь своей семье, поступает „мальчиком“ в типографию и, кончив „ученье“, становится печатником. Работает в одной из киевских типографий.

Уже 18-ти лет вступает на путь революционной борьбы, идет в партию эс-эров, ведет революционную пропаганду среди рабочих.

В июне 1917 г., когда эс-эры вполне выявили свое истинное лицо мелкобуржуазной, реакционной партии, уходит от них и вступает в ряды коммунистической партии.

В октябре 1917 г. рабочие-печатники выбирают его депутатом в Киевский Совет. В начале 1918 г. Багинский руководит восставшими против Центральной Рады рабочими Новостроенского района в Киеве.

При эвакуации советскими войсками под напором германской армии гор. Киева, его назначают командиром бронепоезда. С этого времени Багинский, не зная отдыха бьется то на том, то на другом фронте гражданской войны.

На Дону, куда отошли вытесненные с Украины немецкой армией советские войска, Багинский ближе знакомится с червоно-казачьим полком. Отряд его, состоящий из 70-ти человек, вливается в этот полк и вместе с червонцами прибывает в Москву. Отсюда Багинского посылают в Самару за взрывчатыми веществами.

Вспыхивает чехо-словацкий, приехавшего в Садиром батареи на восточ словаками он получает Для лечения направляет густа едет в нейтральную пор он не расстаётся с бьется в их рядах, сначала мана полка, потом, когда бригаду—помощником ко из бригады вырастает тыла ее и, наконец,—помо ведывательного отдела время он—представитель ВУЦИК'е и ЦК КСМУ. гинского было под Царицы Царицына следовал чер скву. Под давлением про пилаась масса эшелонов, вонцы застряли. В это ны (в нескольких верстах от Царицына) прибывает анархистский отряд. У „анархистов“ — броневик и несколько площадок с орудиями.

вацкий мятеж, и Багинмару, назначают командном фронте. В бою с чехо-тяжелую рану в живот. ся в Москву, а 15-го авзону к Примакову. С тех червонными казаками и ла как заместитель атаполк разворачивается в мандира бригады, когда дивизия — начальником щником начальника разкорпуса, а в последнее корпуса при его шефах, ... Красивое дело у Баным. Как известно, через воно-казачий полк на Мотивника у Царицына скообразовалась пробка. Червремя на станцию Елищан

Анархистским этот отряд назывался только для благозвучия. На самом же деле в состав его входил всякий сброд—шкурники, дезертиры, грабители, тащившие на своем пути все, что плохо и что хорошо лежало.

Остановившись на ст. Елищаны, они требовали от Царицынского Совета предоставления им лучших домов с хорошей обстановкой. В противном случае грозили разгромить весь город.

Багинский, никому не сообщая о своем плане, решил обезоружить этот отряд. Взял паровоз от своего бронепоезда, прицепил к нему платформу, поставил пару пушек и покатил в Елищаны.

Пировавшие около станции „анархисты“ сначала было переполошились и грозили Багинскому расправой, но потом, успокоенные заверениями в полной дружественности его намерений, перестали обращать внимание на прибывшего к ним гостя.

Багинский, пользуясь тем, что „анархисты“ менее всего думали об охране своего эшелона, под'ехал со своим паровозом к „угляркам“, на которых стояли орудия отряда, прицепил их и помчался к червоно-казачьему полку. Но тут его ждало новое препятствие. Недавно прибывший и остановившийся рядом с червонцами отряд Петренко, ко-

торому уже успели по телефону пожаловаться на свое разоружение „анархисты“, остановил поезд Багинского, обосновался на площадках, а самому Багинскому предложил убираться подальше.

Багинский, отойдя в сторону и изменив, насколько это было возможно, свою наружность, заложив наполовину оторванную руку за спину, подошел к охранявшим его поезд петренковцам и, обратившись к часовому, находившемуся на паровозе, любезно предложил подежурить вместо него: „Иди“, говорит, „тебя“ зовут Петренко, а я тут покараулю“.

Машинист, обрадованный неожиданным появлением Багинского, с величайшей готовностью привел в движение паровоз.

Перепуганные петренковцы дали несколько безрезультатных выстрелов, а затем, по мере того, как паровоз все ближе и ближе подходил к Царицыну, на ходу соскакивали с площадок.

Благополучно прибыв на станцию, Багинский сдал привезенные им орудия отряду при Царицынском Ревкоме.

...Март 1919 года. Багинский везет из Киева в 1-й Червоно-Казачий полк только-что собранную им горную 4-х орудийную батарею. Две платформы и небольшой паровозик-кукушка. Единственный артиллерист в этой батарее пока-что всего лишь сам Багинский.

Не доезжая станции Хролин (между Казатином и Шепетовкой), „эшелон“ Багинского останавливает полевой штаб 5-го стрелкового полка. Тов. Шмидт (он в то время был командиром 5-го стрелкового полка и временно бригады, в которую этот полк входил) сообщает, что дальше ехать нельзя: впереди изменивший нам 14-й Миргородский полк, по железно-дорожной линии курсирует петлюровский бронепоезд „Ганзя“. В связи с изменой миргородцев и обозначившимся наступлением противника необходимо отвести 5-й полк на новые позиции, а до тех пор всеми возможными средствами задержать продвижение Миргородского полка.

— Что прикажете делать?

— Ставьте на позицию ваши орудия и открывайте огонь.

— Слушаюсь!

И вот группа в 7 человек (со Шмидтом в штабе было четверо, да с Багинским приехал еще один), незнакомых (кроме Багинского) с артиллерийским делом, решается задержать артиллерийским огнем целый полк, наступающий при поддержке бронепоезда.

Прислуги у орудий, как уже было выше замечено, не имелось никакой.

„В тот момент“, рассказывает т. Шмидт, я действовал в каком-то горячем тумане. Задержать миргородцев, чего бы это ни стоило,— вот была моя единственная мысль.

Багинский, не имея прислуги, мог, конечно, отказаться от моего приказа открыть огонь. Мы рисковали потерять не только свою шкуру, но и 4 орудия“.

Однако Багинский без дальних рассуждений привел свою батарею в действие. Он делал наводку и спуск, остальные закладывали снаряды. Огонь велся с такой интенсивностью, что Миргородский полк дрогнул и начал рассеиваться в разные стороны. Конечно, там не могли и подумать, что против них какая-то кучка в 7 человек с 4-мя орудиями. Только в те дни гражданской войны и возможен был такой случай, чтобы артиллерия действовала совершенно самостоятельно, не охраняемая и не поддерживаемая никакими другими родами оружия.

Смотрят наши артиллеристы—на ж.-д. линии показывается бронепоезд. Ближе и ближе. Впереди развевается желто-блакитный стяг с надписью: „Геть сміття з України—хазяїн іде“.

Хозяин?—Надо хозяина принять со всем почетом. И 4 пушки Багинского салютуют так, что бронепоезд, не выдержав, поворачивает вспять.

От 5-го полка поступает донесение, что перегруппировка закончена. Батарея, сделав свое дело, вновь водружается на платформу и катит в обратном направлении. От огня

бронепоезда пострадала одна из платформ, груженная шпалами. Все орудия удалось благополучно увезти.

...Тов. Примаков пишет о Багинском:

1918 год. Везде по всей Украине кипит жестокая гражданская война. Красные и белые—кто победит? Красной или желто-блакитной будет Украина?

В эти трудные дни в 1-ый полк Червоного Казачества вступил А. В. Багинский. Бросил все—семью, жену и детей—и встал под Красное Знамя.

Среднего роста, крепкий, здоровый; цветущее веселое лицо, вечно готовая теплая шутка на устах. Рабочий—он во всякое дело вносит кипучую энергию своего класса, „берет быка за рога“.

Если бой—Багинский на своем посту, у пушки: хлебом не корми, только дай пострелять. Бой кончен, и смотришь—Андрей или балагурит в кругу товарищей или где-нибудь в саду—кота или собачонку нянчит: „балуется“. „Человек, который не потерял вкуса к жизни“—определил Андрея один интеллигент.

Не потерял... И должно быть поэтому вынес всю ту муку, которая выпала на его долю—вынес и не разучился шутить, не разучился смеяться, только грусти больше в голосе, да измученного лица не узнать.

Бой у Новочеркаска. Вьется наша лава за рекой Аксай, чуть видны всадники противника. Трещит перестрелка. Тяжело бухает артиллерия и—точно рвут полотно—режут воздух снаряды. Знойное донское солнце печет, в небе ни тучки...

Жарко и на бронепоезде: без рубах номера и наводчики. Дружно ухают пушки—бух-бух-бух-бух. Быстро работает прислуга, длинный патрон исчезает в казенной части, щелкает затвор—и снап огня вылетает из дула: как живое дергается тело орудия.

Багинский на батарее.

— Первое, огонь! Второе, огонь!

— Пошли за молоком: живей, ребята, гони белым консервом с пылу, с жару, пятак за пару.

— Третье, огонь! Четвертое, огонь!

Хохочут артиллеристы. Бодрее работает прислуга. Зноем дышат накаленные тела орудий, солнце блестит на меди гильз.

Бронева машина показывается со стороны противника, трещит пулеметами и ползет на нашу лаву. Бронепоезд переносит на нее огонь своих орудий. Медленно ворочаются их хобота, нащупывают врага стальные жерла, ловит наводчик в фокус панорамы бронированное чудовище.

— Первое, огонь! Перелет. Огонь! Недолет. Огонь! Поражение. Батарея, прицел 80, гранатой беглый огонь.

Пятится назад броневик—жарко в дыму разрывов.

Багинский прильнул к глазку цейссовской трубы и балагурит: „Ага, стерва, пятки мажешь, задом ползешь. Я думал, это только раки умеют—и ты научился... Прицел 82—два патрона. Огонь!“

Подбигый броневик останавливается.

— Что, раскорячился? Батарея, пять патронов. Огонь!

В бешенный рев сливаются выстрелы. Броневик утонул в дыму разрывов. Двигается вперед наша лава, все быстрее и быстрее, смыкаясь на ходу для удара.

Вот блеснули сотни шашек на солнце, клубы пыли закрыли всадников и эхо бешеного гика слышно на батарее.

— Пошли наши казачишки: попадет белым на молочишко, не хватит сала в станциях пятки мазать. Батарея, прицел 120, огонь!

Батарея переносит огонь на резервы противника.

Наши всадники скрываются с глаз. Редкие ружейные выстрелы удаляются...

— Батарея, отбой! Закуривай, молодчики-наводчики, штукаря-номера.

Смеется батарея, закуривает..

Продвигается вперед броневик.

Впереди—курган. На кургане наши всадники. Степь кругом—глазом не окинешь. Подходит к кургану бронепоезд. Вдруг на кургане вырастает высокий столб черного дыма, и тяжелый грохот разрыва покрывает на миг музыку боя.

Бронепоезд выходит за курган. Номера—у орудий. Щупает врага труба Цейсса.

У самого бронепоезда ложатся снаряды противника. Укрываясь за щитами орудий, быстро работает прислуга. Стонут раненые. Тяжкий удар у платформы. Вдрагивает поезд, умолкает орудие. Наводчик убит. Багинский на его месте: стреляет и командует батареей.

— Батарея, огонь! Второе, проверь прицел. Что в господа бога стреляешь? Прицел 96. Четвертое, аккуратней трубку, не запускай журавля—и без твоей шрапнели птиц много. Батарея, два патрона, огонь. Хорошо,—ишь копошатся такие-сякие.

Артистически-веселые ругательства приводят в восхищение артиллеристов, лучше работает батарея, умолкает противник. Стих его огонь.

— Батарея, отбой!

Закуривают живые—мало их осталось,—уносят раненых и убитых. Снимают и откапывают разбитые орудия.

Так всегда спокоен и весел в огне и в кругу друзей Багинский. 16 раз за время войны он ранен.

Сын Багинского изувечен гайдамаками: в отместку за отца ему выжгли глаза. Слепой, он теперь предмет забот Андрея.

„Безрукий и слепой—нас пара“—говорит Багинский.

„Есть за что Багинскому сердиться на Петлюру“—говорят казаки.

Бесстрашный в бою, веселый под огнем и любимец друзей—таков наш „ружпульпарк“, А. Багинский.

БОРИС КУЗЬМИЧЕВ

(ад'ютант командира корпуса).

Борис Кузьмичев, московский комсомолец, вступил в ряды Червоного Казачества в январе 1918 г. Храбрый, понятливый, он в феврале 1919 г. был назначен ад'ютантом командира полка и с тех пор по сей день остается личным ад'ютантом тов. Примакова. В рядах червонцев он совершает первый петлюровский поход, вместе с червонцами принимает участие в подавлении Донской Вандеи в 1918 г., бьется с немцами и гайдамаками в нейтральной зоне, участвует и во втором Петлюровском походе 1918—19 гг., борется против деникинцев и поляков.

...В январе 19 г. во время боя под Люботином Кузьмичев со взводом пеших был послан, чтобы ворваться в местечко Люботин с левого фланга полка.

Подойдя к окраине местечка Люботин, до которого оставалось не более 200 шагов, пехота Кузьмичева попала под огонь „максима“. Взвод залег в глубоком снегу и открыл ружейный огонь. Но пулемет, убив нескольких казаков, заставил остальных зарыться в снег с головой. Некоторые казаки стали отползать назад.

Вдруг веселая песня остановила отступающих. Кузьмичев, лежа в снегу и заложив руки под голову, запел любимую казацкую песнь:

„Гей, ну-мо, хлопці, до зброї,

Герц погуляти...
Слави добувати...
Гей, ну-мо хлопці, до зброї“...

Повеселели казаки, стали подтягивать. Через минуту весь завод пел. Походную песню сменил Интернационал, и завод бросился в атаку, взял пулемет и ворвался в местечко Песня выручила.

...Первые недели отхода. Червонные казаки окружены врагом у Константинограда. После нескольких дней упорных боев они вырвались из окружения; но враг в это время уже был у Лубен, и казакам до Чернигова пришлось идти по тылам деникинцев. У Чернигова червонцы вторично вышли из окружения и под станцией Круты задержали наступление деникинцев.

В штаб бригады донесли крестьяне, что деникинцы заняли город Борзну—в тылу бригады. Для разведки Борзны был послан со взводом казаков Кузьмичев. Выехав за линию наших застав и пикетов, Кузьмичев надел погоны и объяснил казакам, что они должны именовать себя шкуровцами.

По пути в село Оленовка остановился у попа, принятый им весьма гостеприимно. Затем уехал, пообещав заглянуть на обратном пути и заночевать. Взвод прибыл в Борзну и на улицах города встретил деникинских офицеров. Кузьмичев под'езжает к квартирьерам-кавалеристам и требует: „Позовите ко мне офицера“. Подходит, офицер прапорщик. Кузьмичев представляется: „Корнет лейб-гусарского полка, ад'ютант Шкуро“.

Прапорщик почтительно докладывает о времени прихода бригады, сообщая фамилии офицеров. Простившись с ним, Кузьмичев уезжает.

Скоро деникинцы смекнули, что они обмануты и послали погоню за „ад'ютантом Шкуро“. Погоня настигла взвод у села Оленовки. Взвод Кузьмичева уничтожил мост через речку и ружейным огнем отбил преследователей. Пообедал Кузьмичев у попа, которого убедил, что имел бой с красными.

...1920 г. Польский поход. У Кузьмичева нет Ордена и он изменяет своему командиру— уходит в строй рядовым и служит 4 месяца в 1-й сотне второго полка.

Бой у села Зозулинцы. Кузьмичев врывается в толпу пехотинцев, берет в плен командира бригады и пулемет.

Орден Красного Знамени—награда.

РУБИНОВ

(н-к административного отдела штадива).

Сын мелкого лесопромышленника. С юридического факультета попал по мобилизации, незадолго до февральской революции, в 74-й пехотный запасный полк, а оттуда в Алексеевское военное училище. В августе 1917 г. стал членом РКП и работал в гор Сызрани секретарем военно-революционного комитета.

В дни октябрьского переворота организовывал отряды Красной Гвардии и как член революционного комитета участвовал в разоружении эшелонов Оренбургского и Сибирского казачества, пытавшихся во главе со своим контр-революционным офицерством проехать через Сызрань. Был арестован чехо-словаками, но бежал из-под ареста. В должности начальника Сызранского красногвардейского отряда боролся с чехо-словацкими войсками.

С 1919 г. работает на Украине в гор. Козельце, помогая в организации Советской власти. В июле того же года, когда шло отступление 12-ой армии из-под Киева, по распоряжению Черниговского Губкома вместе с целым рядом других товарищей-партийцев входит в 1-ую Червоно-Казачью бригаду. В рядах этой бригады, а затем дивизии участвовал во всех походах и рейдах Червоного Казачества, занимая пост начальника сначала оперативного, а вскоре затем административного отдела полевого штаба дивизии.

Одно время (в течение двух с половиной месяцев) был ремонтером, пополняя конский состав дивизии. И эта, казалось бы, мирная работа по временам превращалась в настоящий боевой фронт. Приходилось выдерживать (особенно в Золотоношском уезде) борьбу с бандами. Далеко не редкостью были стычки то с той, то с другой бандой. Немало ремонтеров погибло в этих стычках. За время своего ремонтерства поставил до 2.000 лошадей.

В 1921 г. откомандирован в военную академию Р. К. К. А. с последней занимаемой им должности старшего помощника наштакора.

Штаб и политинспекция 1-го Кон. корпуса ко дню 5-й годовщины Чер. Казачества.

1) Врид. Комкор С. Туровский, 2) военком штаба Г. Штерн, 3) нач. штаба Армадеров, 4) нач. админот Андоленко, 5) начразведот Журавлев, 6) начоперод Андреев, 7) начарткор Петкевич, 8) начсанкор М. Раевский, 9) военкомсанкор Г. Волков, 10) член коллегии Р. В. Т. Романовский, 11) инспектор снабжения Бочаров, 12) делопроизводитель Каменко, (в Кр. Армии с 1918 г.) 13) делопроизводитель Радкевич, 14) [секретарь политинспекции С. Спиридонов, 15) старший политинспектор Баньшиков.

1-я Запорожская дивизия Червоного Казачества.

М. А. ДЕМИЧЕВ

(командир 1-ой Запорожской дивизии).

Крестьянин. Прапорщик из унтер-офицеров. В царской армии служил в 17-м драгунском полку, получил Георгия всех степеней, французскую медаль и бельгийский орден.

В 1918 году вступает в Красную Армию взводным командиром в 4-ый Орловский кавалерийский полк, оттуда переходит помощником командира полка в 5-ый Алатырский и вместе с последним, будучи уже командиром полка, вливается в ряды Червоного Казачества.

В 1920 г. тов. Демичев — командир 3-й бригады (бывшей 13), а в феврале 1921 г. получает назначение на должность начальника 8-ой (ныне 1-ой) Червоно-Казачьей дивизии, в каковой должности пребывает и сейчас.

Многолетняя служба в царской коннице не убила духа живого в тов. Демичеве. Инициатива в бою, риск, хладнокровие в самых критических положениях, спокойное выполнение самых рискованных планов — вот основные черты Михаила Афанасьевича.

Демичев незаметен в комнате во время беседы — скромно сидит в уголку, внимательно слушает и лишь изредка подает дельные и веские реплики. Но совсем иной Демичев на коне. В поле, верхом, он образец того, что именуется „всадник“, —

это существо, составляющее с конем одно целое.

Спокоен с казаками, никогда зря не накажет, никогда не оставит вины без наказания. Ровен и тверд. Казаки относятся к нему с особой любовью.

... Набег на Тюп-Джанкой... Врангель сидит в Крыму, обороняя Перекопский перешеек и Сиваш.

Демичев с полком пробирается в тыл—взять пушки, которые постоянно беспокоят наши войска.

Замерз Сиваш. Хрустит под кованными копытами соленый лед. Длинной лентой в ночной мгле растянулся полк. Тихо, бесшумно идут всадники; курить и разговаривать запрещено: заметит враг—и никто не вернется с проклятого Сиваша, на котором немало легло казаков еще при Дорошенко и Сагайдачном.

17 верст прошли казаки по льду и вышли в тыл позициям врага. Тихо подкрались к пушкам и разом ударили на ничего не ждавшую прислугу прикрытия. 22 орудия достались удалцам, и почетное знамя ВУЦИК'а отметило их подвиг.

Стрый... Пехота противника защищает мосты, переброшенные через ряд горных речушек, бегущих с Карпат. Пулеметы перекрестным огнем обстреливают мосты. Вечереет. Длинная тень Карпат легла на Стрыйскую долину.

В сумерках подвел Демичев свою бригаду к мостам и в колонне через мосты атаковал пулеметы и пехоту врага. Дрогнул противник перед дерзостью атакующих. До ста казаков легло на мосту, но остальные по трупам товарищей дорвались до врага и впервые стены древнего Стрия увидели красные знамена.

Тов. Демичев дважды награжден орденом Красного Знамени. Первый орден получен им за налет на Тюп-Джанкой, второй—за взятие города Стрия.

Е. И. ПЕТРОВСКИЙ

(военком и командир 1-й бригады).

Октябрьская революция застаёт тов. Петровского студентом сельско-хозяйственного института. Он вступает в коммунистическую партию и берется за агитационную работу, сначала в Москве, потом на селе, в Черниговщине.

За участие на Черниговщине в подпольном ревкоме приговаривается немецким военно-полевым судом к 8-ми летней каторге. После ухода немцев, назначается председателем Черниговского Губревкома. Во время Деникинского наступления тов. Петровский—военком боевого участка. В августе 1919 г., когда бригада Червоного Казачества в упорных боях преграждает белым путь к центрам революции, тов. Петровский назначается военкомом этой бригады, а после того, как она развернулась в дивизию, военкомом последней. Как военкомбриг и военкомдив тов. Петровский участвует в боях против Деникина, Врангеля, поляков и Петлюры. За свою боевую работу тов. Петровский награжден Реввоенсоветом Республики золотыми часами.

Слева направо: комбриг 1, Е. Петровский, начдив М. Демичев, комбриг 2 М. Самойлов.

Бой 3 ноября... Латышские стрелки бешеной штыковой атакой прорвали фронт врага. Слово призраки, ночью, в белых халатах по снегу подошли они к врагу и уда-

рили в штыки на дроздовцев. За ними в прорыв ворвались червонные казаки, пашками открыли себе дорогу к тылам противника и ушли в рейд.

В жутком кольце вражеского окружения, ежечасно сражаясь, шла дивизия. Холодный встречный ветер морозил тела казаков, одетых в худые шинелишки. Но шли и шли полки за полками... И везде, где нужна была поддержка, поспевал на рыжей „Лэди“ т. Петровский, то энергичным восклицанием, то шуткой подбодряя уставших. И веселей смотрели казаки, увереннее рука сжимала эфес пашки.

За 35 часов дивизия червонных казаков при сильном ветре, по дурной дороге, почти непрерывно сражаясь, сделала 137 верст.

Этот „чортов поход“ в значительной части совершен успешно, благодаря энергии и подготовительной работе тов. Петровского.

Рейд на Льгов. Снежная буря превратила день в ночь. Идут червонцы, карабкаясь с горы на гору—вперед на Льгов!

Пушку тащат в гору на канатах. Сорвалось орудие—и громадный ком стали и людей летит с горы в овраг. Стонет неосторожный казак—орудие отрезало ему ногу. Но новая сотня спешена. Женя Петровский взялся за канат — и с гиком-свистом пушка втащена на гору. Снова идут вперед казачьи полки; сквозь метель, по сугробам — на Льгов, где пируют беспечные офицеры. 50 верст в снежную бурю по диким врагам—и Льгов наш,—разбит внезапной атакой противник.

Бой у Перекопа. Эскадрилья аэропланов бомбит наши полки. Танки — железные чудовища, похожие на черепах или допотопных ящериц—ползут на червонцев. Смутились казаки, но Петровский шутит с полком — и проходит смущение; пашки сами выходят из ножен и от их грозного свиста бежит враг.

Бомба с аэроплана тяжело контузила Петровского. Черный вышел он из дыма разрыва и спокойно сказал подбежавшим казакам:

— „Сволочи, даже бомб бросать не умеют“.

В Галиции, в тылу у поляков, большое село слушает речь Петровского, а речи аккомпанирует орудийный гром и треск пулеметов. 200 добровольцев идут в наши ряды.

... Сплошь и рядом Петровский в атаке, в первой линии с пашкой в руке; сплошь и рядом он меняет слово политработника на удар солдата. Этого требует война; и на походе в его седельной кобуре мирно уживалась марксистская книжка с патронами к „нагану“.

Отгремели громы войны — и „наган“ рядом с пашкой некоторое время мирно висел на стене. Петровский взялся за газету, за митинги. Громадная работа встала перед нами после войны: нужно было армию превратить в школу коммунизма, и к этой работе Петровский подошел вплотную. Закипело дело в умелых руках. Но партия потребовала перевода ряда политработников на командную работу — и Петровский снял со стены пашку, вложил в кобуру седла книжку и стал во главе 1-ой Червоно-Казачьей бригады.

Ныне он командует бригадой и руководит школами корпуса.

Таков путь, совершенный мирным юношей-студентом „по тропе войны“.

САМОЙЛОВ И. Я.

(командир 2-ой бригады).

Крестьянин. В 1917 году при Керенском за „обострение отношений к офицерам“ (в бытность на службе в старой армии) был отправлен полковым начальством на фронт. По первому призыву Советской власти о добровольном вступлении в Красную Армию

идет на борьбу с врагами революции, участвует в боях против белых, желто-голубых и бело-малиновых.

В Червоном Казачестве—с апреля 1920 года.

Командуя пятым полком, принял атаку конницы Фролова.*) Личным примером увлекая казаков, ворвался в ряды противника и, нанося удар за ударом, внес полное расстройство в его ряды, обратив петлюровцев в паническое бегство и захватив петлюровское знамя. За этот бой награжден орденом Красного Знамени.

Успешно руководил операциями против банд Гальчевского, Кирилюка и др.

1-ый Мелитопольский полк.

1-ый полк—основа, фундамент Червоного Казачества; об истории его рассказывать не приходится—она тесно вплетается в историю Червоного Казачества в целом и по отделу „От отряда к корпусу“ можно отчетливо проследить все этапы, которые прошел полк за гражданскую войну.

Орден Красного Знамени на боевом штандарте полка, полученный от Советского Правительства Украины, свидетельствует, что 1-ый полк был верным часовым на страже революции.

Старые казаки полка хорошо помнят и любят своих полковых командиров, много сил отдавших организации и увеличению боевой мощи полка.

Их имена: Виталий Примаков, Петр Григорьев, Федор Спасский, Федоренко, Павел Беспалов, Владимир Примаков, Иван Никулин.

Шеф 1-го полка—Мелитопольский Окрисполком.

Группа старых казаков полка.

1-й ряд (слева направо): начдив Демичев, комбриг Петровский, ад'ютант комкора Кузьмичев, начподив Ермолов.

2-й ряд: помкомкора по политчасти Минц, комкор Примаков, комполка 1 Никулин, комсотни 4 Сиротенко.

3-й ряд: помкомвзвода Шехметов, врид. комсотни 3 Барыгин, политработник Марьянов (несколько впереди Барыгина), комсотни 3 Кожевин, комсотни 1 Наливко, врид. комвзвода 2-й сотни Ефименко, комвзвода Г. Иванов.

4-й ряд: отделком 3 сотни Л. Василевский, врид. комвзвода 2-й сотни Юдицкий, компульсотни Демедович.

Кто и за что награжден орденом Красного Знамени в 1-ом полку?

Беспалов Павел (командир полка). В бытность помощником командира 1-го полка получил (4-го июля 1920 г.) приказание взять дивизионом полка занятое превосходными силами противника село Галузинцы, подступы к которому защищал неприятельский бронепоезд. Не взирая на сильный огонь бронепоезда, лихим налетом дивизиона привел

*) См. „От отряда к корпусу“ стр. 139—140.

Одни из первых.

Червонные казаки: слева направо—Одерий, Нахленко, Климок, внизу Прошек (б. военнопленный, чех)—все вступили в ряды чер. казачества в 1918 году.

противника в полное замешательство, частью изрубил его, частью взял в плен и занял село Галузинцы, что дало возможность червоно-казачьей дивизии пробиться в район села Комаровцы и зайти в тыл противнику. Уже в тылу последнего тов. Беспалов, увлекая за собой небольшую группу казаков, нападает на громадный обоз противника в районе села Кошелевка и, несмотря на сильное сопротивление многочисленного прикрытия, уничтожает большую часть его, а сам с пленными и трофеями возвращается к подходящим частям дивизии.

И. Наливно (комсотни 1). При занятии частями червоно-казачьей дивизии Чертовой Горки под селом Шумлянами (в Галиции), несмотря на ураганный артиллерийский и пуле-

метный огонь противника, сосредоточенный в районе расположения его сотни, бросился в атаку на противника, увлекая храбростью и самоотвержением свою сотню. Прорвав лихим ударом цепь противника, заскочил в тыл, изрубил много пехотинцев и тем самым, расстроив ряды поляков, способствовал скорейшему занятию Чертовой Горки. При этом налете был ранен, но остался в строю.

Хлебцев Василий (комсотни 2). В бою под местечком Михалполем 4-го июля 1920 г., когда неприятельский отряд, не желая сдаться, засел в лесу, тов. Хлебцев повел энергичное на него наступление в конном строю. Вылетев впереди сотни, он бросился на командира неприятельского отряда, намереваясь зарубить его. Поляк выстрелил несколько раз в упор и одним из выстрелов убил лошадь тов. Хлебцева. Тогда последний все же пошел вперед пешком, бился с несколькими поляками, зарубил командира отряда и дрался до тех пор, пока не подоспела сотня, ворвавшаяся в лес и захватившая много пленных и большой обоз противника. В бою 27-го июля того же года у села Плотичи тов. Хлебцев был ранен пулей в ногу и, передвигаясь лишь с помощью казака, все же строя не покинул и командовал обстрелом неприятельских окопов.

Минайко Сергей (комвзвода 2-ой сотни). В бою под селом Большие Зозулинцы был выслан с двумя взводами в раз'езд. Заметив из-за леса наступающего противника, по своей инициативе остановил полусотню и решил задержать противника, учитывая то обстоятельство, что позади наши отходившие части еще не переправились через реку. Не-

смотря на многочисленность наступающей группы противника (2 эскадрона кавалерии, артиллерия и пехота), все же задержал его и тем самым дал возможность нашим частям переправиться через реку.

Михайличенко Павел (отделенный командир 2-й сотни). В бою под селом Большие Зозулинцы 8-го июля 1920 г., находясь при взводе т. Минайко с пулеметом Льюйса и заметив быстро наступающего противника, выдвинулся вперед взвода и открыл убийственный огонь, чем заставил противника в замешательстве отступить.

Ефименко Федор (отделенный командир 2-ой сотни). В бою у местечка Михалполь 4-го июля 1920 г., увидя, что под командиром его сотни убита лошадь, а сам командир окружен пехотой противника, бросился со взводом казаков и, смяв противника, спас командира от смерти.

Григорьев Петр (командир 1-го полка).

Гриценко Владимир (комсотни 1)

Шурман Густав (командир пулеметного взвода). 3-я сотня 7-го июля 1920 года получила боевое задание захватить обоз противника, движущийся от села Кошелевка под охраной значительного отряда пехоты, но, попав под сильный пулеметный огонь противника, вынуждена была отойти в ближайшую балку. Тогда тов. Шурман продвинулся с пулеметом Максима и, под градом неприятельских пуль, метким огнем заставил противника замолчать. При этом прикрывавшие неприятельский обоз пехотинцы не выдержав огня пулемета, бросили обоз и начали отступать. Благодаря редкому мужеству и находчивости тов. Шурмана, а также меткости его стрельбы, 3-й сотне удалось захватить до 40 повозок неприятельского обоза и изрубить до 50-ти человек пехотинцев.

Примаков Владимир (командир полка). Отличился в боях на польском фронте.

Снугоров Петр (пом. военкома полка). 30-го июля 1921 г. в бою с махновцами под местечком Хоружевкой в опасную минуту боя, в тот момент, когда среди красноармейцев возникло замешательство, во главе 10-ти казаков бросился на бандитов и остановил их наступление, чем способствовал победному исходу боя.

Сиротенко Федор (полусотник 4-ой сотни). В том же бою первый бросился в атаку на противника и увлек за собой своих товарищей, обратив неприятеля в паническое бегство и захватив у него два пулемета.

Кожевин Василий (комвзвода 2 сотни). В том же бою одним из первых бросился на неприятеля и зарубил несколько махновцев, в том числе одного из главарей банды, чем заставил прочих разбежаться.

Афанасьев Иван, Чоп Василий и Герасимов Максим (отделенные командиры 3-ей сотни). В том же бою, когда превосходные силы махновской кавалерии пытались рассеять наши части, они втроем бросились на фланг махновцев и обратили их в беспорядочное бегство.

Латышев Иван (отделенный командир 3-ей сотни). В том же бою бросился вперед с пулеметом, открыл губительный огонь и вывел из строя пулемет противника, чем и способствовал разгрому банды.

Гурняк Семен (пулеметчик пулькоманды). В том же бою бросился с пулеметом вперед своей колонны, губительным огнем заставил пулемет противника замолчать и рассеял сгруппировавшуюся банду.

Селезнев Алексей (казак 4-ой сотни). В том же бою зарубил пять бандитов.

Иванов Андрей (казак 1-ой сотни). В том же бою самоотверженно вывел с поля битвы тяжело раненого военкома полка, зарубив нескольких махновцев.

Шацкий Дмитрий (казак 2-ой сотни). В том же бою первый бросился на пулемет противника и, зарубив двух пулеметчиков, захватил пулемет, после чего, врезавшись в кавалерию противника, зарубил нескольких махновцев, и будучи ранен, не покинул своего поста до исхода боя.

Демедович Василий (пулеметчик пулькоманды). В том же бою под убийственным пулеметным огнем противника бросился со своим пулеметом вперед и огнем его заставил замолчать пулемет противника, чем помог своим частям атаковать банду.

Полторакостенко Григорий (политрук пулькоманды). В том же бою, несмотря на сильный огонь противника, умело руководя огнем своего пулемета, вывел два неприятельских пулемета из строя и рассеял целую неприятельскую колонну.

Носточка Алексей (полусотник 4-ой сотни). В том же бою одним из первых бросился в атаку на противника и увлек за собой своих товарищей, обратив неприятеля в паническое бегство и захватив у него два пулемета. Убит в борьбе с бандой Левченко.

Баранов Марк (казак 1-ой сотни). В бою с бандой Махно одним из первых бросился на противника и, зарубив знаменщика, захватил черное знамя.

Литвинов Илья (казак 2 сотни). При атаке банды Махно захватил тачанку с пулеметом и зарубил двух номерных.

Новалевский Сергей (полусотник 2-ой сотни). 10 июля в бою с бандой Махно бросился во главе полусотни в самую гущу неприятеля и обратил его в поспешное бегство. Убит в бою с бандой Иванюка в Полтавской губ.

Мосейчук Кирилл (казак 2-ой сотни). В этом же бою прорвался в тыл противника, бросился на отряд бандитов и лично зарубил пять человек.

Пшеничный Максим (комвзвода 4-ой сотни). В бою с махновцами под д. Константиновкой 7 июля 1921 г., наткнувшись во время атаки на скрытый неприятельский пулемет, захватил его с пулеметчиком, чем спас наши части от возможных потерь.

Василевский Лейба (отделенный командир 3-ей сотни). То же самое.

Литнарев Иван (казак 2-ой сотни). В том же бою принимал непосредственное участие в лихой атаке. Во время этой атаки был захвачен пулемет противника, зарублено до 20-ти махновцев и вся

банда обращена в бегство.

Власюк Матвей (комвзвода 1-ой сотни). В бою с бандитами под д. Серкачев 28 июля 1921 года первым бросился на левый фланг противника, сбил его и заставил в панике бежать, захватив лично один неприятельский пулемет.

Говорухин Иван, Иголкин Михаил (казаки 1-ой сотни). Во время боя под д. Деркачевка против банды Махно, несмотря на убийственный огонь противника, зарубили пулеметчика и, обратив пулемет в сторону наступающей банды, огнем рассеяли последнюю.

Рыбалко Георгий, Прошаев Гавриил (отделенные командиры 3-ей сотни), **Крыничкин Александр** (казак). При обходе бандой противника наших флангов под д. Скакуново, невзирая на опасность, они первые бросились на кавалерию противника и, увлекая своей храбростью прочих бойцов, обратили ее в бегство.

Нинули Иван (командир 4-ой сотни). Разгромил своей сотней пехотную группу поляков у мест. Ст. Синява 26 июня 1920 года.

Газдищук Андрей, Кулиш Петр (комвзвода 4-ой сотни). Отличились в боях на крымском фронте в апреле 1920 году.

Отличились в боях.

Пирогов (сотник 4-ой сотни). В бою под хутором Веселый Гай с одной сотней отбил в течение двух часов 3 конных атаки двух эскадронов противника, перешел в контр-наступление, личным примером увлек казаков и захватил пулемет Максима.

И. Иваненко (казак). В бою под селом Озерянка остался последним от сотни, отбивая атаку кавалерии противника своим ручным пулеметом до тех пор, пока не был ранен в обе руки и грудь.

Н. Кана (казак 3-ей сотни). Находясь с шестью казаками на фланге полка, заметил удиравший неприятельский боевой обоз под прикрытием 50-ти пехотинцев. По собственной инициативе, вместе со своими товарищами бросился в атаку и, несмотря на сильный ружейный и пулеметный огонь неприятеля, прикрывавшего бегство обоза, врезался в толпу, изрубил до 20-ти человек, а остальных обратил в паническое бегство, захватив обоз и пулемет Максима.*)

Несколько из многих.

И. Е. Никулин.

Иван Ефимович Никулин — уроженец Черниговской губернии.

Окончив сельскую школу, и дополнив образование „школой“ лейб-драгунского полка, он вскоре бежит из этой „школы 2-ой ступени“ и в 1918 году вступает в ряды Красной Армии красноармейцем в Гомельский отряд, откуда вскоре по возбужденному им ходатайству переводится в 1-ый Червоно-Казачий полк. В качестве помкомсотни, комсотни, пом. командира 1-го полка и командира его, он участвует в боях против врагов Советских республик, громит деникинцев, петлюровцев, махновцев. За бой под Старой Синявой тов. Никулин награжден орденом Красного Знамени.

Федоренко.

Родился в 1890 г. в семье крестьянина Екатеринославской губ., кончил сельскую начальную школу, а затем до 1912 г. занимался хлебопашеством. Будучи призван служил рядовым, взводным и наконец подпрапорщиком в Кирасирском ея величества полку. Все германскую войну провел на фронте, получив два „георгия“ и две георгиевских медали.

По демобилизации старой армии вернулся в родное село и был избран председателем сельсовета. Немецкая оккупация заставила тов. Федоренко снова взяться за оружие: он командовал ротой одного из повстанческих отрядов, впоследствии (8-го января 1919 г.) присоединившегося к дивизии Дыбенко. Затем некоторое время тов. Федоренко занимался советской и партийной работой в Георгиевской волости Екатеринославской губ.; служил продагентом при 13-ой армии, но вскоре его снова потянуло в кавалерию и он записался в Харьковский Запасный кавполк. 14 августа 1919 г. вместе с полком вступил в Червоное Казачество. Исполнял обязанности: командира 1-ой сотни 6-го полка, помкомполка 6, командира 1-го полка (с марта по июнь 1920 г.), командира 6-го полка и — последнее время (до демобилизации) — командира 4-го полка.

Имеет орден Красного Знамени.

*) Этот список отличившихся в боях, конечно, далеко не полон, как не являются исчерпывающими такие же списки и по остальным полкам: отмечены только те, о которых имелись официальные данные в редакции сборника.

Командиры полка.

Федоренко.

Вл. Приманов.

Никулин.

Тов. Наливко.

Молодой, энергичный начальник, отчаянно храбрый—Костя Наливко любимец всего полка.

В 1918 г. он вступил в полк и своей храбростью и смелостью заслужил доверие товарищей по сотне. В 1919 г. Наливко назначен взводным командиром, затем полусотником.

В должности полусотника совершил походы против Петлюры, Деникина, Врангеля и поляков. Получил орден Красного Знамени и должность командира сотни.

Сотня смело и лихо шла за своим командиром, верила, что его смелость, смелость, храбрость выведут из любого рискованного положения.

Ком- и политсостав 1-го полка в начале 1923 г.

1-й ряд (слева направо): комсотни 2 Ковалев, начштаба полка Зеленев, помвоенкома полка Смородинов, военком полка Полянский, комбриг и военкомбриг 1 Петровский, командир полка Юшкевич, помкомполка Юдин, комвзвода 4-й сотни Григорьев; 2-ой ряд: начхозкоманды Витошкин, лекпом Синицын, комвзвода 2-ой сотни Малиновский, комвзвода 2-ой сотни Недзельский, политрук 2-ой сотни Марков, комвзвода 2-ой сотни Мигалин, адъютант комбрига 1 Петренко, врид. комсотни 1 Роман, помкомвзвода пульсотни Зинкевич, сотрудник штаба полка Счастливый, помкомвзвода 1 сотни Пирожников; 3-й ряд: комвзвода 1-ой сотни Берлин, секретарь партбюро Штейн, отделенный командир 2-ой сотни Ефименко, компульсотни Соловьев, помкомвзвода 1-ой сотни Козолетов, сотрудник штаба Лимарев, помкомвзвода 3-й сотни Фоменко, комвзвода 1-ой сотни Козолетов, комвзвода 3-й сотни Богер. 4-ый ряд: завразведкой полка Корженевич, заворужием полка Дроганов, капельмейстер Лабунский, политрук пульсотни Гуманюк, комвзвода 3-й сотни Кораблев, комвзвода 1-ой сотни Еремик, комсотни 3 Марченко, связи полка Горшков, комсотни 3 Петерсиль, комсотни 4 Хайго, комвзвода пульсотни Шуйский, комвзвода 1-ой сотни Милохин, комвзвода 4-ой сотни Мистрюков, комвзвода 3-й сотни Богданов, завклуб Клунт, отделенный командир 3 сотни Иголкин.

„Наливко заведет, Наливко и выведет“—говорили.

Везде, где нужны тонкое чутье товарища, смекалка и смелость привычного—везде посылали Наливко.

Везде, где нужны храбрость, умная храбрость, выжидающая момент и бешенная в ударе, шел Костя.

Модная болезнь—жажда науки, знаний загрызла Наливко.

С жаром и он грыз гранит науки и одним из первых окончил повторные курсы корпуса.

Теперь в сотне Наливко учит молодых—передает им выученное в школе и свой боевой опыт; учится сам.

„Революционер должен быть всегда готов умереть!“

На вечере воспоминаний в день 5-ой годовщины Червоного Казачества тов. Наливко рассказывал, как он учился рубить:

„Нас рубить не учили. В старой армии я был плохим солдатом, да еще 16-ой роты. 25 февраля 1918-го года я вступил в Червоное Казачество. Понравилась конница: не надо ходить пешком, да еще по грязи...

Долго не приходилось сойтись с противником: уходил он от нас. Прогнали Петлюру до Острога—перебросили нас на деникинский фронт.

Выгрузились мы на станции Барвенково. Бросили нашу 1-ую сотню в атаку на с. Очеретино. Вижу—идут против нас чеченцы. Идут прямо—не так, как петлюровцы, которые все бегали от нас. „Ну, думаю, эти зарубают!“ А потом ободрился, потому что решил: все равно—не сегодня, так завтра,—революционер должен быть готов умереть.

Знал я только одно кавалерийское правило: не стремись первый рубить. Подскочил ко мне чеченец—я успел ударить, отбил его клинок. Приободрился. С великой уверенностью размахиваюсь, да плохо, правда, ударил—ухо врагу отрубил. Тогда я вынул кольт и пустил ему пулю в грудь“.

Ф. А. Ефименко.

Свою революционную деятельность тов. Ефименко начал в 1918 г., как только немцы и гайдамаки заняли ту местность, где он жил. Вместе со своим товарищем Дробницким 15-го мая 1918 г. он выступил со сформированным им отрядом в 120 человек. Повели наступление на м. Богодухово Золотоношского уезда и в ночь на 28-ое мая сделали налет, окружив школу, в которой помещались немцы. Обезоружили часовых и бросили несколько бомб в окна. Немцы в панике разбежались, причем 16 человек из них было захвачено в плен и убито; кроме того, в руки партизан попало 3 пулемета и одна трехдюймовка.

После этого налета тов. Ефименко вместе со своим отрядом вернулся в родное село. Партизаны скрыли оружие и разошлись по домам.

Неожиданно в село явился немецко-гайдамацкий отряд, согнал сход и потребовал выдачи Ефименко и Дробницкого, но те успели скрыться. В отместку немцы сожгли дома и имущество, принадлежавшие Ефименко и Дробницкому, а родителей их жестоко избили.

Вскоре затем тов. Ефименко, собрав свой отряд, пытался выгнать немцев из села, но был пойман с двумя своими товарищами, избит шомполами и посажен под арест. Из-под ареста бежал, а оставшиеся товарища были расстреляны немцами.

Впоследствии тов. Ефименко вступил в полк Червоного Казачества в тот момент, когда тот развертывался в бригаду. Вместе с червонцами участвовал во всех походах и рейдах до последнего времени, а сейчас служит командиром сотни в 1-ом полку.

Во время налета на Черный Остров командир сотни, в которой служил тов. Ефименко, был окружен польскими солдатами. Тов. Ефименко со своим взводом бросился на выручку командира и спас его, захватив часть польского обоза и до 50 человек пленных. За это дело он был награжден орденом Красного Знамени.

Г. Иванов.

Бывший взводный командир 4-ой сотни 1-го полка. Сейчас демобилизован.

Вступил в ряды Красной Гвардии в 1917 году. В период немецкой оккупации партизанил на Украине. В 1918 г., когда началось наступление советских войск на Украину, присоединился к 1-му полку Червоного Казачества и, не выбывая из полка ни на один день, участвовал вместе с ним во всех боях на петлюровском, деникинском, польском и бандитском фронтах.

При ликвидации банды Махно истреботрядом под командой тов. Григорьева, спас от бандитов раненого военкома полка тов. Кулика и захватил тачанку с пулеметом, зарубив трех махновцев, за что был награжден орденом Красного Знамени.

Кораблев.

Сын рабочего и сам рабочий. С 15-ти лет работал на кожевенном заводе и на лесопилке. Возвратившись домой из царской армии и пробыв у родных всего лишь 10 дней, поступил добровольно в отряд Красной Гвардии.

Служил в отряде имени тов. Троцкого, вместе с которым участвовал в боях на южном фронте. По расформировании этого отряда состоял в отряде тов. Зинбатова, а после того как в бою с Деникиным отряд этот был разбит и сам Зинбатов попал в плен, тов. Кораблев вступил в Червоное Казачество, где служит до сих пор. Начал с рядового казака, сейчас занимает должность комвзвода.

За бои против Махно в истреботряде тов. Григорьева награжден орденом Красного Знамени.

1-й конно-артиллерийский дивизион.

18 августа 1918 г. из захваченных у противника (в нейтральной зоне) двух трехдюймовок был сформирован при полку Червоного Казачества взвод артиллерии. После первых двух неудачных командиров (из бывших офицеров) в командование вступил прибывший с артиллерийских курсов и уже ранее знакомый червонцам тов. Зюк. Получив под Новгородом-Северском боевое крещение взвод бил по немцам, гайдамакам и петлюровцам, развернувшись в конце октября 1918 г. в четырехорудийную батарею. Вслед затем некоторое время эта батарея работала при 5-ом полку тов. Шмидта, а под Деражней (в 1919 г.) вновь вернулась в Червоное Казачество и вместе с вновь сформированной горной батареей червонцев образовала артиллерийский дивизион, командиром которого был назначен тов. Багинский; Зюк остался командиром 1-ой батареи, 2-ой батареей командовал тов. Медянский. В июне 1919 г. последнего сменил тов. Пундик. Перед рейдом на Фатеж командование дивизионом принял тов. Зюк, а его место занял тов. Юрец.

В боях под Черниговом дивизион был пополнен горной батареей Черниговского гарнизона, получившей наименование 3-ей батареи. Командиром ее был назначен тов. Синявин.

Вместе с Червоным Казачеством дивизион (в целом или отдельными батареями) участвовал во всех рейдах и походах. На крымском участке артдивизион, потерпев потери, был пополнен батареей Эстонской дивизии. Артиллерия сыграла большую роль в делах под Стрыем, под Шумлянами, под Волочиском и в др.

За отличную работу 2-ой батареи в бою под Шумлянами командир ее, тов. Синявин, был представлен к ордену Красного Знамени.

На смотре, произведенном артдивизиону командармом XIV, тов. Уборевичем (в декабре 1920 г.) были выданы ордена Красного Знамени т.т. Зюку, Синявину, Харчку, Лозовскому (комбату 1-ой), Юрцу, Клебановскому. Кроме того, за боевые заслуги были награждены: помкомбат 3, тов. Корецкий — золотыми часами, оружейный начальник 3-ей батареи тов. Анисимов — серебряным портсигаром.

С сентября 1922 г. и по настоящее время дивизионом командует тов. Тихонов. Тов. Зюк учится в Военной Академии.

Организатор артдивизиона.

Зюк.

Крепыш-парень, среднего роста, забияка и весельчак. В 12-ом году вступил в партию, в 14-ом сослан. Революция дала ему свободу.

С августа 1919 года тов. Зюк в Червоном Казачестве, командует батареей (артиллерийскому делу он научился в Красной Гвардии). Начарт—в полевом штабе дивизии.

Лихую батарею подобрал себе тов. Зюк—веселую и лихую. Со смехом научил он казаков встречать снаряды, с шутками и смехом сделал из своей батареи сознательную и воспитанную часть Красной Армии.

1918 год... Партизанская война против немцев. Зюк со взводом артиллерии бомбардирует штаб немцев, расположенный в Новгород-Северском монастыре.

Неприятельская батарея отвечает, и внезапно ее попадания становятся чрезвычайно меткими (впоследствии удалось установить, что неприятельский офицер подобрал трубку нашего неразорвавшегося снаряда и по ней определил местонахождение нашей батареи). Прислуга бешено работает под огнем снарядов, но не выдерживает и отходит под прикрытие. Лишь два казака—Клебановский и Романенко продолжают стрелять. Отчаянные храбрецы, они работают изо всех сил. Вдруг Романенко падает на землю и начинает стонать. К нему подбегает артиллерист, поднять раненого товарища, а он вдруг встает и хохочет: „Дурні, я ж нарочито впав, щоб ви йшли до орудій“. Пристыженные артиллеристы вернулись на свои места и продолжали огонь.

Пришедший с наблюдательного пункта Зюк увидал свою батарею всю в дыму разрывов; одно орудие лежало на боку, но три остальные бешено работали и вся батарея хохотала, вспоминая шутку Романенко.

Так воспитал Зюк свою батарею.

Храбрый и веселый, он был душой своей батареей (впоследствии дивизиона). Нужно думать, что Военная Академия, где он сейчас находится, даст ему к его качествам нужные знания и умение достигать победы „малой кровью“.

Отличились в боях.

Клебановский Виктор (адъютант командира артдивизиона). 17-го июля 1919 года в бою под Орчиково-Чернетчина руководил огнем батареи против 7-ми неприятельских орудий. Сбил три орудия противника и заставил замолчать всю батарею его.

Во время налета на местечко Черный Остров, находясь вместе с тов. Левченко на наблюдательном пункте севернее села Редкодубы, тов. Клебановский заметил, что от станции Черный Остров отступает колонна противника силою в 250—300 штыков и что из низины, севернее села Педосы, на эту колонну бросилась в атаку сотня 3-го полка, а из местечка Черный Остров части 1-ой бригады.

Учтя положение, тов. Клебановский вместе с тов. Левченко бросился наперерез колонне противника, чем увлек за собой казаков и способствовал полному разгрому противника.

Юрец.

Ком. и политсостав артдивизиона в 1923 г.

1-ый ряд (слева направо): помкомбат 1 Королев, комбат 1 Корчагин, комбат 2 Корецкий, комбат 3 Витковский (в Червоном Казачестве с января 1920 г.), комвзвод 3 бат. Красавцев, комвзвод 3 бат. Перешивайло; 2-ой ряд: военком 2 бат. Бойцов (кавалер орд. Кр. Знамени), помкомбат 3 Крюков (кавалер орд. Кр. Знамени), военком 1 бат. Прокоп, военком артиллерии Алехин, начальник артиллерии Тихонов, военком 3 бат. Петренко, учитель Збаровский, уполартдива О. О. I Блогин, комвзвод 1 бат. Люх; 3-ий ряд: завхоз Глазов, казначей Бобырев, ветфельдшер Виноградов, комвзвод 1-ой бат. Гордый, помначартдив Краус, учитель Войтинский, помкомбат 2 Керстенсон, комартрезерва Годунов, начсвязи 2 бат. Казимиров, комвзвод Зайкин, комвзвод 2 бат. Толдыкин, начсвязи 3 бат. Мятинкин, начсвязи 1 бат. Грищенко.

Синявин (командир 3-ей батареи). В боях под деревней Вересочь, червоно-казачьи части, попав в окружение, вынуждены были пробивать себе дорогу через расположение противника. Тов. Синявин, поставив свою батарею на позиции, стал обстреливать деревню, занятую противником, не давая последнему возможности перейти в наступление на наши части. Когда на поддержку червонцам подошла пехота и пошла в наступление на деревню, то тов. Синявин, батарея которого порасстреляла все снаряды, не желая оставаться без дела и считая необходимым со стороны кавалерии поддержать наступление пехоты, подал команду артиллеристам: „За мной, шагом марш“ и первым с казаками батареи бросился в атаку на деревню. Остальные червонцы последовали примеру тов. Синявина и его артиллеристов, бросились вслед за ними и выбили противника из деревни, очистив, таким образом, путь к отступлению.

Пундик (командир 2-ой батареи). В бою под селом Ордынкой, когда червоно-казачьи части отступали под натиском неприятельской кавалерии, тов. Пундик под сильным пулеметным, ружейным и артиллерийским огнем вывез на гору орудие, выставленное им впереди своих частей перед атакой неприятельской кавалерии.

2-ой Бердянский полк.

Выделенный из состава 1-го полка в августе 1919 года 2-ой полк с честью прошел школу гражданской войны, постоянно равняясь по своему старшему брату и оказывая ему поддержку в трудную минуту, как это было, например, в бою под Юшунью, когда 2-ой полк, неся большие потери отстоял оказавшийся под ударом 1-ый полк.*)

За Львовский и Фатежский рейды 2-ой полк награжден Красным Знаменем от Реввоенсовета 14-ой армии.

Первым командиром полка был тов. Потапенко. С отъездом последнего в Петроградскую Высшую Кавалерийскую школу (по окончании гражданской войны) его сменил тов. Генде. После демобилизации тов. Генде (в начале 1923 г.) полком командует тов. Синяков. История 2-го полка, точно также как и история 1-го, нашла свое достаточно отчетливое отражение в общем историческом очерке Червоного Казачества.

Командиры полка.

П. Р. Потапенко.

Кузнец по профессии, несколько лет просидевший на царской каторге за „политику“.

Революция освободила т. Потапенко, революция определила весь его дальнейший жизненный путь.

Еще беспартийный, он не задумываясь становится на сторону восставших. В 1918 году мы видим его в Червоном Казачестве старшиной команды. В январе 19 года он уже командир команды разведчиков, а в августе того же года на него возлагают командование 2-ым Черказполком.

В тов. Потапенко олицетворяется тот путь, который прошла вся Красная Армия—от разрозненных партизанских отрядов к единому централизованному целому.

Было время, когда „старый“ (так звали т. Потапенко) не признавал карты, а распоряжался так, прямо по местности: „Эй, ты, малый, поставь-ка пару пулеметов, ось бачиш, возле той груши“.

Теперь это время прошло, теперь тов. Потапенко учится, усердно и успешно, на кавалерийских курсах в Петрограде.

Червоное Казачество получит не только беззаветно храброго, но и вооруженного теоретическим знанием командира.

Дивизия ведет бой у м. Подкамень.

Противник упорно обороняется, широко используя для обороны старые австро-германские окопы.

На левом фланге дивизии 1-ая Черказбригада под командой тов. Потапенко спешилась и перестреливается с поляками.

Потапенко в первой цепи, выпрямившись во весь рост, рассматривает в бинокль окопы противника.

Вдруг бинокль выпадает из его рук, правая рука начинает судорожно подергиваться.

Не меняя своего положения, т. Потапенко, обращаясь к своему ординарцу, говорит: „Ти, малий, поклич фельдшера, хай перев'яже мою руку, щось заціпило“.

*) См. „От отряда к корпусу“ стр. 89.

При детальном осмотре оказывается, что руку „зацепила“ мелкокалиберная пуля, которая пробила четыре пальца.

Тов. Потаненко остался с „зацепленной“ рукой в строю.

А. Э. Генде.

Альберт Эдуардович Генде-Ротте родился в 1889 году в посаде Константинове, Лодзинского уезда, Петраковской губернии. Сын рабочего-текстильщика, он сам с детства поступает на текстильную фабрику и там с утра до вечера трудится над тканями, в которые разоденется буржуазия, но не он, не его мать, не дети его класса.

Здесь молодым умом своим он уже понимал всю несправедливость буржуазного строя, здесь он научился ненавидеть польскую буржуазию, которую потом бил и, надемся, бить будет.

В 1905 году в Лодзи повторяется Петербургское „9 января“. Расстреливаемые польские пролетарии воздвигают баррикады. И Генде на этих баррикадах.

Империалистическая война втягивает Генде в свое кровавое колесо. С 1915 по 1917 г. он на фронтах—северном и юго-западном, в чине младшего фейерверкера. Он солдат буржуазно-помещичьей армии?—Да, но он учится быть офицером Рабоче-Крестьянской Армии.

Вокруг революционной России замыкается кольцо гражданской войны. Пролетариату нужно создать свою вооруженную силу. Где взять преданный, красный комсостав? Кто первый?

— Здесь!—рапортует Генде.

С 1918 г. он на фронте революции. Как истый польский пролетарий, он энергично бьет польскую шляхту, ее прислужников, ее лакеев.

За налет на Тюп-Джанкой в Крыму, где он увлекает красноармейцев в бой, Генде награжден орденом Красного Знамени.

В Червоном Казачестве Генде с 1919 года. Последнее время состоял командиром и военкомом 2-го полка. Сейчас демобилизован.

Отличились в боях.

Алексей Лисенко (пулеметчик). В бою под Дроздовкой был ранен, но остался в строю, обстреливая противника из пулемета. Через час был ранен вторично, но остался в строю и, лежа возле пулемета, продолжал огонь, нанося поражения противнику.

Федор Муравейко (пулеметчик). В бою под Слободкой, будучи ранен в грудь, остался в строю и продолжал стрелять из пулемета до конца боя.

Огульчанский Илларион (казак 3-ей сотни). Посланный в разведку на станцию Максимовка, встретил раз'езд противника и обстрелял его из пулемета Львуса. Раз'езд скрылся за горой. Продолжая его преследовать, тов. Огульчанский при в'езде на гору обнаружил на склоне горы одно орудие, всадников и пехоту противника. Не теряясь—обстрелял их после чего противник в беспорядке отошел. Благодаря этому, была занята без боя станция Максимовка подоспевшим к тому времени 3-м Лебединским полком.

Сокур (казак первой сотни). Цепь противника, оттесненная нашими частями, оставила на месте своего расположения пулемет. Тов. Сокур под сильным ружейным и пулеметным огнем противника, залегшего неподалеку, взял оставленный противником пулемет и доставил его в свою цепь.

Глоханюк Александр (казак 1-ой сотни). Во время перехода из села Старого Мерчика, вблизи железной дороги остался исправлять пулеметную двуколку, услышав выстрелы

со стороны станции Люботин, отправился с находящимся вместе с ним т. Бохалюком узнать, как далеко происходит стрельба. Был схвачен неприятельской разведкой и взят в плен; присужден к смертной казни. Мало того, что бежал из плена, пробывши там всего лишь 36 часов, он, кроме того, узнал расположение частей противника и доставил одного пленного.

Шелейко Павел (командир 4-ой сотни). В бою 14-го апреля 1920 г. под хутором Преображенкой тов. Шелейко, находясь со своей сотней на нашем правом фланге, заметил, что противник значительными силами пехоты при пулеметах старается зайти в наш тыл. Тогда т. Шелейко с одним взводом своей сотни кинулся на превосходившего численностью противника и, невзирая на сильный ружейный и пулеметный огонь, врезался

Ком- и политсостав 2-го полка в 1923 г.

1) Врид. комполка С. П. Синяков, 2) врид. военком полка Жмаченко, 3) помкомполка Р. А. Гуриц, 4) старший врач полка Е. Н. Миллер, 5) завразведкой полка С. И. Морозов, 6) завхоз полка Н. И. Дмитриев, 7) начштаба полка П. А. Васильев, 8) уполномоченный Ос. Отдела Ступнев, 9) капельмейстер П. К. Донской, 10) комсотни 1 И. С. Логвинов, 11) комсотни 2 П. Т. Хардинов, 12) комсотни 3 Т. Н. Попов (кавалер ордена Ко. Знамени), 13) комсотни 4 Г. И. Филиппов, 14) начтехсвязи полка И. В. Гвоздев, 15) начхозком П. И. Гробовецкий, 16) компульсотни И. В. Клязьмин, 17) политрук 4 сотни М. Блинников, 18) политрук 3 сотни С. И. Леонтьев, 19) политрук 2 сотни А. С. Гриценюк, 20) политрук 1 сотни Гусаков, 21) политрук техсвязи В. Петров, 22) политрук пульсотни М. А. Залозный, 23) госконтролер полка Г. А. Федоренко, 24) отделком 2 сотни С. А. Васильев.

в его колонны, рубя направо и налево. Противник однако не растерялся, охватил сотника с его взводом в кольцо и все более и более суживал это кольцо. Не замечая смертельной опасности, тов. Шелейко продолжал рубить. Оставшиеся позади казаки, увидя мужество своего командира и опасность, грозившую ему, неудержимой лавой бросились на противника и разгромили его, нанеся большие потери. Противник бежал, оставляя пулеметы и вооружение. В этом бою тов. Шелейко был ранен в руку, но остался в строю.

Болод Август (казак 4-ой сотни). При налете на банду в селе Татарке, командир сотни тов. Шелейко с тов. Болодом вскочили в комнату, наполненную бандитами. При этом сотник был тяжело ранен. Тов. Болод, не растерявшись, под выстрелами бандитов вынес на себе сотника из комнаты, чем спас его жизнь.

Карпенно Александр (командир 1-ой сотни). Находясь в тылу противника, вывел свою сотню без потерь, несмотря на пулеметный и орудийный огонь, путем прорыва неприятельской цепи.

Мельников Василий (командир 3-ей сотни). Во время атаки своей сотни был окружен белогвардейцами, которые кричали ему о сдаче, но он бросился на них, зарубил одного из белых и присоединился к своей сотне.

Седенно Семен (казак 1-ой сотни). Когда его сотня, будучи не в силах держаться, под натиском противника начала отступление, а неприятельской артиллерией были убиты лошади под пулеметом, он, под пулеметным и артиллерийским огнем, вернулся и спас пулемет.

Мосин (помощник командира полка). В бытность командиром 4-ой сотни 5-го полка 10-го ноября 1920 г. в рейде на Могилев-Подольский, двигаясь с вверенной ему сотней в авангарде 8-ой дивизии, лихо атаковал под селом Куковка значительные силы противника и, обратив их в бегство захватил 1 орудие, 100 человек пленных и обоз со снаряжением и оружием. Награжден орденом Красного Знамени.

Награждены орденом Красного Знамени.

Лисевич Павел (комсотни 3), **Косташев Илья** (казак 3-ей сотни)—оба убиты, **Мозговенко Игнат** (отделком 3-ей сотни), **Голубниченко Иван** (казак третьей сотни), **Лезченко Яков** (казак пулькоманды), **Юдицкий Михаил** (казак 2-ой сотни), **Стародубцев Егор** (казак 4-ой сотни), **Болод Август** (казак 4-ой сотни), **Игнатьев Ульян** (казак 1-ой сотни).

3-ий Криворожский полк.

20 июля 1918 г. Алатырский уездный военкомат (Симбирской губ.) приступил к формированию 1-го Алатырского конного полка, вскоре затем выступившего на поддержку частям Кр. Армии, борющимся против чехо-словаков. В конце августа полк переходит в гор. Балашев, вливается в состав отдельной кавбригады 9-ой армии, доформируется, и в марте 1919 г. направляется на Луганский участок Деникинского фронта. Потеряв в боях до 75% своего состава, полк отводится в Старобельск, а затем на ст. Тишево (Курской губ.), где спешно пополняется и обучается. Командиром его назначают тов. Меновского, человека энергичного и распорядительного. Для укомплектования полка прибывает партия мобилизованных и красноармейцы расформированных частей 2-ой Орловской кавдивизии. Помощником командира полка в то время был тов. Демичев, прибывший из 4-го полка б. 2-ой Орловской кавдивизии.

15 августа, закончив переформирование, полк выступает на Орловский участок южного фронта и здесь под первоначальным своим наименованием действует в составе 13-ой кавбригады. С ноября месяца полком командовал т. Демичев. На Крымском участке полк совершает—под новым наименованием „5-ый Алатырский“—налет на Тюп-Джанкой, отмеченный, как боевой подвиг, Всероссийским Центр. Исполн. Комитетом: полк получает знамя, с надписью „5-му Алатырскому конному полку от ВЦИК'а“. Вскоре 13-ую кавбригаду сводят в один полк, вливающийся в состав 8-ой Червоно-Казачьей (ныне 1-ой) дивизии под названием „5-ый Червоно-Казачий“. Командиром полка назначается тов. Самойлов, взамен тов. Демичева, получившего назначение на должность комбрига 3. Вместе со всей дивизией полк участвует в польском и петлюровском походах. С назначением Демичева начдивом, Самойлов принимает командование 3-ей бригадой, а в командование полком вступает сначала тов. Щербаков, а потом тов. Безпалов. Полк переименовывается (1-го мая 1921 г.) в 47-ой Червоно-Казачий; в июле того же года сливается с 48-ым полком, образуя 45-ый Червоно-Казачий полк, впоследствии (в сентябре 1921 г.)

переименованный в 3-ий Червоно-Казачий. С этого момента и до сих пор полком командует тов. Щербаков.

В борьбе с бандитизмом 3-й полк отличился разгромом банды Гальчевского.

Награждены орденом Красного Знамени.

И. И. Щербаков.

Иван Иванович (так зовут его казаки) родился в 1891 г. в селе Никитино, Зарайского уезда Рязанской губ. Отец—крестьянин.

Призванный на военную службу в царскую армию, был направлен в 18-й гусарский Нежинский полк. Принимал участие в русско-германской войне и за боевые отличия произведен в прапорщики.

В Красной Армии служит с 1919 г.; первоначально командиром взвода 5-го латышского полка. Вскоре был назначен помощником командира того же полка, тов. Демичева. В рядах 5-го полка участвовал в боях против деникинцев в Орловской губернии. Был в известном налете под командой тов. Демичева на Тюп-Джанкой. Вместе с полком, входившим в состав 13-й Кавбригады, влился в червоно-казачью дивизию. Участвовал в боях на польском фронте и против петлюровской армии. Занимал последовательно должности командира взвода 4-ой сотни, помощника командира полка. С декабря 1920 г. и до настоящего времени состоит командиром полка.

Руководя истребительным отрядом, выделенным из состава полка на борьбу с бандой Гальчевского, разгромил эту банду, за что и был награжден орденом Красного Знамени, серебряными часами и серебряным портсигаром. В решительном бою с бандой под селом Михайловкой 29-го августа 1922 года, отрезанный от своих с 10 казаками, несмотря на полученную рану в ногу, разгромил фланговую часть банды и заставил ее в панике бежать. Не переставая руководил отрядом до тех пор, пока не потерял сознание от сильного кровоизлияния.

С. С. Сальков

(командир 1-й сотни 3-го полка).

Родился в 1896 г. Служил в царской армии в 6-ом гусарском Клястицком полку.

Дослужился до унтер-офицера. В Красной Армии с августа 1918 г. — сначала в 13-ой кавалерийской бригаде, а затем в Червоном Казачестве с того момента, как в него влилась эта бригада. Участвовал в боях на южном, польском и бандитском фронтах.

Будучи командиром сотни, при налете на Проскуров, получил приказание занять сторожевое охранение противника, что и выполнил, захватив 2 орудия и зарубив 5 офицеров. Вслед затем атаковал казармы и штаб армии противника, причем также его сотней был снят офицерский караул и зарублено несколько солдат. За это награжден орденом Красного Знамени.

Отличившись в борьбе с бандой Гальчевского, получил серебряные часы.

И. Н. Швеков

(командир взвода 3-й сотни).

Старший унтер-офицер 6-го Уланского Волынского полка в царской армии. С 15-ти лет рабочий. В октябре 1918 г. призван в Красную Армию. До 1920 г. служил в 6-ом Орловском кавалерийском полку, сформированном в гор. Карачеве Орловской губернии. Вместе с этим полком участвовал в боях на южном фронте. С 1920-го года в Червоном Казачестве, сначала старшиной сотни, затем помощником командира взвода и, наконец, командиром взвода. За то, что при налете на Проскуров, будучи с тремя товарищами в головном дозоре, уничтожил заставу противника силой в 12 человек и захватил пулемет, награжден орденом Красного Знамени.

Отличались в боях.

Хлонь Дмитрий (пом. командира полка). Получив приказание одной сотней занять село Константиновка, спешил сотню и в пешем строю повел наступление на это село. Противник, численностью до 200 штыков, дав возможность подойти к селу, перешел

Старые казаки 3-го полка.

в атаку, бросив в обход фланга до 40 сабель. Тов. Хлонь приказал двум пулеметам перейти на левый фланг и открыть ураганный огонь по коннице противника, а сам, увлекая за собой казаков, бросился в контр-атаку на пехоту, сбил ее и занял деревню, захватив 7 пленных, причем противник оставил на поле 15 человек убитыми.

Ковалев Александр (командир 4 сотни). В бою под с. Черемушное, когда противник потеснил наш левый фланг,

1-ый ряд (лежат): н-к пулемета С. Богданов (в Кр. Армии с 1917 г.), помкомвзвода П. Бондарь (с 1918 г.); 2-ой ряд (сидят): отделком М. Чесноков (с 1918 г.), А. Лукашевский (с 1919 г.), отделком П. Гринюк (с 1919 г.), казак А. Шевчук (с 1919 г.); 3-ий ряд (стоят): казак Д. Грачев (с 1917 г.), н-к пулемета Ф. Далматов (с 1917 г.), отделком Я. Миронов (с 1919 г.).

тов. Ковалев с вверенной ему сотней пошел в обход на правый фланг противника и под сильным ружейным и пулеметным огнем, связавшись с латышским кав. полком, задержал наступление противника до тех пор, пока латыши развернулись и, ударив с фланга, сбили противника.

Хорошилов Иван (отделенный командир). В бою под селом Костельцево, находясь впереди, был ранен, но не выходил из строя, все время продолжая командовать отделением.

Хижняков Василий (помощник командира сотни): В бою под ст. Готня огнем противника были убиты пулеметчики и лошади и тяжело ранен ездовой. Противник бросился вперед, намереваясь овладеть пулеметом. Тов. Хижняков с несколькими казаками отбил его и под сильным огнем, отстреливаясь из пулемета, вывез повозку с убитыми, раненым ездовым и пулеметом.

Харченко Иван (пулеметчик). В бою под деревней Константиновка, когда противник своей конницей пытался обойти нашу цепь с фланга, тов. Харченко под сильным обстрелом противника бросился вперед и, попеременно работая на двух пулеметах, рассеял неприятельскую конницу, чем дал возможность нашим казакам перейти в контр-атаку и овладеть деревней.

Шуев Иван (пом. военкома 3 сотни). При занятии 1-ой Черказбригадой 5 июля 1920 г. станции Черный Остров, полусотня 3-й сотни 3-го полка, во главе с помощником военкома той же сотни тов. Шуевым, будучи послана в тыл противника, натолкнулась на один из отступающих отрядов последнего, численностью до 500 сабель при пулеметах. Несмотря на малочисленность своего отряда, тов. Шуев первый с криком „ура“ бросился на противника, увлекая за собой казаков; врезался в ряды противника, рассеял его и зарубил до 70 человек.

4-ый Ново-Ушицкий полк.

1-ая Чертова сотня (сформированная Харьковским Губвоенкоматом в январе 1919 г.), впоследствии Отдельный Харьковский Кавдивизион, — вот ядро нынешнего 4-го полка. Кавдивизион путем ряда пополнений вырастает в полк (из 4-х эскадронов), причем отдельные эскадроны уже до этого участвуют в борьбе против Григорьева и Деникина. В ноябре полк бросают на южный фронт, а в первых числах января 1920 г. он вливается в 8-ую Червоно-Казачью дивизию под названием „6-ой Червоно-Казачий“, вместе с ней ведет бои под Перекопом, идет на польский фронт, участвует в разгроме Петлюры, борется с бандитизмом. За время гражданской войны полк потерял убитыми двух своих командиров — Новикова (на польском фронте под с. Шпичинцы) и Каратчаева (в бою с бандой Махно). Последовательно полк именовался: 6-ым, 4-ым (после слияния 5-го и 6-го полков в апреле 1920 г.), 46-ым, а с сентября 1921 г. вновь 4-ым Червоно-Казачьим. В ноябре 1922 г. в связи с переформированием дивизии из трех-бригадного в двух-бригадный состав в 4-ый полк вошел дивизион 6-го полка.

Командовали полком: Новиков (с января по май 1920 г.), Левин, Букацель (в Галиции), Каратчаев (после отступления из Галиции), Спасский (с января 1921 г.), Федоренко (с апреля того же года), Герасимов (с января 1922 г.), Бояринов (после смерти тов. Герасимова, умершего в июле 1922 г. от ушибов, причиненных упавшей вместе с ним лошадью), Федоренко (с ноября 1922 г.) и с марта 1923 г. до настоящего времени тов. Логвинов.

Отличились в боях.

Федоренко. Будучи командиром 5-го полка, получил задание совместно с 188 пех. полком сводной дивизии в ночь с 25-го на 26-е июля обойти гор. Збараж с юго-западной стороны и атаковать противника с тыла. Умело руководя боем и блестяще маневрируя имеющимися в его распоряжении силами, вынудил к отступлению противника, во много раз превышавшего 5-й полк, занял гор. Збараж и захватил при этом большое количество пулеметов, 6 легких орудий и два тяжелых. Награжден орденом Красного Знамени.

Овчинников И. Д. (взводный командир 2-ой сотни б. 6-го полка). Во время ночной атаки на гор. Проскуров со своим взводом опрокинул заставу противника, захватил 2 орудия и пулемет и первым ворвался в предместье города.

Скрипниченко Н. М. (командир 1-ой сотни б. 6-го полка). В бою с крупными силами противника под селом Писаревка, несмотря на сильный орудийный и пулеметный огонь противника, с криком „ура“ бросился в атаку, увлекая за собой вверенную ему сотню, порубил большое количество петлюровцев, а остатки их обратил в паническое бегство. Награжден орденом Красного Знамени.

Группа „стариков“ 4-го полка во главе с командиром полка, тов. Логвиновым (X).

Федоров А. И. (командир взвода 1-ой сотни 6-го полка). В бою под селом Писаревка бросился в атаку на батарею вместе со своим взводом и заставил ее сняться и уйти. Во время наступления на эшелон с войсками противника, не успевшего переправиться через Збруч, оказал большую помощь в захвате эшелона. Награжден орденом Красного Знамени.

„Один раз полк поил своих коней в водах Стрия—в следующий поход он перешагнет Карпаты“.

Из статьи В. М. Примакова о 4-ом полку.

Д. А. Шмидт.

2-я Черниговская дивизия Червоного Казачества.

Д. А. Ш М И Д Т

(командир 2-ой Черниговской дивизии).

Родился в 1896 г. Рабочий-слесарь. Киномеханик.

В старой армии служил рядовым и был несколько раз награжден за проявленную в боях храбрость. В 1915 г. вступил в Р. С.-Д. Р. П. (боль-

шевиков) и, выполняя партийные задания, вел агитационную работу в своей части. В дни февральской революции был избран членом комитета 5-го корпуса.

Демобилизовавшись, работал в г. Прилуках Полтавской губ. членом Ревкома.

В период немецкой оккупации был оставлен партийным комитетом для подпольной работы на Украине. Организовал повстанческое движение по Полтавской губ., собрав отряд, численность которого временами доходила до 600—800 чел. Отряд этот держался в течение почти полугода, причинив немало неприятностей немецким и гайдамацким частям.

В 1918 году командует 7-ым Суджанским повстанческим полком, впоследствии переименованным в 5-ый Советский полк 2-ой Повстанческой (позже—46-ой) дивизии, борется против немецких, гетманских и петлюровских войск. Получает первый орден Красного Знамени за бои у гор. Рыльска и Люботина, где он командовал бригадой той же самой дивизии. Упорную борьбу пришлось выдержать Шмидту, командуя сводной бригадой, а затем дивизией на юго-восточном фронте против врангелевской группы Царицынского направления. За бои под Лозным 6-го ноября 1919 г. против корпуса генерала Улагая, где было захвачено у противника 6 орудий, и заряд удачных боев под Царицыном, где дивизия, которой командовал Шмидт вышла в тыл гренадерской дивизии Врангеля и разгромила ее, тов. Шмидт награжден вторым орденом Красного Знамени. Будучи тяжело контужен в этих боях, он остался в строю и продолжал командовать.

С 1921 года тов. Шмидт—помощник командира бригады Червоного Казачества, а затем начальник 2-ой Черниговской дивизии. Кончил военно-академические курсы высшего комсостава.

Несмотря на то, что тов. Шмидт в Червоном Казачестве всего лишь 2 года, а до того времени служил в пехоте, червонцы давно его знают и часто сражались с ним рядом.

Бой у Кременчуга. Шмидт со своим 5-ым полком действует по-кавалерийски: бегом по льду переходит Днепр, выходит в тыл врагу и отрезывает ему отступление. Сотни

гайдамаков легли от пуль его стрелков. В этом лихом маневре чувствуется душа кавалериста.

...С отрядом казаков Шмидт ловит банду атамана Левченко. Зашел отряд в село. По приказу Шмидта выдали себя казаки за бандитов. Обрадованный поп, у которого остановился Шмидт, с радостью жарит яичницу. В это время обманутая банда Левченко идет на соединение с бандой Хвыли—Шмидта и встречает удары его всадников. Банда разгромлена. Поп, к которому возвращается Шмидт доедать яичницу, скрылся в погреб, но казаки извлекают его оттуда и отдают в Особый Отдел по приказу „отамана Хвилі“.

П. П. ГРИГОРЬЕВ

(вр. и. д. командира 2-ой дивизии).

Петр Петрович Григорьев—сын Кронштадтского портового рабочего. С трудом—из-за материальных условий—кончив 4-х классное училище, он идет чернорабочим на Николаевскую железную дорогу. В 1913 г. его призывают на военную службу и направляют в 1-й драгунский Московский полк, вместе с которым в июле 1914 г. он попадает на передовые позиции. Неоднократно подвергался тов. Григорьев взысканиям в царской армии, раз даже был приговорен к расстрелу, но ордена за храбрость спасли его—приказ о расстреле был отменен.

1917 год открывает перед же дней революции тов. Григорьевых постах в армии, а перед ротом — член Армейского

раде 1918 г. демобилизует вновь в рядах армии. С 3-го Григорьев рядовым казачеством. В апреле 1919 г. он помощник командира полка, а в ноябре—командир бригады Истребительный отряд

ева в 1921 г. разбивает тов. Григорьева назначают кавалерийской, но болезнь

раля следующего года, а в вываются и тов. Григорьевческие курсы высшего командиром 2-ой Черниговской дивизии. За боевые отличия награжден орденом Красного Знамени.

Вот как тов. Примаков характеризует тов. Григорьева: „Лихой кавалерист, удалец, спокойный в бою, бешеный в атаке—он сразу стал любимцем казаков.

Среднего роста, чуть медлительный в движениях и в речи, как огонь подвижный в бою—таков Григорьев.

Враг окружил его полк.—„Ни черта,—даешь в шашки“—и прорвано огневое кольцо, и с песнями идет полк на соединение с бригадой.

—„Шашка всегда выручит“,—говорит Григорьев,—и шашка, действительно, ни разу ему не изменила.

ним новые пути. С первых горьев на различных выборах самым октябрьским переворотом Комитета 5-ой Армии. В феврале, а в начале 1919 г. уже всеукраинского съезда тов. прибыл в Червоное Казачество полусотник, в июле—в августе—командир полка, гады.

под командой тов. Григорьевых банду Махно. В ноябре 1921 г. начдивом 15-ой Сибирской задерживает его до февраля марте дивизия расформирована попадает на военно-академический состав. В августе кончает Червоного Казачества ко-

Однажды он был окружен с горстью казаков отрядом Петлюровской конницы, но сверкнула грозная сталь — и прорвались казаки, уложив вражеского офицера и всех, кто стоял на пути.

В одном селе под Черниговом Григорьев с группой ординарцев наехал на взвод противника.

Выстрелом из нагана он убил офицера, и маленький отряд с таким гиком ринулся на врага, что взвод бежал, оставив половину убитыми и ранеными.

Поразительное хладнокровие — вот материал, из которого сделан Григорьев.

Поэтому он всегда в авангарде, во всех рейдах он открывает путь дивизии. „Сноровка и успех — вот мои родители“ — шутит Петр Петрович.

Эти „родители“ всегда были к нему внимательны и давали ему победу.

Бой у Черного Острова. Дивизион от бригады Григорьева демонстрирует наступление в лоб.

Все внимание противника на этом дивизионе.

Вдруг с тыла — грозное ура: Григорьев обманул врага, обошел его и ударил с тыла. „Нельзя силой — возьмем хитростью“, говорит Петр Петрович. Сноровка не раз сослужила ему большую службу“.

Слева направо (стоят): быв. комбриг 2, ныне комбриг 1 тов. Бубенец (кавалер ордена Кр. Знамени), быв. комбриг 1 тов. Багнюк.

Ф. Д. СПАССКИЙ

(командир 2-ой бригады).

Сын бывшего крепостного безземельного крестьянина. После революции одним из первых в своем селе присоединился к большевистскому движению, участвовал с балтийским красногвардейским отрядом в разгроме корниловских банд под ст. Томаровка Курской губ. Командовал Суджанским красногвардейским отрядом, действуя против немцев.

В период немецкой оккупации в 1918 г. вступил рядовым казаком в 1-й Черказполк и до сих пор служит в рядах Червоного Казачества. Начиная с рядового казака в 1918 г. он последовательно занимал следующие должности: в марте 1919 г. политком 1-го полка, в июне назначен помощником командира того же полка, в октябре — комполка 1, в мае 1920 г. — помощником командира 4-го полка. В бою против банд Махно сменил убитого командира 4-го полка т. Каратчаева.

В январе 1921 г. отправился в Петроград в Высшую Кав. Школу и, окончив ее, снова вернулся в червоно-казачий корпус, где занимал последнее время должность помкомполка, командира полка, а в данный момент состоит командиром 2-й бригады 2-ой дивизии.

Принимал участие во всех походах и рейдах Червоного Казачества.

5-й Литинский полк.

Командир полка тов. Карпезо.

В августе 1920 г. в Галиции при 41-ой стрелковой дивизии был сформирован 1-ый кавалерийский полк. Впоследствии (после перемирия с Польшей) этот полк вошел в отдельную кавбригаду тов. Кочубея и вместе с нею под наименованием „1-ый Кавполк“ участвовал в борьбе против петлюровской армии. Нес пограничную службу на границе с Польшей. В мае 1921 г. влился в 17-ую (ныне 2-ую) дивизию Червоного Казачества. Именовался: первоначально—97 Черказполком, затем—7-ым Черказполком и, наконец, после реформирования корпуса (в сентябре 1922 г.), 5-ым Черказполком, каково название носит и сейчас.

За ликвидацию банды Палия получил красное знамя от Литинского Уисполкома.

Д. П. Татаровский

(б. военком полка).

Рабочий, модельщик. Член Р. К. П. с 1919 г.

В 1918 году становится членом президиума Бериславского Совета, работает в профсоюзе, в комиссии по организации отрядов Красной Гвардии. Во время наступления австро-германцев на Украину, с отрядом Красной Гвардии защищал Херсон, отступал в Крым, где под Перекопом был ранен в голову. Возвратившись нелегально в Берислав, организовал там подпольную партийную группу, впоследствии (в январе 1919 г.) утвержденную Херсонским Губ. Комитетом КП(б)У.

Когда в июне 1919 г. положение красных фронтов резко ухудшилось, т. Татаровский с большинством членов организации отправился на фронт.

За период 1919—23 г. он побывал на южном, польском и внутренних фронтах в различных должностях от рядового до военкомбрига. Последнее время был военкомом 5-го полка.

За хорошую постановку политпросветительной работы в отд. кав. полку 45-й дивизии награжден серебряной нагрудной звездой.

Быв. военком полка тов. Татаровский.

Ф. С. Белов.

Унтер-офицер старой армии. Рабочий слесарно-водопроводной мастерской. В 1917 г. участвовал в подавлении Корниловского мятежа.

В 1919 г. поступил добровольно на Тверские кавкурсы, с которыми участвовал в отражении наступления Юденича на Петроград.

После окончания курсов в 1920 г. получил назначение в Житомир комвзводом комендантского эскадрона 17-ой дивизии. На польском фронте командовал эскадроном 7-ой стрелковой дивизии, а после ранения под г. Холмом перешел в запкавдивизион и служил там в качестве н-ка учебной команды.

В мае 1921 г. вместе с дивизионом влился в корпус Червоного Казачества, где ныне состоит в должности номкомполка 5.

За бои под Петроградом награжден серебряным портсигаром.

Б. С. Недоступ-Скадченко.

На австро-германском фронте командовал конно-пулеметными частями и получил все царские боевые знаки отличия.

После занятия Петлюрой Полтавской губ. был мобилизован и назначен адъютантом одного из петлюровских конных полков. Когда в 1919 г. петлюровская армия была раз-

штаб 5-го полка в 1923 г.

громлена Деникиным и остатки ее по договору Петлюры с поляками должны были быть интернированы в Польше, части Запорожского корпуса, под командованием т. Волоха, недовольные Петлюрой, образовали Красную Украинскую Партизанскую дивизию, в районе Умани вышли в тыл Деникину и соединились с 60-ой Советской стрелковой дивизией.

С этой дивизией влился в 60-ую Советскую и т. Недоступ - Скадченко, назначенный адъютантом кавполка, в составе которого в 1919—20 и 1921 гг. принимал участие в борьбе с Деникиным, Петлюрой, Булак-Балаховичем, поляками и др.

В 1921 г. перешел в 24-ую дивизию, где состоял в должности помкомполка. С переходом в 1-й конный корпус был назначен помкомполка 9-го, вридкомполка 10-го, помкомполка 8-го, а после реорганизации дивизии начштаба 5-го полка, в каковой должности состоит и до настоящего времени.

За бои против поляков у м. Верховка, где, командуя двумя эскадронами, атаковал польский батальон, зашедший в тыл боевому порядку 60-ой дивизии, изрубил его, взял пленных, 4 пулемета и одно орудие, награжден орденом Красного Знамени.

В. В. Крупенский.

До 1914 г. Крупенский жил в Сибири со своим отцом, сосланным туда за революционную деятельность. В 1917 г. он уже активный участник октябрьского переворота в Петрограде, принимает участие с электро-батальоном во взятии Зимнего дворца, в мае 1918 г. работает в Саратове по ликвидации военного мятежа поручика Викторова.

Когда в 1917 г. татарский кон. полк, рядовым которого состоял Крупенский, наступал с Корниловым на Петроград, Крупенский „с'агитировал“ пулеметную сотню и команду связи полка, и привел их в Гатчинский Совет.

При разгроме Мамонтовым на Царицынском фронте 39-ой дивизии, попал в плен, по истечении нескольких месяцев которого был назначен кочегаром на белое судно „Фанагория“.

В декабре 1919 г. при эвакуации белыми Мариуполя, когда „Фанагория“ затерлась льдинами и ждала прихода ледокола, Крупенский потушил топки и со всей командой

Сидят (слева направо): н-к штаба Недоступ-Скадченко, комполка Карпезо, врид. военком Буротко, помкомполка Белов. Стоят: завразведкой Крупенский, секретарь в.к. Воробьев, секретарь партбюро Бруман, помначштаба Морозов.

судна в числе 17 человек ночью пришел по льдинам в распоряжение командира 1-го Черказполка.

В Червоном Казачестве занимал следующие должности: с декабря 1919 г. по август 1920 г.—казак 4-ой сотни 1-го полка, по январь 1921 г.—старшина, полусотник и врид-комсотни той же, по май 1921 г.—завразведкой 1-го полка, по октябрь 1921 г.—завразведбригады 1-ой и нач. штаба 1-го Летистреботряда, по февраль 1922 г.—вридразведдив 1-ой Запорожской, а по окончании (в начале 1923 г.) повторных курсов состоит завразведкой 5-го Черказполка.

М. К. Будник.

Сын крестьянина. Уроженец гор. Кронштадта. С 13 лет—рабочий. В 1918 г. поступил в Красную Армию рядовым и все время участвовал в боях на фронтах гражданской войны. С переходом на мирное положение, уехал в 1922 г. на кавалерийские командные курсы в гор. Харькове и по окончании их вернулся в 5-й полк, где служит и до сих пор.

Комсотни 4 М. Будник.

Комсотни 3 Ратов (в Кр. Армии с 1918 г.)

Бородин.

Рабочий. Работал с 14 лет в Петрограде.

В 1918 г. поступил на Петроградские кавкурсы и по окончании их, в августе 1919 г., принимал участие в рядах башкирской дивизии в обороне Петрограда, командуя все время пешим эскадроном, до полной ликвидации юденического фронта.

В 1920 г. со своим 1-м Башкирским кавполком провел кампанию на польском фронте.

В 1921 г. был направлен в 180-ый отдельный Башкирский пограничный эскадрон на охрану румынской границы, а в конце 1921 г. вместе с эскадроном вошел в 5-й Черказполк комвзводом 3-й сотни, позже 4-й.

И. А. Гаркуша.

Моряк торгового флота Р. О. П. и Т. в Одессе. Сын рабочего. Во время Октябрьского переворота отправился домой в м. Никополь, где вступил в красногвардейский отряд матроса Васильева, ведший бои с наступающими немцами. Отряд этот в Ростове был переформирован в 1-ый Крестьянский кавполк и вел бои с Деникиным на Северном Кавказе.

Весь 1918 и 1919 годы провел в боях на юго-восточном фронте и был несколько раз ранен.

В начале 1920 г., состоя курсантом Оренбургских кавкурсов, принимал участие в ликвидации мятежа Сапожкова в Уральской области.

По окончании курсов был направлен в части Войск Особого Назначения в г. Екатеринослав, а по их расформировании в марте 1922 г. перешел в Кон. Корпус Чер. Казачества, где ныне находится на должности комвзвода 3-ей сотни 5-го полка.

Член коммунистической партии с 1919 г.

Фролов.

Безземельный крестьянин. Отец его был избит по приказу помещика и умер от побоев.

В 1917 г. состоял секретарем Комитета 33 Стрелковой дивизии.

После демобилизации царской армии, в апреле 1918 года, добровольно вступил в Красную Армию. В январе 1919 г. отправился на украинский фронт против Петлюры с 5-м полком т. Шмидта.

В 1921 г., после окончания в Москве командных курсов, был направлен через Казань на польский фронт командиром эскадрона 17-ой Кавдивизии, а после присоединения ее к 8-ой Черказдивизии стал комвзводом 4-ой сотни 5-го полка, на каковой должности состоит и сейчас.

Член партии с января 1920 г.

Канцен.

Крестьянин. Служил в царской армии. В 1917 г. вступил в Красную Гвардию. В рядах Латышского кавполка, вместе с 8-ой Червоно-Казачьей дивизией, участвовал в боях за Курск и Орел.

В боях с Врангелем под Преображенкой Таврической губ. был ранен. При перестроении частей, в которых находился т. Канцен, он в мае 1921 года был влит в 5-й полк, где служит и сейчас комвзводом 3-й сотни.

А. Ф. Гусятников

Криворожский шахтер. Сын крестьянина. В 1918 г. вступил в Красную Гвардию в 1-ю Николаевскую Революционную батарею, участвовал в боях с немцами и гайдамаками.

На деникинском фронте командовал взводом 1-го кубанского кавполка, а позже перешел в бригаду Котовского — начальником пулеметной команды. Участвовал в боях на петлюровском, польском, юденинском фронтах. Был ранен. 5-го августа 1920 г. переведен в 1-ый Образцовый кавполк (ныне 5-ый Черказполк), где состоит в должности комвзвода.

Группа „стариков“ 5-го полка.

Т. Т. Третьяков.

Сын крестьянина. В 1918 г. участвовал в партизанском отряде, бившемся с немцами гетманцами и петлюровцами. В 1919 г., отступая на деникинском фронте, попал во 2-ой Черказполк.

Участвовал на польском, крымском, бандитском фронтах.

В настоящее время состоит отделкомом 2-ой сотни.

В. А. Коровянский.

Сын крестьянина. Доброволец. Казак пулеметной сотни. В конце 1917 года вступил в Красную Гвардию — и до сих пор состоит рядовым бойцом Красной Армии.

Летом 21 года вместе с 1-ым образцовым кавполком влился в Червоное Казачество, в 5-ом полку которого служит и до сих пор.

Участвовал в боях с Красновым, Деникиным, поляками и бандитами — Шепелем Гальчевским и др.

И. Ф. Лебединский.

Сын крестьянина-бедняка. В ноябре 1917 г. вступил в Красную Гвардию в отряд Петрова, с которым участвовал в Донской области в боях против Краснова. С мая 1918 г. состоял кр-цем 3-го Курземского (позже — 118-го Непобедимого) полка, и в его рядах воевал на юго-восточном фронте. В сентябре 1919 г. попал в плен к Деникину, бежал и снова бился в рядах 31-ой Советской дивизии. Участвовал во взятии Ростова. При наступлении на г. Батайск был ранен. В 1920 г. был на польском фронте, после которого вместе с 1-ой Отдельной Образцовой Кавбригадой влился в 17-ую дивизию Конного Корпуса и служит сейчас казаком пульсотни.

2-й конно-артиллерийский дивизион.

В июле 1920 г. в гор. Речица (Гомельской губ.) приступлено было к формированию 2-го легкого артдивизиона 57-ой Стрелковой дивизии. В силу создавшейся на польском

фронте обстановки, требовавшей в срочном порядке подкреплений, дивизион, еще недоформированный, был вызван в конце августа в гор. Пинск для скорейшего формирования. Здесь он был пополнен красноармейцами из запасного артдивизиона западного фронта и отдельной батареи, так называемого, Северного отряда.

13-ое сентября

1920 г. — день окончательного сформирования дивизиона, а 14-го сентября он уже

выступил в составе двух батарей на Кобринский участок фронта, будучи включен в 17-ую кавдивизию под наименованием „17-ый конно-артиллерийский дивизион“. В дальнейшем вместе со всей дивизией отступал до Мозыря, прикрывая своим огнем отступление кавалерии, и потерял в результате боев и переходов до 40% личного состава и до 50% лошадей.

31-го января 1921 г. дивизион был пополнен отдельной конной батареей из бригады тов. Котовского, присоединенной к 17-ой дивизии, но при выделении из состава дивизии этой бригады (в марте 1921 г.) ушла одновременно и батарея котовцев. Оставшиеся две батареи были свернуты в одну и лишь только в июле 1921 г. дивизион снова развернулся до трех-батарейного состава, получив пополнение в виде отдельной конной батареи быв. бригады тов. Кочубея и конно-горной батареи 1-ой дивизии Червоного Казачества. В первых числах

Кавалеры ордена Кр. Знамени.

- 1) Быв. н-к артдива 2 Б. П. Осипов,
- 2) военком артдива Карин, 3) комбат 1 С. И. Иванов, 4) разведчик И. Сидоренко, 5) комбат 2 И. Живоуц, 6) помкомвзвода 2 бат. И. Шгондин.

октября 1921 г. дивизион принимал участие в походе против банды Палия, способствуя разгрому ее.

С 1-го сентября 1921 г. дивизион именуется 2-ым конно-артиллерийским дивизионом 2-ой Черниговской дивизии.

6-й Лубенский полк.

Начало нынешнему 6-ому полку положено в июне 1920 г., когда из кавдивизиона при коменданте гор. Одессы и 1-го кавполка 41-ой стрелковой дивизии был сформирован 2-ой кавполк той же дивизии. Полк вскоре перебросили в Подольскую губернию и здесь он получил пополнения и вооружение.

Военком полка Михайлов.

В сентябре—ноябре того же года полк участвует в борьбе против Петлюры, влившись в Отдельную Кавбригаду тов. Кочубея в качестве 2-го кавполка этой бригады. За петлюровский поход состав полка получает три ордена Красного Знамени. Вместе с бригадой тов. Кочубея в мае 1921 г. полк входит в 17-ую (ныне 2-ую) дивизию под наименованием „98-ой кавполк“, впоследствии „8-ой червоно-казачий“. Работает по борьбе с бандами. Выдерживает несколько столкновений с бандой Палия.

Во время одного из этих столкновений погиб смертью героя военком полка тов. Мазуровский, в одиночку бросившийся на целую группу бандитов.

В сентябре прошлого года в связи с реформированием дивизии полк был переименован из 8-го в 6-ой червоно-казачий.

Фуга.

Крестьянин. Младший унтер-офицер царской армии.

В феврале 1919 г. вступил в Красную Армию рядовым красноармейцем. Служил командиром взвода в 11-ой кавалерийской бригаде. В декабре 1919 г. вместе с этой бригадой перешел в ряды Червоного Казачества.

Будучи червоным казаком, Фуга воевал с врангелевцами, поляками и бандитами—Махно, Левченко, Гальчевским и др.

Комполка 6 Фуга.

За время службы в Червоном Казачестве был в должностях: командира сотни, помощника командира 3-го черказполка. В июне 1921 г. в связи с расформированием 3-го черказполка был назначен на ту же должность во 2-ой черказполк. В июне 1922 г., пройдя повторные курсы при штадиве 1, возвратился во 2-ой полк на ту же должность, затем был командиром 6-го полка, помощником командира 1-го полка, помкомполка 2 и весной 1923 г. вновь был назначен врид. командиром 6-го черказполка, в каковой должности продолжает служить и в настоящее время.

И. М. Хвистецкий

(помощник командира полка).

Польский рабочий, шахтер Домбровского каменноугольного района. Подпрапорщик царской армии.

В 1914 г. вместе с полком был отправлен на театр военных действий, сражался в Галиции и ранен под Перемышлем. По выздоровлении попал в 28 пех. запасный полк (впоследствии, после революции—2-ой Украинский).

В январе 1918 г. вместе с большей частью этого полка т. Хвистецкий вступил казаком в ряды Червоного Казачества. Последовательно занимал должности командира взвода, начальника команды самокатчиков, командира сотни, командира полка, помощника командира бригады, начальника школы младшего комсостава при корпусе. Вместе с червонцами участвовал в боях против всех врагов рабоче-крестьянской власти, с которыми вело борьбу Червоное Казачество. Был награжден двумя кожаными костюмами и парой карманных часов.

Помкомполка Хвистецкий.

Э. М. Лепин

(б. командир полка).

Тов. Лепин был дважды награжден орденом Красного Знамени за следующие, совершенные в боях с врагами Советской Республики, подвиги:

В бою под ст. Бородянка 12-го июня 1920 г. командуя 2-ым Доно-Кубанским кавалерийским полком, атаковал преследовавшего 73 стр. бригаду Чапаевской дивизии противника (части 3-ей польской армии), захватил пленных и трофеи и вызвал в польских рядах панику, чем дал возможность бригаде выйти из-под удара.

Командуя 25-ой Отдельной кавалерийской бригадой конной группы XII-ой армии, сделав накануне 45-ти верстный переход, тов. Лепин в ночь на 5-е июля 1920 г. под сильным пулеметным огнем противника, по совершенно открытой местности, в конном строю форсировал реку Горынь и овладел важной для советских войск переправой, разбив защищавший ее батальон. Служил в Червоном Казачестве командиром 6-го Лубенского полка.

Кавалеры ордена Красного Знамени.

Быв. помкомвзвода Постнов.

Комсотни 1 Обертасов.

Быв. помкомсотни Коровицкий.

Ф. М. Обертасов

(командир 1-ой сотни).

Награжден орденом Кр. Знамени за операции под Брест-Литовском в тылу поляков, где тов. Обертасов, будучи командиром эскадрона, вырвался из окружения, захватив польский обоз.

С. Царев

(командир 2-ой сотни 6-го полка).

За проявленную храбрость в боях под старой Гутой и Мотрункой против банды Палия, в должности помощника командира 7-го полка, награжден серебряными часами.

7-й Полтавский полк.

Ком- и политсостав
7-го полка в 1923 г.

1) Комполка И. Дубинский и военком К. Новосельцев (слева направо), 2) начштаба полка Симоненко и разведкой Хмелевский. 3) комсотни Г. А. Зубов и военком Г. Шекин (в Кр. Армии с 1918 г.), 4) комсотни 2 Fortunatov и военком Усачев. 5) комбульсотни В. Власов (в Кр. Армии с 1918 г.) и военком Г. Стрешный, 6) комсотни 4 С. Котелько и военком И. Марковский (в Кр. Армии с 1919 г.), 7) врид. комсотни 3 Гутини Г. Уманский (в Кр. Армии с 1919 г.), 8) замвоенкома полка Серебряков и помкомполка В. Куришкин.

Приказом по запасной армии Республики в гор. Казани в конце мая 1920 г. была сформирована из 1-го зап. кавполка и других частей 2-я отдельная кавалерийская бригада в составе двух полков под номерами 3-ий и 4-ый. Бригаду отправили на польский фронт в район Гомеля и там включили в состав 16-ой армии. Здесь она участвовала в наступательных операциях по направлению на Мозырь—Слуцк—Пинск, а затем перешла под Брест-Литовск. Сильно потрепанную в боях под Брест-Литовском ее перебросили в тыл для переформирования.

В конце августа поступило пополнение в виде прибывших из Казани 7-го и 8-го зап. кавполков. Бригада развернулась в дивизию, которой был присвоен номер 17-ый, 3 и 4 полки составили 98-ой кавполк этой новой дивизии. Под натиском польских частей, понав в окружение, 17-ая дивизия отступала от Городца до Мозыря, а вместе с ней и 98-ой полк, выдержавший несколько стычек с наседавшим врагом.

В дальнейшем, когда 17-ая дивизия, как известно, влилась в ряды Червоного Казачества, полк принимал участие в ликвидации петлюровщины и бандитизма. Первоначальное его название было изменено на 9-ый Черказполк, а с сентября 1922 г. полк именуется 7-ым Червоно-Казачьим.

И. В. Дубинский.

Уроженец Полтавской губ., бывший студент политехнического института. В 1918 г., по возвращении на Украину, вступил в подпольную партийную организацию, где исполнял ответственные поручения Повстанческого Комитета.

По восстановлении Советской власти на Украине т. Дубинский состоял членом коллегии Уездного Отдела Труда. Во время восстания Григорьева вступил в сформированный в уезде коммунистический батальон и принимал участие в подавлении восстания. Вскоре затем отправился на южный фронт и участвовал в боях против Деникина вплоть до Перекопа.

Под Перекопом т. Дубинский вступает в ряды Червоного Казачества и не покидает их до настоящего времени. Вместе с червонцами участвовал в боях и походах до последних дней.

Командовал полком при налете на Проскуров, был в боях под Збручем и при взятии Тарнополя.

Во втором Стрыйском рейде, будучи военкомом бригады, т. Дубинский участвовал во взятии городов: Перемышляны, Жидачев и Бобрки. Был во главе сотни, взявшей город Стрый и сломившей сопротивление поляков на Стрийских мостах.

Руководя дивизионом, взял г. Волочиск, захватив при этом бронепоезд и часть пулеметной дивизии петлюровской армии, за что был награжден Орденом Красного Знамени. В последнее время т. Дубинский принял участие в ликвидации банды атамана Палия, причем был тяжело ранен.

С 1920 г. т. Дубинский последовательно командовал несколькими полками червоноказацкого корпуса, кончая 7-м Полтавским Черказполком, командиром которого состоит и теперь.

За операцию против Палия награжден серебряными часами.

В. М. Куришкин

(помощник командира полка).

Сын рабочего, литейщика. Кавалерийский офицер военного времени.

Сражаясь в старой армии на германском фронте, был ранен и взят в плен. По возвращении из плена т. Куришкин добровольно вступил в ряды Красной Армии в 317-й батальон ВОХР'а командиром взвода. По расформировании батальона был назначен помощником командира 84-го полка и участвовал в боях с поляками у Проскурова. В 1921 г. работал в Подольских органах Ч. К., а в феврале следующего года, как военспец, был откомандирован в распоряжение штадива 2 и направлен в 10-й Червоно-Казачий полк командиром сотни.

В партии—с октября 1920 года.

К. А. Новосельцев.

Родился в 1891 году в с. Жулино Смоленской губ.

С 14 лет работал на различных заводах и в мастерских. С 1910 г.—чернорабочий Путиловского завода. После февральской революции в 1917 г. стал членом РСДРП (большевиков) и был избран от рабочих делегатом в Совет.

В ноябре 1917 г. был командирован Петроградским Ревкомом в Смоленскую губ. для организации Советской власти.

По возвращении в Петроград (в январе 1918 года), тов. Новосельцев по партийной мобилизации вступил в ряды Красной Армии и был отправлен в Нарву против немцев. По заключении Брест-Литовского мира остался на охране демаркационной линии. Вскоре заболел и был уволен в отпуск. В 1919 году—снова в рядах Красной Армии на восточном фронте, сражается с Колчаком, занимая последовательно должности: политрука, политкома эскадрона, пом. военкомбрига 8 ой стрелковой, врид. военкомбрига 10-ой стрелковой.

В июле 1920 г. был назначен военкомом 2-ой отдельной кавалерийской бригады. Фактически командуя этой бригадой, влившейся в 17-ую дивизию, принимал участие в боях против поляков.

Вместе с 17-ой дивизией попал в ряды Червоного Казачества.

В рядах червонцев т. Новосельцев был: военкомбригом, военкомом 8-го полка, военкомом 7-го полка (одновременно совмещая должность командира полка), военкомом 9-го (ныне 7-го) Полтавского полка.

Военкомом 7-го полка т. Новосельцев продолжает состоять и по настоящее время.

О тов. Новосельцеве один из старых кавалеристов 17-ой дивизии вспоминает:

„В памяти каждого участника походов 2-ой бригады надолго запечатлелось имя военкомбрига тов. Новосельцева. При наличии такого слабого комбрига, как тов. Шотадзе, всю тяжесть походов вынес на своих плечах Новосельцев. Под Городцом он руководит боем. Когда дивизия попадает в окружение неприятельскими войсками и по ней открывают пулеметный и ружейный огонь части Булак-Балаховича, комбриг Шотадзе забирает с собой эскадрон и бросается наутек. Тов. Новосельцев, с обнаженной пашкой в руках, останавливает „храброго“ комбрига—и отступление проходит в порядке.“

Горячая схватка за переправу под Логишино... Непрерывные в течение десяти дней бои утомили кавалеристов. От уничтожения переправ зависит спасение 4-ой армии. Необходимо воодушевление, подъем духа. Из бригады вышло свыше половины бойцов. Комбриг Шотадзе, „заболевший“, сидит в штабриге в 3-х верстах от боя. Новосельцев снова руководит боем, шутками воодушевляет уставших бойцов—и схватка за переправы кончается успешно для бригады.

И надеялись же на него наши кавалеристы! Когда дивизия бросалась из угла в угол, стараясь вырваться из кольца, мы были твердо уверены: „Новосельцев нашу бригаду выведет. С ним не пропадешь“.

Хмелевский.

Сын машиниста. Чертежник. Из старой армии после тяжелого ранения был уволен в бессрочный отпуск.

Когда с востока на Советскую Республику надвинулись чехо-словаки, Хмелевский вступил добровольцем в Красную Армию и сражался с чехо-словаками, Дутовым и Колчаком.

В ноябре 1918 г. поступил на курсы в Петрограде. Будучи курсантом, участвовал в боях против Юденича. Направленный на польский фронт, сражался в рядах 17-ой дивизии.

Принимал участие в ликвидации петлюровцев и мелких банд. В настоящее время служит в 7-ом полку заведующим разведкой.

А. Зубов

(командир сотни).

Сын крестьянина Черниговской губ. Пять лет работал шахтером в районе Юзовки—до призыва на службу в царскую армию.

С 1917 г. и до оккупации Украины немцами находился в рядах Красной Гвардии. В дни „нейтральной зоны“ вступил в 1-ый Червоно-Казачий полк.

С червонцами т. Зубов разделил всю их дальнейшую боевую деятельность, участвовал во всех походах, рейдах и борьбе с бандитизмом с 1918 г. по 1920 г. В 1919 г. был назначен председателем Ревтриба 1-го полка, позже—бригады, и в этой должности прослужил до 1920 г.

В 1920 г. состоял для поручений при комкоре, а с переходом на мирное положение был направлен командиром сотни в 7-ой полк.

Фортуатов.

Родился в 1897 г. в дер. Исаково Тверской губ. Сын бедняка-крестьянина. Призван в 1916 г. на военную службу.

В ноябре 1917 г. вступил в РСДРП (большевиков). В 1918 г. добровольно отправился на восточный фронт против чехо-словаков. Будучи ранен, вернулся в Тверь, где учился на кавалерийских командных курсах. В 1920 г. воевал с поляками; по образованию 2-ой Черказдивизии вступил в ряды Червоного Казачества, где принимал участие в борьбе против банд Гальчевского, Палия и др. До марта 1923 г. занимал должность командира сотни 7-го (ныне 5-го) полка. С марта 1923 г. и до сего времени—командир сотни 7-го (б. 9-го) полка.

С. Котелько

(командир 4-ой сотни).

Старший унтер-офицер команды конных разведчиков.

В октябре 1918 года добровольно поступил в Красную Армию в 3-й запасный полк, откуда откомандировался на командные курсы в г. Киев. Вместе с киевскими курсантами несколько раз выступал против Зеленого и Григорьева. В августе 1919 г. сражался под Киевом с деникинскими и петлюровскими войсками. С остатками эскадрона курсантов был захвачен в плен галичанами, откуда через 4 недели ему удалось бежать.

По окончании Московских командных курсов, тов. Котелько был отправлен на польский фронт, где вместе с 17-ой кавалерийской дивизией влился в ряды Червоного Казачества.

Будучи червоным казаком, тов. Котелько участвовал в борьбе с бандами Петлюры, Махно, Тютюнника и Гальчевского.

Гутин.

Крестьянин. Унтер-офицер лейб-гвардии драгунского полка. В 1918 г. вступил добровольно в Красную Армию в Отдельный драгунский эскадрон командиром взвода. Участвовал в боях с немцами, Дутовым, Колчаком, Каппелем, чехо-словаками.

В 1919—21 г. учился на Оренбургских командных курсах, по окончании которых поступил в Отдельный Башкирский эскадрон, влившийся в 1921 г. в корпус Червоного Казачества.

С 1921 г. по сие время т. Гутин состоит командиром 3-ей сотни 7-го полка.

Н. М. Харченко.

Крестьянин-кубанец. Унтер-офицер старой армии. После Октябрьской революции вступил в Красную Гвардию в отряд имени т. Киквидзе, и вместе с ним воевал против петлюровцев, гайдамаков и немцев.

В рядах 1-го Ейского кавалерийского полка боролся с деникинцами на Кубани, в Терской области и под Астраханью. Когда измена главкома Сорокина предала под Астраханью красные части в руки деникинцев, т. Харченко был взят в плен и, после неудачной попытки бежать, отправлен в 1-ый добровольческий стрелковый полк, сформированный из пленных красноармейцев.

Вскоре один из батальонов этого полка был послан в бой под начальством офицеров и под прикрытием конницы из чеченцев. При первом столкновении с Советскими войсками (в районе Ростова) батальон перебил офицеров, разогнал чеченцев, захватил все орудия и пулеметы и соединился с красными войсками.

С 1919 года т. Харченко состоит в Червоном Казачестве, куда он влился вместе с Кубанской бригадой (во время пребывания последней в Курской губернии) и был назначен командиром взвода.

За налет со взводом 5-го июля 1920 г. на местечко Ярмолинцы, где был уничтожен отряд польской пехоты, и за отличие в операциях под Черным Островом т. Харченко награжден орденом Красного Знамени.

8-й полк имени Башкирского Ц. И. К.

8-й (бывший 12-ый) Червоно-Казачий полк сформирован в ноябре 1921 г. из влившихся во 2-ую дивизию 15-го, 16-го и 17-го отдельных башкирских эскадронов.

История этих башкирских эскадронов вкратце такова:

Ком- и политсостав 8-го полка в 1923 г.

Лежат (слева направо): 1) комзвезд Балдин, 2) комзвезд Пивник, 3) Военком хозкоманды Федоров. Сидят: 1) начхозком Пискунов (кавалер ордена Кр. Знамени), 2) окончивший военную академию т. Вахитов, 3) помкомполка по политчасти Дашкевич, 4) комполка и военком Горбатов, 5) зам. военкома Штраль, 6) б. помкомсотни Балычев (кавалер ордена Кр. Знамени). Стоят в первом ряду: 1) комсотни 1 т. Агеев, 2) комсотни 2 т. Кошкин, 3) комсотни 4 т. Мельников, 4) компульсотни т. Деметьев, 5) военком 3 сотни Дырдо, 6) военком 4 сотни Сибигатулин, 7) военком 1 сотни Кононов, 8) военком пульсотни Духно. Стоят во втором ряду: 1) завклуб Гайдоба, 2) комвавода Кононюк, 3) военком команды связи Гладкин, 4) комзвезд Эглит, 5) комзвезд Андреев, 6) комзвезд Панкратов.

В августе 1919 г. перешла на сторону Советской власти отдельная башкирская кавбригада, до тех пор сражавшаяся в рядах противника на восточном фронте. В дальнейшем башкиры принимали активное участие в наступлении Красной Армии против колчаковских войск, а в мае 1920 г. были переброшены на польский фронт и действовали здесь под своим прежним наименованием в составе 27-го и 28-го полков.

В марте 1921 г. бригаду переформировали в отдельные эскадроны, которые и влились в Червоное Казачество, образовав 12-ый полк.

Полк этот проявил себя в борьбе с различного рода бандами на Подолии. Предыдущая боевая деятельность башкирской бригады отмечена орденом Красного Знамени с правом носить этот орден на полковом знамени.

Шеф полка—Башкирский Центральный Исполнительный Комитет.

А. В. Горбатов

(командир полка).

Крестьянин. Бывший унтер-офицер. В ноябре 1919 г. вступил рядовым красноармейцем во 2-ой Киевский полк. С сентября того же года—член РКП.

В боях с Деникиным под Киевом был назначен командиром взвода отдельного эскадрона, влившегося в 60-ую стрелковую дивизию.

В феврале 1920 года, сражаясь на польском фронте и временно командуя полком, был ранен, находясь в тылу польских войск. По выздоровлении принял командование 2-ым Доно-Кубанским полком, а затем отдельной башкирской кавалерийской бригадой.

С августа 1920 г. по апрель 1921 г. т. Горбатов неизменно командовал Башкирской бригадой, и за отличия в боях был награжден орденом Красного Знамени и золотыми часами.

На Подолии, сражаясь с петлюровскими войсками, один из полков бригады, не выдержав контр-атаки противника, начал поспешное отступление. Тов. Горбатов, оставшись вместе с группой командиров позади отступавшего полка, спас положение: он врезался в передовые ряды петлюровской кавалерии и, стреляя из револьвера, вызвал в неприятельских рядах временное замешательство. Ободрившиеся башкиры перешли в наступление и отразили петлюровцев.

В ноябре 1921 года Башкирская бригада вливается в Червоное Казачество, образуя 12-ый Черказполк, командиром и военкомом которого назначается тов. Горбатов.

В ноябре следующего года полк был переименован в 8-ой Червоно-Казачий. Военкомом и командиром попрежнему остался тов. Горбатов и продолжает занимать эту должность до сих пор.

В. И. Медников

(командир 4-ой сотни).

Крестьянин Волынской губернии. В русско-германскую войну, служа в 10-ом Уланском Одесском кавполку, был дважды ранен. В дни октябрьского переворота вступил в 1-ый Полтавский полк, а вскоре затем, вместе с полком, перешел в полк Червоного Казачества. Был на всех фронтах, где было Червоное Казачество. В одном из сражений с петлюровскими войсками был ранен. В 1920 г. был назначен командиром 3-ей сотни 1-го полка, а в 1922 году переведен в 12-ый полк командиром 4-ой сотни. В этом полку (ныне 8-ом) находится до сих пор.

Комполка 8 Горбатов.

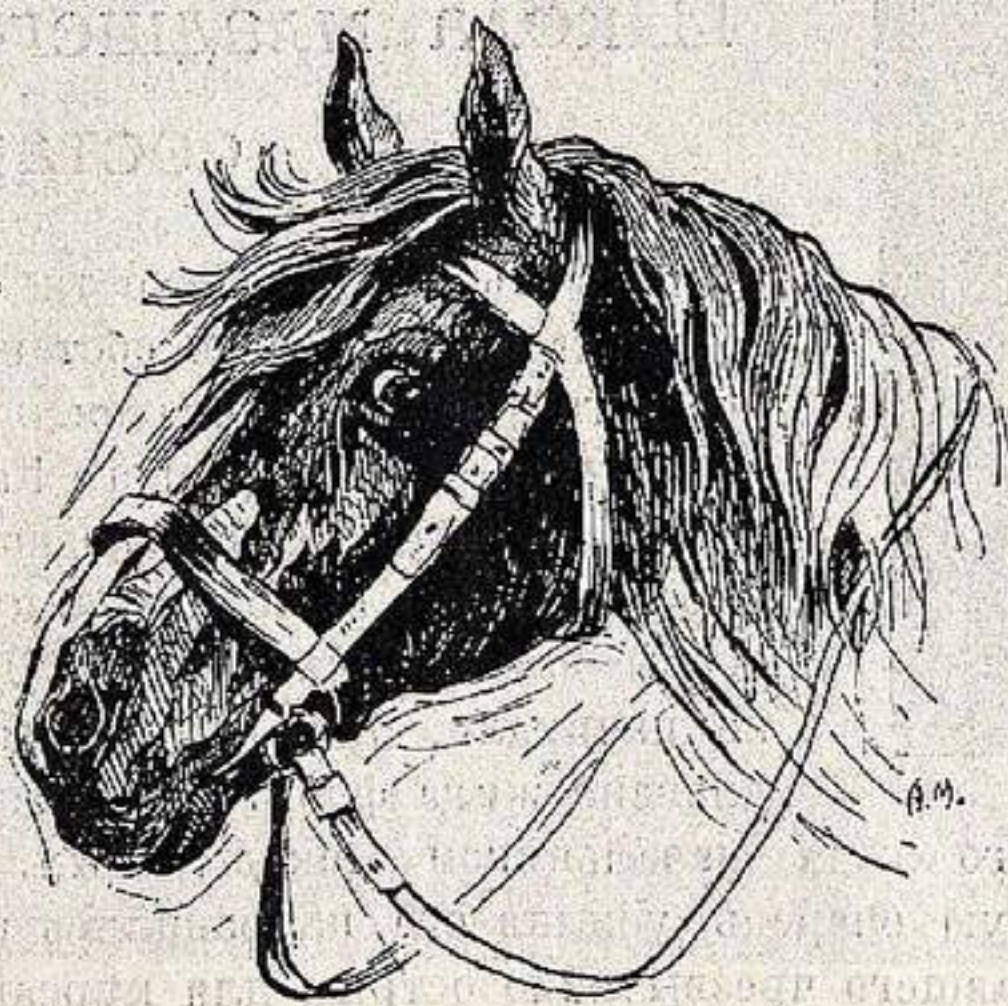

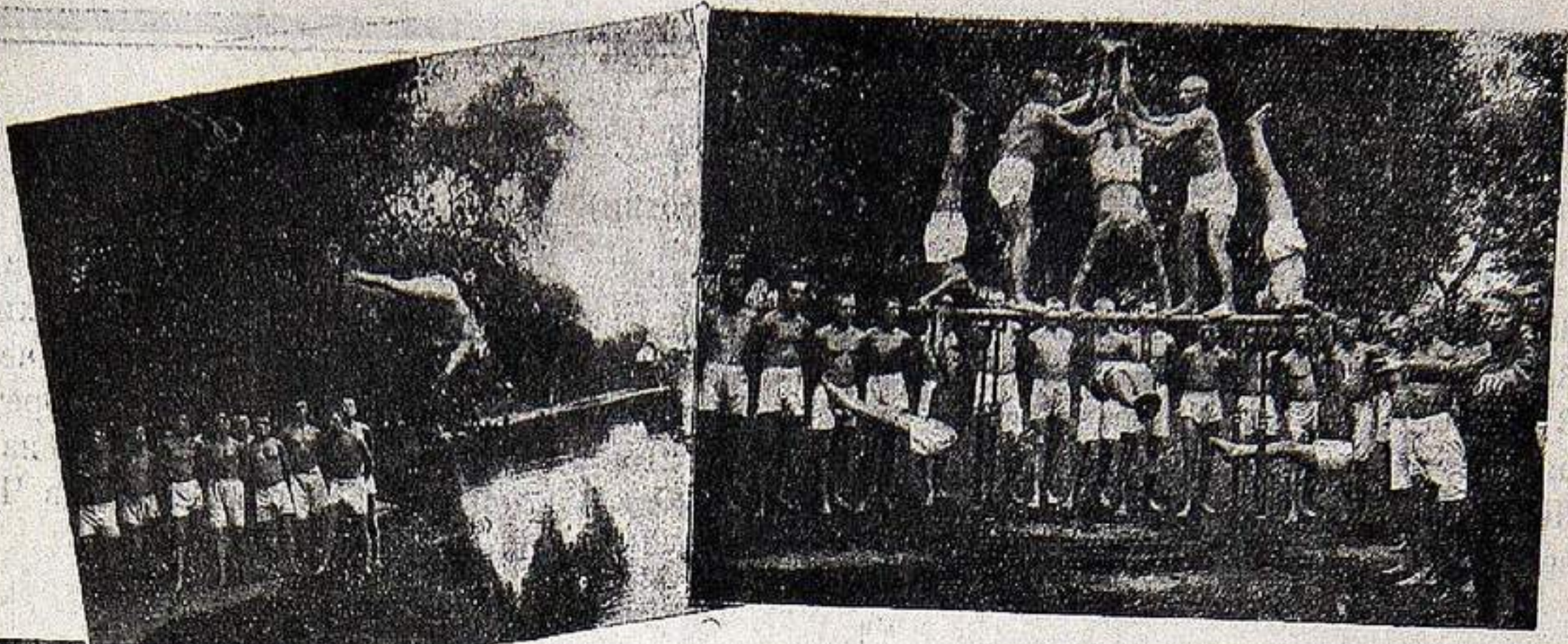
Помкомполка Григорьев.

С. Кононов

(военком 1-ой сотни).

Родился в 1902 году. Сын бедняка-крестьянина, с 7-ми лет ушедший в работники. Во время империалистической войны продавал газеты в Казани. В 1917 г.—анархист. В 1918 г. вступает в Коммунистический союз молодежи и работает по организации ячеек. В мае 1919 г. 17-летним юношей идет добровольцем в Красную Армию и борется рядовым красноармейцем на восточном фронте в 215-ом стрелковом полку 24-ой дивизии. Через год—работник Подива 17-ой дивизии. Вместе с 17-ой дивизией вливается в Червоное Казачество и участвует в операциях против Шепеля и Палия.

Гимнастические упражнения в школе М. К. С.

Школа младшего командного состава.

Мысль о необходимости организовать школу зародилась еще в боевой обстановке ликвидации петлюровского фронта. Приказом по 8-й дивизии (тогда еще не было корпуса Червоного Казачества) от 3-го октября 1920 года собрались в основной штаб дивизии откомандированные из полков казаки и выбрали себе из своей среды начальника школы. Однако никаких занятий не начинали, так как некому было их проводить—дивизия жила фронтовой жизнью.

14-го октября 1920-го года начальником школы был назначен помкомполка 3 тов. И. М. Павро. В первую очередь усилия его направились на упорядочение продовольственного вопроса, ставшего чрезвычайно острым для курсантов в силу ненадежности снабжения. Удалось установить нормальное снабжение продфуражем из основного штадива, но попрежнему за учебу не брались: следуя всегда за дивизией, школа кочевала из деревни в деревню—при таких условиях не приходилось и думать о нормальных занятиях.

С окончанием гражданской войны дивизия расположилась в Киевской губернии в районе Белой-Церкви. Школа поместилась возле города в селе Песчанка. Здесь впервые была сделана попытка начать занятия, но еще острее стал вопрос об организации самой школы. Вопрос усложнился еще тем, что в Червоное Казачество влилась 17-я Кавдивизия и бригада г. Котовского. Из обеих этих частей тоже прибыли курсанты. Были созданы 2 школы: 8-й и 17-й Кавдивизий, но для них не хватало руководителей и лекторов.

Только после того, как командование корпуса 5-го мая 1921 г. перевело обе школы в г. Белая-Церковь и поставило их в казармы, начались настоящие занятия и шли полным ходом от 7-го марта до 12-го апреля без перебоев. Но 12-го апреля весь корпус начал передвижение в г. Липовец. Школы шли вместе с ним походным порядком, высылая раз'езды, сторожевые охранения, разведывательные эскадроны и проч. Таким образом переход был использован также с учебной целью.

Начальником школ к этому времени был назначен И. Ф. Хвистецкий, оставшийся таковым до конца 1922 г.

Придя в новый район расположения корпуса, школы разместились в селе Каменка (3—4 версты от г. Липовца) и вскоре же возобновили занятия. Теоретические занятия вели сотрудники Штакора, в том числе и тов. Примаков.

По временам курсанты отвлекались от занятий борьбой с бандитизмом.

16-го мая школы снова свернулись и вместе с корпусом перешли в Винницу. Опять начались мытарства из-за отсутствия фуража. Занятия шли с большими перебоями. То и дело школы превращались в рабочую дружину и отправлялись косить и сушить сено. За такой работой прошел целый месяц. Как раз к тому времени из Червоного Казачества выдвинулась бригада тов. Котовского, который взял с собой и своих курсантов.

Командный и политический состав школы в день 3-го выпуска (в августе 1923 г.) с отличившимися на выпуске курсантами.

Одновременно с ними ушло по болезни еще около 30 человек. Оказался большой некомплект курсантов, в виду чего дивизионные школы объединились в одну корпусную школу. Такая реорганизация, задержанная еще вопросом о штатах, потребовала много времени и закончилась только к 15-му июня. Несмотря на происшедшее объединение, курсанты школы делились на курсантов 1-й и курсантов 2-й дивизии.

В половине августа 1921 года был произведен первый выпуск курсантов 1-й дивизии. Выдержавшие экзамен были разосланы по полкам со следующими назначениями: комвзводов—13, пом. комвзводов—46, отдежкомов—42. Курсанты 2-й дивизии продолжали занятия с прежними перебоями по тем же продфуражным причинам. 22-го сентября, в виду крайне обострившегося положения с фуражом, они перешли в деревню Далюковцы (вблизи г. Винницы), а на другой день получили приказание отправиться на продроботу, в Винницкий уезд, каковой и занимались до 1-го января 1922 г.

В октябре 1921 г. был сделан новый набор курсантов 1-й дивизии, но и они в течение месяца занимались продроботой.

Материальное положение вынудило школу кочевать из деревни в деревню, и это кочевание в поисках продовольствия и фуража продолжалось до февраля 1922 года.

В первых числах сентября 1922 г. были произведены экзамены курсантам 2-й дивизии, в результате чего состоялся выпуск их всех отделками.

В октябре месяце начался новый набор курсантов в обеих дивизиях (в первой—дополнительный). Резко был поднят вопрос о подборе соответствующего ком. и полит. состава школы.

Вся школа разместилась в саперных казармах г. Винницы. Над нею принял шефство Губисполком Подолии. Военно-потребительское общество корпуса оказало материальную поддержку школе. Помог во многом и шеф.

Новый (с конца 1922 г.) начальник школы И. И. Карпезо положил немало труда на усиление дисциплины среди курсантов и упорядочение внешнего распорядка в школе.

И вот с осени 1922 г. вплоть до декабря месяца в саперных казармах все стало принимать новый вид. Подвозился лесной материал, мастера изготовляли койки, шкафчики, вешалки и т. п. Сами курсанты трамбовали пол в конюшнях, делали кормушки, станки. Быстро установились необходимые чистота и порядок в казармах и конюшнях. Окрепла дисциплина. Школу обеспечили фуражным довольствием.

В феврале месяце 1923 г. начальником школы назначен был тов. Кушаков, окончивший военную академию. В связи с этим назначением учебная часть школы далеко шагнула вперед. Упорядочено было теоретическое и строевое обучение. На должную высоту стало политическое воспитание. Пляцы, где производились манежные занятия, разукрасились всевозможными барьерами и препятствиями. Устроен был стрелковый кабинет и зал физической культуры. Никаких перебоев в занятиях нет и самые занятия ведутся в точности по установленным расписаниям.

В августе 1923 г. состоялся 3-ий выпуск курсантов обеих дивизий, давший Червоному Казачеству 140 новых отделенных командиров, подготовленных не только в строевом, но и в политическом отношении.

В. Чайнин.

НА ПУТЯХ К ЗНАНИЮ

©ГОПБ

Отдел 4.

Сидят (слева направо): начполитпросвет, замначполкор С. Красный, начучет (позже — секретарь редакции) Е. Грицевская, начорганпроп (позже — начподив 2, начпосекр) И. Семенов, начполкор И. Минц, начснаб Циганери. Стоят: начполиткурсов М. Гловацкий, зав. типографией Бродский, Воронов, лектор политкурсов Портной, делопроизводитель С. Спиридонов, секретарь А. Лапнин, начэкспедиции А. Викутан, начинформ Н. Топчиев.

Политработа.

Этапы.

I. Отступление с Украины.

Август—ноябрь 1919 г. Отступление с Украины. В этот период, один из самых тяжелых в жизни Советских Республик, в августе 1919 г. полк Червоного Казачества развернулся в бригаду.

Крестьянство Украины еще не решило с кем ему идти. Большая часть Правобережья и некоторые районы Левобережья, напуганные разверсткой и „коммунией“, были настроены резко антисоветски. То и дело вспыхивали местные крестьянские восстания захватывавшие сразу территории нескольких уездов. Вождями крестьянской деревни еще оставались Махно, Зеленые, Струки, Ангелы и им подобные.

Части Красной Армии, боровшиеся на украинском фронте, еще не сформировались в должной мере. Многие среди этих частей, созданные из бывших атаманских партизанских отрядов, сохранили старую атаманскую физиономию и дышали крестьянским большевизмом. Они громили Чека по городам Украины (Киев, Полтава), устраивали восстания с избиением коммунистов, в случае неудач на фронте отходили в свой родной уезд защищать родные села, оголяя целые участки фронта.

Наскоро сколоченные части из рабочих и мобилизованных городских ремесленников не имели еще крепкой боевой спайки и быстро таяли в боях.

Красная Армия поспешно откатывается на север и северо-восток, оказывая только незначительное сопротивление наступающим деникинцам и петлюровцам.

По тылам передовых частей деникинцев отходил и полк Червоного Казачества.

По составу своему Червоное Казачество резко отличалось от большинства других частей Красной Армии того времени. Основной кадр его командного состава с самого

начала состоял из коммунистов. Тяжелая школа борьбы сначала в нейтральной зоне, а затем на петлюровском, юго-западном фронте выковала закаленное, спаянное в боях ядро.

Добровольцы, массами наводнявшие штаб полка, принимались с разбором.

Председатели волостных исполкомов и комнезамов, секретари сельских ячеек в качестве рядовых казаков были далеко не редкостью в полку. С начала отступления процент их все увеличивался. Все, кто уже выдвинулся в революционной работе на селе, кто не мог и не хотел оставаться под гнетом деникинцев и бандитских атаманов на пути отхода Червоного Казачества, вступали в его ряды. Парторганизация, насчитывавшая еще до развертывания полка в бригаду свыше 100 человек членов, объединяла и группировала вокруг себя всех наиболее ценных добровольцев.

Естественно, что при таком составе полк Червоного Казачества во время долгого и изнурительного похода не рассыпался, а розросся численно и смог в августе 1919 г. развернуться в бригаду.

Необходимо было еще сковать, отшлифовать, отделать эту быстро развернувшуюся часть.

Политработа в то время неразрывно связана была со всей организационной и боевой работой командного, коммунистического состава.

Первой задачей политработы было создание и укрепление революционной боевой мощи и спайки внутри частей. Под руководством политработников шел набор добровольцев наиболее надежных и годных для работы в Красной Армии.

Из среды коммунистов постепенно в боях подготавливались командиры и выдвигались на командные должности. Целый ряд военкомов, секретарей ячеек мало-по-малу заняли высшие командные должности (тов. Спасский сначала рядовой, затем политком полка, командир полка; т. Никулин, бывш. секретарь ячейки 1-ой сотни, льюйсист, комсотни, а потом комполка 1-го).

На поле в бою коммунисты были первыми застрельщиками, ядро которых поддерживало боевой дух сотни. Те же коммунисты—в большинстве старые закаленные казаки—являлись на походе рассказчиками прошлых боевых подвигов, лихих налетов червонцев.

Стройные, могучие колонны конницы, бодрые и уверенные лица казаков, смех и шутки в рядах, хоры трубачей даже и не напоминали, что ребята совершают тяжелый поход.

Все это рождало уверенность в своих силах—первый залог победы.

Большую роль в деле своевременного осведомления казаков о внутреннем и международном положении играли издававшиеся при полку радио-бюллетени.

С первой главной частью своего дела—поддержанием боевой революционной мощи политработники совместно со всем командным составом справились. Бригада закончила свое тяжелое отступление по тылам противника и вышла к Чернигову более чем когда-либо окрепшей и уверенной в своих силах. Первые же бои блестяще доказали это.

* * *

Как ни ограничен был доступ добровольцев в ряды Червоного Казачества, все же при тогдашних настроениях украинской деревни неизбежно было проникновение в него „самообитных деревенских большевиков“, партизански настроенных, зараженных анти-семитизмом, по-своему понимавших экспроприацию буржуазии, принимавших Советскую власть без „коммуни“, причем под „коммунией“ разумелись тяготы, накладываемые на село,—разверстки, гужповинности и даже раскулачивание. Роль коммунистов в выявлении подобного элемента была огромна. Все мало-мальски зараженные такого рода большевизмом безжалостно выметались из среды Червоного Казачества.

Большую помощь в этой работе оказывал созданный самостоятельно политработниками бригады трибунал. Быстрыми решениями он подводил итоги и закреплял проде-

ланную коммунистами работу по очистке рядов Червоного Казачества. И надо отметить, что во время отступления и в дальнейшем украинская партизанщина в своей худшей форме—в виде еврейских погромов, грабежей, враждебного отношения к органам Советской власти и их работе—проявлялась в бригаде только лишь в чрезвычайно редких случаях.

Дальнейшей крупной задачей политработы было—наладить хозяйственную жизнь части, внутренний ее быт и пр. Комсостав один не в силах был справиться с этой работой. Приходилось идти ему на помощь, инструктировать и сплошь и рядом исправлять сделанные вольные и невольные ошибки.

Еще одна задача—создание авторитетного взводного командира—являлась первым требованием жизни.

Командный состав, вышедший из среды казаков, сплошь и рядом сливался с массой и затушевывался в ней. Он умело выполнял свою задачу в бою, но работа по воспитанию своих частей была для него трудно-выполнимой. Необходимо было приподнять его, несколько оторвать от массы, чтобы дать ему возможность легче управлять ею. Конечно, с задачей этой быстро справиться нельзя было. Только постепенно, путем долгого воспитания и подбора людей, удавалось создать более или менее подготовленных взводных командиров. К концу отступления задача, собственно говоря, только была еще поставлена.

Крайне ненормальное снабжение людей и лошадей заставляло политработников бросать свои силы и в эту сторону.

При движении по тылам противника довольствие шло за счет местного населения. Почва для злоупотреблений была самая широкая.

Необходимо было при крайне ненормальных условиях организовать по одному образцу дело снабжения, влить партизанские способы снабжения в какие-то определенные формы. На дело снабжения бросались лучшие работники. Попытки наладить регулярное снабжение быстро передвигающейся конной массы из государственных органов успехом не увенчались. На помощь была призвана инициатива всего комсостава и казаков, создавались контрольные органы в форме бюро жалоб из казаков и крестьян. На местах стоянок налаживалось примитивное снабжение части силами всего села, а не отдельных крестьян, как велось до того.

Быстрое передвижение, боевая обстановка, разбросанность частей мелкими партиями по боевым заданиям (разведки и пр.) не дали возможности этой работе довести до конца. Единственным достижением политработников к концу отхода было внедрение в сознание ядра казачьей массы необходимости по возможности бережного отношения казаков к крестьянскому добру и разумного расхода получаемого довольствия. Достижение небольшое, но и оно играло свою роль.

Как ни велики были еще недостатки в самой организации Червоного Казачества, однако его боевая мощь и безусловная надежность не подвергались сомнениям. И высшее командование (армейское и фронтовое) использовало бригаду Червоного Казачества, как школу для перевоспитания партизанских ненадежных кавалерийских отрядов, действовавших отдельно или находившихся при пехотных частях. Один за другим они вливались в Червоное Казачество. Часть из них представляла собою атаманские полубандитские отряды, воевавшие не за Советскую власть, а за своего атамана, зараженные всеми присущими таким отрядам болезнями. Другие части представляли наскоро сколоченные, неспаянные массы могущие рассыпаться при первой встрече с противником. Самой крупной из таких влитых в Червоное Казачество частей была бригада Гребенко—полупартизанская часть с самым подозрительным командным составом, еще незадолго до того намекавшая о переходе на сторону Деникина или хозяйствовавших на Левобережье крупных бандитских атаманов.

Работа в бригаде Червоного Казачества усложнилась вдвое. Необходимо было, с одной стороны, исправлять свои собственные недочеты, с другой—переварить, перевоспитать

влитые части, не только невоспитанные, но мечтавшие даже о переходе на сторону противника.

При таких условиях по отношению к влитому новому составу командование бригады принимало с первых же шагов суровый тон. Самое вливание подчас грозило вылиться в форму вооруженного открытого сопротивления вливаемых партизан. И требовалось большое умение и твердость как командования, так и кадровой части, чтобы заставить быстро подчиниться новому режиму эти партизанские полубандитские отряды. Большая часть командиров этих частей была безжалостно изъята из строя тут же при вливании и отправлена в глубокий тыл. Некоторое количество из контр-революционного элемента было предано суду Р. В. Т. бригады. Кавалеристы, не внушавшие доверия, были спешены и направлены в запасные пехотные части. Вместо них на коней были посажены подоспевшие добровольцы-революционеры. Весь остальной отряд был тщательно расформирован по сотням бригады. К политработе в сотнях привлекался, кроме партостава и командиров, весь кадровый состав казаков. И тут, больше чем когда-либо, обнаружилось значение спаянного, мощного, старого ядра Червоного Казачества. Оно быстро впитало в себя всю массу пополнения, переделало ее. Через две-три недели вновь поступившие кавалеристы старались уже равняться во всем по старым казакам. Недавняя принадлежность к полубандитским отрядам была забыта. Лишь самая небольшая часть, не выдержавшая нового режима, дезертировала. Задача по первоначальному переформированию влитых партизанских отрядов была выполнена вполне удовлетворительно.

Всю огромную, многосложную работу по созданию, сформированию и политической обработке бригады, а также работу по перевоспитанию влитых партизанских отрядов пришлось вести при крайне ограниченном составе работников на руководящих постах. В распоряжении военкомбрига был только небольшой секретариат из 2—3 работников. В качестве политинспекторов привлекались к работе и члены трибунала.

В полках удалось подобрать лишь военкомов (тогда еще политкомов) полков и секретарей партбюро. Подбор работников сотенного масштаба был еще далеко не закончен.

Связь с центром отсутствовала совершенно.

Лишь под Черниговом удалось связаться с политсекретариатом группы 12-ой армии.

Всю огромную работу приходилось проводить собственными силами и по своей инициативе, перенеся центр тяжести работы на парторганизацию и партийный командный состав.

Коммунистическая организация бригады уже в конце августа 1919 г. насчитывала свыше 150 человек. До 30% членов партии составляли рабочие. Остальная часть—члены сельских ячеек. Политическое развитие партийной массы стояло невысоко. Но зато в подавляющем большинстве у всех коммунистов был уже большой опыт практической работы в массах. Тут были и члены правлений профсоюзов, и председатели исполкомов, и секретари ячеек.

В смысле боевом, коммунистическая организация еще в прошлом завоевала себе прочное положение в полку и пользовалась большим авторитетом.

Все основное в работе проводилось прежде всего на полковых собраниях и уже затем прорабатывалось и исполнялось в сотенных ячейках.

Несмотря на тяжелую обстановку, полковые собрания устраивались 2—4 раза в месяц. В отдельных случаях они созывались чаще.

Разнообразием повестки дня они не отличались. Как руководящая нить для всей работы — текущий политобзор, вопросы воспитания массы, вопросы быта, взаимоотношения с населением. Но практически настроенная партийная масса давала на каждом собрании массу ценного материала, накапливалось все более опыта.

Вопросы партпросвещения не выдвигались,—обстановка не давала времени для этой работы.

Партийная работа в массах казаков проводилась зато подавляющим большинством членов партии. Закрытых собраний ячеек почти не было. И во многих сотнях собрания ячеек для беспартийных казаков были важным явлением.

Большое внимание уделялось работе на селе. К работе этой парторганизация привлекала и широкие кадры беспартийных.

Старый казак стал привычным советским агитатором на селе.

Ячейки организовывали в селах подпольные ревкомы, вооруженные отряды незаможников.

Бригада закончила свое отступление с Украины и затяжные бои под Черниговом, имея:

- 1) довольно мощную численно, хотя еще не вполне стройную партийную организацию, охватывающую часть младшего комсостава и весь высший командный состав;
- 2) командный состав из рабочих и крестьян, мало воспитанный, но равняющийся по коммунистам;
- 3) крепкий кадр казаков и
- 4) боевую мощь и спайку.

Вопросы быта, вопросы внутренней, стройной организации, в частности снабжения, дело воспитания всей массы червонцев—еще далеко не были разрешены. Но все же основные пути к их разрешению уже наместились.

II. Орел—Перекоп.

Захват Украины деникинскими войсками, наглое хозяйничанье помещиков и фабрикантов в союзе с контр-разведкой, вакханалия спекуляции в городах, были хорошим уроком для шатающегося украинского крестьянина. Только теперь он оценил все достоинства политики большевиков, важность крепкой государственной организации Советской власти.

Перелом в настроениях украинской деревни нашел свое отражение и в широких массах казаков.

Примеры полной беспомощности, разрозненности полупартизанских отрядов, преступной халатности армейских работников, доведившей до гибели целые части, еще ярко горели в памяти казаков. В их сознании все более укрепляется идея важности массовой армии, строгой, точной и четкой военной организации и дисциплины. Уверенность в своих силах, веру в победу казак черпает уже не в популярности своего атамана, а в массовых ударах всей армии.

Он отмечает уже победы не своей сотни, а победы дивизии, победы групп конницы и пехоты.

Задачей политработы было только широко использовать и углубить этот намечающийся перелом.

На некоторый период все внимание политработников сосредотачивается на укреплении сознания важности массовой регулярной армии. Быстро, лихорадочно доделывается работа по внутренней организации части, соответствующая этому перелому в настроениях крестьянской казачьей массы.

В первые тяжелые бои под Орлом бригада вступает уже регулярной частью. Вся важность совершенного сдвига нашла в них свое отражение.

Только регулярная, классовая, однородная революционная часть могла принять на себя удар победоносных до тех пор ударных частей деникинской армии.

В двухнедельных изнурительных боях, со всей выдержкой классовых сознательных борцов, со всем героизмом революционеров, день за днем, шаг за шагом вырывали червонцы победы из рук врага.

Счастье колебалось.

Ударники столкнулись с ударниками, как говорили казаки. Ставка шла на то, у кого окажется больше внутренней и духовной мощи.

Фронт деникинцев все более шатался, и после двух-трех недель тяжелой борьбы лучшие дивизии первого армейского корпуса Деникина покатались на юг.

Бригада выдержала экзамен.

В самый разгар напряженной борьбы бригада развернулась в дивизию, получив пополнение в виде бригады кубанцев и конного полка латышей. В латышах червонцы нашли регулярную часть и помощников в работе.

Не отрываясь от прежней боевой деятельности, старый кадр быстро подчинил своему влиянию новые части. Со всей беспощадностью борющегося класса, он расправился с вредным партизанским и уголовным элементом в Кубанской бригаде, первое же совместное с червонцами выступление ознаменовавшее массовыми грабежами.

Все негодное было выметено, шатающееся подчинено влиянию старого кадра. Борьба за победу способствовала быстрому выравниванию новых полков по старым. Сильное душило слабое. Массы партийных работников и командиров были брошены из старых частей в новые.

Как раз к этому времени подоспели в дивизию свежие коммунистические силы по массовой мобилизации коммунистов в армию. Они внесли новую бодрящую струю и еще более укрепили работу.

Преследование разбитого противника дало некоторую возможность перенести внимание на внутреннюю организацию. Пересматривается подбор сотенных работников, дается первый толчок к оживлению работы сотенной ячейки. Ячейки все более захватывают руководство беспартийной массой.

С приходом на Украину, дивизии пришлось пережить возврат к настроениям „местной колокольни“ среди некоторых казаков. Свой уезд освобождается — усиливается тяга домой.

Прошлая тяжелая школа дала возможность сравнительно легко изжить эту болезнь. Дезертирство из дивизии не приняло широких размеров. Только самая ничтожная часть из неустойчивого элемента под тем или иным предлогом покинула ряды Червоного Казачества.

Не коснулось дивизии и влияние махновщины. Махновщина оставалась уже далеко, позабытая и давно осужденная крестьянами-червонцами. В районах, зараженных махновщиной, беспартийные казаки являлись лучшими крестьянскими агитаторами.

Все время боевого похода из Орла до Крыма дивизия не имела стройного полит-аппарата. В распоряжении военкомдива попрежнему было всего лишь несколько работников политсекретариата да работники Трибунала, широко использованные для полит-работы. И лишь под Крымом в дивизию прибыл политотдел, все время следовавший при тыловом штабе.

Общая обстановка, более продолжительные стоянки в селах от боя до боя, давали возможность политработу к этому времени расширить и углубить. Первой крупной кампанией явилось проведение с большим опозданием партнедели.

Подготовительная работа сотенными ячейками была уже проведена. Ячейки стали привычными политическими руководителями сотни. И весь авторитет, завоеванный компартией, сказался в огромном подъеме казаков при проведении партнедели. Целые взводы и сотни коллективно входили в партию. Беспартийными сознательно подавались чрезвычайно продуманные заявления, показывавшие, насколько серьезно относится к партии и к партийной работе казачья масса.

Суровая школа революционной борьбы, тяжелых неудач и последовавших побед выковала, создала классово-спаянную пролетарскую массу и все более примыкавшую к ней массу батраков и незаможных крестьян.

Увеличение ячеек за счет нового, не имеющего партийного стажа элемента, потребовало усиления их, оживления их работы, повышения партдисциплины. Старые члены партии чутко откликнулись на этот лозунг. Ячейка изменяла свой уклад так, чтобы стать партийной школой для коммунистов „партийной недели“.

В повестке дня регулярно ставятся вопросы программного характера. Оживает политпросвет. Создаются хаты-читальни, обслуживающие крестьян. Дивизия покрывается сетью школ ликвидации неграмотности, работающих чуть ли не непосредственно по выходе из огня.

На очередь дня ставятся вопросы о более систематических и однородных методах работы во всей дивизии.

III. Борьба с панской Польшей.

В мае 1920 г. дивизию Червоного Казачества перебрасывают на польский фронт. Лозунг борьбы с польскими белыми войсками был принят казачьей массой очень живо. Украинский крестьянин знал пана-помещика, как своего старого заклятого врага. Этот пан снова грозил сесть ему на шею.

Такое понимание предстоящей борьбы невольно и естественно возникало у украинца-казака. Необходимо было упрочить его именно в такой формулировке. Задачей политработы было представить казаку новую войну, как войну не с Польшей, а с польским паном.

Возникла опасность постепенного перерождения подобных здоровых настроений в украинский национализм. Надо сказать, что часть провинциальных газет весьма неосторожно не подчеркивала характера борьбы и поддерживала возможность возникновения националистических настроений.

Период перехода был посвящен политработниками исключительно выяснению характера войны с Польшей. Попутно с тем шло ознакомление казаков с состоянием Польши, ее общественным строем и классовыми отношениями.

Проведенная работа сказалась во время боевых действий. Если отношение казака к офицеру было неумолимо-враждебным, то к рядовому польскому солдату он нередко проявлял большую снисходительность.

В глубоких рейдах, не желая губить пленных, командование и политический состав дивизии практиковали роспуск пленных солдат с объявлением им о демобилизации.

С большим воодушевлением казаки восприняли это. На дороге отпускаемым они давали целый ряд своих незамысловатых советов революционеров. Мера эта сыграла большую роль в частичном разложении польской армии.

Вопросы интернациональной классовой борьбы во всю ширь стали практически перед рядовым казаком и при подходе к границе: до того он защищал свою землю от польского пана—сейчас ему предстояло бить пана в его логове, помогать польским рабочим.

Галицийская обстановка—помещики наряду с совершенно обездоленными крестьянами—дала возможность политработникам еще раз на наглядном примере подчеркнуть всю глубину социального неравенства в буржуазном обществе.

Начподив 2 (в 1922—23 гг.) Гринберг.

Ими же была поднята широкая кампания за необходимость особо внимательного отношения к галицийскому крестьянству, которому впечатление о Советской власти дает Красная Армия.

Надо отметить, что задача эта была выполнена. Казаки были первыми, а кое-где и единственными большевистскими агитаторами в галицийской деревне. Нередки были случаи, когда целые села провожали, как дорогих гостей, продолжавших наступление казаков. Политработники были вместе с тем и организаторами первых ячеек Советской власти в Галиции.

Неудачи на фронте и отступление на Украину не отразились значительно на настроении казаков.

Дивизия, отступая, была отдельные части поляков. Закаленная в боях казачья масса не поддавалась влиянию временных неудач, умела различать их от поражений.

Проведенная по этому вопросу агиткампания только подчеркнула то, что понималось и рядовыми казаками.

Одно время казалось, что дивизия может заразиться болезнью усталости. Ей пришлось столкнуться с одной разложившейся бригадой конной армии, созданной наспех из бывших деникинцев и зараженной погромными настроениями.

Однако эта встреча даже способствовала самоочистке дивизии. Все негодное ушло из дивизии с этой бригадой. Скрывавшиеся уголовные элементы в дивизии пробовали-было поднять после этого голову, но сама же казачья масса сразу дала им суровый отпор. Трибунал закрепил это дело.

За весь период боевых действий шел неуклонный рост парт-организации. В середине 1920 г. она насчитывала в дивизии уже свыше 400 членов.

Постепенно укреплялись и руководящие политорганы. Работа по всей дивизии все более систематизируется, проводится по одному образцу. Ударные задачи, правда, составляли еще почти все содержание политработы. Боевая обстановка заставляла сосредоточить главное внимание на боеспособности части.

Но уже делаются попытки внутри-партийную ячейковую работу вести по определенному, небольшому плану. Более систематично работает политпросвет. Квалификация работников значительно повышается.

Пропагандой трудфронта казачья масса была уже подготовлена к тому, что борьбу с иностранной буржуазией, возможно, не удастся довести сразу до конца. Мир с Польшей казаки приняли спокойно. Уверенности в долгом мире у них, конечно, не было. „Есть временная, возможно, очень короткая передышка, которую нужно как можно шире использовать для залечивания ран и подготовки к новой борьбе“ — таково было господствовавшее среди казаков понимание мира.

Не замечалось даже особой тяги домой. На мирную стоянку дивизия прибыла с ясно выраженным желанием всего состава работать и работать для подготовки к новой борьбе. За время боевой деятельности казачество из неоформившейся, наскоро сколоченной бригады выросло в крупный регулярный корпус — один из отрядов интернациональной пролетарской армии.

Могучим железным ядром, вокруг которого группировались, росли и развивались массы казаков, была коммунистическая организация.

Она была лучшим вождем казачьей массы в дни тяжелых неудач, в дни побед, в долгие дни мелкой кропотливой будничной работы. Лозунги коммунистической партии были путеводными маяками Червоного Казачества.

Быв. начоргинстр подива 2
Г. Волье (кавалер ордена
Кр. Знамени).

Временная передышка затянулась надолго, на годы. И полпрежнему в эти годы мирной стоянки старым, привычным и умелым руководителем стоит на посту закаленная в революционной борьбе коммунистическая организация, направляя корпус по новым путям.

Е. Петровский.

На заре политработы.

И. Минц. *)

В январе 1919 г. после перебежки ночью через замерзший Днепр части 2-ой повстанческой дивизии ворвались в Кременчуг.

Петлюровцы, по выражению наших партизан, „мазали пятки“, как сельди набив эшалоны. Только наиболее крепкие части гайдамаков железной дивизии шли через Умань в Галицию, чтобы вторично просить помощи у „европейских варягов“.

Полк червоных казаков в составе 6 сотен выдвинулся к Александрии.

Впереди—до самой почти Одессы—все было оставлено петлюровцами. Лишь в Знаменском районе червонцы наткнулись на части Григорьева, порвавшего с „головним

отаманом“ Петлюрой и начавшего переговоры с Украинским Советским правительством.

До исхода переговоров предстояла передышка, которую работники дивизии решили использовать для подведения итогов.

В непрерывных боях, от самой нейтральной зоны, повстанческие части, как снежный ком, обрастали подымавшимися крестьянами, сотнями вливавшимися в красные батальоны. Новые красноармейцы внесли с собой и новое содержание в нашу политическую работу, властно требуя перемены форм и методов работы.

До сих пор никакой оформленной политической организации не было: ни ячеек, ни просветительных организаций, ни—тем более—политотдела.

Политическая работа осуществлялась личным влиянием товарищей, стоявших во главе отдельных полков: Примак (так звался тогда атаман червонцев)—в полку червоных казаков, Шмидт—в 5-ом полку, Кисель—в 6-ом, Ахметов и Ника (Завина)—в 8-ом полку, Бочкин-Гардюша—в 7-ом.

Вокруг этих отдельных коммунистов группировались партийцы, закаленные в 1-ом украинском походе, беспартийные рабочие и прошедшие школу „нейтральной зоны“ передовые крестьяне: Туровский, Зюк, Барон, Кузьмичев, Спасекий—у червонцев; Палей, Сурьев, Силян, Слайковский (все четверо убиты), Науменко—в 5-ом полку; Чижиков (брат знаменитого предводителя Красной Гвардии Николаева—Херсона), Рабинович, Семенов—в 6-ом полку; Рогоза—в 8-ом,—все эти товарищи личным влиянием и постоянным примером в бою вели за собою поднявшиеся массы. В их работе они не получали от центра никаких указаний.

Так могло продолжаться первые месяцы борьбы, но когда половина Украины была освобождена, когда небольшие отряды превратились в большие армии, надо было переменить основу работы, выискать более подходящую систему, наконец—оформить партийную организацию, пополнившуюся целым рядом коммунистов из взятых городов и местечек.

Было решено созвать конференцию коммунистов 2-ой повстанческой дивизии вместе с червонцами на 11 февраля 1919 года.

*) Тов. И. Минц в Червоном Казачестве с 1920 г. Работал н-ком политотдела (впоследствии полит-секретаря) корпуса; помощник командира корпуса по политчасти.

...Первая военная конференция коммунистов после большевистского переворота на Украине!

Ни опыта, ни определенной программы, кроме смутно бродивших в голове намерений.

Предстояла большая подготовительная работа: выработать повестку, распределить доклады, а главное—связаться с отдельными полками дивизии, разбросанными на много десятков верст. Страна еще кишела отдельными отрядами петлюровских головорезов, через которые трудно было пробраться к частям, зачастую рассыпанным в деревнях по батальону. Только после почти 2-х недельных попыток были, наконец, получены ответы от всех полков.

Было послано приглашение Ц. К. партии, на имя тов. Пятакова и главе правительства, тов. Раковскому.

С'езжаться стали за пару дней до открытия.

Полные энергии, искреннего желания работать, совсем еще под обаянием глубоко захватывающего восстания, конференции жадно делились впечатлениями борьбы, нового строительства, взглядами на состояние части. Лихорадочно рассказывали о поднимающейся волне сознания повстанцев, о боевом настроении партизан, о грандиозности размаха работы, но также часто с грустью делились трудностями и препятствиями агитации, жаловались на растворение среди крестьянских масс: в полку 5—6 коммунистов на полторы—две тысячи человек исключительно крестьянской молодежи, полной предрассудков против „коммуны“, против новых „попов“, как уже изредка называли комиссаров, против „жидовской“ звезды.

А если прибавить, что небольшие кадры коммунистов были по горло заняты боевой работой да организацией власти в городах и селах, то понятна станет грусть, с которой жаловались на отсутствие планов и системы в работе: спасение видели в крепких партийных организациях—лучшей опоре против растворения среди крестьянской массы.

Ждали червонцев.

Число коммунистов было в червоном полку наибольшее. Крепко спаянные, они легко справлялись с окружающей массой. Когда в других полках „чурались“ коммуны, как выдумки „жидов“, в батарее Зюка к стрельбе подавали команду: „Коммунары, к орудиям!“

Червонцев ждали, чтобы воспользоваться их опытом, их традициями, накопленными почти за полуторагодичный срок существования полка.

Ровно в день открытия в зал вошли: Кузьмичев, Червоноброта, Спасский, Смородинов и целая группа бойцов червоного полка. В лихо заломленных папахах с красными верхами и яркими башлыками, чеканенными серебром саблями, червонцы сгруппировали вокруг себя большинство делегатов, рассказывая о своих переживаниях. Все так были захвачены интересной беседой, что не заметили, как в комнату вошел какой-то пожилой человек и стал прислушиваться к живо передаваемым новостям. Только когда он в самый разгар передачи о григорьевских депутатах спросил о какой-то подробности, кто-то крикнул: „Раковский!“

Да, это был т. Раковский.

Придавая особое значение состоянию армии, Ц. К. прислал т. Раковского приветствовать ее организаторов и осведомить их об общем состоянии Республики.

Раковский засыпал червонцев вопросами, особенно интересуясь влиянием коммунистов среди массы, настроением красноармейцев.

Весть о прибытии главы правительства облетела город и к театру явились рабочие процессии.

Через полчаса в широко открытые двери потянулся Миргородский батальон 5-го полка, который Шмидт (нынешний п-к 2-ой дивизии) вызвал из казарм.

800 человек тихо заняли скамьи и впились глазами в т. Раковского, вышедшего на эстраду.

Бородачи, в „сіряках“, в огромных лохматых напехах, обвешанные оружием всех родов и систем, кроме, разве, пушек (да и то потому, вероятно, что их у нас было мало), только-что оторванные от земли, сидели миргородцы, имея впереди делегатов, исподлобья рассматривая невиданную картину митинга, бурно приветствовавшего т. Раковского. Сумрачно опершись о ружья, поставленные между ногами, локоть к локтю, тесной массой в самом центре театра, они, казалось, в своем лице представляли рабоче-крестьянскую Украину, поднявшуюся с требованием права на „жизнь в работе или смерть в бою“.

И когда т. Раковский произнес первые слова приветствия Украинской Красной Армии, буря энтузиазма охватила толпу. „Ура повстанцам! Ура червоным казакам!“—гремело в течение нескольких минут, мешая продолжать речь. Театр стих. Докладчик продолжал. Начал с внешнего положения, говорил о разложении контр-революции, о могучей воле „повстання“, все сметающей со своего пути, о крепнущем доверии к большевикам, о „пардоне“, который запросили петлюровцы, об интригах Антанты, высадившей десант, о наших требованиях, о наших ресурсах—и перешел к Красной Армии. В ярких красках, при затаенном внимании тысячной толпы рассказывал нам т. Раковский о революционной борьбе буржуазии Великой Французской революции, шедшей тогда впереди всего освободительного движения.

—„Молодая революционная буржуазия сильным напряжением воли создала свою могучую армию.

А теперь мы, организовав свою, Красную, армию, будем расправляться с армией буржуазии, как она, много лет тому назад, расправлялась со своими врагами. Идет девятый революционный вал, и он сметет до основания буржуазную крепость, имея впереди себя червоных казаков!“

С ответом на речь тов. Раковского поднялся рядовой казак (Червоноброда) и прерывающимся от волнения и неумения подобрать нужные слова голосом заявил от имени своих товарищей: „Мы подняли знамя восстания и не опустим до тех пор, пока вместо разноцветных флагов буржуазии не взвоется красный штандарт революции. Передайте правительству, что завет его червонцы постараются выполнить с честью“.

* * *

Целый день конференции шли разговоры о работе в частях.

Старый опытный агитатор, т. Раковский, передавал молодым бойцам свой опыт, помогал разбираться в запутанной обстановке украинской действительности.

* * *

Через пару недель начались бои.

Червонцы ушли в рейд, ведя за собой (по словам тов. Раковского) девятый вал революции, и вплоть до окончания гражданской войны твердо выполняли обещание, данное от их имени на конференции.

Придет время—исчезнут „разноцветные флаги“, и червонцы, верится, не будут в этот момент в арьергарде революционной волны.

И. Минц.

Из дневника.

Сейчас, когда политработа в Красной Армии ведется систематически, по строго намеченному плану, приятно воскресить в памяти несколько эпизодов из истории политработы в 1-й дивизии за 20, 21 и 22 годы.

Ликвидация неграмотности.

Нельзя без улыбки вспомнить, как мы из кожи лезли вон, чтобы ликвидировать неграмотность в самый разгар польской кампании. Нам было мало поставить работу

в частях, примыкавших к основному и тыловому штабам. Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности решает перенести работу и в действующие полки („мудрого“ совета Поарма 14 о переводе всех неграмотных казаков в обозы 2 разряда мы не послушались—это повлияло бы на боеспособность дивизии).

Нагруженный пудами учебников, тетрадей, карандашей, я умолял нескольких военкомов взять для своих полков эти богатства, но напрасно. К военкому 4-го полка Рекстину я пришел, когда он стоял с полком в цепи у неприступной Чортовой горы (недалеко от Рогатива). Уже третий день ведут они с перерывами бой с хорошо укрепившимися польскими батальонами. Наша артиллерия пытается выбить противника, непрерывно бьют наши батареи, но безуспешно. Вокруг нас твоят невидимые пули.

Я несмело предлагаю учебные пособия и несколько экземпляров „Азбуки Коммунизма“. Рекстин наотрез отказывается:

— Да мы непрерывно в боях,—говорит он,—немытые, голодные, белья вот уже месяц не сменяли, а ты с такими неуместными предложениями лезешь! Да и девать книги некуда.

Так и пришлось отложить ликвидацию неграмотности в частях до лучших времен...

Первая дивизионная беспартийная конференция.

Улучили момент, когда полки после непрерывных боев получили небольшой отдых, и созвали дивизионную беспартийную конференцию.

Съехалось человек 80 делегатов (почти исключительно рядовые казаки). Молодых не видно. Все бородастые, загрубелые, уверенные в себе ребята. Доклад т. Петровского (тогда военкомдива) о внутреннем положении Республики выслушали внимательно. Большой это был тогда вопрос. Побывавшие в тылу казаки рассказывали о беспорядках и безобразиях, творившихся на местах. Забросали докладчика вопросами. Нашлись и такие, которые предложили избрать комиссию из фронтовиков для проверки работы тыловых учреждений.

За резолюцию вначале голосовали вяло. Выходит Примаков.

— По-моему, товарищи,—говорит он,—надо ввести в резолюцию следующее: „Да здравствует единение фронта и красного тыла; смерть шкурникам, дезертирам и паразитам, разрушающим и тыл и фронт“.

При общих криках одобрения резолюция принимается.

С докладом о военном положении выступает Примаков. Плавнo течет яркая, образная речь. Затаив дыхание, слушают казаки. Чувствуется беззаветная преданность, безграничное доверие казаков ко всему, что Примаков говорит.

Не успел еще Примаков кончить, как из штаба принесли боевой приказ о немедленном выступлении. Конференцию спешно закончили. Казаки летят в полки, чтобы в новых ожесточенных боях доказать, что слово и дело у них не расходятся.

Марьямов.

Школа.

Борьба с неграмотностью.

(В 1-ой дивизии).

Учитывая боевые заслуги наших казаков, следует особо отметить и их упорную и успешную борьбу на фронте просвещения.

Вполне понятно, что в период боевой страды борьба с неграмотностью не могла вестись организованно и планомерно. Тем не менее командованием делалось все возможное, чтобы и в этом отношении наши части стояли на первом месте. Каждая ничтожная передышка, незначительный отдых немедленно учитывались и использовывались в интересах обучения грамоте. Кто из неграмотных казаков вырывался из передовой линии в обоз второго разряда, хотя бы на несколько дней, — немедленно был вооружаем разрезной азбукой или букварем, тетрадкой и карандашом.

Учителей почти не было. Обучение производилось просто: грамотный обучал неграмотного.

Обстановка суровая, материальное положение школьных ячеек казалось вначале безнадежным. Борьба с неграмотностью сильно замедлялась почти ежедневными переходами и стычками с нашими врагами.

От первых двух лет не осталось точных сведений о результатах этой борьбы. С декабря 1920 г. во всех полках и артдиве, при сотнях, командах и батареях стали создаваться школы грамоты. В работу по ликвидации неграмотности постепенно втягиваются лучшие силы. Неграмотные частично освобождаются от нарядов и больше внимания уделяют школьным занятиям. По окончании установленного срока (6 недель) казаки, с большим трудом, научаются медленно читать напечатанное крупным шрифтом, медленно и зяповато списывают с книги отдельные слова.

В дальнейшем работа развивалась и углублялась. На помощь случайным работникам по ликвидации неграмотности прибыло в январе 1921 г. 15 новых учителей, прослушавших краткосрочные учительские курсы.

С 15-го января объявляется организованный поход против неграмотности. Неграмотные выделяются в отдельные команды, освобождаются от всех нарядов и караулов, и строевые занятия с неграмотными проходят уже, как с отдельной командой, по окончании школьных.

Команды неграмотных у казаков обычно назывались „курсами“, так как многим неприятно слыть в деревне неграмотными, особенно перед „дівчинами“, имея наружность, по меньшей мере, командира сотни. Это обстоятельство, между прочим, побуждает их сильнее приняться за учебу. Команды неграмотных привились. В некоторых полках число обучающихся в командах доходило до 200 человек (1-ый полк).

В марте 1921 г. были произведены первые испытания обучавшимся казакам, по окончании которых было устроено торжественное чествование всех ограмотившихся и раздача лучшим из них подарков. Между тем состав частей дивизии находился в постоянном движении; вместе с пополнениями прибывали к нам новые неграмотные, которые немедленно отправлялись в команды неграмотных для обучения. Так к 1-му января 1922 г. обучено грамоте около 1.500 казаков.

В феврале месяце поступил приказ т. Троцкого добить неграмотность к 1-му мая. К тому времени в дивизии имелся уже хороший состав учителей. Центр усилил снабжение школьным имуществом. Сохранившиеся команды неграмотных окрепли. Школы стали проводить свою работу в тесном единении с клубом и библиотекой. При дружном напряжении сил всех ответственных работников и сознательных казаков к 1-му мая приказ т. Троцкого был выполнен в целом и все казаки принимали присягу уже грамотными. Число вновь обученных к первому мая составляло 456.

Летом 1922 г. школьные занятия протекали, главным образом, по сотням и командам, причем целью обучения была борьба с малограмотностью и предотвращение возврата неграмотности. В виду непрекращавшейся борьбы с бандитизмом, занятия проводились с большими перебоями, но возврата неграмотности среди старых казаков не наблюдалось.

В октябре прибыли к нам новые пополнения, среди которых оказались также новые неграмотные. В команды неграмотных были назначены лучшие преподавательские силы, военкомы и командиры. Кампании предшествовала широкая агитация о значении просвещения вообще и о необходимости борьбы с неграмотностью. Были собраны значительные средства на закупку школьного имущества. То, что утром проходило в школе, вечером закреплялось работой в клубе или библиотеке. Ни одна минута не проходила даром. К 20-му января 1923 г. вновь обучено грамоте 289 казаков. Всего же за 5 лет существования корпуса обучено в дивизии 2.245 казаков.

Так 1-я дивизия упорно продвигается вперед по пути просвещения.

Путь этот тернист, и не нам, теперешним школьным работникам, его закончить. Но все же впереди победа, и наш лозунг — „Пусть ни один казак не уйдет неграмотным из нашей дивизии“.

Н-к школьного отделения Подива 1 П. Архангельский.

Ликвидация неграмотности.

(Во 2-ой дивизии).

В чрезвычайно тяжелых условиях приходилось начинать работу по ликвидации неграмотности. Первые проблески ее стали показываться, как только части вышли из боя с бело-поляками. Фронтов военных уже не было. Период передышки выдвинул фронт борьбы с невежеством. Требовались силы и средства. К сожалению, их оказывалось чрезвычайно мало. Школьные работники отсутствовали. Пособий не было. Расположение частей в бандитских районах дело неизбежно осложняло. Материальное положение также не благоприятствовало. Полубосые, полуголые, а подчас и полуголодные, казаки с трудом могли браться за науку. Такова была обстановка во второй половине 1920 года, когда зарождалось обучение грамоте.

Нынешняя 2-я Черниговская дивизия, тогда 17-я кавалерийская, находилась в Бело-Церковском уезде Киевской губернии. Здесь впервые начали организовываться школы грамоты. Они создавались только в тыловых частях. Строевые части вели операции по ликвидации бандитизма.

С переходом дивизии в Таращанский уезд Подивом и по инициативе строевых частей стали создаваться новые школы. Начался подбор учителей. Специалистов не было.

Стихийно выдвигались учителя нового времени. Это были простые грамотные казаки—рабочие и крестьяне преимущественно. Бралась они за работу кряжисто, основательно и с охотой. „Коли воевать—так воевать, а коли надо учить—так будем учить,—дело полезное“.

Постепенно работа ладилась. Занятия начинались во всех частях, но системы не было. Руководство почти совершенно отсутствовало.

В феврале месяце 1921 г. собирается первое совещание школьных работников дивизии. Намечается план. Раз'езжают по частям, чтобы проводить его в жизнь, но жизнь плохо соглашается с планами. Весна 1921 г. была замечательна петлюровскими авантюрами и разгулом кулацкого бандитизма. Работа постоянно прерывалась. Приходилось прямо от букварей садиться на коня и принимать бой какой-нибудь банды. Расшибался враг и мечем и букварем.

Таковым положение оставалось до мая месяца 1921 г. К этому моменту школы были организованы уже во всех частях. Неграмотные постепенно выделялись в отдельные команды.

Прошел год работы, а результаты ее все еще были весьма незначительны. Обучалось грамоте всего лишь около 100 человек. Точного числа неграмотных все еще не удавалось установить. Учителя, никогда раньше не будучи таковыми, обучение подвигали очень медленно. Пособия попрежнему отсутствовали.

В июне месяце созывается 2-ое дивсовещание учителей. Больные вопросы организации и методов работы разрешаются на основе накопившегося опыта.

Первые два-три месяца после совещания работа разворачивается. Мелькает несколько новых выпусков неграмотных.

Но вскоре обстановка опять меняется к худшему. Дивизия попадает в бандитский район Литинского уезда. Работа, получившая было размах, идет на убыль, постепенно замирает. Дивизия совершает поход в несколько сот верст. С Литинского уезда выступает, идет на Дунаевец и возвращается в сентябре 1921 г. в гор. Хмельник Подольской губернии. Начинается приспособление к местным условиям. Идет учет и выделение неграмотных в команды. Заготавливаются пособия. Для улучшения качественного состава учителей при Подиве организуют повторные курсы ликвидаторов. Чувствуется всеобщая подготовка к решительной схватке с неграмотностью.

В первых числах января 1922 г. курсы дают для частей новых подготовленных ликвидаторов. Остальные места занимают командиры и политработниками.

Получается приказ тов. Троцкого о ликвидации неграмотности к 1-му мая. Организуются чрезвычайные комиссии по борьбе с неграмотностью. Комбриги назначаются уполномоченными по ликвидации неграмотности при бригадах. Выбрасывается лозунг: „К 1-му мая дивизия должна стать грамотной; ни одного неграмотного к этому дню“.

10-й полк, шедший все время первым на просветительной линии, напряг все силы и упорно вел авангардные бои. К 15-му января 1922 г. в Политотдел и Штадив получается следующего содержания телефонограмма: „Неграмотность в 10-ом *) полку окончательно ликвидирована. Прошу назначить день торжественного выпуска обучавшихся грамоте“. Это был первый полк, ставший поголовно грамотным в Киевском Военном Округе и дивизии. 19-го января казаки 10-го полка торжествовали победу. Героическая борьба штабом корпуса была ознаменована вручением красного знамени с надписью: „10-му полку за успешную борьбу на фронте просвещения“.

Ликвидатор неграмотности в 10-ом полку, тов. Сахаров.

*) 10-й полк в связи с переформированием дивизии ныне влит в 5 и 6-ой полки.

После ликвидации неграмотности в 10-ом полку остальными частями был, естественно подхвачен выброшенный лозунг: „Равняйтесь по 10-му полку“. В первой половине марта ликвидировал неграмотность и 9-й полк. Первое мая дивизия встречает поголовно грамотной. 500 казаков из рабочих и крестьян вышли на дорогу к знанию. Приказом по Киевскому Военному Округу был отмечен героизм некоторых и всех. 10-й полк награждался за первенство струнным оркестром.

В октябре 1922 г. прибывает пополнение 1901 года. Налетает новая волна неграмотности. Встреченная дружным натиском неграмотность разбивается наголову ко дню 5-ти летней годовщины Красной Армии. Вновь около 300 молодых казаков становятся грамотными.

2-я дивизия уже дважды праздновала победу над неграмотностью—будет праздновать и впредь по тех пор, пока в СССР не станет неграмотных.

Федоров.

Наша первая школа.

В середине февраля 1920 года, в разгар борьбы червоно-казачьей дивизии с Врангелем под Крымом, я пробыл несколько дней в 3 полку в гор. Армянский Базар и случайно остановился на квартире у местного учителя гимназии. Учитель, седой старик, к крайнему моему удивлению, встретил меня любезно и радушно. О червонных казаках он отзывался не иначе, как с восторгом. Когда я спросил, как сложилось у него такое мнение о казаках, он рассказал мне случай, который с ним произошел за несколько дней до моего приезда.

„Я — старик, многое на свете видал, но то, что пережил я несколько дней назад здесь в школе, я уже до смерти не забуду.

Еще накануне ваш военком полка Рекстин предупредил меня, что предполагается открытие в Армянске первой казачьей школы для неграмотных.

Признаться, мне не верилось, что школу эту на позициях с усталыми казаками откроют. „Это очередной красивый жест“—думалось мне. На утро я уже окончательно решил, что открытия школы не произойдет. С рассветом началась жаркая стрельба. Видел я, как на рысях пролетело несколько сотен.

Решил я поэтому вечером поскорее ложиться спать.

Вдруг стук. Входит казак и очень вежливо просит зайти в школу, где меня якобы, ждут.

— Какая школа, неужели сегодня будут заниматься?

— Ждут уже,—говорит.

Иду в школу.

Большая керосиновая лампа ярко освещает класс. Сначала я не мог разобраться, что тут происходит. Весь класс за скамейками с полным вооружением, в руках винтовки, и кажется мне, что они еще не остыли от выстрелов.

Тишина прямо жуткая. Что-то говорит тов. Рекстин. Повидимому, к моему приходу уже кончат, потому что немедленно обращается ко мне:

— Товарищ учитель, открытие уже произведено, приступим к первому уроку.

Признаюсь, мне стало страшно.

Эти непривычные дула винтовок у парт, эти суровые загорелые лица взрослых людей, еще несколько часов назад разгоряченные озлоблением боя...

Начинаю речь и чувствую, как сотни глаз этих казаков с напряженной пытливостью вглядываются в меня. Слова точно поглощаются этими задумчивыми сосредоточенными людьми. Я считаюсь хорошим учителем, но такого хорошего урока я, вероятно, никогда

еще не давал. Меня подчинила себе эта напряженная, суровая масса, властно требующая знаний. Мою мысль подстегивали остывающие дула винтовок.

И на этом уроке я понял весь великий смысл того дела, за которое вы боретесь. Я понял, что будущее принадлежит тому, кто может после напряженного боя, не остывши от жаркой борьбы, так жадно слушать первый урок грамоты*.

Седой учитель кончил и задумался.

Я почувствовал, что говорил он искренно.

Такого урока, в самом деле, забыть нельзя.

Е. Петровский.

Учителя и ученики.

П. АРХАНГЕЛЬСКИЙ.*)

Политуправление Украинского Округа отметило 1-ю дивизию Червоного Казачества, как первую, ликвидировавшую неграмотность.

Разумеется, здесь налицо результаты коллективного дружного труда всех политпросветработников дивизии. Однако, сегодня, в день, когда казаки 1-ой дивизии сознательно присягают трудовому народу, необходимо сказать несколько слов о работнике, много труда и энергии отдавшем делу просвещения казаков. Я говорю о начальнике школьного отделения Подива 1, тов. Архангельском.

Уже несколько лет тов. Архангельский героически стоит на своем посту солдата просвещения. Сегодняшняя ликвидация неграмотности в дивизии—не первая. Как только об'являлась кампания борьбы за грамотность, тов. Архангельский упорно и настойчиво проводил свое дело, и только приход новых кадров неграмотных заставлял начинать работу снова.

Особенно ценно в тов. Архангельском то, что он не ограничивается работой в дивизии,—о всяком своем достижении, о каждом интересном опыте он считает необходимым сообщить товарищам по работе в других частях на страницах газет, главным образом, „Червоного Казака“. И сегодня редакция „Червоного Казака“ приветствует т. Архангельского не только как ликвидатора неграмотности, но и как одного из активнейших своих сотрудников.

В чем же причины такого отношения т. Архангельского к работе?

Он—сын народа, крестьянин Рязанской губ. С гордостью говорит он: мой отец был сапожник.

Он прекрасный товарищ; несмотря на то, что в Подиве тов. Архангельский едва ли не самый старший, он часто вносит живость в молодую среду.

Сидит он иногда в Подиве и приходит к мысли, что надо проведать, как идет работа в том или ином полку. Тогда он берет котомку на плечи и—чего там ждать лошадей, дождешься ли!—нешком шагает за 10—15 верст в полк.

По нашим сведениям, командование дивизии представляет т. Архангельского к ордену Трудового Красного Знамени. От себя редакция „Червоного Казака“ сделает своему сотруднику-герою маленький подарок; подарок более чем скромный, но он преподносится „від щирого серця“.

П. Г.

*) Заметка перепечатана из газеты „Червоный Казак“ от 23-го февраля 1923 г.

„ТОВАРИЩ ЛЮЛЬКА“*)

Товарищ Люлька стал нашим постоянным корреспондентом.

Вот его второе письмо:

„Письмо в редакцию козак школы грамоты товарища Люльки, который был уборщиком при 11 черказполку. Он был неграмотен. Потом был я отправлен в школу учиться и я подучился немного грамоты. Потом как я подучился немного грамоты меня берут в караул. А меня забирают с школы малограмотных.

Я пошел в Штаб прашу адютанта полка. Он мне предложил: Иди, а то я тебя арестую, а я ему сказал Товарищ Адютант, вы читали Троцкого письмо или нет бо я читал, то я сполняю.

Тогда пошел я к военкому. Говору Товарищ военком начто мыня берут с школы мало грамотного.

А он спросил миня А ты хочиш еще учиться?

А я кажу: Хочу.

А он говорить: Подай рапор политруку школы.

Я подал рапорт, а политрук наложил резолюцию и подал военкому. Военком тоже наложил резолюцию и сказал Учысь. Я сказал Буду.

Козак 11 Черказполка 3-ей Сотни школы Грамоты товарищ Люлька“.

*) Это письмо было помещено без исправлений в корпусной газете „Червоный Казак“.

Постоянный сотрудник
М. Раевский.

Редактор газеты
П. Дермичев.

Пост. сотрудник (б. редак-
тор) С. Давидсон.

Секретарь и зам. ре-
дактора П. Голубь.

Газета.

„К оружию!“ — „Червоный Казак“ — „Красная Конница“ — „Червоный Казак“.

Еще в 1918 г. в 1-м полку Червоного Казачества издавалась своя газета, носившая название „К оружию!“ Редактировала ее Евгения Бош. Газета просуществовала недолго — всего лишь 2 месяца — с февраля 1918 г. по апрель того же года.

В дальнейшем до 1920 года газеты Червоное Казачество не имело; ее заменяли радио-бюллетени. Пользуясь радио-приемником, захваченным во время похода, политработники дивизии имели возможность постоянно получать свежую информацию и распространяли ее среди казаков в виде отпечатанных на машинке бюллетеней. При чрезвычайной затрудненности получения газет из Центра, эти радио-бюллетени несомненно играли большую роль, регулярно осведомляя казачью массу о внутреннем и внешнем положении Республики.

Под Перекопом газета возрождается. При чрезвычайно трудных условиях (о них вспоминает первый редактор этой газеты т. Давидсон) выходит 7 номеров „Червоного Казака“. Газета выходила, несмотря на походное движение (на польском фронте) и постоянные переброски из одного района в другой.

С образованием 1-го Конного корпуса за издание газеты берется Политотдел корпуса. 8-го февраля 1921 г. вышел 1-й номер „Красной Конницы“. Редакции пришлось на первых порах преодолеть множество серьезных затруднений. В Белой Церкви, где стояли тогда штаб и Политотдел 1-го Конного Корпуса, не было газетной типографии. Прошло много времени, пока была приведена в порядок подвижная, походная типография. Подготовительная работа заняла целый месяц. Штат редакции был весьма ограничен: редактор (В. Маньковский), секретарь (А. Флоровский) и два постоянных сотрудника.

Газета выходила 3 раза в неделю, в самом разнообразном формате и на бумаге всевозможных сортов.

Наиболее активными сотрудниками „Красной Конницы“ были: В. М. Примаков, И. Минц (начальник Политотдела), И. Семенов, С. Красный, С. Стерлин.

В период времени с 16-го апреля по 4-е мая 1921 г. штаб и Политотдел корпуса находились в гор. Липовце. Время было урожайное на бандитов.

Связь газеты с читателями—казаками временно нарушилась, вследствие частых передвижений; письма казаков шли в редакцию далеко не в таком количестве, как это было до сих пор. И без того небольшой штат сотрудников уменьшился. Телеграфная информация приходила скупо и с большими задержками.

В июле 1921 г. газета меняет свое название. Снова начинает выходить „Червоный Казак“. Редактором его остается Маньковский, постоянные сотрудники—Грицевская и С. Давидсон (редактор дивизионного „Червоного Казака“).

Сравнительно с 1921 годом газета значительно улучшилась в техническом отношении. Здесь необходимо отметить поистине громадные заслуги наборщиков и печатников „Красной Конницы“ и „Червоного Казака“, несмотря на тяжелые материальные условия, прилагавших все усилия, чтобы газета имела вполне удовлетворительный внешний вид.

Значение „Червоного Казака“ и его работа были отмечены приказом по корпусу от 22 февраля 1922 года. В приказе говорится:

„В день годовщины рабоче-крестьянской Красной Армии выходит сотый номер корпусной газеты „Червоный Казак“. Учитывая проделанную работу и значение корпусной газеты, как органа, идейно отражающего политическую и строевую работу корпуса, приказываю: личному составу редакции и типографии корпусной газеты от лица службы объявить благодарность с занесением награды в послужные списки“.

Редактором „Червоного Казака“ состоит в настоящее время П. Дермичев, ставший на эту работу с февраля 1922 г. В качестве постоянных сотрудников работают гг. П. Голубь и С. Давидсон.

Активное участие в газете принимал н-к санитарной части корпуса М. Раевский. Его работа по освещению в газете санитарных вопросов корпусной жизни отмечена особым приказом н-ка санчасти при штабе Украинского Военного Округа.

Газета выходит 2 раза в неделю. Основной ее материал—внутренняя жизнь корпуса во всех ее проявлениях,—от грязной тарелки сотенной кухни до марксистского кружка. Несмотря на свой небольшой размер, каждый номер газеты заключает, по меньшей мере, 15—30 казачьих корреспонденций, что несомненно показывает ее тесную связь с читателями—казаками.

30-го июня 1923 года „Червоный Казак“ праздновал двухлетие своего существования и выход двухсотого номера газеты.

Стенные казачьи газеты.

Положил начало изданию стенных газет 2-й полк. В мае 1922 г. вышел первый номер первой стенной газеты в дивизии—„Шлях Червонця“.

Но лето прошлого года червонцам пришлось заниматься не корреспонденцированием в газету о своей жизни, а уничтожением тех многочисленных банд, которые густой сетью покрыли Подольскую губернию. Пришлось оставить систематическую просветительную работу—замерли клубы, некогда было думать о стенных газетах. Пять месяцев червонцы боролись со всякого рода „батьками“, пока не разорили черные гнезда Кирнасовских и Ладжинских лесов.

Пришла осень. Червонцы вернулись в свои села и сейчас же принялись за политвоспитание. Заработали библиотеки, ожили клубы, начало развиваться и газетное дело. Уже в октябре 5-й полк издает в сотнях свои четыре газетки. Правда, еще невзрачны они по внешнему виду, нет хорошей бумаги, но „Мысль Червонця“ является действительным отражением казачьей мысли. Обо всем, что интересует и беспокоит казака, он пишет в свою газету. Нет обмундирования, нет салог, приходится ездить в караул в осеннюю грязь—червонец привык к этому, он не отказывается, но безропотно и созна-

тельно выполняя задание, он возвращается домой, садится за стол и пишет в свою стенную: „Нельзя ли как-нибудь улучшить положение?“

Артдив решил издавать газету в стольких экземплярах, чтобы досталось всем батареям. С гордостью читают артиллеристы в самом низу газеты: „Тираж — 8 экземпляров“. Любят артиллеристы свою газету — и за то, что в ней действительно можно узнать „жизнь артиллериста“, и за то, что она по внешности привлекает глаз всякого, посещающего клуб.

В декабре прошлого года стенные газеты издавались уже в каждом полку и даже в таких мелких частях, как сапсотня и сотня связи. Части начали соперничать и пришлось поддержать здоровый дух соревнования: в январе 1923 года был устроен конкурс стенных газет. В конкурсе принимало участие сорок две газеты из четырнадцати частей дивизии. Конкурс показал, что газеты в полках и сотнях прививаются, постепенно втягивают в газетную работу всех казаков, принимают характер периодических органов, освещающих чисто местную жизнь. 1-ый полк, помимо своего „Луча“, пробивающегося в красную казарму, издает иллюстрированное приложение юмористического характера. Кого только „Казачий Перец“ не проперчит — и богомольного казака, и неряшливого библиотекаря, и плохого учителя.

В начале 1923 г. газеты издавались в следующих частях: 1-ый полк — газета „Луч“ с иллюстрированным приложением „Казачий Перец“; 2-ой полк — „Казачье Творчество“; 3-ий полк — „Червоний Запорожец“; 4-ый полк — „Червона Мітла“; 1-ая сотня 4-го полка — „Друг Червонца“; 2-ая сотня — „Мысль Червонца“; 3-ья сотня 4-го полка — „Часовой Труда“; пульсотня 4-го полка — „Мысль Казака“; техкоманда того же полка — „На отдыхе“; артдив — „Жизнь Артиллериста“; 1-ая батарея — „Артиллерист на привале“; 2-я батарея „Конно-Артиллерист“; 3-ья батарея — „Мысль Артиллериста“; сапсотня — „Червоний Сапер“.

Военкор Мадорский.

Во 2-й дивизии издаются следующие стенные газеты: в 5-м полку — „Жизнь Червонца“, „Голос Молодого Червонца“, „Червонец Звонарь“, „Червонец Пулеметчик“; в 6-м полку — „Лубенец“; в артдиве — „Червоний Артиллерист“ (лучшая газета в дивизии); в 8-ом полку — газета на башкирском языке.

Газеты Червоного Казачества.

„Червоный Казак“ в 1920 году.

В марте 1920 года 8-я Червоно-Казачья дивизия стояла у ворот Крыма—у Перекопского вала. Там, за валом, осела волна, откатившаяся от Орла, Курска и Харькова, подкрепленная вскоре теми, которых сбросили с красного материка у Новороссийска.

В глуши, более чем в 100 верстах от железной дороги и в нескольких сотнях верст от штаба XIII, в безбрежных равнинах Таврии стояла дивизия.

С большим опозданием, да и то очень редко попадало сюда живое слово печати. С волчьей жадностью набросились на меня, свежего человека, прибывшего оттуда, из тыла: „Что нового? Как там?“

Интересную картину представлял из себя оказавшийся в этой глуши Политотдел дивизии. В одном классе сельской школы помещался он весь. В красном углу под истрепанным подивским знаменем находился „кабинет“ начподива. Тут же—замначподив, заворгос и парттройка—все в одном лице тов. Церина.

Вечно вз'ерошенный, этот старый партиец, работающий как вол, доработался до того, что одно время нервы его стали серьезно пошаливать. Церин все знал: любую справку по общественным наукам, по истории и географии мы находили в его мозгу. Он был у нас „ходячей энциклопедией“. Завхоз, он же делопроизводитель и журналист, еще 3—4 „универсальных“ сотрудника—и Подив весь.

Пару месяцев назад, когда Подив сформировался в Белеве (Тульской губ.), он был больше, но по дороге порастерял многих политработников, заболевших тифом. Остались только те, кто тифом уже болел раньше.

На краю села с шеста, что рвался в небо, прицепленный к крылу ветряка, тянулись металлические нити, и в крестьянской хате, где они ковчались в поющем пчелкой аппарате, у нас была связь с всем миром. Ночью, без пяти двенадцать, мы проверяли часы по Науэну, улыбались на ругань соседей белогвардейцев (только 20 верст) по адресу своих саботирующих радиоприемников. Мы имели радиовестник, статьи, чуть ли не половину московской газеты. „Все это нужно дать в полки... Нам нужна своя газета“—решил Политотдел дивизии.

Печатать первый номер газеты поехал в город Геническ тов. Бойков. Город обстреливался. Ему покоя не давала судовая артиллерия. Жители разбегались—жизнь в городе замерла. Номер вышел в Мелитополе.

Второй номер печатать отправился я в город Херсон. Статья о назревающей на Западе революции, угрозы по адресу отечественной контр-революции и всемирной буржуазии, о вшах и о холере, обращение с просьбой поддержать газету корреспонденциями да свежие—со своей радиостанции—телеграммы—вот второй номер. В лучшей типографии Херсона, на прескверной оберточной бумаге, выпрошенной у местных „Известий“, он был изготовлен за один день и на другой к вечеру доставлен за 80 верст в штаб, в с. Каланчак. Почти одновременно прибыл и первый номер. На такой же скверной бумаге (на цыгарки недурна!), тоже без соблюдения правил верстки (а кто их знал?), отпечатанный только на одной стороне листа, он производил еще более жалкое впечатление, чем второй.

Газета называлась „Червоный Казак“. Она стремилась,—говорила редакция в своем обращении к читателям,—не только дать казаку свежую информацию, она желала жить его жизнью, отражать бои, подвиги славных, отдых и нужды—она желала быть зеркалом Червоного Казачества.

Третий номер—тоже в Херсоне. За неделю до пасхи собрались мы его печатать и к пасхе думали выпустить еще четвертый. Но в Херсоне бумагу неохотно давали, а может и совсем бы не дали, если бы врангелевские аэропланы в эти дни не бомбили город,

живо напоминая, что фронт еще есть. Номер вышел только к пасхе. Пасхального в нем ничего не было, но зато было первое письмо казака в свою газету.

Для четвертого номера нам в Херсоне бумаги не дали. 1-го мая в с. Колончак был воскресник. Полк, стоявший в резерве, и штабные учреждения под оркестр занялись починкой дороги. Удивленные таким неподходящим для „москальв“ занятием, крестьяне только плечами пожимали: „Какой же это праздник?“. Поняла нас баба. Засучила рукава, лопату в руки—и за щебень.

Ай да баба... Молодец!

В этот день у нас номера не было.

Нам нужна газета. Нам нужна типография, бумага. В частях уже беспокоились. Теревили Политотдел: „Почему же нет больше „Червоного Казака“? Командированный в Поюж в Харьков за типографией и бумагой, я вернулся ни с чем.

Дивизия переходила на юго-западный фронт, на поляков. Я нагнал ее у Бериславля. „Даешь Варшаву... Даешь“—день и ночь скрипел паром, перегруженный людьми, лошадьми, обозом, бороздя Днепр.

В городе Вознесенске дивизия имела трехдневную остановку. Раскопали припрятанную кем-то сахарную бумагу, набирали, перемешав шрифты и сбив с панталыку печатников в обеих типографиях города. Выпустили четвертый, пятый номера „Червоного Казака“.

Через неделю мы вошли в состав 14-й Армии. От Поарма получили разрешение издавать свою газету, средства. Редактора отправили в Одессу формировать типографию. Месяц спустя вагон с типографией (американка), шрифты, бумага и личный состав из четырех рабочих прибыл в полевой штаб XIV в Рахны. Дивизия—в рейде, тыловые части—в Калиновке по ту сторону взорванных поляками мостов. Продолав несколько сот верст по ж.-д. кружным путям, мы добрались до Калиновки.

Дивизия вышла из рейда. Тыловые части двинулись к ней—в Проскуров. Через леса и бандитские села мы на подводах догоняли Подив и нагнали его только в Галиции, в Подволочиске.

Типографию решили сделать подвижной, для того, чтобы наш аппарат печати мог поспевать за дивизией. Американку поставили в большую польскую санитарную карету. Этой карете выпала роль стать печатным отделением нашей типографии. Для того, чтобы в ней можно было свободно работать, ее несколько перестроили—на поларшина подняли крышу. Это гроыхающее пугало на колесах, которое, выбиваясь из сил, еле тащили четыре лошади, мы прозвали „Чортом“.

Походная типография готова. Шестой номер „Червоного Казака“ выпустим на ближайшей остановке в своей типографии—так решили мы, выезжая из Подволочиска дальше в глубь Галиции. Не проехали мы и трех верст, как узнали, что и на хороших галицийских шоссе нашему „Чорту“ могут встретиться препятствия. Он стукнулся „лбом“ о ферму ж.-д. моста, под которым мы проезжали, и чуть не потерял всю свою надстройку. На другой день нас постигло еще большее несчастье. По какому-то недоразумению Подив ткнулся в местечко Подкамень, что у Почаева, оставленное, по неизвестным нам соображениям, нашими частями. Назад, к своим, пришлось ехать через глухие, давно неезженные дороги. И вот, на гребне холма, где дорога ковыляла через камни, рвы и остатки старых окопов, „Чорт“ сломал себе „ногу“—у печатного отделения поломалось колесо. Подив уехал. Мы решили снять машину с „Чорта“ и перегрузить ее на подводу. Темнело. У „Чорта“ остались караулить два печатника с одной винтовкой. Двое отправились в село за подводой. Ночью наш разезд, с опаской подехавший к чудовищу на колесах, сообщил, что впереди в долине поляки, а наши части—позади верстах в двух.

Утром, когда приехали подводы, у „Чорта“ уже никого не было. Машина стояла разобранной, части ее были разбросаны по полю. Польский разезд добрался до машины и, поработав, над ней.

Шестой номер „Червоного Казака“ мы выпустили в г. Кременце, в частной типографии и когда собрались печатать седьмой, наша машина вышла из починки.

В роскошных апартаментах брошенного помещиком фольварка, на земляном полу крестьянской хаты, а когда и в клуне, в течение нескольких часов мы разворачивали свою типографию. Не было еще в истории печатного дела таких гигиеничных наборных помещений: при тихой погоде под открытым небом, а при ветре или в дождь—в клуне устанавливались кассы на складных (изобретение редактора) реалах.

Газета выходила в своей типографии.

С. Давидсон.

Красный милитаризм и его будни.*)

Материалом для настоящей статьи послужил десяток номеров армейской газеты „Червоный Казак“, издающейся в г. Виннице „1-ым конным корпусом червоного казачества“. Редактор газеты—мой „крестник“ по газетной части—прислал свое детище для отзыва. Газета бедная, выходит не ежедневно, в 2 страницы. Но жизнь красного воина в ней отражается очень ярко и оригинально. И в этом ее достоинство.

О кашеварах.

Внимание мое привлекли 2 передовых статьи о кашеварах. Такой темы для передовой статьи не выбирал еще, к сожалению, ни один редактор. Видать, что у червоных казаков журналисты—молодцы и смотрят в корень.

Посреди газеты лозунг:

„Тов. кашевар! Строевик бьет буржуазию пашкой. Вей буржуазию вкусной кашей!“

„Тт. казаки! пишите в газету о плохих кашеварах!“

Из передовой статьи:

„Военком, который преподносит казакам хорошие доклады на собраниях, но не заботится о хорошей пище—плохой военком“.

Из статьи „О не последней спице в красноармейской колеснице“:

„Мы знали одного кашевара, который, преследуя, личные удобства, напихивал сразу в котел бураки, капусту, картофель, воловь ребра, соль, помидоры и лавровый лист; заливал водой, закрывал крышку котла, разводил огонь пожарче, а сам преспокойно шел в цейнгауз, и там в подходящей компании сражался в „21“.

Часа через три он возвращался на кухню, для очистки совести помещивал в котле палкой от метлы и говорил: „Готово!“

Следует, впрочем, отметить, что этот кашевар окончил свою карьеру весьма печально: однажды компания голодных червоных захватила его в тот момент, когда он собирался „прикупить к 15-ти“, и здорово отколотила той же палкой от кухонной метлы“.

Из лозунгов в другом номере:

„Казак! Что в твоей части делают для улучшения пищи?—Напиши в газету. Будешь молчать—будут кормить попрежнему“.

Из другой передовой статьи:

„Нужна чистка! Еще одна чистка? Что же делать?“

„Чистили коммунистов, чистили комсостав, будем чистить и поваров“.

Я сам был солдатом в старой армии, и мне понятна роль кашевара в солдатской жизни. Но хотел бы я посмотреть, как разрешили бы не только в царской армии, но даже в республике социал-демократа Эберта (рабочего!) подобное обсуждение вопросов солдатского быта в солдатской газете. Да и есть ли в Германии нечто подобное нашей красноармейской газете, где пишут и рядовые бойцы, и командиры, и политработники?

*) Настоящая статья перепечатана из газеты „Правда“ № 41 от 23 февраля 1923 г.

Армия—школа.

Все существующие в мире армии стремятся превратить человека в бездушную исполнительную машину. Некоторые допускают внешний, показной демократизм. Но все без исключения убивают в солдате гражданина, отрезают его от общественной жизни его народа.

В нашей армии—наоборот. Берут совсем сырого, темного деревенского парня и стараются из него сделать не только технически обученного воина, но прежде всего сознательного гражданина и революционера. Армия не только не отстает от страны, но частенько обгоняет своих отцов, тянет их за собой.

Прежде всего—борьба с неграмотностью. Вот два донесения:

„7-ой и 8-ой полки на участке 2-ой дивизии прорвали фронт неграмотности. Враг ликвидирован“.

„Неграмотность в 1-ой дивизии, в общем, ликвидирована. Обучено грамоте 262 казака“.

„Нажим идет по всему фронту. Мы бьем врага, уже наученные опытом прошлого года. К 1-му февраля неграмотных у нас не будет“.

„Я пришел в Красную Армию темный, выйду оттуда ученый“,— пишет нам в газету один из казаков-пополненцев.—„Да здравствует Красная Армия и ее просвещение!“

Другой казак пишет:

„Месяца два тому назад я был совсем неграмотный,— как говорится, смотрю в книгу, а вижу фигу,— теперь же умею читать: „Демьяна Бедного“ в библиотеке всего прочел, и два письма уже сам Маньке накатал“.

Дело не ограничивается, конечно, азбукой. Вот, в школе 4-го полка:

„Интересен уголок: „Человек, познай вселенную!“ Заботливой рукой учителя т. Володченко исполнены чертежи и рисунки в красках—наглядные пособия, облегчающие доступ к мироведению“.

Казак Горбачев описывает в газете, как он увидел первую свою напечатанную корреспонденцию. От азбуки к публицистике—смелый прыжок...

Какие запросы пробуждаются у молодого красноармейца в казарме Красной Армии? Приведу любопытную корреспонденцию:

Интересный вопрос.

„Что возникло у первобытного человека раньше: речь или мышление?“— такой вопрос был поставлен на беседе по политэкономии в нашей сотне.

Вопрос всех заинтересовал. Даже беспартийные—и те приняли живое участие в прениях. Лекция превратилась в горячий спор, который так затянулся, что окончание его пришлось отложить на другой вечер. Казакам было предложено подумать над вопросом, с тем, чтобы прийти к определенному выводу.

Побольше бы таких вопросов!“

Казак 1-ой сотни 6-го полка **Дубинин**.

А вот и новый способ развития любознательности и проверки знаний: политлотерея: Красноармейцы вытаскивают записки с вопросами. Кто ответит правильно, получает премию: папиросы, яблоко, книжку, билет в театр и т. п. Но дело не в премии:

„Записки мигом разбираются казаками. Папиросы кончились, но все до того заинтересовались политлотереей, что уже не обращают внимания на папиросы, и политлотерея продолжается без подарков.“

Вот опыт первой политлотереи в нашей сапсоте“.

Казак саперной сотни 2-ой дивизии **Трофим**.

Политсуды—вот еще замечательное средство культурного воздействия на массу „Суд над самогонщиком“, „Суд над красноармейцем Разгильдяевым, отказавшимся посещать лекции“, „Суд над коммунистом“ и т. п.—суды эти, вовлекающие и массу, оставляют неизгладимое впечатление.

Красноармейцы использовали на рождестве старинный украинский обычай „колядок“ для антирелигиозной пропаганды:

„На 2-ой день инициативной (первой начавшей дело) группой сотни были организованы красные колядки; колядовали по всему селу, с музыкой, исполнявшей революционные песни.

Обошли почти все хаты, где стояли казаки.

Отношение со стороны крестьян было очень хорошее — колядки им нравились, хотя некоторые, особенно зажиточные, пожимали плечами, слушая, как поют: „Полетіли корони і трони“... и „Як появился Ленін в голотю босю“... и пр.

Крестьяне и казаки благодарили инициативную группу колядующих за посещение и награждали участников чем могли.

Местный церковный совет, ежегодно колядовавший, а также часть сельской молодежи, видя, как население встречает казаков — „колядников“, сами не решались колядовать по-старому, не уверенные в успехе.

Только на заре колядующие казаки разошлись по домам“.

Одним словом, после короткого срока службы народ получает из армии своих сыновей значительно выросшими культурно и политически. Народные затраты на содержание армии окупаются и с этой стороны, не говоря уже о прямой работе армии — защите революционных завоеваний народа.

Солдат и командир.

На „политчасе“ (в старой армии это называлось „словесностью“) одного казака спросили

„Скажи, чем отличается Красная Армия от царской?“

Казаки встали и без запинок выпалили: „Раньше господа офицеры нашего брата по морде били, а теперь, что называется, товарищество“. Оживились казаки; ответ был исправлен и дополнен“.

Разумеется, Красная Армия не только товарищеским обращением отличается от старой Армии. Но казак нашел хорошее слово: теперь — товарищество. Великое слово. Опять-таки, ни в одной армии мира солдат не скажет о своем командире, что он его товарищ.

Вот группа казаков послана из корпуса в Москву учиться в кавалерийскую школу. Туго им пришлось сначала. Но вот:

„В лице высшего командования корпуса мы нашли вторых отцов и братьев. Во все наши нужды они выскли и по возможности помогли.

Мы в долгу не останемся“.

Казак И. Туца поместил статью: „Не перегибать палки!“ (внимание командования дивизии), где говорит:

„Полагаю, что в Красной Армии не место палочной дисциплине, когда казак трепещет перед командиром от страха.

Авторитет командира только тогда крепок, когда казаки любят и уважают его, как более знающего, более опытного товарища, всегда готового прийти казаку на помощь и научить его лучшему.

Командир в Красной Армии не пугало, а старший товарищ“.

Поводом к статье послужил случай с одним не в меру ретивым начальником.

Могут сказать, что такие статьи в армейской газете подрывают престиж командиров, совершенно верно, во всякой другой армии это было бы нетерпимо. Но в Красной Армии, где строгая дисциплина сочетается с духом товарищества, авторитета командного состава подобными статьями не подорвешь.

Бойца начинают революционно-критическим духом, и он даже будучи демобилизован сохраняет это свойство, борясь со всеми непорядками, добываясь правды, законности.

Кстати сказать, очень тепло и трогательно проходят во многих частях проводы демобилизуемых бойцов, равно и командиров. Я вспоминаю, как провожали в старой армии кончивших свой срок: как пленников, счастливо спасшихся из неволи, провожают те, кто обречен и дальше влечь иго рабства.

Совсем не то теперь. Уходящие благодарят армию за науку, дают клятву вернуться к боевым знаменам революции по первому зову. И дома им первое время—без клубов, без спектаклей, газет, лекций—очень тяжело и скучно, о чем в „Бедноте“ и др. газетах помещается много писем.

Шефство.

Над корпусом Червоного Казачества шефство взял Комсомол Украины. Не ахти какой богатый шеф. От него не разживешься. И все-таки—судя по множеству заметок—червонные казаки совсем ощутительно и постоянно видят помощь и заботу юных пролетариев Украины.

„Сегодня привезли, и вечером раздавать будут. Повеселели хлопцы. „Уж какой-нибудь, а подарочек от шефа будет“, радуются казаки.

Каптер и Р.-К. И. распределяли подарки по-взводно. Взводные приступили к раздаче старичкам в первую очередь, а потом молодняку.

Кто табак получил, кто зажигалку—все рады. А еще больше рад тот, кому и письмо досталось.

„Молодцы комсомольцы, не забывают нас, червонцев“,—расчувствовался старичок, получивший письмо, и тут же присел писать ответ“.

Откуда берутся подарки?

„Центральный комитет КСМУ бросил ключ: „Комсомол должен дать сапоги для червоного казака!“—И сейчас же комсомолец горячо взялся за выполнение этого требования.

Приведу маленький пример:

Фабрично-заводскому району г. Екатеринослава губкомом было дано задание на 25 пар сапог—конному корпусу.

Приступили к работе. Обложили трамвайные билеты, произвели отчисления от жалованья, устроили ряд воскресников—и к 10 января выполнили задание в 400 проц.: собрано сто пар сапог“.

Или из Одессы пишут с табачной фабрики:

„Откуда же эти папиросы?—Рабочие получают по 25 штук папирос в день. Молодежь сама отказывается от курения для того, чтобы червонцы имели курево“...

Вот еще сценка:

„Стали тянуть отдельные подарки. Чего только не было в этих зашитых мешочках: и зубной порошок, перемешавшийся в дороге с махеркой, и зеркальце, и нитки, и бумага, и вакса... А одному счастливицу попались серебряные часы и такой же портсигар.

Но особенно возрос интерес к мешочкам, когда стали читать приложенные к ним письма. Одному досталось письмо от „восемнадцатилетней девушки“, которая извиняется перед казакон за свой скудный подарок, и посылает ему... коммунистический поцелуй.

„Прими этот скудный подарок, дорогой казак, от твоего меньшего брата“,—читает письмо один из товарищей.

Сколько щемящей сердце радости переживаешь при чтении таких строк!“

Мало того, устанавливается такой обычай, что червонец, даже вне полка, куда бы он ни попал, смело обращается за советом и поддержкой в комитет Комсомола, как к своему шефу.

Сами шефы.

Казаки не только пользуются помощью со стороны шефов, но и сами являются шефами для детей из голодающих губерний. Из своего скудного пайка и жалованья казаки содержали детские дома. Вот как описывает „Казак Мишка“ проводы татарчат на родину. Разумеется, одели детей, как следует, снабдили на дорогу пищей:

„Вот настал, наконец, тяжелый час расставания. Когда дети оделись и подошли прощаться с персоналом и остающимися детьми, в доме поднялся ужасный плач,—и немудрено: с мая месяца жили вместе, делили и радости и горести (хоть редко, но и они бывали). Будучи брошены сюда великим бедствием—голодом, дети, кроме пищи телесной, получали здесь и духовную пищу. Многие приехали сюда неграмотными, теперь свободно разбирались по-печатному и писаному, и вся татарская колония считалась поступившей в школу.“

Самое главное, что нашли дети в детдоме.— это душевное, прямо матерински доброе к себе отношение. А поэтому теперь все плакали.

Всклинул даже печно-хмурый старик-рубака--казак, завхоз, но опомнился и зычным голосом, немного дрожащим от переживаний, объявил, что повозка готова".

Таковы будни одной из самых героических частей Красной Армии.

Таков наш „красный милитаризм“, которым пугают детей социал-предатели всех стран.

Л. Сосновский.

1918 год.

„Перший Курінь Чер. Козацтва“.

Мы с тов. В. М. Примаковым ночевали в той комнатухе, где помещалась касса Народного Секретариата.

Это были первые недели существования Советского правительства Украины, и выполнение членами ЦИКУК'а (Центрального Исполнительного Комитета Украины) обязанностей простых караульных отнюдь не было редкостью.

Вообще любопытное было время. В Харькове находилось Советское правительство, а рядом продолжали существовать органы мелко-буржуазной Центральной Рады, выходила шовинистическая газета, даже оставались вооруженными войские части Рады. Понятно, что такое положение не могло долго быть терпимо.

В этот памятный вечер, 27-го декабря 1917 года по старому стилю, Виталий сказал: — Ты лучше не раздевайся, предстоит интересное дело ночью.

— А что, уж не готовится ли нападение на кассу?

— Нет, на этот раз мы, пожалуй, сами нападать будем...

Меня это несколько удивило. На Дону в это время шла вооруженная борьба с корниловцами, в Харькове поэтому находился штаб наркома по борьбе с контр-революцией тов. Овсеевко-Антонова; но сам по себе Харьков был в достаточной мере уже очищен, корниловских банд поблизости не было... На кого же мы собираемся нападать? О возможности вооруженного столкновения с Украинской Центральной Радой я не подумал. На этом участке гражданской войны обе стороны держались выжидательной тактики, хотя до нас уже доходили слухи о мелких стычках в Одессе, Екатеринославе, о бесчинствах гайдамаков в Киеве.

Виталий разрешил мое недоумение:

— Будем разоружать 2-ой Украинский полк.

Меня очень обрадовала весть о предстоящем разоружении этого полка Центральной Рады, так как в последние дни приходилось все чаще слышать сетования на промедление в этом деле. Знал я, что т. Примаков уже довольно продолжительное время ведет работу по разложению и расслоению полка, что есть у него там „свои ребята“. Поэтому поразительно простым и легко осуществимым показался мне разработанный им план разоружения.

— 9-я и 11-я роты — совсем наши; мы, значит, пройдем в помещение 9-й роты, арестуем дежурного офицера, раздадим солдатам патроны, затем то же самое сделаем и с 11-й ротой. Сопротивление можно ждать только со стороны 1-й пулеметной роты. Но мы из окон помещения 9-й роты обстреляем пулеметчиков и сразу терроризируем их.

— А офицеры?

— Офицеры будут спать либо пьянствовать после спектакля, который сейчас закончится в полковом клубе.

— Но ты говоришь, что только две роты наши: справимся ли мы со всем полком, в случае, если сопротивление все-таки будет оказано?

— Ровно в 1-ом часу ночи придет военный комендант города Войцеховский с бронемашинами—он и будет руководить разоружением. А до его приезда руководство операциями возложено на Шарова. Оба они разработали и этот план.

Около полуночи мы, захватив с собой т. Эрлихермана (тогда бывшего левым эс-эром), втроем отправились на Москалевку, в казармы 2-го Украинского полка. Все мы были в серых шинелях и форменных фуражках.

— Часовой наш?—справились мы у тов. Примакова.

— Нет, незнакомый. В случае чего—свяжем.

Однако обошлось благополучно. Часовой дремал и не заметил выглядывавших из-под солдатской шинели штатских брюк Эрлихермана.

Мы прошли в помещение 9-ой роты. Примаков разыскал знакомых солдат; мы собрали их в кружок и беседовали, обсуждая с ними план действий. Затем собрали всю роту, роздали винтовки, патроны.

Настроение солдат было решительное и уверенное. И все они ставили лишь одно условие: чтобы по окончании операции из них была сформирована советская украинская часть.

Вскоре поволокли испуганного дежурного офицера, арестованного и обезоруженного. То же было проделано и в 11-ой роте.

Во всем этом нам помогал пришедший из города Шаров. Но поведение его нам не нравилось. Держался он трусливо и подозрительно, о чем-то шептался тайком от нас с наименее выдержанными из солдат и т. п.

Когда я обратил на это внимание т. Примакова, он резко ответил:

— Раз на него возложено командование, наш долг подчиняться!

А потом добавил более спокойным тоном:

— Мы с тобой не будем оставлять его ни на минуту; если во время операции заметим что-нибудь подозрительное—попросту пристрелим его. А я попытаюсь забрать инициативу в свои руки.

Я невольно залюбовался Примаковым: уже в эти минуты в нем чувствовался будущий „железный рыцарь“.

Однако время шло, а приступить к разоружению остальных рот и к обстрелу пулеметчиков мы не могли, так как все это должно было, по полученным нами директивам, начаться лишь с момента приезда Войцеховского. Очевидно, что-то задержало его. Было уже половина второго ночи. Солдаты стали нервничать и проявлять опасение за счастливый исход предприятия. Поведение Шарова становилось все более подозрительным.

Один лишь Виталий не падал духом, подбодрял солдат и постепенно подчинил их своему влиянию. Все уж смотрели на него, как на начальника, Шаров же ступшевался и бледнел в их глазах.

2 часа... Минуты тянутся мучительно долго.

Неужели неудача?

Вдруг у ворот казармы послышался шум, захрипели моторы бронемашин, затрещали отрывистые выстрелы.

Приехали. Пора начинать и нам.

Шаров ступшевался совершенно. Командовать стал Примаков. По его команде все мы бросились к окнам помещения 9-ой роты, чтобы из них обстрелять казармы пулеметчиков, дали несколько залпов и...

И тут-то обнаружилась любопытнейшая вещь. Только в тот начальный период гражданской войны возможно было нечто подобное.

Оказалось, что окна помещения 9-ой роты выходят в сторону противоположную расположению казармы пулеметчиков. Мы, следовательно, стреляли впустую. План выработывали Войцеховский и Шаров, а мы все были столь увлечены мыслями о предстоящем выполнении этого плана, что не подумали даже проверить заранее его осуществление.

Но Примаков и здесь нашелся. Выстроив 9-ю и 11-ю роты, он быстро вывел нас во двор.

Там шла беспорядочная, частая стрельба в абсолютной, жуткой темноте. Расположения зданий никто из нападавших не знал. Стреляли куда попало, обстреливая все окна и выход. Мы, таким образом, очутились под перекрестным обстрелом. Среди солдат вновь началось брожение:

— Что-ж они, раз'этакие, по своим стреляют.

Только уверенный, начальнический тон Примакова да находчивость и правильность его приказаний вновь успокоили солдат. Вытянув отряд цепочкой вдоль стен, Примаков вывел нас на позицию, откуда мы могли обстреливать пулеметчиков.

И вскоре наши оглушительные, нервные, но организованные залпы присоединились к хаотической пальбе бронемашин.

Впрочем, стрелять пришлось не слишком долго. Как мы и рассчитывали, полк был сразу же терроризован неожиданным нападением. Сопротивления не было оказано совершенно. Офицеры почти все скрылись, оставив нам в качестве трофеев массу наскоро оторванных золотых погон.

Двор казармы осветился факелами, фонарями. Из дверей выходили заспанные группы солдат, без возражений складывавших оружие в кучи, у которых караулили красногвардейцы.

Забрезжил рассвет. 2-го Украинского полка Центральной Рады уже не существовало. Зато проходил по городу заново сформированный из бывших солдат 9-й и 11-й рот Перший Курінь Червоного Козацтва. Тот самый, который впоследствии, развернувшись в полк, затем в бригаду, дивизию и, наконец, корпус, столько славных, незабвенных страниц вписал в историю украинской, российской и всемирной пролетарской революции.

И. Ю. Кулик.

Партизаны.

Как мы стали партизанами.

Вскоре же после Октябрьской революции в нашем уездном городке Лохвице был организован небольшой отряд революционной охраны. Первоначальной задачей этого отряда была охрана городка от всякого рода преступного элемента. Впоследствии этому отряду суждено было принять участие в гражданской войне. Большая его часть превратилась с наступлением немцев на Украину в партизан. Вот как это случилось.

Помню, как сейчас, дежурил я контролером на городской телефонной станции. По дороге ехали верхами грязные, оборванные, непохожие на кавалеристов люди. У одних были седла, другие сидели просто на мешках, а некоторые обходились и совсем без седел. Обмундирование было тоже самое разнообразное: полосатые кепи, пиджаки, крестьянские свитки, у некоторых гусарские мундиры и красные шаровары. Они шли на поддержку наших революционных отрядов, изнемогавших в непосильной борьбе с хорошо вооруженными немецкими полчищами. Фронт,—если только можно назвать фронтом то, что имело место в тот период гражданской войны,—проходил уже совсем недалеко от Лохвицы.

В комнату станции вошел высокого роста человек, в сопровождении другого ростом гораздо ниже его, при разговоре смотревшего вверх, в глаза своего собеседника.

Высокий—как я после узнал—был тов. Ауссем. Он улегся или, вернее, свалился на маленький диван, с видом давно не спавшего человека. Телефонистки с каким-то страхом поглядывали в его сторону.

Оттуда, где шла борьба с немцами, поступали тревожные сведения. Бахмач и Ромодан были заняты немецкой армией. Пришлось отступить из Лохвицы. Вместе с червонцами ушел и наш лохвицкий отряд. Командовал им тов. Прилипин, в военном деле понимавший очень мало. Впоследствии Примаков сменил его, вначале же мы держались от червонцев почти обособленно. Многие, и я в том числе, до самой Ахтырки даже не видели атамана червонцев—Примакова. Представляли мы из себя довольно беспорядочное сборище крестьянских молодых парней. Военному делу учились отступая, в борьбе с немецкими войсками. Военная спайка, кое-какая дисциплина держались только на сознании, что на наши села идет беспощадный враг, что нужно с оружием в руках противостоять его напору.

А. Прималенный.

По пути к нам вливались добровольцы. Их ни о чем не спрашивали. Хочешь сражаться—иди. На тебе винтовку, доставай лошадь. Многих сражавшихся бок о бок рядом с нами мы даже не знали ни по фамилии, ни по имени, и только уже впоследствии все участники отряда перезнакомились друг с другом.

В Гадяче.

Ночь... На станцию прибывают и запружают ее революционные отряды—одни поездами, другие пешком или на лошадях. Между вагонами царит, не переставая, говор шум и крики. Один искал свой вагон, другой окликал товарища, третий просто занимался разговорами. В общем все это сливалось в одно непрерывное а-а-а-а-а... Иногда ночную тьму пререзывает выстрел, и огонь освещает близкие предметы,—солдаты еще не научились обращаться с оружием.

Утро, день,—мы двигаемся дальше на Зеньков. Бесконечные обозы обывательских подвод. Красногвардейцы идут пешком около подвод, изредка помогая „дядьку“ вытащить воз из ухаба. По мере удаления от родных мест растет ненависть к наступающему врагу. По временам слышатся проклятья по адресу немцев, приправленные добрым русским словом. Лошади, тяжело дыша, тащат пулеметные двуколки и возы с котомками солдат.

По пути какая-то экономия. Заходим и располагаемся на отдых—уже вечерет. Какой-то догадливый человек распорядился приготовить ужин. В двух огромных кухонных котлах—борщ, и его наливают всем, не жалея, с излишком. Однако, некоторые хлопцы так устали за дорогу, что прямо падают на нары и сейчас же засыпают, не ужиная. Тело ноет, ноги одеревятели, облепленные грязью сапоги висят тяжелым грузом. Оружие—под боком.

Не помню, долго ли мы спали, как вдруг влетает в казарму один из наших партизан и командует: „Поднимайся, немцы близко“. Несмотря на усталость, солдаты, как угорелые, камнем сваливаются с нар и, на ходу одеваясь, выбегают на двор. Некоторые для чего-то взялись запрягать волов. Ярма были вместо железных колец на веревках и неисправны. Волы бодались и никак не хотели впрягаться. Да и непонятно, для чего их собирались запрягать: ведь на волах далеко не уедешь. Выехав за экономией, солдаты большей частью бросили своих „иноходцев“ и пошли пешком.

В Зенькове.

Добрались до Зенькова. Улицы кишмя-кишат солдатами. Они ходят взад и вперед, ища своих. Сюда собрались партизаны всяких отрядов. Мы поместились в женской гимназии на центральной улице города.

К вечеру на второй день нас назначили в заставу у деревни, насколько я помню, как-будто Веприк. Придя туда, мы расположились по хатам на краю деревни и поставили пост у ветрянки. Мне выпала очередь становиться на пост ночью с 12-ти часов.

Только успел я оглядеться, вдруг слышу со степи раздался топот (земля немного подмерзла), а через некоторое время и говор. Я зарядил винтовку и с напряженным вниманием впился глазами в ту сторону, откуда доносились звуки. Ко мне подбежал сзади товарищ и с растерянным видом сообщил, что немцы уже в деревне. Они зашли с тыла. Бросились мы к хате, а там уже никого из наших нет—ушли. Выскочили на улицу и увидели, как, скрываясь за углом, мелькают немецкие всадники. Тут я в первый раз стрелял по врагам революции. Мой товарищ заряжал винтовку и выпускал патрон за патроном, тщательно целясь. Немцы, с своей стороны, открыли стрельбу. Мы перелезли через тын и бросились бежать по огородам, ежеминутно целяясь ногами за пеньки и палки, валявшиеся по дороге. Сбежали под гору. Выстрелы со стороны немцев участились, и пули, жужжа, пролетали под нашей головой, но благодаря выемке, куда мы попали, они не причинили нам вреда.

Уже за версту нагнали своих. Шедший около меня товарищ сообщил, что наша застава в Тарасовке попала немцам в руки. Жаль хлопцев. „Кажуть хлопці, що чули, як їх там били“— говорит мой собеседник: „Кажуть, що різали, бо ті довго не здавались, а відступати було нікуди“.

В Зенькове, куда мы вскоре добрались, все были уже готовы к дальнейшему отступлению. Выехали. Луна бросала слабый свет на равнину, по которой отступали наши отряды. Слышался только стук копыт о мерзлую землю.

Остановились в м. Грунь. Зашел в чайную. Чая уже не было, и самовары стояли пустые. Посуда была свалена в кучу на жестяной поднос, а хлопцы после бессонной ночи спали где и как понало: один на стульях, другие на полу, лежа, сидя, полулежа. На диване я увидел Ауссема. Он, склонившись на спинку дивана, спал сидя.

Рассвело... Вышел на двор. По двору взад и вперед ходили партизаны, собираясь там и сям в группы. Около меня прошел высокий, худой, с изнуренным лицом человек в полосатой шляпе, с закинутой через плечо новенькой, изящной американской винтовкой, в ботинках английского фасона с обмотками.

Рыжая коротенькая борода, нос с горбинкой. Я осмелился подойти к нему и попросил: „Товарищ, дайте мне вашу винтовку, а я вам дам русскую“.

Человек в шляпе отрицательно покачал головой и не согласился на мое предложение. После я узнал, что это был Пятаков. Он шел с нами до самого Новочеркасска, принимая участие в боях наравне с остальными партизанами.

В Ахтырском монастыре.

На горизонте показались главы Ахтырского монастыря. Вехали и расположились, как у себя дома. Монах, выдававший нам ячмень для лошадей из монастырского амбара, суетился и охал. Несколько раз он пытался уверить нас, что ячменя больше нет, но напрасно: ячмень продолжал поступать нашим лошадям равномерно и прямолинейно. Партизаны разместились в номерах монастырской гостиницы. Келейник в нашем присутствии обращался к нам не иначе, как: „Рабы божие, рабы божие“... Но только лишь выходили мы за дзери, как позади слышалось: „Черти-б вас побрали... накидали окурков—прибирай тут за ними“...

Почти ежедневно ездим в раз'езды. По временам хлопцы возвращаются, не досчитываясь двух или трех, павших в бою...

В монастырской конторе поместилась канцелярия. Помню, мне выдали оттуда удостоверение за подписью „Евгения Бош“. Что же это,—подумал я,—неужели женщина командует фронтом, и, убедившись, что это так, только диву дался.

Как погибла моя лошадь.

Отступление продолжается. Нас все окружают и окружают тесным кольцом враги. В Ахтырке погрузились в вагоны. Выдали нам полушубки желтые, хорошие. Не доезжая Богодухова, опять выгрузились, не помню только на какой станции. Остановились на каком-то хуторе. По железной дороге ходил неприятельский бронепоезд и стрелял по пехоте. Вскоре же мы двинулись дальше к Харькову. Лошади идут ровным шагом, моя серая гарцует. Приближаемся к какой-то деревне (названия не помню). Выслали вперед дозор. Выстрел... за ним другой. Выстрелы участились. Неприятель стрелял из окон хат. Неприятельские всадники бегали по улицам. Видя такое положение, неслись уже обратно наши дозоры. Вслед за ними понеслись и все мы. Приехали на станцию N. Поезда один за другим уходят на Харьков, увозя красногвардейцев. Ночь прошла сравнительно спокойно: немцы не решились лезть к станции, наоборот, они почему-то даже несколько отошли назад.

Утром я с товарищами поехали в разведку. Ехали по железнодорожной линии. Проехав в сторону неприятеля версты три, мы вдруг услышали сзади шум. Остановились. То мчался наш броневик (забронирован он был на скорую руку мешками с землей). Хлопцы начали метаться на путях. Одни кричали: „Бери вправо“, другие: „Бери влево“, третьи бегали по железнодорожной насыпи, но спуститься с насыпи не решились—внизу было болото, а насыпь очень крутая. Некоторые бросились по путям наутек; кое-кто слез с коней и оставил их на произвол судьбы.

Я, как самый умный из всех, с лошади не слез, а в страхе остановил ее на правой линии. Читатель скажет: „Да, умный, нечего сказать: поезд идет всегда по правой, а он, дурак, как раз на нее и стал“.

Но погодите, придется, может быть, кому из вас быть в таком положении, и вы, я думаю, как раз сделаете то, что совсем не нужно было бы делать.

Поезд в мгновение ока палетел на меня, и я уже смутно помню, что происходило дальше. Очнулся я на самом краю насыпи. Очевидно, я проделал в воздухе петлю. Лошади около меня не оказалось. Пишу сейчас это, и мне чудится запах мазута. Он облил мое лицо, так как голова находилась не больше полудюйма от рельс. Я поднялся, вытер мазут на щеке и, шатаясь, как пьяный, пошел искать лошадь. Шагах в 20-ти, не меньше, я нашел одну ногу, дальше вижу—лежит другая нога, пройдя еще шагов пять, нашел третью и остаток моей бедной лошади. По мере приближения к ней какая-то боль росла в груди и словно твердый ком подкатывался к горлу. Она еще была жива, хотя кишки, вывалившись, лежали на песке. Пристально посмотрела на меня и так жалобно, словно человек, который хочет сказать о своем страдании и не может. Я никогда не забуду этого взгляда.

Голова ее бессильно упала на землю, а я, как сноп, повалился рядом, обнимая свою лошадь и плача, как ребенок. Пишу и чувствую, что хочется плакать. Лошадь да шашка—одна надежда казака.

Меня стащили с бездыханного трупы моей лошади. Мои товарищи, Цопа и Танчик, хлопотали около. Я встал и бегом пустился к поезду, словно желая растерзать эту бездушную машину. Поезд остановился. Оказалось, что под него попала лошадь еще одного казака-донца. Тот со злобным видом выхватил револьвер и целился в машиниста. Машинист вылез из своей будки и клялся, что никак не мог во-время остановить поезд.

Он плакал и умолял пощадить его, говоря, что у него дома дети, что ему надо кормить их. Казак-донец, тоже сквозь слезы бормоча какие-то несвязные слова, медленно спрятал револьвер в кобуру.

Броневик, выпустив клуб белого пара, двинулся дальше. Мы с Цопой сняли окровавленное седло, взвалили его на плечи и пошли по пути.

Наши поехали дальше, а мы с Цопой устроились в обозе.

На Дон!

Нас перебрасывают на Дон, против Краснова. Едем в эшелонах.

Прибыли в Таганрог. Стояли попрежнему в вагонах, под одним из пакгаузов. По вечерам водили в проводку лошадей, а днем бездействовали, курили, лежа на сене, и говорили о прошлом, не зная о будущем. Приходил Примаков, и подолгу проводил с нами время. На нем была чрезвычайно поношенная серая папаха, которая от давности потеряла даже свой первоначальный цвет и была уже не серого, а какого-то пепельно-темного цвета. Не раз потом приходилось червонцам видеть эту папаху, мелькающую в пылу схватки. Она служила для нас как бы маяком, за которым мы неслись, не обращая ни на что внимания.

Однажды вечером Примаков сообщил нам, что завтра выступаем против Краснова. Приготовились. Чистили и осматривали винтовки и сабли, приводили в порядок седла и сбрую. В тот вечер уже никто не пошел гулять в город или на станцию, как это бывало до сих пор. В ту же ночь нас отправили на Ростов. Поезд мчался на всех парах. Высадившись в Ростове, оседлали коней и двинулись на Нахичевань.

К Новочеркасску

Пройдя Нахичевань, расположились в одном из хуторов по дороге к Новочеркасску. Военных действий еще не происходило. По временам лишь в сторону противника высылались раз'езды.

Через несколько дней поехали дальше. У Аксайского станичного правления пополнили наши запасы пик; брал кто хотел—их там была масса. Рядом с нами двигался партизанский отряд анархистов; кто им командовал—не знаю. Нам сообщили, что слева идет кавалерийский Нежинский отряд. Беспечно, с ружьями наперевес, пешком, чтобы не изнурять лошадей до боя, шли мы вперед. Уже главы церквей Новочеркаска заблестели на северной части горизонта, взоры наши устремились туда. На порядочном от нас расстоянии то показывались, то исчезали группы белых казаков. Они обнажали шашки и поднимали их вверх. Шашки блестели на солнце и в душе чувствовалась жуть и вместе с тем злоба.

Перевалили через возвышенность и уже спускаемся в лощину. Вдруг слева начали показываться всадники. Мы считали их за своих, за нежинцев, но после оказалось, что это была жестокая, дорого нам обошедшаяся ошибка. Это были враги. Они начали изредка стрелять по нас. Пули ложились спереди, поднимая пыль и никого не задевая. Никто не подал никакой команды, но мы инстинктивно начали стрелять по всадникам. Заработали пулеметы. Червонцы один за одним ложились в межи, приспособливаясь, чтобы не быть задетыми шальной пулей. Раздавалась беспорядочная, спешная стрельба. Так продолжалось недолго. Из балки, с фланга и почти-что с тыла, выскочили красновцы и, обнажив шашки, бросились на нас. Заварилась каша. Мы никак не могли сообразить, что делать. В довершение всего откуда-то начали нас обсыпая орудийные снаряды.

Попадания были меткими и разрывы рассеивали губительный чугун. Раздалась команда: „По коням“. Наш сотник Алексеенко даже скомандовал: „Стройся по три“. Не-то от хладнокровия, не-то от страха была сделана такая команда: враг был уже

настолько близок, что нечего и думать было выполнить ее. Все бросились врассыпную. Пеший партизанский отряд анархистов сорвался и задал тягу. Пулеметчики, вместо того, чтобы стрелять, спешно тащили пулеметы с курганов и почти бросали их в повозки. Прделав эту операцию, вскакивали на повозки сами и неслись в долину. Враг, численностью превосходивший нас раза в три, все больше и больше окружал нас, забегая к нам в тыл. Анархисты и пехотинцы падали, пораженные саблями врагов. Мы пытались броситься наперерез, но, увы, снаряд попал как раз в нашу конную цепь и тем остановил наше движение вперед.

Лошади, как бы чуя опасность, рвались вперед. Пули со свистом пролетали мимо. Я уперся ногами в стремя и, положив на левую руку ружье, стрелял, выбирая тех, кто следовал за мной. При каждом выстреле лошадь еще более усиливала бег.

Справа неслась по бороздам пулеметная повозка. На ней сидели два пулеметчика и сестра милосердия. Казаки-красновцы уже настигают ее. Пулеметчики вдруг соскакивают, снимают постромки и, усевшись верхом, оставляют сестру на повозке. Она, бедная, тоже соскакивает и бежит. Бесполезно: не уйти ей от врагов. Юбка мешает бежать. Сотник Алексеенко поворачивает вправо и кричит: „Нужно спасти сестру... Я возьму ее к себе на седло“. Но было уже поздно. Не пробежала она и 10-ти шагов, как красновцы настигли ее и начали рубить.

Красновцы приблизились к нам совсем близко. Уже слышу, как храпит лошадь преследующего меня красновца. Я одеревянел. Ужас охватил душу в предчувствии, что скоро голова моя будет лежать на земле, как и головы многих других. Преследующий меня ругался на чем свет стоит и иступленно махал шашкой. Однако, видно, не суждено было помереть мне от красновской шашки. Красновец, лошадь которого, видимо, выбилась из сил, стал отставать. Я заскочил в балку и по этой балке добрался до речки, через которую и переправился на тот берег. Здесь уже собрались все наши силы, и решили принять бой, но ограничили тем, что вырыли небольшие окопы. Пехота осталась на месте, а мы поехали в Аксай, чтобы переночевать и раздобыть сена коням.

Ночь, проведенная в Аксае, была не из особенно приятных. Все думали—вот-вот нагрянут красновцы на спящих, но все обошлось благополучно, и на заре уже мы были на конях, направляясь по дороге к Новочеркаску.

Под'езжаем к Новочеркаску. В городе бой. На окраине как раз расположены кирпичные заводы и домики городской бедноты, рабочего люда. Седые старики и женщины с ребятами умиленно встречают нас. У некоторых на глазах слезы радости. Кое-где по улицам слышится перестрелка. Вокзал в наших руках. На станции получили новые шашки. Каждый из казаков не без удовольствия примеривал португую.

За стационарным депо можно было наблюдать ужасную картину расправы белогвардейцев. Трупы неизвестных убитых лежали присыпанные шлаком. Из-под угля торчали руки и ноги.

В Новочеркаске пробыли несколько дней. Червонцы отдыхали, приводили в порядок вооружение и водили лошадей дляковки.

В Кривянке.

От Новочеркасса пошли на Кривянку. Утро. Туман над равниной и речкой, проходящей близ Кривянки. По дороге лежат в разных позах убитые. Подступы к Кривянке были для нас неудобны. Расположившиеся на возвышенности красновцы обстреливали нас, а мы, двигавшиеся по открытой равнине, являлись для них весьма удобной целью.

Переправились вместе с пехотинцами через мостик. Пехотинцы, держа лопатки у лба, пулей срывались с моста и укрывались по-за соломенными и глиняными заборами.

Дальше пехотинцы двигались огородами и садами, а червонцы по улицам, придерживаясь забора. Целый день держались в станице против превосходящего нас силами врага.

Только уже к вечеру видим — белые казаки все больше и больше наводняют станицу. Откуда они только берутся!. Проскакав на тот край станицы, где происходила переправа, червонцы занимают опорный пункт у церковной ограды, чтобы обеспечить себе дорогу к отступлению. Только успели засесть у церковной ограды, как со всех сторон стали показываться красные фуражки и такие же красные морды красновцев. Завязалась перепалка. Отдельные удачные попадания красновцев выводили из себя наших казаков. Полусотник и адъютант Примакова, тов. Ганжа, вне себя от гнева, перескочил высокую церковную ограду и дал по красновцам несколько выстрелов.

Видим — под'езжает к нам красновский казак, как будто для переговоров.

„Кто вы такие?“ — спросил он.

„Мы — революционные войска, отряд тов. Примакова... А вы?“ — ответили и в свою очередь спросили Примаков и Ганжа. Не помню, что сказал затем красновец, но Примаков крепко выругался и пустил в него пулю, Ганжа — тоже.

„Дипломат“, накренившись на бок, скрылся за углом и больше для переговоров не являлся. Дружными залпами осадили красновцев, сели на лошадей и отступили с тем, чтобы завтрашним утром снова отбить станицу.

Бои под Кривяжкой продолжались несколько дней. Мы то занимали эту станицу, то опять под натиском красновцев оставляли ее. В конце концов Примаков, отступая из станицы, распорядился заминировать ее, чтобы помешать противнику преследовать нас.

По примеру Тараса Бульбы.

Я ехал вместе с казаком Зевакиным.

Зевакин — это типичный партизан. Несмотря на то, что на дворе было уже жарко, он носил высокую баранью шапку. Воротники у куртки, гимнастерки и нижней рубахи никогда не застегивались, и грудь в этом месте была кирпично-красного цвета. На поясе у него висело несколько бомб, шашка и револьвер, за плечами винтовка.

Это, поистине, был человек с характером. Описанный ниже случай подтвердит мое мнение о нем.

Отправились мы с ним на рысях к левому флангу. Почти все червонцы уже выбрались из горящего села. Остановились у деревянного, выделявшегося среди остальных, дома какого-то кулака.

Зевакин говорит: „Нужно обязательно сжечь“. И, несмотря на мои просьбы убраться по добру, по здорову, соскакивает с лошади и через окно забирается в хату. Стою я, — минуты кажутся вечностью, а Зевакина все не видно. Мы рискуем попасть в лапы красновцев.

Однако уходить один не хочу: нельзя оставить товарища в одиночестве, да и лошадь опасно бросать одну. Сорвет повод — и Зевакин останется пешим.

Спустя довольно продолжительное время из окон повалил белый дым, а вслед затем, задыхаясь, вывалился из окна и сам Зевакин. Я был рад, что, наконец, мы можем дать ходу. Но не тут то было! Зевакину захотелось сжечь и конюшню. Долго он там чиркал одну спичку за другой. Я сидел на седле, как на иголках, но чувство товарищества и тут удержало меня, — в случае драки лучше умереть с таким человеком, как Зевакин.

Наконец, загорелась и конюшня. Зевакин сел на лошадь, и мы послешно удаляемся. Я рад, что все обошлось благополучно.

Вдруг Зевакин кричит: „Плетки нет!.. Там осталась!.. Поеду возьму плетку. Как, чтобы моя плетка пропала!“

Напрасно я упрашивал его бросить эту затею, суля ему подарить свою плетку. „Мне — говорит — твоя плетка не нужна“, и, повернув лошадь, поскакал обратно

Пришлось и мне последовать за ним. Долго он провозился в горящей конюшне, разыскивая там свою плетку. Все-таки отыскал ее и мы стрелой понеслись по охваченным пламенем горящих хат улицам. Добрались до переправы благополучно и приехали в Новочеркасск.

Спали мы в Новочеркасске у арсенала, или, вернее сказать, у складов оружия. Тут было свалено бесчисленное количество австрийских винтовок. Сена коням было вдоволь.

Хлопцы привезли откуда-то целую бочку вина и, по правде сказать, почти все были пьяны. Кружка переходила из рук в руки. Обед варился в походной кухне. Борщ навалили прямо в ведро, а мы уже из ведра человек по 8 уплетали за обе щеки.

В Новочеркасске с нами слился отряд Багинского. Мы подружились с его ребятами.

А. Прималенный.

На Киев!

Начало 1918 года... Полтава под натиском отряда червонных казаков уже очищена от гайдамаков. Медленно, с остановками на каждом полустанке, тянется длинный эшелон на Киев. На остановках слышен живой украинский говор, лихие песни.

Это—червонцы. Они едут на Киев помочь рабочим, как и в Полтаве, прогнать желто-блакитную свору. Беспечность, удаль написана на веселых лицах этих хлопцев, сквозит в каждом их жесте. Кажется, не умирать идут они, а на праздник.

Вот и их командир. Невысокого роста, в защитном френче и серой папахе. Молодое лицо, совсем еще без усов. Это—Примаков. На каждой станции он обходит эшелон, заглядывает к своим хлопцам, перебрасывается парой коротких словечек, шуткой.

„Главное, хлопцы, чтобы женщин не было в вагонах. За это я буду строго наказывать. Помните, вы казаки, а казаку в походе не дело с женщиной возиться“.

На станции Дарница эшелон разгружается. Казаки выводят застоявшихся лошадей. Лошади фыркают, ржут, вновь почуя волю. Шутки, бодрые окрики, веселый говор. У этих хлопцев хватит уменья и сноровки побить врага. А враг недалеко. За Днепром все чаще и чаще раздается гул орудий и холодный треск пулеметов.

Ночью конный отряд червонцев перешел по льду Днепр и занял Куреневку — предместье Киева. На третий день город был очищен.

Казак 1-ой сотни 1-го полка **Сергеев.**

Матрос Грива.

Товарищ Грива—матрос, партизан-рубака.

Не раз он смотрел смерти в глаза, не раз он вырывался из ее костлявых объятий. Это один из тех, про которых говорят, что он „прошел огонь и воду“. И действительно: т. Грива купался в Дунае под обстрелом румынских пушек; с яростью отбивался от германских карательных отрядов; как затравленный зверь пробирался сквозь горящий лес, лавируя под градом пуль германских пулеметов,—и ушел от петли...

Грива—храбрец и герой, которому ничто не страшно.

Вот один из его многочисленных подвигов.

По Десне, между Черниговом и Новгород-Северском курсировали пароходы, перевозившие вооружение и войска. Часто они громили побережные села, терроризировали крестьян.

Тов. Примаков решил захватить один из этих пароходов, навести панику и этим прекратить дальнейшее пароходное сообщение.

Был разработан дерзкий по смелости план захвата.

12 дюжих партизан, во главе с матросом Грива, отправились на охоту за пароходом.

Партизаны добыли лодку, нагрузили ее рыболовными снастями, сели и поплыли. Под видом рыбаков миновали они город, немецкие сторожевые посты и засели в камышах.

Ждать парохода долго не пришлось. Скоро, разбивая волны мерными ударами широких лопастей, шумя, точно захлебываясь в воде, подходил к камышам пароход „Рассвет“ с пассажирами и грузом.

Когда он поравнялся с засадой, лодка плавно выплыла из камышей.

— Эй, там! Возьмите нас на борт,— закричали наши „рыбаки“.

— А вы кто такие?

— Свои!

Капитан, почуяв недоброе, в ответ усилил пары.

— Врешь, не уйдешь!— закричал Грива, наваливаясь на весла.

Меткий выстрел из лодки свалил капитана...

На пароходе поднялась паника. Многие из пассажиров ложились прямо на палубу, другие бросались в каюты, все суетились, кричали, бегали, сбивая друг друга с ног, женщины бились в истерике.

Команда растерялась, только рулевой, лежа на палубе, продолжал править пароходом, намереваясь выкинуться на немецкий берег.

Лодка партизан уже подплыла к пароходу. С ловкостью кошек, хватаясь за выступы, обшивку, люки и свешивающиеся канаты, забрались партизаны на борт.

— Ни с места! Руки вверх! Иначе потоплю весь пароход... У меня динамитные бомбы,— рычал взлохмаченный Грива, махая свертком бумаги, в которой, конечно, никакого динамита не было.

Команда и пассажиры были обезоружены.

Из числа пассажиров были взяты заложниками 13 человек богатых буржуа, а всех остальных отпустили.

Обрадованные легкой победой, партизаны постановили объявить пароход достоянием Украинского Повстанческого Комитета.

Но недолго продолжалась их радость.

Партизаны устроились-было на пароходе и уже развели пары, чтобы ехать по реке на страх врагам, но немцы навели на „партизанский флот“ свои тяжелые батареи... Несколько выстрелов угодили по борту, а чемодан попал в палубу и потопил судно.

Повстанческий комитет остался без флота.

Подвиг Гривы и его товарищей пропал, если не считать 13 заложников и потопленного парохода.

Однако и заложники принесли кое-какую пользу партизанам.

Взбешенные немцы снарядили генеральную экспедицию против повстанцев.

В каком-то припадке буйства свирепствовали карательные отряды. В порывах злобы они выжигали целые районы.

На немецкие зверства партизаны также отвечали ударами.

Когда и это не помогло, т. Примаков решил ударить буржуазию по ее слабому месту.

Повитовому старосте Жоткевичу был послан ультиматум:

„Если вы не прекратите бесконечных поджогов и казней, то 13 буржуев, сидящие у меня в залоге, захваченные на пароходе „Рассвет“, будут повешены на деревьях около города“.

Угроза подействовала. Схваченные за живое буржуа забили отбой, засуетились, выносили постановления, обивали пороги германских повелителей, желая спасти своих родных и однокашников.

И это подействовало—немцы прекратили свои бестолковые поджоги...

Это один из подвигов Гривы, и таких заслуг у него сотни, и таких как он героев, незаметных, безыменных, неоценимых—тысячи...

Л. Полярный.

Из воспоминаний пятилетника.

...Вспоминается несколько моментов из первых дней боевой жизни Червоного Казачества:

В 1918 году полк Червоного Казачества вел долгую, упорную борьбу с немцами на севере Черниговской губернии, в „нейтральной зоне“. Бои, конечно, сопровождались жертвами с обеих сторон. По взаимному согласию, мы решили обмениваться убитыми.

Между нами и немецкими солдатами на этой почве установилась особая близость. Случалось, что солдаты тайком от офицеров приносили нам оружие, патроны и т. д. Надо сказать, что это было еще до революции в Германии.

После революции же (мы стояли тогда в Мирополье) из 2-го Баварского полка к нам перешло 30 немцев с оружием. Число перебежчиков все увеличивалось, и вскоре в 3-ей сотне было целых 2 взвода немцев и 2 взвода мадьяр. Командовал сотней т. Маркутан, венгерский коммунист.

...Осенью 1918 г. мы наступали на село Буда, занятое гайдамаками. Осень была ранняя, наступили холода. Мы были раздеты, разуты и голодны. После боя в Будах, мы оказались отрезанными и засели в Билинском лесу. Довольно долго не имели возможности выйти из лесу, и только поддержка крестьян, которые приносили нам пищу, спасла нас. После подошел 2-ой батальон (под руководством т. Багинского), атаковал Каменскую слободу, вырубил гайдамаков — и мы соединились.

...Под хут. Михайловским был разбит Таращанский полк. Я был послан с батальоном на выручку. Тогда батальон был еще пешим. 1-ой ротой командовал т. Хвистецкий. 3-й — мадьяр из военнопленных, 4-ой „Олтарской“ ротой — крестьянин-незаможник, председатель сельсовета. В 3 дня был нами построен понтонный мост через Десну. В Олтарской и Нефедовской волостях я произвел „мобилизацию“. Особенно охотно шли крестьяне из сел, в которых были расквартированы немцы. Хутор Михайловский был нами взят, немцы выбиты.

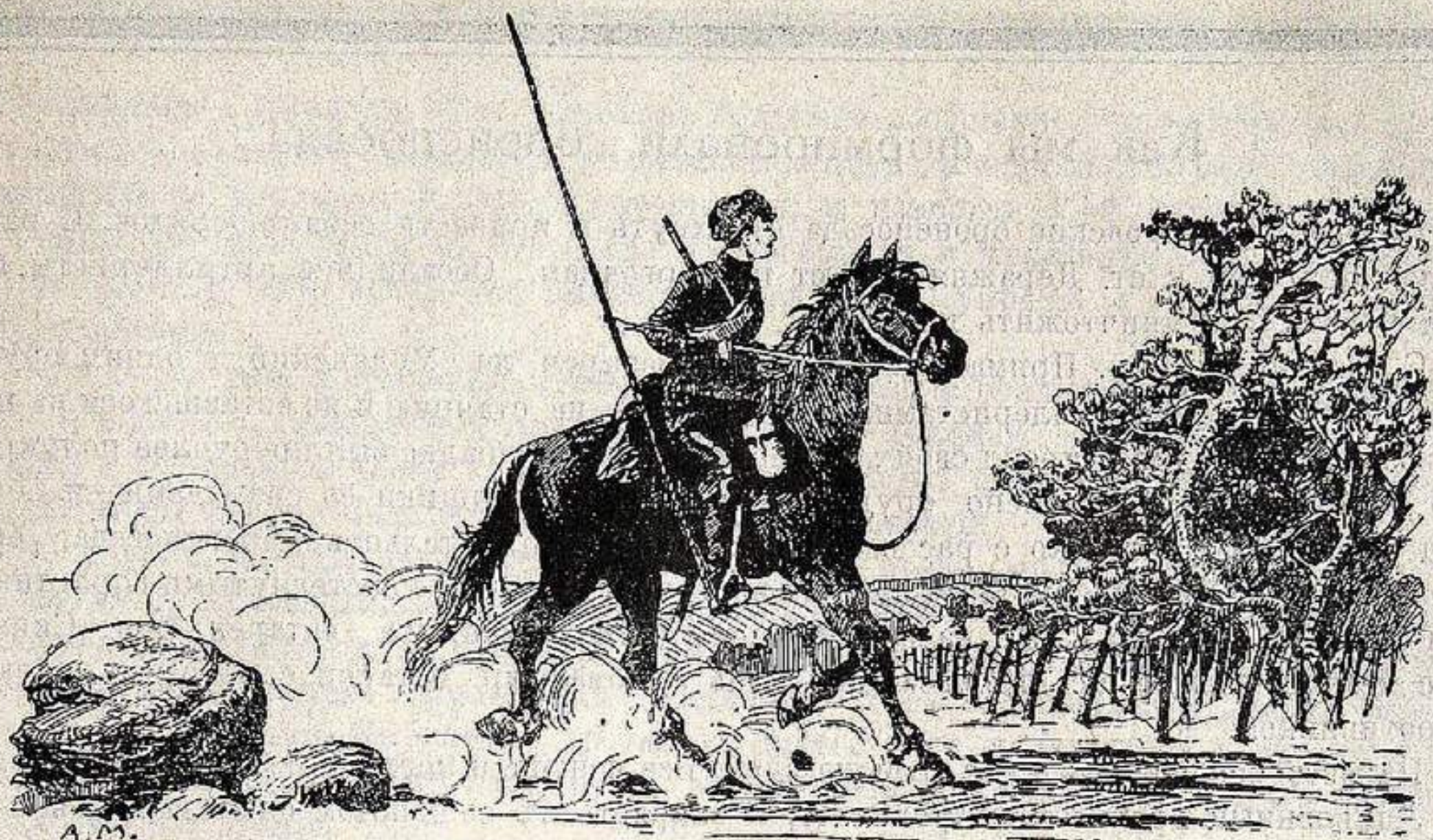
Остался один офицер, которого крестьяне решили тут же расстрелять. Офицер долго что-то говорил, наконец, видя, что его не понимают, подошел сам к стенке и указал на грудь: стреляйте, мол. Это мужество крестьянам понравилось, и они отправили пленника в штаб.

...В 1919 г., после боя с деникинцами, мы отошли на ст. Барвенково. В 8-ми верстах от станции лежало село Федоровка — родина Потапенко (б. командира 2-го полка). Сотня разведчиков 2-го полка, вся набранная в Федоровке, уже после ухода главных сил осталась „защищать свое село“.

8 дней держались храбрецы, и только подведя ночью броневики, деникинцы выбили их.

...В другой раз во 2-ой полк неожиданно явилась делегация из волости, родом из которой был командир полка тов. Потапенко, с извещением: „Волость висилає Потапенкові 60 козаків-добровольців“...

С. Туровский.

1919 год.

Товарища выручай!

В бою под гор. Острог-Волынский, в апреле 1919 г., 1-ый полк Червоного Казачества атаковал укрепленные позиции противника. Огнем пулеметов атака была отбита.

На месте атаки остался лежать председатель ревтрибунала полка т. Аллавердов, лошадь которого была убита и при падении подмяла его.

Два казака вернулись за т. Аллавердовым, положили его перед собой на луки седел и карьером под огнем 4-х пулеметов вынесли из огня.

Помнит ли первый полк имена старых казаков? Учит ли он молодых казаков— жизнью рисковать, спасая товарища от смерти?

Старый червонец.

Червоные казаки подходят к гор. Константинограду.

Вместе с высланной разведкой на город, выехал и командир конно-полевой батареи тов. Зюк, чтобы самому разведать местность, выбрать наблюдательный пункт и наметить артиллерийские позиции.

Под'езжая к лесу, разведка заметила небольшой раз'езд противника. Тов. Зюк во главе своего раз'езда, кинулся на него в атаку. Белые поскакали в лес. Жаль было упускать добычу,—пришпорили коней и наши разведчики.

Тов. Зюк на сером жеребце, впереди всех, уже выбирал для своего клинка жертву, как вдруг из леса грянул залп—и вместе с конем повалился тов. Зюк на землю. Конь храпит тяжело раненый. Надо самому спасаться—бежать к своим, но чувствует Зюка, что нога не слушается—разбита.

Неужели белые заберут в плен?—Но нет,—червоны не дадут. Какой-то командир взвода подлетел к Зюку, втащил его к себе на седло и вдвоем поскакали обратно к своим.

Тов. Зюк остался в строю. Две недели пришлось ему командовать батареей на костылях.

М—ский.

Как мы формировали „бронепоезда“.

Не дают петлюровские бронепоезда отдохнуть и привести себя в порядок. С рассветом подходят они к ст. Деражня и бьют по червонцам. Обозлились артиллеристы и решились угнать или уничтожить поезда.

С разрешения тов. Примакова командир батареи тов. Медянский, с одним орудием и шестью лучшими артиллеристами, выехал ночью на станцию и из оставшегося на парах паровоза и площадки устроил свой „бронепоезд“. На площадке был прорублен полукругом упор для сошника, поставлено орудие, два пулемета, ящики со снарядами—и „бронепоезд“ готов. И как только с рассветом показались неприятельские бронепоезда, „бронепоезд“ червонных артиллеристов пошел им навстречу. Номера, с растегнутыми воротниками, стоят на своих местах, за наводчика помощник командира батареи тов. Синявин. Все с нетерпением ждут приказа „огонь“. Командир батареи с паровоза наблюдает за противником.

Паровоз бешено мчится к бронепоездам. Все меньше и меньше становится расстояние.

Удивленный противник нервничает, и снаряды его со свистом один за другим летят над головами червонцев. Наконец—долгожданное: „огонь“!—и „горняшка“ заработала. Снаряды летят один за другим. Вмиг петлюровские бронепоезда заволкло дымом и пылью. Не выдержали—испугались угрозы быть пробитыми или разбитыми столкновением поездов; дали задний ход.

Горняшка еще больше разошлась—снаряды летят по 25—30 в минуту. Не важно было попасть—важно было напугать.

И напугали—верст 15 гнали червонцы уходящие бронепоезда, которые, обгоняя один другого по двухколейной линии, бежали в Проскуров.

Старый батареец.

Лиха беда—начало.

Когда в начале 1919 года „Перший кінний полк Червоного Козацтва“ занял гор. Александрию Херсонской губ., шедшая вместе с ним полевая батарея под командой тов. Зюка была передана 5-му полку.

Для своего полка тов. Примаков стал формировать конно-горную батарею, что поручил помощнику тов. Зюка—Медянскому. Ему было поручено достать орудия и все необходимое для батареи. Задача была не из легких, так как горные орудия в русской армии исчислялись десятками и достать их было очень трудно.

На первых порах достали два траншейных орудия да раскопали пять артиллеристов. Среди них был тов. Синявин, чье имя, за подвиги, совершенные в рядах Червоного Козачества, будет вписано в историю артиллерии и всего 1-го конного корпуса Червоного Козачества.

С этой ничего почти не значущей „артиллерией“ дошел полк Червоного Козачества до м. Деражня. Здесь артиллерия была особенно необходима, так как бронепоезда Петлюры то и дело налетали и обстреливали местечко и станцию. Чтобы хоть чем-нибудь напугать их, были посланы с двумя сотнями в обход „цикалки“ (так казаки называли траншейки). Под прикрытием куруня казаков „цикалки“ вылезли из-за бугра в 200 шагах от бронепоездов (их было два) и открыли беглый огонь.

Паровоз одного из поездов был подбит, и этот поезд, при помощи второго, позорно отступил перед дерзостью наших артиллеристов.

Чтобы оградить себя от бронепоездов в будущем, мы взорвали мост, что по дороге на Проскуров.

Вернулись в Деражню. Тут уже было получено сообщение, что на станцию прибыло три горных орудия. Их нашел тов. Примаков в Киеве и переслал в полк с казаками — теперешними вр. комдивом 2, тов. Григорьевым, и комсотни 2-ой дивизии А. Зубовым.

Сейчас же были взяты из строя все артиллеристы и желающие служить в артиллерии, отобрали лучших коней, из снабжения раздобыли упряжь и три тысячи рублей на формирование.

Часа через три, когда стало темнеть, орудия уже в полных запряжках были перевезены в местечко. Немедленно, при свете костров и факелов, орудия чистились и приводились в порядок. А часам к двенадцати ночи номера, разбитые по-орудийно, начали занятия, чтобы к утру быть при полной боевой готовности.

Но учуяли, видать, петлюровцы, что готовится новая сила против них. Починив мост, двумя бронепоездами они делают налет на Деражню.

Довольно артиллеристам учиться, пора в бой! Тут же на огородах в местечке устраивается позиция и каждое орудие самостоятельно открывает стрельбу прямой наводкой по движущимся огням. Не ожидал противник такого огня, полагая, что у нас нет артиллерии, отошел верст на 6 от станции и начал бить по нашим вспышкам. Началась артиллерийская дуэль.

К утру пришлось переменить несколько позиций и счищать лопатой грязь с номеров. Так начала свое формирование „Перша кінно-гірна гармата Червоного Козацтва“.

Старый батареец.

Из встреч с петлюровцами.

В марте 1919 года мы вели наступление на занятый петлюровцами гор. Изяславль. При поддержке нашей артиллерии город был взят, станция же Изяславль оставалась в руках петлюровцев.

Как раз в это время я вместе с моим пулеметным взводом выехал к селу Клембовка, но не доезжая до села верст трех, оставил своих пулеметчиков, а сам вместе с отделенным командиром, тов. Козловым, поехал вперед. Подъехали к лесу, находившемуся недалеко от Изяславля, и встретили по дороге 3-х петлюровцев. Задержали их, опросили. Выяснилось, что в лесу засело свыше ста петлюровцев. Выведав это, мы двух человек, взятых в плен, сдали пулеметной прислуге, а одного посадили на лошадь и заставили вести нас в лес. Подъехав к засевшим в лесу петлюровцам, мы предложили им сдать оружие, сказав, что они уже отрезаны и что им другого выхода нет. Покрутились петлюровцы, но все же сочли за лучшее сдаться. Привели их к пулемету и сдали казакам 2-ой сотни.

Вридпомкомпульсотни 1-го полка Худяков.

Рейдисты.

Еще не наступило время оценить полностью историческое значение и роль Червоного Козачества в утверждении Советской власти на Украине. В этой коротенькой заметке мне хочется отметить один из моментов в славном боевом развитии Червоного Козачества. Это был тот момент, когда лавина денкинской армии стремительно катилась вперед, встречая на пути своем слабое сопротивление. К концу августа был занят целиком Донецкий бассейн, Харьков и небольшая часть Полтавской губернии. Белогвардейские войска расположились вокруг Полтавы полукругом: ст. Коломак, Константиноград, Котельва. На этом участке фронта их упорно сдерживали части Красной Армии — разложившаяся, полубандитская бригада Богунского, полк под командой Бауфало, растянутый

от Котельвы до Ахтырки, и полк Червоного Казачества у Константинограда. Самой сильной опорной частью была последняя.

Всей этой группой, называвшейся „группа войск Полтавского направления“, командовал Овен; в состав реввоенсовета входил Коцюбинский и пишущий эти строки.

Последним резервом, который можно было бросить, и который был брошен на самый опасный участок фронта—под Коломак, была школа курсантов. Она упорно сдерживала натиск деникинцев, явно сознавая, что дело безнадежно. Все мы понимали, что Полтава удержится недолго, но у всех была вера, что можно сделать что-то такое, что может изменить движение белогвардейского потока, который разливался, подкатывался к Курску.

Мы с Коцюбинским отправились к червонным казакам посоветоваться с друзьями о положении. Прибыли в штаб полка, который по обыкновению находился на самой линии огня. (Такой обычай у казаков царил до конца гражданской войны, когда они шли в бой). В штабе мы встретили Примакова и никогда не унывающего Зюка, командира артиллерии. На наш вопрос—как быть—Примаков нам заявил: „Разрешите отправиться с полком в тыл неприятеля—сделать рейд“. Тогда нам казалось это диким, но в глубине души мы чувствовали, что это предложение серьезное и пообещали поддержать его в штабе группы.

Мы вернулись и изложили методическому Овену, который слабо понимал внутреннюю логику гражданской войны, суть дела. Встретили не только возражения, но и обвинения в том, что мы мешаем руководить армией. Его, Овена, поддержал член реввоенсовета 14-ой армии Нацаренус, прибывший в Полтаву. Мы уступили военным авторитетам и не мешали им делать явно-безнадежное дело—удержание Полтавы, несмотря на то, что Примаков упорно добивался разрешения совершить рейд.

Полтава была сдана, мы откатились к Чернигову. Спустя месяц генерал Мамонтов начал лихо скакать в тылу нашей армии, забираясь далеко-далеко вглубь, разрушая, убивая и разоряя все на пути своем беспощадно.

Это подействовало вразумительней всех убеждений и домогательств Примакова. Верховное командование всей нашей армии оценило по достоинству тактику врага и не преминуло обратить это оружие против него.

Рейды Буденного были ответом на рейды Мамонтова. Последствия мы все видели и знаем, но в историю военных наших операций червонные казаки должны войти и войдут, как пионеры смелой, бесстрашной тактики рейдов. Им, червонцам,—я подчеркиваю,—принадлежит первая, смутная мысль *) о том, что в гражданской войне применение конницы в тыловых операциях является решающей силой.

Дробнис.

Как я стал червонцем.

В 1919 г. галицийская дивизия, открыв фронт, перешла на сторону Петлюры. Наш полк находился в это время на фланге 41-ой дивизии и меня послали для связи с галичанами (об их измене еще не знали) в соседнее село.

Когда я приехал в село, то там никого не оказалось. Я подкормил лошадь и вдруг вижу—одновременно по трем дорогам в село едут петлюровцы—проскочить никак нельзя. Не желая сдавать „льютс“ петлюровцам, я его вместе с дисками кинул в колодезь, а сам пошел навстречу к ним. Меня схватили, стали спрашивать, откуда я и зачем здесь.

Я им ответил, что я мобилизованный красноармеец, неграмотный. Ихний сотник допросил меня еще раз и велел послать ездовым в обоз артиллерии. Там я пробыл полтора месяца и все обдумывал, как рвануть к своим; но за мной следили.

*) Тов. Дробнис ошибается: уже ранее червонцы совершили два рейда в тыл петлюровцам.

Когда червоное казачество стало напирать на Петлюру в районе Деражни, меня оставили старшим патронного резерва из 7 обывательских повозок со снарядами и патронами. Я приказал дядькам меня ждать, а сам поехал навстречу червонцам.

Здесь я вышел на фронт первой сотни 2-го полка и объяснил казакам, как я попал к желто-блакитным панам. В сотне нашелся даже мой земляк. Сотник повел меня к „Потапу“ (Потапенко, тогдашний комполка). „Потап“ выслушал меня, еще кой о чем расспросил и велел послать со мной отделение в лес за снарядами и патронами.

Через полчаса „Потап“ суетился возле повозок с патронами, а снаряды передали в артбатарею.

Так я сделался червонцем, да еще привез с собой 5 повозок снарядов и две повозки патронов.

Казак 3-ей сотни 2-го полка **Д. Савченко.**

Налет на ст. Кигичевка.

(Май 1919 г.).

Стояла лунная, светлая ночь. Мы с сотником Павловым, собрав сотню, пошли на сборный пункт. Я был полусотником. Мне совместно с тов. Никулиным (он тоже был полусотником) поручили отправиться на ст. Кигичевка, разбить ее, взорвать стрелки и вернуться в село Андреевку, где присоединиться к полку. Сам тов. Примаков с остальными частями пошел взрывать железно-дорожный мост.

С двумя взводами, 5 подрывниками и „максимом“ мы двинулись на станцию, до которой оставалось еще верст десять. Чтобы успеть до рассвета, пошли на рысях. По дороге заглянули на хутор и под видом белых стали расспрашивать, где какие части расположены. Мне сказали, что в семи верстах от станции расположен офицерский полк.

Уже стало рассветать, когда мы окружили станцию. Там нас совсем не ждали. На платформе грелся самовар для коменданта, а сам он гулял вдоль платформы.

Завязался бой. Мне хотелось взять коменданта (он был в чине поручика) обязательно живым. На полном ходу, держа в одной руке наган, я быстро сорвал с седла брезентовое ведро и одел его коменданту на голову. Часовые на станции подняли тревогу, но были быстро уничтожены (одного из них я пристрелил из нагана, а второго зарубил взводный тов. Гроздин).

Услыша выстрелы, комендантская сотня белых, которая была расположена в 200 шагах от станции, стала удирать в степь. Тов. Никулин принялся было их догонять, но они уже стали приходить в себя и стрелять по нас залпами. Подрывники взялись взрывать стрелки, а я с двумя „льюйсами“ и взводом пошел с левого фланга на удиравших. Много их спряталось во ржи, много было перерублено. На станции осталось 11 трупов, а сам комендант с ведром на голове сидел в пулеметной тачанке.

Мы двинулись назад. Не проехали и 100 шагов, как стрелки и телеграфная станция полетели на воздух. Приказ был выполнен. Казаки весело посмеивались над комендантом.

В 10 часов утра мы прибыли в полк, успешно выполнив задачу. Живого коменданта ст. Кигичевка с приказами и документами, оказавшимися у него, я сдал тов. Примакову.

А. Ветошкин.

Горняшка — против батареи.

В июне 1919 года под Константиноградом червонцам пришлось иметь дело с так называемой железной бригадой ген. Геймана.

Геймановцы повели наступление на с. Чернетчина, занятое червонцами. Полевая батарея тов. Зюка находилась в полуверсте от села. В горной, стоявшей в селе, осталось только одно орудие, так как три остальных были в починке.

Тов. Примаков приказал обоим батареям открыть стрельбу по артиллерии противника (его батарея подошла к селу верст на 5 и стала на открытой позиции, так как на ровной местности негде было закрыться).

Пока на полевой батарее брали направление, помкомбатареи тов. Синявин был уже на наблюдательном пункте горной и открыл огонь.

Первый снаряд—недолет, второй—в цель.

— Десять патронов, беглый огонь!..

Артиллерийская позиция противника превратилась в столб земли и дыма.

Наводка не сбилась, и снова:

— Десять патронов, беглый огонь!.. И так—70 грават.

Тело орудия не успевало после отката доходить обратно, как снова был выстрел. Номера работали во-всю, наводчик тов. Харчук дорожил каждой секундой—знали, что уничтожают батарею противника и подгоняли друг друга снарядами в спину.

Прибежавший на наблюдательный пункт т. Зюк удивился, что в горной уже все орудия стреляют. Не поверил, когда ему сказали, что бьет только одно орудие.

А когда над батареей противника рассеялся дым, то три орудия оказались перевернутыми, четвертое на руках увозилось офицерней к передкам, которые на карьере неслись спасать его.

Снова два выстрела—пристрелка, беглый огонь, и скрылись в разрывах передки и орудие.

Только минут 10 продолжалась стрельба, а батарея вся была уничтожена.

На другой день крестьянин, пришедший со стороны белых, передал, что генерал Гейман восхищен стрельбой красных.

Он желал бы наградить командира стрелявшей батареи всеми четырьмя „георгиями“, а потом расстрелять.

Старый батареец.

Умирая—убивай.

1-й Черказполк защищал подступы к Чернигову и на линии р. Вересочь отбивал упорные атаки противника—Кавказского конного полка и Сводного стрелкового полка деникинской армии.

4-ая сотня была спешена за широкой насыпью строящейся линии жел. дороги и вела бой с кавказцами.

Конный полк противника из небольшого леса в шашки кинулся на сотню, но дружные залпы и пулеметный огонь остановили и отбросили назад атакующих. Кавказцы спешили и в пешем строю повели наступление. Завязался огневой бой.

Пулеметчик сотни из пулемета резал наступающего противника. Выстрелами чеченцев он был ранен в ногу, но лег на другой бок и продолжал огонь. Вторая рана—в плечо.

Стих пулемет, но снова здоровая рука нажала спуск—и заработал „максим“. Все ближе цели противника, все действительнее огонь. Третья рана—в грудь. Льет кровь, красный туман застилает глаза—неровно, с перебойми, но все трещит пулемет.

Четвертая пуля добила насмерть. Вздрогнуло тело, упали руки—и не слышал как, как сотня в шашки кинулась на расстроенного огнем врага, как гикнули червонцы, как дрожала земля от топота копыт.

Старый червонец.

Бой у села Дроздовка.

Август 1919 г. был на исходе. Уже шесть дней отдыхали казаки от переходов и боев, стоя в селе Дроздовка (Черниговской губернии). С селянами жили хорошо, помогая им в молотье и перевозке хлеба.

Утро седьмого дня. Вычищенные и накормленные лошади фыркали во дворах. Несмотря на отсутствие видимой опасности, была какая-то настороженность, каждый к чему-то готовился. Один под деревом в холодку точил шашку, другой чистил винтовку, некоторые исправляли седла. Вдруг раздалось частое: та-та-та. Послышалась лихорадочная, винтовочная стрельба в стороне наших застав. Не ожидая сигнала тревоги, весь полк мигом был на конях. Обгоняя друг друга, на пути спрашивая в чем дело, мчались казаки на сборный пункт. Наш командир полка, тов. Потопенко, уже находился там.

Не дав долго говорить о противнике, казаки закричали: „Даешь музыку... в атаку“.

Помкомполка тов. Глот командовал: „Первая сотня, за мной!“

Галопом выскочила сотня на окраину села и на перекрестке улиц наткнулась на эскадрон дроздовцев во главе с офицером. Дроздовцы приняли нас за своих. „Мое почтение, Викентий Владимирович“, — крикнул офицер тов. Глоту, беря под козырек. — „Мое почтение“, — стреляя из нагана, ответил наш командир.

Турманом вылетел из седла белогвардеец. Завязался уличный бой. Сбоку показался еще противник — пришлось отступить. Командир полка тов. Потопенко приказал выйти из села. На южной окраине села мы увидели колонны противника (и открыли по ним частую стрельбу, со стороны противника начали махать фуражками. Прекратив стрельбу, не понимая в чем дело (уж не свои ли?), мы принялись за то же самое. Прискакавший командир полка разом прекратил это взаимное маханье, командовав: „В атаку, за мной!“

Дроздовцы не выдержали натиска и пустились на-утек. Это был первый бой 2-го полка с деникинскими частями.

Необходимо упомянуть про геройскую смерть трех казаков, погибших в этом бою, — тт. Масловского, Маховского и Белика. Увлечшись преследованием, они зашли слишком далеко и были окружены противником. Отстреливались до последнего патрона и, не дождавшись помощи, застрелили своих лошадей, а затем и самих себя. Живыми в плен не сдались.

Комвзвода 2-го полка **Алексеев.**

Безумство храбрых.

Помню, как погиб в боях под Черниговом один из наших боевых хлопцев — тов. Резников, пулеметчик-любист. Послали нашу сотню под село Вересочь. Тов. Резников поехал в раз'езд — выяснить силы и расположение противника. В скором времени о передовых частях он прислал необходимые сведения, а сам с пятью товарищами решил обратиться поглубже в тыл врага.

В 5-ти верстах от передовых неприятельских линий раз'езд наткнулся на батарею. Отметив ее расположение, тов. Резников предложил хлопцам попытаться захватить одно орудие, стоявшее в стороне. Те, недолго думая, согласились и бросились за Резниковым к орудию.

Прогремел выстрел — и под разорвавшимся снарядом погиб тов. Резников вместе со своим пулеметом.

Остальные побежали назад, под градом неприятельских пуль, но все же успели добраться до своих без всяких потерь. Они и рассказали нам о дерзкой атаке т. Резникова, за которую тот заплатил своей жизнью.

Казак 1-го полка **Ковалев.**

Не только шашкой, но и кулаком.

Упорный бой нашей пехоты с деникинской под с. Языковка (Орловской губ.)... Ни та, ни другая сторона не отступает.

Нашему 5-му Алатырскому полку было приказано атаковать вражью пехоту. Лихой атакой мы сбили ее и 50 чел. забрали в плен.

Неожиданно из лесу нашу пехоту атаковал с фланга Черноморский — сабель в 150-200 — полк. Забрав в плен часть наших пехотинцев, черноморцы выстроили их, отбирая кошельки, снимая обмундирование и проч.

Одновременно и мы, человек 30, с комполка, т. Меновским, и помкомполка, т. Демичевым, были отрезаны черноморцами от своих.

Опасное положение усугублялось еще тем, что перетрусивший комполка, Меновский, бросил шашку со словами: „Командовать больше не могу!“

Мы уже считали себя погибшими, как вдруг раздался спокойный голос нашего помкомполка, т. Демичева: „Товарищи, ко мне! Пойдем в атаку; если погибнем, то героями“.

Быстро построившись, — под „ура“ бросились на черноморцев; те заколебались. Когда же откуда-то взявшийся наш броневедомитель открыл стрельбу, черноморцы окончательно растерялись и в панике бросились удирать. Мы загнали их в глубокий овраг.

На дне оврага между белыми и нами завязался бой. Действовали не только шашками, но и кулаками. Деникинцы не выдержали, несмотря на численный перевес, и стали удирать.

Со смехом вылезли мы из оврага, — кто с подбитым глазом, кто с разбитым носом или вспухшей губой, но все радостные и веселые.

В результате боя было взято 5 пулеметов и до 200 винтовок, убито до 20 белых и, кроме того, отбита наша пехота.

Отделком 1-ой сотни 3-го полка М. Юри.

Погромщики.

Деникин отступал, и всюду, где проходили его части, в памяти населения оставались насилия, грабежи и погромы. До сих пор не могу забыть одного вечера, который пришлось пережить мне в Прилуках Полтавской губернии.

На улицах ни души, ни в одном доме не горит огонь. Ставни наглухо закрыты. Мы, 5 человек, оставшихся работать в подполье, с оружием в руках сидели в одном из домов, где укрылось до 10-ти еврейских семейств. Сидели и тихо разговаривали.

Вдруг около 10-ти часов вечера у соседнего дома, где также укрывались от солдат Деникина еврейские семейства, раздалась сильная стрельба. Двое из нас выскочило на улицу посмотреть, что делается. Оказалось, что отряд деникинцев решил во что бы то ни стало овладеть этим домом и начал его обстреливать, но получив вооруженный отпор, деникинцы придумали другой способ: обложили дом соломой и запалили его.

Видя такое дело, мы не могли оставаться безучастными, и в количестве 15-ти человек решили померяться силами с отрядом деникинцев, насчитывавшим около 30-ти человек. Ударили им в тыл. Погромщики оказались трусами и после незначительной перестрелки обратились в бегство. Мы же занялись спасением горевших в доме. Спасли почти всех; только 3 человека задохлось в дыму.

Этой ночью много несчастных невинных жертв было в Прилуках.

Казак 2-ой сотни 4-го полка П. Варенин.

На Льгов!

Вечер. Каганец еле-еле освещает большую залу в доме сельского попа. На полу раскидана солома—здесь приготовился ночевать штаб 8-ой Червоно-Казачьей дивизии. Командование и штабные сотрудники отдыхают после трехдневных боев с деникинцами около села Николаевка, Фатежского уезда, Курской губернии. Чистится оружие, чинится платье, проверяетсяковка коней. Счастливы достали из „библиотеки“ попа журнал „Паломник“, „Жития Святых“ и глотают их от корки до корки. Другого печатного слова нет, а убить время чем-нибудь да нужно. Другие занимаются более продуктивным делом—истребляют у себя насекомых.

Скучают третий день. Из частей кроме „все спокойно“ ничего нет. Телефон частенько гудит,—но то поверка линии.

Легли спать. Кругом тишина; слышны только шаги по скрипучему снегу казака-часового да фыркание коней дежурных ординарцев.

Вдруг топот. Должно быть, что-то важное... Дежурный по штабу дивизии выскакивает навстречу прибывшим,—то ординарцы из штаба латдивизии.

„Срочный оперативный пакет из Штарма. Товарищ дежурный, будите Примака“.

Оперативный приказ из штарма поднимает, вернее, вскидывает всех на ноги. Куда подевалась лень, овладевшая всеми за эти три дня стоянки!

Достали у попады смалец для новых каганцов. Больше свету!

Все к Примаку. Что за приказ?

— Ура, хлопцы, завтра итти в рейд на Льгов.

— Телефонист, передавай телефонограмму.

По всем направлениям заработал телефон. Заработали и штабники. Машинка застучала оперативный приказ по дивизии. Наштадив тов. Туровский, вооружившись цветным карандашом, водит им по карте и диктует текст приказа. Три часа ночи, до выступления еще часа три, но уже подтягивают пояса, подправляют оружие.

Начинают с'езжаться командиры. Каждый влетает. Горят глаза. Наконец, кончилось отлеживание боков, есть задание—скоро в новый бой. Приказ написан. Тов. Примаков собирает вокруг себя всех командиров и объясняет им задачу.

Вместе с приказом зачитывается записка командарма тов. Уборевича: „Не посрамите армии и себя, не отстайте от частей Буденного. Не позже 13-го я должен получить донесение о захвате г. Льгова“.

— Сегодня 10-е ноября,—говорит Примаков.—Не оскандалимся, товарищи,—на 13-е будем ночевать во Льгове. С рассветом выстроиться всем полкам на шоссе Дмитриевск—Фатеж, превратившись, по примеру Понырского рейда, в „Шкуровское пополнение“—в золотопогонников. Чтобы все было в порядке. Через два часа я буду на шоссе, а теперь—по частям галопом“.

В штадиве шуму стало меньше; его главная задача исполнена—части получили приказ. Штабисты сидят и тянут „собачьи ножки“, поглядывая на часы и ругаясь, что так медленно ползут стрелки.

Не то делается в частях. До выступления всего 1½—2 часа. Полковой сигналист играет под'ем, вслед уборку и сбор командиров. Командир полка—главный хозяин, он должен все предусмотреть, с него—весь спрос.

— Овса не жалеть, чтобы кони были сыты! Патрон по 250 штук и полные патронные двуколки. Ни одной лишней повозки. Чтобы все были в погонах! Через час седловка.

И как всегда, вся тяжесть пала на комвзвода. Прилетел во взвод, уже ждут—пришли за распоряжениями. Рассказал, приказал, но надо проверить и исполнение. Бежит по хатам—смотрит, есть ли овес у коней, есть ли патроны у казаков. Надо скакать к сотнику, а здесь вопросы:

— Товарищ командир, как наган прицепить?
— Товарищ командир, куда кокарду прибить?
— Дурачье, какой я вам товарищ,—ваше благородие! Ты прибей к носу, а ты пришей к спине. Идите к старым солдатам—они вам сделают все,—и бежит дальше, пристегивая на ходу золотые погоны с тремя звездочками, но у него не ладится что-то дело—не привык возиться с этой дрянью.

Казак, задав корму своим боевым друзьям, спешат в хаты одеться и выпросить у хозяйки на дорогу стакан молока. Старые казаки учат молодежь, как одевать погоны, как отвечать офицерам и как становиться во „хрунт“. Хоть и не выспались, но кругом смех и говор.

Вдруг ночью тьму пререзает звук сигнала—седловка!

А через 15 минут—сбор!

Конец отдыха, начало новых боев.

Начинает светать. Желтые лучи скользнули с востока на запад, задели развернутый строй полка. Блеснуло вдогонку за ними золото с плеч командиров.

Выехал комполка. Поздравил с новым походом, осмотрел все ли в порядке. Лучшего желать не надо. Все в порядке, только с „окраской“ неважно.

— Товарищ команд... виноват, ваше высокородие, погон не держится.

— Товарищ военком... виноват, ваше... а как дальше?

Хохот по всему строю. Кое-как улажено и с этим. Пора выступать.

Вот и солнце.

А на юге затрещали пулеметы: то соратники—латыши готовят нам проход.

Вдали кавалькада... Примак едет!

— Примак едет. Ура!.. Ур-р-а-а!

Сотни глоток посылают привет своему вождю. Галопом подезжает тов. Примаков.

— Здорово, казаки. Поздравляю с новым походом; с вами надеюсь выйти победителем!

Дивизия тронулась. Впереди тов. Примаков на „Мальчике“. Завернулся в бурку. Шаловливый порыв ветра—и из-под бурки показывается кончик генеральских погон.

За ним поручики, капитаны, полковники. Теперь все серьезные.

Идет пополнение к генералу Шкуро. Все белогвардейцы. Нет шуток—будто всегда ходили в погонах...

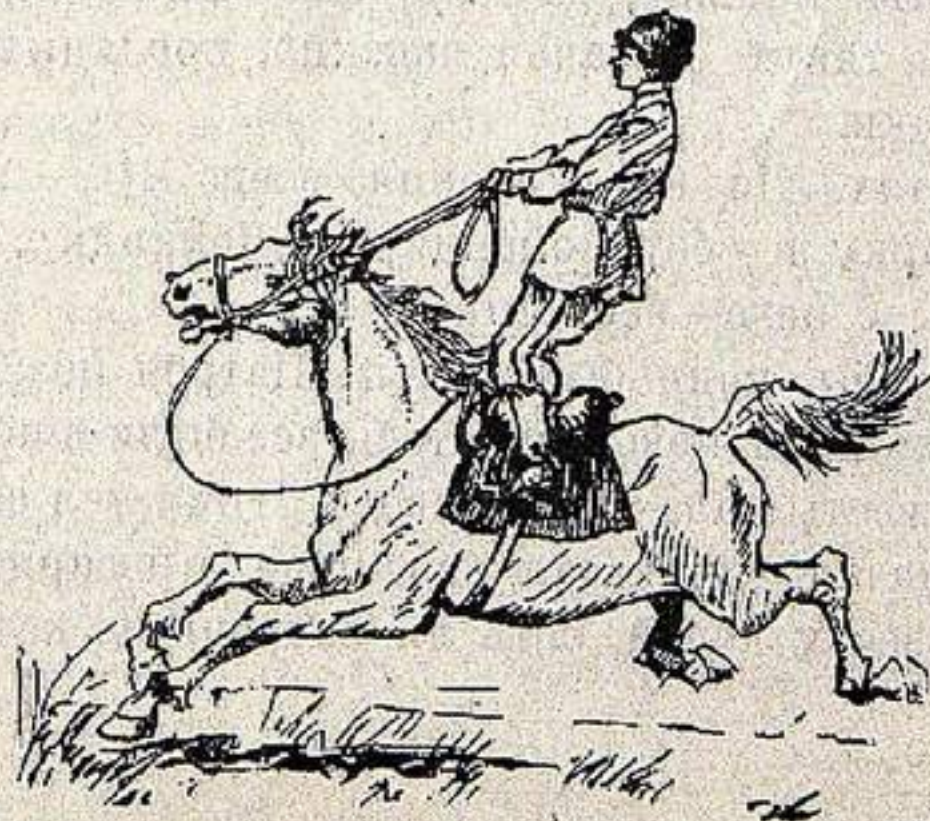
Подходят к фронту. На шоссе шпалерами стоят латыши—провожают своих друзей в тыл противнику. Поравнялась с ними голова колонны. Многотысячное „ура“ понеслось по снежным равнинам.

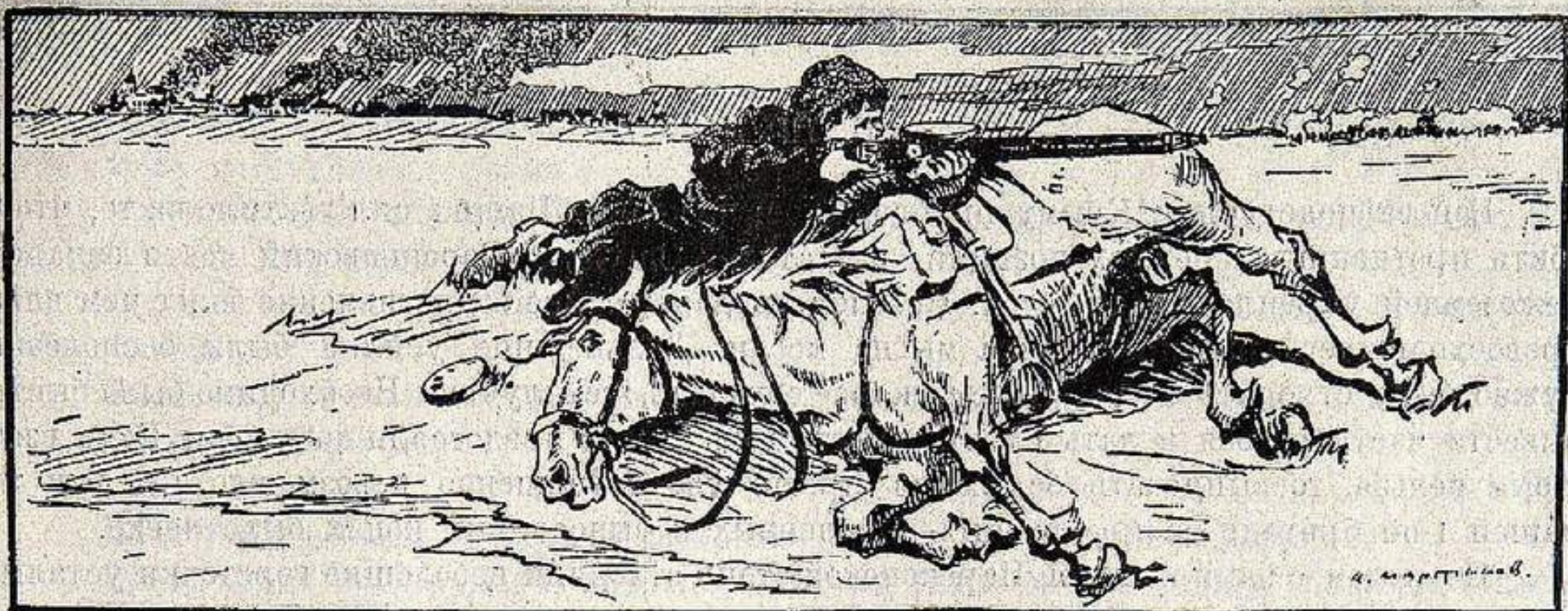
— Ура, золотопогонники! Ура, дорогие товарищи!

Полетели на воздух казачьи папахи и кэпи стрелков.

Латыши любовно провожали нас, уходящих в тыл врагу.

М. Медянский.

1920 год.

Налет на Тюп-Джанкой.

Дело было в марте месяце 1920 года. Выступив из с. Ново-Дмитровка, мы перешли замерзший Сиваш. По пути к нам присоединился один батальон пехоты.

Только в дороге каждый из нас узнал, что мы идем в налет на Тюп-Джанкой.

Силы нашего отряда были весьма незначительны по численности: 5-й Алатырский конный полк под командой т. Демичева в 80 сабель, 1 батальон пехоты в 80 штыков и пулеметная команда с 24-мя пулеметами. Противник же располагал 135 Керченским полком в 750 штыков, 150 саблями чеченцев и несколькими батареями, которые в общей сложности составляли 6 тяжелых орудий и 13 легких; кроме того в его распоряжении было до 40 пулеметов.

Несмотря на такое превосходство как в количественном, так и техническом отношении сил противника, наши части рвались в бой. На рассвете мы подошли к Тюп-Джанкою.

Пехота где-то отстала позади, однако т. Демичев решил не терять золотого времени и приказал 1-му эскадрону охватить село с юга, 2-му—с запада, 3-му—с севера, а остальным—с востока.

С громким криком „ура“ кинулись мы в атаку. К сожалению, 2-ой эскадрон был отбит пулеметным огнем противника, что дало возможность чеченцам выскочить из кольца, но пехоте противника бежать не удалось, и мы целиком захватили ее в плен.

Белые офицера, не желая сдаваться, кончали самоубийством. Некоторые из них бежали по огородам крестьян. Эти бежавшие и остатки чеченской дивизии сосредоточились в полуверсте западнее Тюп-Джанкою у стоявших в два ряда орудий.

Лихой атакой мы бросились на них. Первая линия была взята и ее орудия обращены против второй.

Вслед затем вскоре же была захвачена и вторая линия. В результате боя нам досталось 750 человек пехоты, 19 орудий, 35 пулеметов, до 500 лошадей, два склада обмундирования и другие трофеи.

Комсотни 3-го полка Корнилов.

Юшунь.

Бои за подступы к Крыму приближались к концу. Наши силы хватило на то, чтобы сбить противника с первых позиций, захватить Юшунь и Воронцовский мости овладеть межозерной укрепленной полосой. Но сломить дальнейшее сопротивление более чем вдвое превосходившего нас противника мы не могли. Дальнейшие усилия были бесполезны; нужно было отходить назад. И чем скорее отходить, тем лучше. Необходимо было быстро вывести части из боя и дать им отдохнуть: ведь завтра предстояли новые бои. Если взять Крым нельзя, то выпускать белых из Крыма уже совершенно невозможно. Сделать это нашей 1-ой бригаде на прекрасных выхоленных и выносливых конях было легко.

Но рядом с нами по голой Перекопской степи отходили небольшие горсточки усталых, изможденных пехотинцев.

Выйти нам из боя—значит отдать на съедение противнику этих пехотинцев.

На спине у адъютанта пишешь короткое приказание: „Комполка 1 и 2-го прикрыть отход пехоты“.

Рассыпались лавы, начался медленный отход. Дорогой ценой доставался противнику каждый шаг. Но еще дороже платили мы за честь спасения товарищей-пехотинцев в бою.

Одного за другим вырывали казаков шрапнель и пуля.

Вырывали не в атаке, не во время быстрого порыва, а в медленном, тяжелом отходе. Это был не бой,—это был снова дерзкий вызов смерти.

Казачьи показывали, как надо спокойно умирать, спасая товарищей. Чуть не треть бригады вышла из строя во время отхода. Погибло больше червонцев, чем пехотинцев, ради спасения которых они клали свою жизнь.

И нескладные рассказы об отходе от Юшуни в устах красноармейцев звучали, как лучшие песни о героизме класса, представители которого не сдают в плен врагу своих товарищей.

Через две недели мы были вдвое сильнее, и в двери наших штабов продолжали стучаться добровольцы со своими конями, прибывшие в наши ряды.

Е. Петровский.

Симферопольцы.

Поздней ночью от заставы к штабу 6-го полка, расположенного в хуторе Преображенка, на полном карьере прискакал казак с донесением. Не оглядываясь, вбежал в помещение штаба.

— Тов. командир, от Перекопа наступают деникинцы... Есть кавалерия, пехота и, кажется, артиллерия,—слышно, как гремят колеса...

— Адъютант, полк собрать по тревоге!..

Через несколько минут полк в сборе.

Но не успел командир полка выехать из штаба, как к нему подлетает группа вооруженных кавалеристов-деникинцев, в полной форме, в сопровождении двух наших казаков.

— Мы—солдаты Симферопольского полка, за нами идет весь полк; переходим на вашу сторону. Из Перекопа в погоню за нами выступила конная бригада Морозова и уже настигает нас. Если хотите спасти—помогите,—иначе полк будет изрублен.

— Сколько вас?

— Четыреста.

— Все вооружены?

— Да, с нами еще пулеметная команда...

— Проходите в тыл...

Наш полк выдвигается вперед в сторону Перекопа. По дороге показывается голова пехотного деникинского полка.

С какой целью они идут? Не обман ли это, не ударят ли они с тыла? Может быть, лучше сразу броситься на них и перебить всех.

Но если они говорят правду, какую злую шутку сыграем мы с ними, поставив их меж двух огней!

Времени для размышлений нет. Нет возможности даже разоружить белых.

Вперед, к Перекопу!

Несколько резких выстрелов разорвало воздух где-то далеко впереди.

Сразу стало легче. Бьют впереди, — значит бьют по отставшим солдатам Симферопольского полка. По нашим рядам прокатилось „ура“. Симферопольцы не врут. Симферопольцы не ударят с тыла.

С удвоенной энергией бросились казаки навстречу наступающей коннице Морозова.

Бой был короткий. Морозовцы дрались вяло — все равно добыча ушла.

Через несколько дней я встретил командира полка. На голове у него серебрилось несколько волосков.

— Знаете, — говорил он, — никогда не трусил в боях; но в те минуты, когда я пропускал в тыл вооруженных деникинцев, не зная еще обстановки, мне было жутко. Я мог повести на гибель весь свой полк. До сих пор не понимаю, как я мог тогда в одну минуту решиться на такое безрассудное дело.

Что же заставило командира полка поверить в честность своих недавних врагов?

„Легкомыслие“ — скажут некоторые.

„Верный классовый инстинкт“ — ответят те, которые знают гражданскую войну.

Е. Петровский.

В заставе.

Темная мартовская ночь. Наша третья сотня дежурит при сторожевом отряде, 2-я сотня в заставе между Перекопом и Преображенкой.

Людей в сотнях было мало. Вторая сотня, например, имела во взводе по 15 человек и считалась самой большой в нашем полку, а 3-я, в которой служил я, была самой маленькой — не более 10-ти человек во взводе.

С вечера до самой полуночи время прошло спокойно и даже весело, так как из-за Перекопского вала к нам доносились звуки гармоник, под которую веселился наш противник.

Сменившись с дежурства, мы пошли в Преображенку и вскоре легли отдыхать, выставив патрули. Один из наших казаков, старый (еще николаевской армии) кавалерист т. Рыбалов, по обыкновению расположился спать не на полу или кровати, а сидя на стуле, чтобы всегда быть готовым на случай тревоги.

Как раз в эту ночь и случилась такая тревога. Высланный от второй сотни раз'езд, услышав сильный шум от Перекопа по направлению к Преображенке, доложил о замеченном начальнику заставы. Второй раз'езд, посланный сейчас же вслед за полученным сообщением, наткнулся на колонну противника, которая продолжала двигаться, не обращая никакого внимания на крики „стой“.

Впереди этой колонны шла пехота, а позади, прикрывая ее, тарахтело десятка два пулеметных тачанок, на которых имелось, как потом выяснилось, 14 „максимов“, несколько „льйсов“ и 4 орудийных затвора. Пехотинцы кричали, что они идут сдаваться и просили их не задерживать, потому что за ними следует погоня.

Приведшего колонну офицера отправили с двумя казаками к начальнику сторожевого резерва. Офицер вместо начальника сторожевого резерва попал к командиру полка, и так как тот спал, то его пришлось разбудить. Увидя перед собой офицера с погонями, командир полка схватился за наган, но вошедшие казаки успокоили его и объяснили, что этот офицер привел с собой около двухсот человек пехоты при 25-ти пулеметах. По произведенной тревоге был собран весь полк. Тем временем подошли к штабу и деникинские пехотинцы, напуганные стрельбой со стороны Перекопа, и просили как можно скорее отправить их в тыл. Так и сделали — всех сдавшихся отвели в штаб дивизии где наши казаки встретили их музыкой.

И. Тарасов.

Как казак Калиниченко щупал „Таньку“.

Это было под Перекопом, в апреле 1920 года.

Южная весна разостлала в степи ковер алых маков. Теплый морской ветер и жаркое солнце ласкали молодую траву. Степные солончаки оделись зеленью; курганы похожи на большие лохматые шапки, затерянные в степи стародавними богатырями.

Армия генерала Врангеля запряталась в Крыму. Стучится в двери Крыма—Перекоп—Красная Армия, но не открывает барон, упорно защищает ход в осиное гнездо.

14-е апреля. Солнечный весенний день. Сделали вылазку войска Врангеля—вышли из-за вала в степь и ударили на хутор Преображенку два полка пехоты, 9 конных полков, два танка и аэропланы.

Наша пехота отошла за конницу и устроилась на высотах к северу от солончака Кур-Азис. Перед врагом осталась червоно-казачья дивизия.

Жмутся казаки: страшновато—никогда не видели „Таньку“, а тут, вот тебе, целых две ползет и из орудий стреляют, а за ними пехота и конница идет. Выстроилась дивизия в степной балке, батареи стали на позицию, впереди заставы стреляют и отходят к хутору. К хутору Преображенка и танки подходят с пехотой,—а хутор большой, каменный, с господским дворцом, с службами и парком. Займет его пехота—трудно будет выбить.

Вызывает начдив охотников—„Таньку“ пощупать, посмотреть из чего она сделана, да из себя какая. Выезжают охотники, скачут в Преображенку. Двести казаков набралось и Потапенко—батя 2-го полка—поехал с ними. Засели охотники за каменными сараями, за дворцом и в парке, а танк к хутору подходит и по улицам начинает ползть. Приложился Потапенко, из карабина ударил и как по команде затрещали винтовки: пробуют охотники броню чудовища, щупают „Таньку“. Одни по танку бьют, другие по пехоте—задержалась пехота на кладбище, залегла, бьет по хутору из винтовок. А танк все ползает по хутору, из пулеметов бьет и на стенки наваливается—ломает.

За углом каменного сарая бегают льюйсист-пулеметчик, а с ним подручный казак Калиниченко. Бьет пулеметчик из „льюйса“ по танку, „тарелку“ в борт выпустил почти в упор—не берет. Пропустил танк, сзади ударил—не берет. Осерчал парень на свой пулемет, ругается на чем свет стоит, а танк, нарочно, возле самой стенки проходит.

Вспомнил Калиниченко, что танк на 10 шагов не поражает, вышел из-за стенки, идет рядом с танком, по стенке бомбой стучит—кричит: „Открой..... — я тебе брошу“. Молчит благоразумная английская прислуга, не открывает. Притихли и казаки, из-за стенок высматривают—по-настоящему Калиниченко „Таньку“ щупает, будет дело, а Калиниченко задор берет—полез парень на танк, хочет верхом сесть. Совсем было взобрался, да уронил бомбу, разорвалась она у его ног и ранила его; упал наземь и на чем свет ругается, всякими словами „Таньку“ честит.

Отошел танк. Подбежали казаки, подобрали и увезли Калиниченко—а уже работает казачий радио-вестник: все полки знают, как щупал Калиниченко „Таньку“, и все казаки решили, что не страшен танк—вроде быка безрогого, только заборы ломает.

Вышли танки из хутора, ползут на дивизию. Вылетела вперед гибкая лава, трещит винтовками, вьется возле танка. Заработали казачьи батареи, удачный сваряд подшиб танк—пополз он назад, выпускает черную полосу масла. Подъехал казак к полосе, плюнул: „Тфу..... чего наделала—землю только гадит“.

А батарея Лозовского вылетела вперед в лаву, бьет по уходящему танку. Первый полк под командой лихого Никулина в шашки ударил и рубит пехоту. Конница противника изготовилась к атаке—но и наши готовы. Аэропланы бомбят наши полки.

Что же: ближе к противнику—перестанут бомбить. Дивизия ударила в шашки. Долго длилась рубка, сходились и расходились полки, звенели сигнальные трубы, гудела земля от кованых копыт. Далеко вокруг слышен был крик атакующих.

Но вот последняя атака—1-ый полк и с ним резерв начдива врубилась в центр противника; в полки синих и желтых кирасир, сабли сверкают в клубах пыли, огнем пышут разинутые пасти лошадей, огнем горит красное знамя... Покраснели шашки от крови—дрогнул враг, бежит за вал. Гоните и рубите, но не под'езжайте к окопам, не то наделает беды пулемет...

А все Калиниченко виноват—показал казакам, какая цена „Таньке“ и осрамил ее перед всей дивизией.

П.

„Даешь в шашки броневик“.

Бой 14 апреля 1920 года. На широкой степи, между Черным морем и Сивашом, столкнулись две стены: червонные казаки и конница генерала Морозова.

Конница опиралась на пехоту—сводный офицерский полк засел на кладбище к югу от хут. Преображенка в 100 саженях.

Ушли в Перекоп подбитые нашими батареями танки. Броневые машины, пехота и кавалерия вступили в бой с червонцами.

Сначала нужно было выбить пехоту—и 4-й полк с 1-ым полком были посланы в атаку.

Наша артиллерия засыпала кладбище дождем снарядов—и от разрывов рушилась стена кладбища, ломались кресты и пехота противника закапывалась в землю старых могил, ставших для нее могилой.

Ураганом влетел 4-й полк на кладбище и начал рубку. До 200 офицеров зарублено, остальные положили оружие, и полк ведет пленных, гонит в тыл „стадо белых лебедей“, с которых казачья голытьба успела снять обмундирование и оставила им только белье.

Полк строится после атаки, как вдруг из-за угла кладбища вылетает броневая машина противника и трещит пулеметами, стараясь отбить пленных.

Дрогнул полк. Но какой-то безумный смельчак в веселом задоре подал команду: „За мной, даешь в шашки броневик!“—и группа удальцов пошла в атаку на машину. Полк, зараженный этим веселым безумием, мощной волной ринулся в шашки на броневик. Машина смущенно пустила несколько очередей и, сделав поворот кругом, полным ходом понеслась к Перекопу, уходя от казачьих шашек.

Смелость города берет!

Дерзкие смельчаки с шашками обратили в бегство броневую машину.

4-й полк в этом бою лишний раз доказал, что смелый до дерзости всадник справится в бою с любым врагом и что шашка в умелых руках опасна даже броневой машине.

Старый казак.

„Врешь, червонцев испугаешься“.

В апреле 1920 года под Перекопом части Врангеля повели наступление на 1-ю Червоно-Казачью бригаду. Около полудня из ворот Перекопа показались танки.

За танками повел наступление офицерский полк, занявший позицию у экономии Преображенка. Около десятка аэропланов начали забрасывать нас бомбами. Первая бригада стала было отступать, но на позиции на своем „Мальчике“ появляется начдив тов. Примаков. Цепь выравнивается и ждет. Приказ—„Второй и четвертой сотне 1-го полка и второй сотне 2-го полка в атаку!“

Бросились... Не выдержал офицерский полк, дрогнул—и наутек к Перекопу.

Лихой комсотни 4, тов. Никулин, со своими преданными турками (у него был отряд из турок—курдов) бросается в тыл неприятеля и гонит офицерию обратно к Преображенке.

На рукавах у офицеров, на фоне черного сердца надпись: „Не боюсь никого, кроме бога одного“.

„Врешь, червонцев испугаешься!“—кричали казаки, кроша молящих о пощаде офицеров.

Нидер.

Бой под Старой Синявой.

Мирно спят казаки возле своих коней, спокойно жующих накопленный, еще зеленый овес. На горизонте начинает показываться солнце; то там, то сям выскакивают крестьянки дать корм домашним животным—коровам, овцам, пороссятам; боевая обстановка не дает возможности выгнать скот на пастбище. Прохожу по спокойной улице села к штабу полка. Вдруг со стороны застав слышится трескотня пулеметов и ружейных выстрелов. Не прошло и 3—5 минут, как карьером прилетел казак с донесением, что поляки выступили из м. Старая Синява и колоннами двигаются на расположение нашего полка. Молнией выскочила дежурная 3-я сотня из деревни. Звонко разносятся по деревне звуки тревоги. Все оживило. Все засуетилось. Испуганно смотрят крестьяне. Лишь казаки хладнокровно спешат к сборному пункту, чувствуя, что наконец удастся встретиться и померяться силой с поляками, вышедшими из-за Буга. Удастся отомстить за убитого три дня тому назад любимого командира полка, т. Новикова.

Дежурная сотня на рысях разворачивается перед наступающим противником. Заставы медленно отходят, прикрываясь пулеметным огнем. „Братва, ни шагу назад!“—кричит командир сотни. Пуля пробивает ему сердце, он падает с коня, а сотня начинает медленно отступать под натиском во много раз сильнеею противника. Задерживаясь за каждый угол хаты, отходят казаки в глубь деревни. Поляки вытеснили нас из деревни и начали впереди ее с восточной стороны окапываться, прикрываясь редким оружейным огнем. Видя вялость поляков, взявший командование над сотней взводный командир решил, не дожидаясь приказаний комполка, перейти в наступление. И перешел. Лихо, с криками „ура“ и „даешь“ понеслись во фланг противнику казаки. Поляки бросились бежать в деревню. Нам этого только и надо было. Суровые, загорелые лица казаков переменились.

Кони неслись все быстрее и быстрее, как бы чувствуя настроение всадников. Сотня под самой деревней, но... стоп. Поляки уже успели устроить из сельско-хозяйственных машин, взятых из находившегося как раз на конце села имения, баррикады.

Хорошо... Один взвод остается у баррикад, а три взвода мчатся в обход деревни. Ощетинившись штыками, подходят к селу главные силы противника. Сзади версты на полторы-две тянутся его батарея и обоз. Но это нас не останавливает. Под нашим натиском бегут из деревни занявшие ее польские части. С одного из флангов слышится

грозное „ура“ нашей сотни. Слева из-за леса показывается один из полков 3-й бригады. Поляки смущены. Они в панике. Смело врзаются червонцы в их колонны. Крики „ура“, стоны раненых, храп лошадей, свист пуль—все смешалось. Червонцы рубят..

К месту боя подлетают еще три наших сотни. С угрожающе поднятыми вверх усами носится помкомполка т. Букацель, а казаки все рубят и рубят, лишь небольшую часть противника оставляя в живых и сгруппировав ее около помкомполка. Не прошло и часа, как противник был разбит, а остатки его бежали за Буг. Пострадало несколько польских батальонов. Две трети из них было вырублено и около 300 поляков взято в плен. Большое количество оружия, пулеметов, принадлежностей технической связи и много кое-чего другого досталось 4-му полку.

Это был наш первый открытый бой с поляками. Червонцы сумели показать всему миру, что от них не поздоровится никакому врагу, покушающемуся на свободные, родные поля Советской Украины и России.

Бывший казак 3-й сотни 4-го полка **А. Алексеев.**

Под Терешполем.

Это был первый бой нашего 3-го полка с польской шляхтой, после только-что совершенного перехода от берегов Черного моря. 26 мая 1920 года узнали мы, что поляки находятся в с. Терешполь, всего в нескольких верстах от деревушки, в которой мы остановились на ночлег. На рассвете 27-го мая полк пошел в наступление. Комполка т. Демичев отдает распоряжения к бою, и наша 3-я сотня, получив боевую задачу, с двумя пулеметами Максима идет на Терешполь с целью охватить его с правого фланга.

Село уже виднеется. Тихо... „Дозоры вперед!“—командует наш сотник т. Гурьев. Быстро поспелись дозорные разведать притаившегося врага. Мы тем временем продолжаем движение вперед. Волнующаяся под ветром рожь мешает рассмотреть—что впереди.

Вдруг залп, другой, третий... Над нами засвистали пули, затарахтели польские пулеметы и мы все встрепенулись, ожили, чуя скорую развязку.

„Пулеметы вперед!“—кричит тов. Гурьев. На галопе выскочили наши „максимки“ и начали строчить по польской пехоте, засевшей на маленькой высоте в 1—2 верстах от нас.

Рассынавшись в цепь, с судорожно сжатыми в руках клинками, кинулись мы в атаку. Могучее „ура“ покатилося по полю и этот боевой клич придал нам еще больше воодушевления. Видим, как поляки мечутся, начинают „рвать когти“. Это еще больше подогревает нас—и вдруг... натываемся на проволочные заграждения и окопы. В бессильной злобе, наблюдая, как синие-жупанники тикают и, таким образом, ускользают от наших клинков, бросаемся мы влево, чтобы влететь в село. Там все в смятении. Одна за другой мчатся галопом по улице повозки с имуществом. Еще раз „ура“—мы врываемся в село и захватываем весь обоз.

„Слезай!“—командует тов. Гурьев. Сплешившись, начинаем обстреливать другую партию поляков, которую, как видно, тоже „нажала“ какая-то наша сотня, находившаяся левее нас.

Терешполь—наш. Мы потеряли несколько людей ранеными и штук 5—6 коней убитыми. На краю села уже хлопочут наши пулеметчики, расставляя свои машинки; там же и наш тов. Демичев. Обозлившись на свое поражение, поляки начинают осыпать село гранатами и шрапнелями, а мы, засев в овраге, забыли уже свой пыл и жар, делим „барахло“ и со смехом натягиваем на себя новые для нас синие френчи.

Сотник 3-й сотни 3-го полка **Федоров.**

Взрыв моста у с. Мартыновка.

Во время рейда на Черный Остров наша вторая сотня 4-го полка получила задание взорвать железно-дорожный мост у села Мартыновка.

Темной июльской ночью выехали мы по указанному направлению. Не спавшие уже трое суток казаки дремали на конях; некоторые перешептывались меж собой—что-то их встретит впереди, некоторые говорили: „Хорошо бы вот здесь в долине пустить коней и как следует соснуть“.

Но спать было некогда.

Подошли к селу Мартыновка. Потрясенные нашими дозорами, залаяли собаки. В селе противника не оказалось. Сотня вошла вслед за дозорами, выставив пулеметы и наблюдательные посты на дорогах у входа в село, а затем спешила и, оставив конников в селе, направилась к мосту, находившемуся недалеко от села. Проводник-крестьянин сказал, что мост охраняет польский полевой караул. Командир сотни поручил казаку Станиславу Янковскому, который хорошо знал польский язык, снять часового.

Стася—так мы обычно называли его—пошел по дорожке прямо к мосту. Вслед за ним, прячась в густой колосистой ржи, пополз наш командир, а вся сотня рассыпалась на огородах, раскинувшихся около моста.

Стася приблизился к часовому. Раздался окрик (конечно, по-польски): „Стой, кто идет?“ В ответ, по-польски же, Стася уверял часового, что он „свой“: „Нас разбили большевики и мы тикаем“. Часовой поверил, и Стася, быстрым шагом подойдя вплотную, наставил на него дуло своей винтовки. Тот перепугался, и без всякого сопротивления, беспомощно крикнув: „Цо, пан, робишь?“—отдал свою винтовку. В этот момент подошел и командир сотни. На вопрос, где остальные, часовый показал на окоп: „Вон там, спят“.

Обезоружив весь караул, сотня, подошла к полотну железной дороги и, послав к мосту подрывников, залегла цепью.

Вскоре напряженную тишину прорезал оглушительный взрыв пироксилина—неожиданный, несмотря на ожидание.

Осмотрев мост, нашли, что работа сделана чисто, балки разрушены, рельсы смяты.

Кончив свое дело, сотня побежала к коням и собралась идти обратно в штаб бригады. Но в этот момент что-то движущееся по полотну железной дороги остановило наше внимание. Показавшаяся вдалеке черная точка быстро выростала и вскоре можно было различить очертания поезда. Фонарей у паровоза не было, только угольки сверкали из-под топки и вместе с ними вырывались из трубы искры.

Вокруг—тишина. Только изредка такает пулемет в стороне Черного Острова. В селе как-будто никого нет—ни в одной хате не светится огонь.

Все ближе и ближе поезд. Два паровоза тянут громадный состав.

И вдруг тишину разрывает треск ломающихся вагонов, грохот мнущейся стали, крики и стоны. Паровоз слетел в воду. Из вагонов затарахтели беспорядочные выстрелы.

В темноте очень трудно было определить, что это за поезд. На платформах стояли орудия и еще какие-то непонятные предметы, впоследствии оказавшиеся автомобилями.

„Не узнавши броду, не суйся в воду“—помня эту поговорку, мы решили на поезд не бросаться, а сначала как следует его разведать. Правда, некоторые горячие головы предлагали: „давай бросаться“, но командир их не послушал, отвел сотню подальше от села в поле и выслал разведку.

Уже кое-кто из казаков успел заснуть, когда вернулись разведчики и донесли, что поезд—грузо-пассажирский и что на нем находится около 60-ти вооруженных человек.

Сотня быстро села на коней и, захватив с собой два пулемета Максима, скорым аллюром поскакала к поезду. Наша атака встретила незначительное сопротивление.

Только один казак был ранен. Остальные налетели на поезд—и немногим его пассажирам удалось бежать.

Оказавшаяся в одном из вагонов итальянская военная миссия пыталась спастись заявлением: „Мы с вами не воюем“. Но казаки ответили: „Мы со всеми, кто носит золотые погоны, воюем“—и порубили итальянских офицеров.

Имущество, находившееся в поезде, забирать было некуда и его расхватали крестьяне, прибежавшие со всех сторон к месту крушения. Сотня же, переодевшись в новое обмундирование, вернулась на соединение со своим полком.

Казак 2-ой сотни 1-го полка Лаврухин.

Не ждали.

Проскуровский рейд... Наш третий полк под'езжает к селу Б. Возле большого красивого дома собралась толпа крестьян. На крыльце стоит толстый мужчина, прилично одетый, с золотой цепочкой и что-то горячо доказывает, посылая угрожающие жесты в сторону крестьян. При нашем приближении он принял еще более гордый, уверенный вид, посчитав нас, вероятно, за поляков. Слышно было, как он свирепым голосом кричал: „Все вы большевиков ждете. Вам бы только грабить. Разве это порядки?“

Под'езжаем ближе, узнаем в чем дело: это—управляющий имением и два приказчика загнали крестьянских лошадей, пасшихся на помещичьем лугу, и требовали с крестьян штраф.

„Бей его гада! Бей буржуя!“—крикнули из наших. Кони, прорезывая толпу, рванули вперед. Тут только поняли, в чем дело и кто мы. Крестьяне поняли, что это те, кто несет освобождение от помещика, пана; управляющий понял, что это те, кто не дает пощады буржуям. Дав несколько выстрелов из револьверов, управляющий и оба приказчика бросились бежать. Их поймали.

„Что им сделать?“—спрашиваем у крестьян.

„А вот что“,—ответил один крестьянин, хватив изо всей силы управляющего лопатой по голове. Началась расправа. Один крестьянин, небольшого роста, худощавый, с разгоревшимися глазами, увидев, что мы вытянули шашки, подбежал к нам и в каком-то испуге крикнул: „Не пужно... мы сами... дайте, мы сами“.

Оставив бушующую толпу, мы поехали дальше. На горизонте показался Проскуров.

С. Ковалев.

В разведке.

Дело было в 20-м году в июне месяце. Поехали мы—8 казаков—в разведку по направлению на село Зозулинцы. В'ехав в это село, остановили на улице крестьянина и спрашиваем: „Тут у вас есть поляки?“—„Да, есть, человек 8; вон в той хате пьют молоко“.

Мы слешиваемся, оставляем двух коноводов и цепью идем к указанной хате. Винтовки—на-изготовку. Предлагаем полякам сдаться. Но не тут то было—из хаты раздается ружейный залп; а вслед затем вылетает две бомбы, из которых одна разорвалась и ранила нашего казака в голову. Он упал с криком: „Товарищи, спасайте!“ В свою очередь мы начали обстреливать хату частым огнем, но безрезультатно. Тут один из наших ребят не выдержал—вскочил в сени и бросил бомбу. Двух засевших в хате убило, одного ранило. Остальные 5 человек сдались нам в плен. Мы их обезоружили и порубили, а затем, положив на подводу своего раненого товарища, поехали дальше.

Не успели мы еще выбраться из села, как один крестьянин сообщил нам, что к селу подходит конная польская разведка в числе 15-ти всадников. Выслали мы от себя двух

человек узнать—действительно ли там польская разведка. Сообщение крестьянина подтвердилось. Тогда мы засели за какой-то каменной оградой и стали ждать приближения польских разведчиков. Едва лишь они сравнялись с нами, мы дали по ним несколько залпов, убили 4-х всадников и двух лошадей. Остальным удалось удрать.

Федор Дидын.

Сорную траву из поля вон.

Много славных страниц в историю революции своими клинками записали червонные казаки.

Лихие рейды на тылы противников заставляли последних бояться красных лампасов и алых верхов.

Но „в семье не без урода“,—были такие уроды и в силоченных рядах червонцев.

Каждый казак знает, как необходима дисциплина в армии и тем более в коннице, которая, очень часто отрываясь от своих тылов, предоставляется самой себе.

А соблазнов при таких отрывах встречается очень и очень много. Обстановка рейда создает почву, на которой легко могут вырасти такие ядовитые растения, как барахольство, насилия и другие преступления против мирного населения.

Но виновник, если он был обнаружен, не оставался у червонцев безнаказанным. Самым позорным и гнусным преступлением считали они и, конечно, до сих пор считают изнасилование женщины. Таких случаев история червонцев знает немного. Один из таких немногих фактов я и хочу предложить вниманию молодых казаков.

Дивизия прорвалась у Золочева в тыл противника и, взяв города Жидачев и Николаюв, пошла дальше—на Стрый. Неделю казаки не раздевались, кони не расседливались, лишь горячее желание добраться до синеющих вдали Карпат двигало хлопцев вперед.

Перед атакой на Стрый в 20 верстах от последнего был сделан привал в лесу.

К расположившемуся на траве штабу дивизии подошла молодая с заплаканными глазами и в беспорядке разметавшимися волосами женщина. На ломаном русском языке с примесью польских слов она рассказала о том, что какой-то солдат изнасиловал ее.

Немедленно виновный был найден. Он оказался сотником 1-го полка, шедшим с сотней в авангарде дивизии.

Начдив, после короткого совещания с военкомом, установив несомненность вины сотника, приказал построить 1-й полк.

Сотня, которой командовал виновник, была спешена, и перед всем полком комбриг прочитал приказ начдива, состоявший из очень немногих слов: „Бывшего сотника 1-го полка за изнасилование женщины расстрелять перед полком“.

Залп... Одного урода в семье червонцев не стало.

Так червонцы избавлялись от тех, кто своими поступками позорил имя червонца.

Б. Кузьмичев.

Не уничтожай завоеванного для народа.

В конце июля месяца 1920 г. 3-й полк Червоного Казачества, наступая против поляков, дошел до большого селения, разбросанного по берегам реки Гнилая Липа.

Наступление было стремительным. Подводчики едва успевали за кавалерией, и полк испытывал острый недостаток табаку.

Улучив несколько свободных часов, казаки занялись высушиванием листьев доморощенного тютюна. Но беда в том, что не было и бумаги, а курить хотелось адски.

Один из подводчиков, натолкнувшись на молодого казака из „новичков“, решил „подслужиться“.

В конце села стоял большой дом графа Потоцкого. Подводчик, в сопровождении червонца, быстро направился в этот дом, покинутый на произвол судьбы бежавшими хозяевами.

В комнате со старинной резной мебелью, обитой голубым шелком, в углу стоял лакированный громадный шкаф, за стеклами которого красовалось несколько сот томов в художественных переплетах. В многочисленных ящиках нашлось большое количество разных журналов.

„Був би тютюн, а паперу вистарчить“, — сказал загорелый галичанин, набивая в припасенную торбу книги и журналы.

Но тут кое-что случилось. Мимо окна проходил старый усатый червонец из первой сотни; он вел лошадь с водою. „Новичок“ заметил его и позвал: „Заходь, — бумага для табаку есть“.

Быстро войдя в комнату, этот усач, вместо того, чтобы внести свою долю в расхищение, грозно взглянул на „новичка“, а затем и на подводчика.

Секунда — и гнев охватил старого казака. Топнув ногою на спешившего в изумлении „дядьку“ и приказав ему не двигаться, он затем с силой ухватил „новичка“ за шиворот и, толкнув, послал за военкомом: „Щоб зараз мені був тута военком“.

Через пять минут в библиотечную комнату прибежали казаки 1-ой и 2-ой сотни с военкомом. Книги из торбы подводчика были выложены обратно.

Через полчаса комиссия из военкома и сельских учителей по длинному списку — акту передала все книги вместе с журналами в библиотеку школы. Даже одного экземпляра не было взято или испорчено.

О курительной бумаге и курении забыли.

По рассказу старого казака **Шлепанов**.

Эпизод из рейда на Стрый.

Двигаясь в порядке рейда на город Стрый, наша дивизия сосредоточилась в с. Вишневич (Галиция).

Наша сотня, согласно приказа, полученного полком, поехала в сторону с. Залинье, выслав впереди себя дозоры, которым было поручено раздобыть у местных жителей сведения о неприятеле.

Получив донесение дозорных, что в с. Залинье противника не обнаружено, сотня расположилась там и выслала разездом на село Борщи полусотню силою в 18 сабель.

Полусотня, с которой поехал и я, попала под сильный дождь. Сгустившаяся темнота мешала вести разведку. В конце концов решили мы остановиться на одном из фольварков и дожидаться более ясной погоды.

Из опроса встречавшихся на пути жителей выяснилось, что сумерками по этой же дороге проезжала польская жандармерия. Тем более поэтому было опасно продвигаться дальше в темноте, рискуя наткнуться на польскую заставу.

Послав двух казаков с донесением к командиру сотни, мы выставили в четыре стороны вокруг фольварка караульных.

Еще не возвратились наши посланцы, как мы услышали со стороны расположения сотни пулеметную и ружейную стрельбу, прекратившуюся минут через пятнадцать.

Взводный командир, опасаясь — не произошло ли какого-нибудь изменения в обстановке, решил послать в сотню еще 2-х человек для выяснения положения. Таким образом, в нашей полусотне осталось всего лишь 14 человек.

Казаки, спрашивая друг друга, что будем делать, если нас окружают поляки, решили: „Погибнем—или пробьемся, но будем биться до последнего казака, не сдаваясь в плен“.

Часа через полтора вернулись все наши 4 посланца и сообщили, что неприятельский раз'езд подходил к с. Залинье, но был обстрелян нашей заставой и скрылся в лесу.

На рассвете мы продолжали движение на село Борщи. Крестьяне нам сообщили, что поздно вечером польская жандармерия двигалась туда же. Ссылаясь на ненастную погоду, крестьяне уверенно говорили, что поляки заночевали в с. Борщи. Не доходя двух верст до этого села, наши дозоры привели для опроса крестьянина, шедшего из с. Борщи, который сказал, что там сейчас находится польская жандармерия в количестве 50—60 человек, без пулеметов, заставы никакой не выставила; некоторые из жандармов еще спят, а некоторые шатаются по улицам.

Наш взводный решил, что хотя нас всего 18 человек, а их около 60-ти, но справиться с ними мы сумеем, так как жандармерия принадлежит к войскам тыловым.

Решено было атаковать село в конном строю. Для наведения паники в обход было послано 4 человека, которым приказали открыть залповую, частую стрельбу как только полусотня начнет наступать. Комвзвод рассыпал полусотню в цепь и приказал открыть огонь по селу, но так, чтобы пули летали поверху, не задевая мирных жителей. После нескольких залпов комвзвода скомандовал: „Даешь в шашки!“ Казаки понеслись в атаку.

Жандармы вздумали-было сопротивляться, но, услышав залповую стрельбу у себя в тылу (стреляли наши 4 казака), начали разбегаться кто куда. Мы зарубили 12 человек, 10 человек забрали в плен, а остальные успели скрыться. Кроме того, в наши руки попало несколько повозок, нагруженных всяким барахлом, и 15 лошадей. Казаки переоделись в новое обмундирование, а кое-кто переменял своих измученных лошадей на свежих польских.

В это время наша сотня шла на м. Перемышляны и передала нам приказ командира полка: ожидать здесь подхода полка и присоединиться к нему. Дожидаясь подхода полка, мы вели шутливые разговоры с пленными поляками: „Как, мол, так—нас 18 чел., а вас 60, и мы вас победили. Те отвечали: „Если бы мы знали, что вас столько и что у вас нет пулеметов, то вы бы нас никогда не взяли“.

Из рассказа одного пленного поляка мы узнали, что на них устрашающе подействовала наша частая стрельба. Они полагали, что бьют из нескольких пулеметов, а высланные нами 4 человека своим огнем заставили их думать, что они окружены со всех сторон. Польский командир растерялся и крикнул: „Спасайся, кто как может“.

Так, благодаря маленькой хитрости, мы справились с противником, в несколько раз превосходившим наши силы.

Комсотни Лифиренко.

„Смелость города берет“.

Як на Стрий ми йшли,
Поляки тікали,
А дівчата галичанки
Нам квітки давали.
„Яблочно“ 1-ої дивізії.

Это было в сентябре 1920 года.

Дивизия зашла в рейд к Карпатам, глубоко в тыл противника. Несколько дней в постоянном окружении сражались червонцы. Взяты гг. Бобрка, Миколаюв, Ходорув, Жидачув. Очередь дошла до г. Стрия.

В ясный, солнечный день перешли червонцы р. Двестр. На западе показались в тумане мощные великаны—Карпатские горы.

При виде этих великанов, надвинувших на лоб косматые шапки—тучи, бросили казаки палахи вверх и такое грянули „ура“, что, верно, за Карпатами—в Венгрии было слышно. Затрубили хоры трубачей, понеслись над Днестром победные марши и звонкие казачьи песни—а полки идут за полками прямо на запад—к Карпатам. Во встречных селах по-праздничному одетый народ бросает яблоки веселым всадникам, дивчата в ярких галицких одеждах протягивают цветы казакам. А казаки смотрят орлами, усы покручивают да коней оглаживают, охорашивают, палахи на затылок сдвигают.

К вечеру подошла дивизия к Стрию. 3-й, 5-й и 6-й полки под командой комбрига г. Демичева назначены атаковать г. Стрий.

Стрий с юга прикрыт десятком горных речек, которые быстро текут одна рядом с другой; через них переброшены мосты к городу.

По ту сторону мостов залегла пехота—до 1000 штыков при пулеметах. Трудно взять ее—речки непроходимы в конном строю, а мосты вдоль обстреливаются пулеметами.

Комбриг 3 Демичев спешил около 6 сотен и они завязали огневой бой с противником. Солнце село за Карпатами. Бой затягивается. Наша артиллерия бьет по бронепоезду противника, который вяло отвечает.

Сумерки спускаются. Тень от Карпат легла на Стрийскую долину.

Неожиданно энергичная команда всколыхнула стоявших в конном строю 6 сотен. Тов. Демичев приказал в конном строю в колонне атаковать г. Стрий через мосты.

Решение было безумно: мосты обстреливались пулеметами и пехотой противника, но город нужно было взять.

Дивизион в карьер понесся через мосты, за ним на небольшой дистанции поскакал полк. Мосты загудели от топота кованых копыт. Беспорядочно-часто затрещали винтовки пехоты навстречу атакующим, застрочили пулеметы, но с каждой секундой ближе атакующая колонна, как гром гудят мосты—и дрожат руки пехотинцев, без толку стреляют винтовки.

Дрогнула пехота, бежит—а головной дивизион, потерявший до 70 всадников на мосту, яростно рубит бегущих, давит конями и как ураган несется к станции. Подоспел полк, развернулся, с бешеным гиком ударил—и все ложится на его пути. Взмыленные кони храпят и рвутся—темный инстинкт передает им ярость всадников, гонит их вперед и вперед.

Смелость города берет!

Стрий взят, станция разрушена, взорван узел. До 300 вагонов с военным имуществом и оружием досталось казакам.

Сделав свое дело, ушли червонцы.

Величаво стоят Карпаты. Много битв видали они—и звонкое горное эхо от вершины к вершине передает весть о новой битве, о грозных всадниках, пошедших на безумное дело и доблестно выполнивших его.

„Смелость города берет!“—кричит горное эхо.

— Смелость города берет,—повторяют червонцы.

Старый казак.

У подножья Карпат.

Червонцы подошли к подножью Карпат. От конечной цели рейда—от гор. Стрия—червонцев отделяли мосты, переброшенные через бурную реку Стрий. Поляки, предчувствуя, что их части не сумеют остановить грозную лавину казаков, заранее укрепились за мостами, устроили баррикады, поставили пулеметы и решили драться до последнего патрона.

Думать долго не приходилось. Короткий приказ комбрига тов. Демичева: „Взять мосты“—и две спешенные сотни червонцев двинулись вперед на железно-дорожный мост. Две другие сотни 6-го полка в конном строю понеслись на шоссе́нный мост.

Глухо зароптал мост, сотрясаясь от бешеного порыва массы всадников, неудержимо стремившихся вперед. Казалось, что вот-вот он не выдержит тяжести и рухнет.

Польские пулеметы и пехота открыли ураганный огонь по смельчакам, вскочившим на узкую дорожку моста. Грозным „ура“ и „даешь пулеметы“ ответили казаки и устремились вперед.

Вот уже половина моста... Падают кони, падают всадники... Вот один сраженный на-смерть полетел через перила моста на покрытые седой пеной камни.

Не остановились червонцы. По трупам коней, через застрявшую в пролете пулеметную тачанку, стремятся вперед все новые и новые бойцы.

Но густо сыплются пули, еще далеко до конца моста. Дрогнули железные всадники: наткнулись на неожиданное препятствие—мост весь перепутан рогатками, проволокой, завален столами, шкафами, всем, что попало под скорую руку полякам. Ободрились поляки, увидев остановившихся казаков, и чаще затрещали их пулеметы и винтовки.

Наткнувшись на препятствие, всадники с проклятием отхлынули назад, стараясь выбраться на свой берег. Но рано начал торжествовать враг. Кучка казаков, оставшихся последними, неожиданно, как бы сговорившись, повернула коней и понеслась обратно—на пулеметы и баррикады.

Опешили, растерялись пулеметчики, увидев перед собой обнаженные клинки казаков, крошащих с ожесточением проволоку рогаток и расчищающих себе путь. Секунда—и горсточка храбрецов, рубнув поляков-пулеметчиков, проскочила на чужой берег. Поляки разбежались. Сотня поспешила на выручку своим, и 4 пулемета досталось нам в этом бою.

Не сумели поляки удержать горсти безумцев—членов ком'ячейки 3-й сотни 6 полка.

Ворвались казаки в город, пошла рубка, и слышали чуждые нам стены польского города могучий революционный гимн восставшего пролетария, принесшего своим угнетенным братьям надежду на освобождение.

Долго будут помнить Стрый польские паны!

Военком 3-го полка Г. Сазыкин.

Испробовали пулемет.

16-ое сентября 1920 г. Уже стемнело. 100-й *) полк ходил несколько раз в атаку и каждый раз атака отбивалась поляками, крепко засевшими в местечке Городец.

Так как это было боевое крещение полка, то братва, конечно, злилась во-всю и старалась найти виновника неудачи.

После долгих поисков виновник был найден: оказалось, что вывезенный на позицию пулемет все время не стрелял, потому что был испорчен. Сейчас же на замещающего раненого начпуля тов. Г. посыпались обвинения: „Через твой пулемет мы не забрали Городец... Никогда не видел пулемета, а берется быть начпулем!“... и т. д.

Тов. Г. в отчаянии принимается с двумя пулеметчиками за исправление пулемета. Через полчаса Г. подходит к военкому полка тов. Петрову и просит разрешения испробовать исправленный пулемет.

Когда военком вздумал-было не разрешить, Г. решительно заявил: „Тов. военком, ребята меня ругают, что пулемет не стрелял целый день и не пугал поляков, а поэтому Городец не взят. Я исправил пулемет и должен его испробовать“.

*) 100-ый полк входил в состав 6. 17-ой кавдивизии.

Через пять минут заработал исправленный пулемет. Трескотня пулемета сразу воодушевила полк, поднялась ружейная перестрелка, которая все крепла и крепла. Наконец, тот же Г., подойдя к военкому, предложил пойти в атаку на Городец: „Я своим пулеметом уже достаточно напугал панов, да и братва хочет в Городец“.

Военком командовал: „Братва, вперед!“ Весь полк, как один человек, с криками „ура“ выскочил из окопов и на плечах поляков ворвался в Городец. Городец был взят.

Старый казак Гуренко.

Красный Сусанин.

1920 год. Зима. Петлюра в панике отступает, еле-еле настигаемый нами.

Одним полком подступаем к Каменец-Подольску.

Проходим через густой лес. Навстречу нам идет старик с длинной седой бородой— настоящий „Иван Сусанин“.

Подходит и, обращаясь к командиру полка, говорит: „В нашем селе петлюровцы с большим обозом. Я вас выведу к селу и вы захватите их совсем обозом,— они меня ограбили и я им отомщу“.

Командир сначала сомневался, верить ли старику, но потом решился. Посадив старика верхом на лошадь, приказал вести к селу, предупреждая, что если изменит, то пуля— в лоб.

Наш полк под предводительством „Ивана Сусанина“ пробирается по крутой скользкой тропинке в глубь леса. Обрадовались хлопцы предстоящей добыче.

Прошли несколько деревень и наконец заметили село, расположенное в яру.

Волнение... Быстро перестраиваемся... Разведка доносит, что в селе есть неприятель.

Вихрем везжаем в село и врзываемся в не ожидавшего нас неприятеля с криками: „Ура! Даешь!“ Противник, оказывая незначительное сопротивление, бежит. В наших руках 60 пленных, остальные рассеялись.

Старичок не подвел. Дали мы ему пять мешков сахара в награду, и наш „Красный Сусанин“ успокоился—отомстил.

Военком 8-го полка Дашневич.

Находчивость—второе оружие.

Однажды 1-я Запорожская Червоно-Казачья дивизия (тогда 8-я) под командой Примакова атаковала петлюровскую Фроловскую бригаду.

Та в замешательстве отступила.

Но часть петлюровцев стороной захала в тыл червонцам и наткнулась на оставшиеся казачьи пулеметы.

Началась перестрелка. Часть червонцев вернулась, чтобы выручить свои пулеметы.

Петлюровцы были уже недалеко и неслись на пулеметчиков карьером.

Сзади всех ехал пулеметчик Минаков.

Его догнали пятеро петлюровцев и пытались зарубить. Минаков, оставив пулемет, ударил по лошадям и принялся прыгать по тачанке от одной стороны к другой, избегая сабельных ударов.

Обстоятельства были скверные.

Рано или поздно—петлюровский клинок заденет червонца-пулеметчика, а у т. Минакова, кроме своего пулемета, нет никакого оружия.

Была у Минакова в повозку запряжена ленивая кобыла, которая, как он ее ни кормил, везла, только отведав наперед хорошего кнута, а больше за нее старался ее сосед—гнедой мерин.

Для этой кобылы, в свободное время, Минаков и соорудил добрый кнут из проволоки в сажень длиной.

Кнут на славу вышел. Все конюхи завидовали, стащить его у Минакова собирались. За этот-то кнут и взялся, с отчаяния, т. Минаков.

Карьером догонял его петлюровский кавалерист. Оскалив зубы, взмахнул он шашкой, но раньше его взмахнул своим кнутом т. Минаков, и лошадь петлюровца, получив промеж глаз удар казацкого кнута, ошалела от боли, рванула—и сабля со свистом рассекла только воздух, а петлюровец показал богу зад.

Когда Минакову принесли на помощь товарищи-червонцы, он, жадно глотая раскрытым ртом воздух, не шевелясь, сидел на дне тачанки, с крепко зажатым в руках кнутом.

По рассказу казака 3-го полка Сметанникова П. Осипов.

Из встреч с петлюровцами.

Наш полк стоял в районе дер. Вендичаны. Всю ночь не пришлось заснуть—мешала неумолкаемая трескотня пулеметов, ружейные выстрелы и крики „ура“.

Утром наша сотня под командой тов. Никулина выступила из деревни, получив приказ зайти в тыл противника и разведать расположение его войск и направление движения. Захватили с собой два пулемета и „горняшку“.

Не доходя до местечка Н., наш боковой дозор заметил неприятельского наблюдателя стоявшего на возвышенности, и, не медля ни минуты, бросился к нему. Тот пытался скрыться в глубоком овраге, но был пойман. По его указанию мы нашли в овраге двух петлюровских офицеров и тотчас же пустили их в расход.

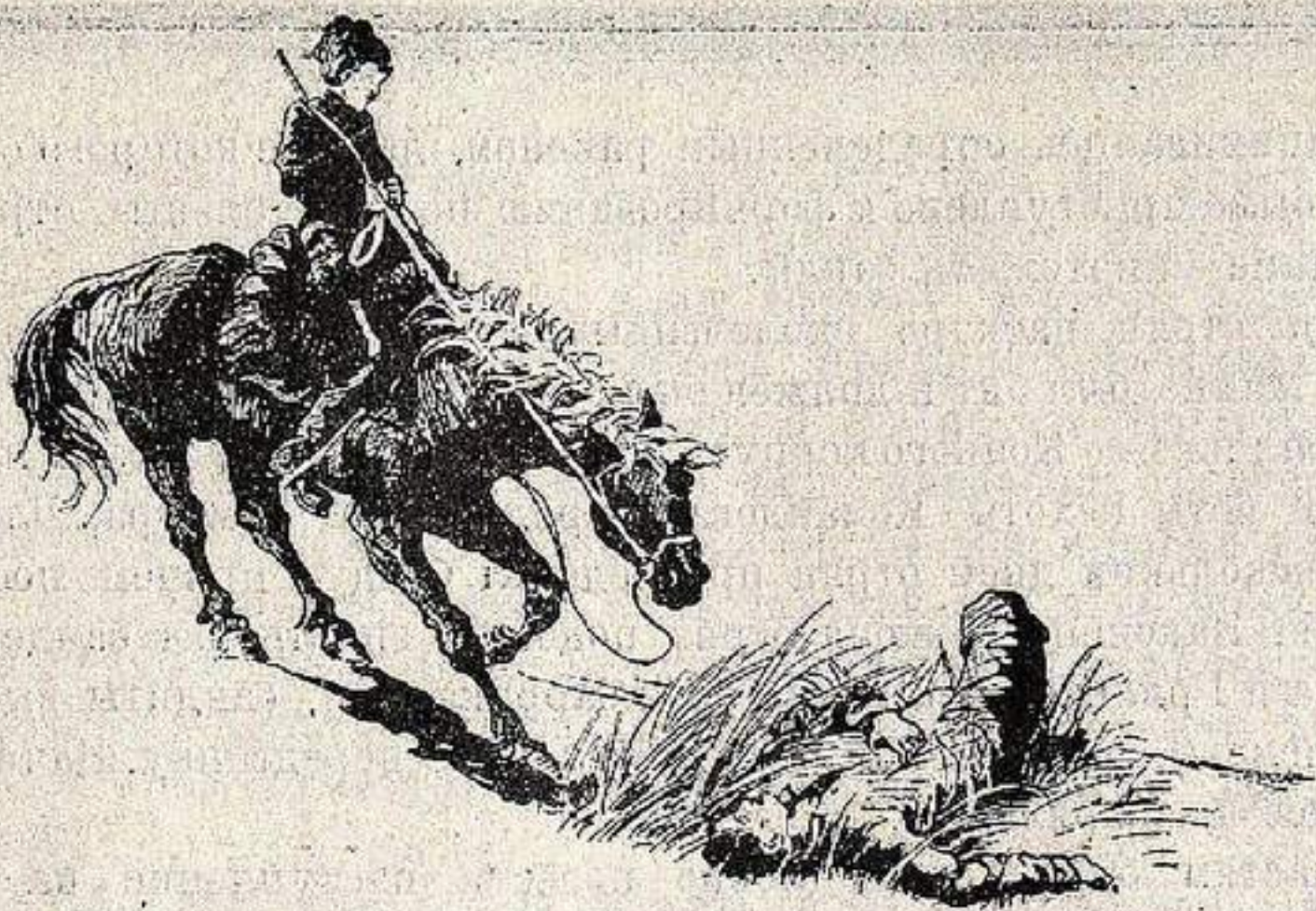
Прибыв в местечко, сотня остановилась на привал около церкви. Смотрим—приезжает петлюровский вахмистр и испуганно кричит: „Панове добродіі, тікаймо швидче, бо тут недалеко більшовики“. В следующий момент он понял, что мы и есть те самые большевики, но уже было поздно.

Неожиданно из-за угла послышались выстрелы. Тов. Никулин скомандовал: „По коням!“ В одно мгновение мы выскочили на гору. Нас стали обстреливать со всех сторон из пулеметов. Оказавшись в таком положении, сотня бросилась в атаку и вырвалась из кольца, захватив один пулемет и зарубив 2-х петлюровцев.

В это время сзади нас послышалось громкое „ура“. Оказалось, что нас нагонял петлюровский отряд из бригады Фролова.

Мы сделали выдержку, ожидая, пока петлюровцы приблизятся к нам, а затем стали бить из пулеметов. Убили 5 всадников и ранили несколько коней. Видя, что дело плохо, фроловцы побежали в ближайшую деревню, но и там попали в руки Котовского. Мы же присоединились к полку.

Казаки пульсотни Т. Н.

1921—1922 год.

„Соловей-разбойник“.

Эх, как вспомнишь все старое, где пришлось побывать и что повидать, так волосы дыбом становятся и невольно удивляешься, как еще до сего времени остался жив.

Служил я до Червоного Казачества с одним начальником пулемета тов. Соловьевым. Исколесили мы с ним все Полесье и всю Киевскую губернию. Бывали минуты, что жизнь на волоске висела, и часто выручал нас тов. Соловьев. Выскочит на своей тачанке с пулеметом Максима и летит полным карьером; без шапки, длинный чуб по ветру развеивается; спокойно, почти в упор, градом пуль поливает противника. И всегда у него полон карман различных запасных частей к пулемету, так что нет минуты, когда бы Соловьев не работал.

Любили его все казаки и повсюду его появление вызывало подъем духа. За все его подвиги дала ему братва кличку „Соловей-разбойник“. Одно время потерял я его из виду. Вдруг, встречаюсь в Летучем Истребительном отряде во время похода Махно. Идем, опять вместе по Полтавской, Черниговской и Харьковской губерниям и опять работает во всю тачанка с пулеметом „Соловья-разбойника“.

Однажды под селом Лейфороща потерпели мы неудачу.

Бросился Махно в атаку и сбил своими пулеметами нашу конницу. Началась паника... Сотня за сотней, что есть ходу, стали удирать, и такое отступление шло ровно четыре версты—до села, где расположился наш легковой обоз.

Здесь снова выручил „Соловей-разбойник“. Не обращая внимания на группу махновцев, выскочивши вперед, начал спокойно поливать их из своего верного друга „максима“. Приостановились махновцы, а мы тем временем успели оправиться, собраться с силами, а вскоре и сами погнались Махно.

И по сие время служит „Соловей-разбойник“ в Червоном Казачестве.

15 января 1923 г.

Сотник 1-ой сотни 1-го полка М. Сналов.

Как мы покончили с Махно.

В 1921-м году в июле месяце банда Махно насчитывала около 800 сабель и 40 пулеметов Максима. Борьба с бандой носила беспорядочный характер: отдельных отрядов специального назначения не выделяли, а просто бросали против махновцев части, ближе к ним расположенные. Существенного поражения банде нанести они не могли, так как

их действия ограничивались определенным районом, дальше которого они не шли. Только с апреля месяца было приступлено к формированию истребительных отрядов, получавших специальное задание уничтожить банды.

Первый такой отряд, наскоро сколоченный, не оправдал своего назначения: в нескольких боях с Махно был бит и должен был отказаться от дальнейшей борьбы. На смену ему выделили отряд из 1-го Конного корпуса в составе 1-го Черказполка при 8-ми пулеметах Максима и одной роты пехоты. Командовал отрядом брат комкора, Владимир Примаков.

В течение нескольких дней отряд преследовал банду, причем последняя все время уклонялась от боя. Наконец, 30 июня отряд подошел вплотную к банде, расположившись в селах Беседовка и Грилевка. Окружив себя баррикадами, бандиты выставили все имевшиеся у них пулеметы, надеясь получить небольшую передышку. Начистреботряда было сделано следующее распоряжение:

„Пехотным частям отряда немедленно повести наступление на села, занимаемые бандой, коннице сосредоточиться по-дивизионно в балке в 11-ти верстах от Хоружевки, а артиллерии было приказано стать на высоты 90 и 52 и ни в коем случае не обстреливать сел Грилевки и Беседовки. После двадцатиминутного боя с нашей пехотой банда начала отступать по направлению к с. Беневка, но брошенный под командой тов. Никулина дивизион заставил махновцев вступить в бой.

В тот момент, когда началась схватка, группа махновцев бросилась в атаку во фланг первому дивизиону, но 2-ой дивизион, под командой тов. Примакова, предупредил это нападение и метким ударом откинул противника. Тогда Махно бросил последние силы из села Грилевка с большим количеством пулеметов, которые быстро выкатились вперед и сильным огнем рассеяли наших два дивизиона. Под прикрытием пулеметного огня махновцы сосредоточились кулаком и бросились в атаку на нашу расстроенную конницу.

Настал момент дать работу артиллерии. Под умелым руководством тов. Петкевича кулак махновцев был разбит. Бандиты начали было отходить, но, увидев, что отход создает для них невыгодное положение, снова бросились в атаку на наши два дивизиона, которые в свою очередь начали контр-атаку. Произошла отчаяннейшая схватка холодным и огнестрельным оружием. Банда не выдержала и кинулась бежать. К этому времени подоспел 8-ой дивизион под командой тов. Белаша на более свежих лошадях и ударил во фланг отступающему противнику. Комсостав банды, видя свое безвыходное положение, дерзко рванулся вперед и увлек за собой подчиненных, но на этот раз спастись банде не удалось. Наша конница быстро взяла ее в пашки. Весь комсостав, кроме самого Махно, был уничтожен, попытки отдельных пулеметов спастись успеха не имели, пулеметы и обоз остались в руках отряда. Черное знамя банды, также отбитое отрядом, было вручено сейчас же после боя помкомкомандвойск Укркрыма тов. Эйдеману. Только небольшая кучка бандитов ушла вместе с Махно. В этом бою мы потеряли 11 человек комсостава и 4 казака убитыми, 22 казака было ранено. Но эти наши потери дорого обошлись махновцам—280 из них остались на поле.

За этот поход и за все свои боевые действия, начиная с 1918 года, 1-й полк Червоного Казачества был награжден орденом Красного Знамени. 48 орденов Красного Знамени были розданы червонцам.

Врид. командир 2-ой дивизии П. Григорьев.

Из моих воспоминаний.

Вспоминается мне один случай, происшедший со мной на Полтавщине, когда наша сотня ходила на Махно.

Дело было в конце мая 1921 года. Помню, я всю ночь был в связи, в бригаде. Утром, сменившись, пошел к патронке. Набил патронами полный патронташ и подсумок, так

как в то время в сотне было мало патронов: она шла все время впереди бригады верст на 10—15, делая большие переходы в поисках Махно, и двуколки с патронами не могли поспеть за ней. Оседлав коня, я взял справку, в каком направлении ушел наш дивизион (вместе с нашей сотней действовала прикомандированная к нашему полку сотня другого полка нашей же дивизии), и поехал его искать. По дороге обогнал батальон пехоты, командир которого сказал мне, что наш дивизион отдыхает в балке верстах в трех от нашей встречи. Действительно, проехав версты три, я попал в большую балку, где и увидел конницу. Дивизион поголовно спал, так как всю ночь провел в походе и люди страшно устали. Только со стороны, откуда ожидался противник, виднелись черные точки всадников. Еще неизвестно, может быть и они спали, как вообще кавалеристы умеют спать: сидит себе на лошади, руки на груди скрестил, голову повесил и спит себе одним глазом.

Только что я приехал, хотел было пустить коня немного попасться, а сам тоже, по примеру товарищей, завалиться спать, вдруг слева от балки послышались выстрелы.

Сна как не бывало, все уже около коней, подтягивают седлуги, зануздывают, а кто уже и сел. Вот мчатся дозорные.

—Махновцы... Человек семьсот!

Нас было человек 200.

Команда: „По коням!.. садись!“ застала всех уже на конях.

Без всякого строя, мы выбрались из балки: очень уж крутой был подъем—не до строя.

Передний проход в балке оказался в руках махновцев, а задний, откуда я приехал, был занят подоспевшей к этому времени пехотой, которая ничего еще не знала. И ей, после того как мы удрали, предстояло первой принять удар махновцев.

Вылетели мы из балки и врассыпную стали тикать. Собираться сразу вместе после выезда из балки и строиться нам не было расчета, так как по нас строчили пулеметы махновцев. Нам теперь нужно было уйти из-под огня, а потом уже строиться.

Отскочив версты на полторы, мы услышали беспорядочную стрельбу в балке, и решили, что пехота попала прямо в лапы махновцев и, наверное, вся порубана. Из балки вырваться трудно, так как единственный путь к отступлению был загорожен подводами, промеж которых, как угорелые, бегают дядьки, бабы, мальчишки, все, кто с подводами выехали. Это всегда так бывает. Пробиваться вперед нельзя—на рожен ведь не полезешь.

Наш командир дивизиона т. Б—ш решил отступить, так как вести в бой 200 человек против 700 не имело смысла. К тому же у нас остался 1 пулемет, а у тачанки другого при выскакивании из балки сломалась ось. Начальник пулемета спрятал его в болото, прикрыв сухими ветками и травой. У казаков на руках было не больше 15—20 патронов и идти при таком положении в бой было бы очень рискованно. Б—ш послал связь в бригаду, прося подкрепления.

К этому времени беспорядочная стрельба в балке прекратилась, слышались лишь отдельные выстрелы. Зато на поле стало раздаваться громкое „ура“, „даешь“ и стройные залпы, следовавшие один за другим.

Тогда мы все поняли, что пехота каким-то образом вырвалась из цепких лап: выйдя из балки, залегла в поле и отбивает атаки махновцев.

Тут уже не стерпело казацкое сердце. Без всякой команды построился дивизион в лаву, как у одного вылетели из ножен шашки и пропала вся растерянность, пропала вся боязнь. Дивизион был готов к бою и с нетерпением ожидал только приказа двинуться в атаку на помощь пехоте.

Пошли мы в атаку. Патронов было у нас мало, да еще попадались такие, что давали осечки,—или капсюль негодный, или в гильзе нет пороха. Вот такой-то и у меня попался. Во время атаки я выстрелил. Осечка. Я по привычке выбросил негодный патрон

(мало ли бывает осечек!) и, не глядя даже на винтовку, подаю другой. Не входит. Почему? Я наскоку вынимаю патрон, смотрю в дуло. Темно. Я—шомполом. Не идет. Оказывается, что патрон как патрон, а пороху в нем не было: силой взрыва капсюля пулю загнало в ствол и теперь ее трудно выбить, в особенности в такой горячке.

Я—к пулемету, бросил винтовку на тачанку. У пулемета в то время лошади уже совсем стали и в бой с нами он не пошел. Запасной винтовки на пулемете не оказалось, и мне пришлось ехать в бой без винтовки, хотя я и не очень-то беспокоился об этом у меня был наган и штук 30 патронов к нему.

На полном карьере мы пересекаем балку, взбираемся на другой бок. Нас встречает пулеметный огонь и контр-атака махновцев. Конечно, бой нам завязывать невыгодно. Нас мало и помощь еще далека. Мы сорвали когти и назад, опять через балку.

Вот тут-то и начинается мое приключение. Когда мы пошли в бой, мне стало жарко. Я снял с себя бушлат, который позылчил у одного знакомого матроса на время поездки в связь, в виду того, что моя шинель приказала долго жить. Когда мы взбирались на гору к махновцам, то я, чтобы облегчить лошади подъем, поднялся на стременах и наклонил корпус вперед. Бушлат, лежавший на крышке, выскочил из-под меня и упал на землю (во время боя мне не было времени привязать его к седлу).

Когда мы шли в атаку, то никто не заметил этого, а я и подавно. Не тем у меня ум был занят. Когда стали тикать обратно, хлопцы увидели и стали мне кричать: „Эй, С., бушлат подними, а то махновцам достанется“. Бушлат не мой,—раз я его взял—нужно отдать. Если бы мой, я и не подумал бы за ним вернуться. Во время боя коня трудно отослать от строя—и все-таки я решил вернуться. Бился-бился я с конем до тех пор, пока он совсем не упал, да так, чтобы больше уже не вставать. „Пчелка“ укусила.

Я гляжу—хлопцы все уехали, махновцев не видно. Думаю, раз махновцев нет, то что мне мешаает сходить за бушлатом. Бросил коня и шлепаю по болоту. Взял бушлат.

Иду обратно, гляжу—лежит убитый махновец, хорошо одетый. Я с него сейчас же шинель долой и на себя. Думаю, что и сапоги не мешало бы стащить. А сапоги хромовые, холявы длинные. Аккурат на мою ногу, а у меня уже сапоги каши просят. Занялся сниманием сапог. Труп еще не остыл; первый сапог легко снялся; берусь за другую ногу.

Вдруг крики „ура!.. ги!“... Гляжу—по балке мчится прямо на меня группа человек в 8, мелькают лампасы... Казаки.

А наши казачки пригнулись к шеям лошадей и знай дуют нагайками. Около меня было самое лучшее место под'ема и они должны были обязательно мимо меня ехать.

А сзади на расстоянии полуверсты с криками и гиканьем мчится вдогонку первой вторая группа—уже махновцев.

Мне хлопцы кричат: „С., садись на хвост, а то зарубают!“ Я и действительно уцепился за хвост одной из лошадей. Сделал я это вот для чего: посадить меня на седло не было времени, и я выбрал из двух зол меньшее: лучше быть побитым, чем зарубанным. Пешком я бы не успел выбраться из балки. А так, держась за хвост одной рукой, а в другой была винтовка, которую я машинально прихватил от убитого махновца, я где мог—бежал, а где меня тащила лошадь. И так, то держась за хвост, то срываясь и хватаясь за стремяна обгонявших меня казаков, я вместе с казаками добрался до верху балки.

Добравшись до верху, я не мог бежать по ровному полю за лошадьми—мне уже не хватало сил, а сажать меня не было времени—того и гляди нагонят махновцы. Вдвоем на одной лошади не ушли бы, пропали бы оба ни за копейку.

Учтя все это, я скореньким манером побежал от своих в сторону, где шагах в 50 заметил группу кустов и три больших груши. Думаю, залезу в кусты и подороже продам свою жизнь.

Бегу и радуюсь в то же время, что захватил винтовку у убитого. А как я ее захватил—не помню; как-то машинально, по привычке, а теперь она должна была сослужить мне большую службу. Из нагана не так-то скоро попадешь, да и долго заряжать.

Добегаю до груш. Гляжу—старый, еще николаевский окоп, весь заросший травой и наполовину уже осыпавшийся. Недолго думая, прыгаю в него. Гляжу—два человека. Мысль: „Махновцы“. Оказывается—взводный командир т. Р—ко и казак из прибывшего к нам пополнения, не помню теперь его фамилию. Казак бросил винтовку, лежит ничком на бруствере окопа и плачет навзрыд, а Р—ко ругается на чем свет стоит. Вспоминает и бога, и пресвятую богородицу, и всех святых. Изредка дает тумака казаку. Тот знает себе только плачет и ничего не отвечает.

На меня напало какое-то оцепенение. Я уже так много раз пугался в этот день, что уже мой ум притупился в этом отношении, и только дрожание рук выдавало мое настроение.

Выглядываю из окопа. Махновцы уже бросили погоню и уехали обратно в балку.

Обращаюсь к Р—ко: „В чем дело?“

„Да как же, так его расперетак,—испугался казак и плачет, как баба... Нет патронов—вот плохо. Было у нас штук 30, но когда за нами гнались, я все выпустил, а теперь придется с наганом бой принимать. У тебя, наверное, тоже нет патронов?.. Снабдили нас патронами! Спасибо“.

И опять в бога, в тройцу и т. д.

Патронов у меня было в патронташе 90 шт. и в подсумке штук 25—30, так как в штабе бригады я набрал, сколько мне хотелось. Говорю, что патронов хватит. Тут мой Р—ко чуть не пляшет,—возрадовалось сердце старого партизана киевских лесов при такой вести. Сам снимает с меня патронташ, высыпает на бруствер все патроны и говорит: „Эти выстрелим, а в подсумке оставь на случай“.

Видит у меня пехотинскую винтовку без ремня, спрашивает:

„Где ты взял?“

Я ему рассказал, как было дело.

„А где седло?“

Я говорю: „Бросил.“

„Дурак, нужно было хотя бы крышку и крылья взять“.

Пока мы так переговаривались, оказалась наша сотня версты за три на бугре, уже построенная, как-будто собиралась пойти в атаку. Наверное, вернувшиеся казаки сказали, что есть живые червонцы без коней и ховаются по канавам и окопам.

Со стороны пехоты время от времени раздавалось по два, по три стройных залпа. И скоро совсем притихло. Наверное, Махно обжегся и дул на обожженное место.

Перед нами через балку (по прямой линии считать не больше, чем шагов 600, а балкой версты полторы) стали появляться небольшие группы махновцев. Р—ко говорит: „Ну, давай займемся делом, попробуем сшибить несколько молодчиков. С этого дурака,—показывает на плачущего казака,—ничего не возьмешь, а ты, кажется, немножко поспокойнее“.

Стали мы стрелять. Я еще не совсем успокоился от пережитого, руки у меня страшно дрожали. Взял я винтовку, стреляю да стреляю в небо, как в копеечку. Вдруг чувствую, что-то мне по голове как треснет. У меня от перепугу язык отнялся: „Ну,—думаю,—наверно, шашкой сзади кто-нибудь двинул“. Оглядываюсь—стоит Р—ко, ругается и намеревается еще дать бамбушку по моему бедному кумполу. Спрашиваю: „За что?“

„Так и так твою мать,—разве так стреляют? Если не умеешь, лучше брось, чем понапрасну изводить патроны“.

Перестал я стрелять; посидел минут с пяток. Движение среди махновцев стало еще сильнее. Под'ехал к краю балки какой-то махновец. Бурка развивается. Цель превосходная. Р—ко и говорит мне: „Вот тебе цель, стреляй!“

Я тщательно навел мушку... Пах!... Махновец покатился.

Слышу: „Дурак, зачем ты коня испортил?“

Оказывается, взял я низко и попал не в махновца, а в его коня.

В это время под'ехал к махновцам пулемет и давай строчить по идущему в атаку дивизиону. От дивизиона осталось не больше 100 человек: кто убежал, в особенности казаки из прибывшего пополнения, у кого кони пристали, а кто и совсем без коней остался. Р—ко говорит: „Нам нужно сбить пулемет, а то сотне придется туго при переходе балки“.

Стали мы стрелять, и, действительно, вскоре перебили всех коней у пулемета. Конечно в этом деле я большой помощи не оказал,—на это мне не хватило выдержки. Честь сбития пулемета нужно приписать т. Р—ко,—старый партизан, никогда ни в чем не терявшийся, меткий стрелок и не раз бывал в таких переделках.

Пулемет замолчал. Наша сотня с гиканьем и криками помчалась в атаку. Р—ко, как маленький ребенок, хлопал в ладоши и кричал: „Пулемет наш!“ Но не тут то было! Подлетели человек 10 махновцев, несколько соскочило с коней, убитых лошадей оттащили в сторону, на своих построили, сами в тачанку—и пулемет тю-тю... Только и видели. Р—ко аж волосы на себе рвал, когда это увидел.

Выскочили мы втроем из окопа и побежали вслед за сотней. Я бегу и не покидаю мысли, что сейчас добежу до убитого махновца и сниму сапоги. Добежал, а он бедный не только сапог, но и нательного белья не имеет,—свои братишки постарались.

Махновцев дивизион прогнал; поймал на поле несколько коней, что бегали без всадников. Дали и нам коней.

В это время под'ехали наши остальные сотни и батарея. Нам дали отдых, а прибывшие сотни пошли вдогонку за бандой.

Поехали мы за пулеметом, что С—в спрятал в болоте. Приезжаем в балку, где мы спали. Не узнать балки! Ломаные повозки, убитые лошади и порядочно порубленных людей. Не разберешь — махновцы или наши, потому что все голые. Около трупов валяются груды разных тряпок, портянок, белья, рваных сапог. Не стоит такое барахло с собой тащить.

Через полчаса мы приехали в деревню на почевку. Там мы все узнали про пехоту. Пехоты было 120 человек, исключительно татар. Среди них много и коммунистов. Весь батальон очень дружный и закаленный в прежних боях с бандитами. Командир опытный, жаль, что я не помню теперь его фамилии.

Когда мы удрали из балки, пехота нос к носу встретила с махновцами. Произошла взаимная неожиданность. Наши не ожидали махновцев, а махновцы не ожидали встретить на подводах вооруженных красноармейцев, а думали, что это обоз 1-го разряда. Завязалась здесь порядочная стрельба. Махновцы отступили и тем дали возможность командиру собрать батальон, взять ящики с патронами и выйти в поле, где батальон был построен „ежиком“.

Поляки часто так поступала, при наших налетах. „Ежик“ состоит вот в чем: колонна строится четырехугольником, по углам пулеметы; первая шеренга с колена, вторая стоя; бьют поседающей кавалерии залпами. Такой „ежик“ взять очень трудно для кавалерии и даже невозможно, если нет пулеметов и пехота дружная. Как правильно называется это построение—я не знаю, но знаю, что наши старики называют его „ежиком“.

Ну, дальше. Батальон построен „ежиком“, первые две атаки махновцев были отбиты. Каждому красноармейцу дали по цевке патронов. Командир, наверное, предвидел, что будет дальше. Рассыпал в цепочки весь батальон. Люди, как могли, окопались. В это время к махновцам подошли пулеметы и началась баня. Кое-кому пришлось жарко, а кто и совсем сгорел. От батальона уцелело после боя 80 человек, а остальные остались спать под деревней Карпиловкой Полтавской губернии. Много было раненых.

Не дешево достались и махновцам 40 человек пехоты и человек 10 наших казаков их тоже порядочно было поколочено. Но этого нам было мало. Мы хотели, чтобы за каждого убитого красного казака было убито 10 бандитов, что и было сделано, когда к нам на подмогу пришел 1-й полк червоного казачества и команду над сводной бригадой принял П. П. Григорьев.

Но в этом бою наша пехота доказала нам, что на нее мы можем надеяться, что она не уступит нам, казакам, в храбрости и выносливости. Через месяц—полтора после этого боя, с приездом Григорьева, от Махно остались жалкие остатки—что-то около 25 человек.

С. Журавлев.

Червонцы не сдают своих штандартов противнику.

Их нет... Они кровью своей окрасили новый штандарт... По сводке это выходит просто: Помвоенком 4-го Черказполка с 7 казаками вез полученный от Ново-Ущицкого исполкома штандарт для полка. В лесу между Кирнасовкой и Демковкой на штандарт напала банда численностью в 20 конных при одном пулемете Льюйса.

В результате боя банда бежала. С нашей стороны убиты два казака и один ранен.

Червонцы не знают позора сдачи своих штандартов противнику.

Всегда впереди полка развевающийся штандарт зовет на бой—к победе и славе.

История 1-го Червоно-Казачьего полка знает немало примеров героической защиты штандартов.

В бою в Крыму, под с. Юшунью, полк, борясь целые сутки, потеряв до 50 проц. убитыми и ранеными, отходит под натиском противника; артиллерия обстреливает червонцев шрапнелью.

Вдруг разрыв недалеко от штандарта; он качается и падает. Убит знаменосец. Всадники противника мчатся к упавшему знамени, остатки 1-го полка вздрогнули—я у штандарта началась рубка.

Два сотника ранены, убито несколько казаков, но знамя осталось за нами.

Молодые червоно-казачьи полки в этом отношении равняются по своим старым братьям и, как показывает вышеотмеченный случай, твердо усваивают традиции червонцев 18—19 годов.

„Червоный Казан“ № 34 (121).

Не оставляй товарища в беде.

Одна из сотен 2-го полка 6—7-го июля 1922 г. была выслана для преследования банды, появившейся в районе стоянки частей лагсбора.

Сотня прошла 60 верст по следам банды и остановилась в м. Елтушково покормить лошадей.

Взводный к-р сотни, тов. Петченко, и старшина, тов. Филиппов, оба старые червонцы, после выступления сотни из местечка Елтушково на дер. Дашковцы отделились от сотни, чтобы произвести рекогносцировку в направлении на слободу Ходацкую.

Едут осматриваясь. Вдруг из рожи, лежащей на дороге, выскакивают человек 5 бандитов. Последовал обычный вопрос: „Какой части?“ Наши хлопцы тоже их спрашивают, но тут бандиты, видно, заметив лампы, дали залп, и взводный к-р был ранен в ногу.

Повернуть коней и дать им полный мах в обратном направлении—дело одной минуты, но не тут-то было: наперерез нашим казакам выскочило еще человек 20 бандитов.

Опять вопрос: „Какой части?“

„2-го черказполка“—был ответ.

Тут же вспыхнул залп. Лошадь взводного к-ра была ранена.

Оба казака бросились бежать, но через несколько десятков шагов лошадь под взводным к-ром падает.

Бандиты почти на хвосту; еще момент—и новая жертва бандитских рук.

Здесь-то сказались старые, боевые, славные традиции червонцев. К раненому Петченко подсакивает старшина т. Филиппов; в один миг подхватывает его, на ходу помогает ему взлезть на свою лошадь и под яростные крики бандитов уносится на карьере.

На первом лугу старшина т. Филиппов оставил свою лошадь раненому, сам сел на пасшуюся по лугу крестьянскую лошадь и благополучно доставил взводного в полк.

Вот маленький пример старых традиций для молодых червонцев.

Быв. комполка 2 А. Генде.

Червонцы не сдаются.

20 мая 1922 г. в лесном бою с бандой Гальчевского был тяжело ранен и, упав с лошади, остался лежать на поле боя помощник командира взвода 10-го полка, тов. Калинин.

Заметив приближающихся к нему казаков 7-го полка, т. Калинин принял их за бандитов, т. к. никаких отличительных знаков на рукавах они не имели. Не желая сдаваться в плен, т. Калинин вынул наган и застрелился на глазах у казаков 7-го полка.

Казаки 7-го полка, заслушав рассказ своих товарищей, постановили: передать наган т. Примакову, вождю червонцев, первому выкинувшему лозунг: „Червонцы не сдаются“.

Револьвер был вручен тов. Примакову на парт. конференции 2-ой дивизии. Принимая его, тов. Примаков заявил:

„Тяжело, товарищи, принимать наган, из которого стрелялся наш товарищ, Калинин. Еще тяжелее мысль об утрате т. Калинина. Но вместе с тем я горжусь, что 2-я дивизия, еще молодая червоная дивизия, уже кровью своей освящает наши лозунги, за которые билась 4 года Республика и ее сыны, червонные казаки.“

Я клянусь, что сам, если мне суждено будет попасть в положение т. Калинина, не сдамся в плен, а предпочту из этого же нагана покончить с собой“.

Документы.

Днепровский отряд РСФСР

История воспроизводимого здесь документа такова:

В 1918 г., согласно договора с Германией, все украинские части, переходившие границу России, должны были разоружаться и интернироваться.

Такая же участь ждала и полк Червоного Казачества, сопровождавший Укра-

инское Советское Правительство по пути его с Дона на Москву. Однако расформировать уже сложившуюся, зарекомендовавшую себя в боях и несомненно полезную в будущей борьбе на Украине воинскую часть было вовсе не в расчетах Сов. Правительства России. Поэтому решено было прибегнуть к временному маскарладу: 1-й полк Червоного Казачества превратился в 1-й Днепровский Отряд Российской Советской Федеративной Республики, сохранив прежний внутренний распорядок. Естественно, что просьба, изложенная в помещенном здесь документе, была удовлетворена.

Под своим „российским“ названием полк Червоного Казачества был известен и в Почепе Черниговской губ. близ нейтральной зоны, куда его вскоре направили из Москвы. И только перейдя границу, вступив в нейтральную зону, червонцы сбросили уже ненужную маску и перед немецкими и гайдамацкими войсками вновь предстал 1-й полк Червоного Казачества.

Из писем Г. Пятакова—В. Примакову.

I.

30 мая 1918 г.

Дорогой Виталий!

Дела настраиваются отлично. Посылаю Оксану¹⁾ со специальным поручением привезти мне точное описание границы. Ты ей дашь письмо. Только тогда я смогу сообщить, что делать с границей. Все уже здесь готово. Надо, чтобы аппарат всасывания по ту сторону был тоже построен.²⁾ Это еще в весьма несовершенном виде. С извещением поступишь так: отправишь в Киев, Фундуклеевская 11, профсоюз портных, секретарю Фельдману, через которого найти Лаврентия³⁾ и ему отдать. Об исполнении донести.

Обнимаю и жду точных сведений.

Г. Пятаков.

NB. Оксана будет регулярно приезжать туда; через какой период—это выяснится из продолжительности пути.

Г. П.

¹⁾ Оксана Коцюбинская—жена В. М. Примакова. Член Р.К.П. Работала в редколлегии газеты „К оружию!“ Во время пребывания червонцев у нейтральной зоны и в нейтральной зоне поддерживала связь между ними и Повстанческим Комитетом.

²⁾ Организации Повстанческого Комитета, действовавшие по ту сторону границы, должны были „всасывать“ от червонцев оружие, литературу, новых работников и пр.

³⁾ Лаврентий—один из организаторов повстанческого движения, впоследствии секретарь Киевского Губкома КП(б)У.

II.

Москва, 4 июня 1918 г.

Дорогой Виталий!

Во-первых—крайне, крайне удивлен твоим упорным молчанием. Так нельзя... Работа тормозится потому, что я не знаю, что ты сделал.

Во-вторых—крайне рад твоему „освобождению“,¹⁾ а тебе—по шее: не глупи.

В-третьих—посылаю к тебе тов. Муринзона, с которым поступишь следующим образом: через него установишь связь с Черниговым и Гомелем. Для этого нужно:

I. Гомель: 1) адрес—Румянцевская ул., кооператив профессионального союза мужских портных, спросить Хавкина; 2) пароль: „Гетман здравствует отлично“; 3) пошлешь туда Муринзона, который должен вытребовать к тебе из Гомеля человека, либо сообщить твой адрес и адрес ближайшего к тебе пограничного пункта с той стороны; 4) установить постоянную связь с Гомельскими казаками.

II. Чернигов: условишься с Муринзоном, как удобнее всего установить связь. В четвертых—через казаков установишь тесную связь со следующими деревнями по следующим адресам: Б.-Кривец 7 верст от раз'езда Манюка, спросить Марка Пономарева. В пятых—сообщаю тебе для связи со мной: 1) пароль „Скоропадщина“, ответ—„Советская власть“; 2) шифр: переданная тебе Муринзоном брошюра Степанова (научи Бориса шифровать); страница обозначается первой дробью, путем сложения числителя и знаменателя (например 15-ая страница—9/6, или 5/10, или 7/8 и т. п.); дальше обычно: числитель обозначает строку, знаменатель — букву.

В шестых—Аралов сообщил, что тебе все дано (кроме карабинов); что ты с этим сделал?²⁾

В седьмых—обнимаю тебя. Привет Борису, „мамаше“³⁾ и всем казакам.

Твой Юрий

III.

Москва, 7 июня 1918 г.

Дорогой Виталий!

Я крайне удивлен тому, что ты пишешь. Ей ей, это несерьезное отношение к делу. С одной стороны ты расписываешь широкие планы (если я не ошибаюсь—у тебя все в голове приковывается к Десне), с другой стороны—реально тобою ничего не сделано. Не завязаны даже связи с населением по ту сторону границы. Разберем твою задачу по пунктам.

Паспорта: я могу, конечно, достать тебе и твоим казакам фальшивки, но думаю, что это—хуже. Дело в том, что как старый опыт, так и новый недвусмысленно говорят о том, что документы, получаемые из усиленно работающего Бюро,— всегда хуже документов, полученных разными окольными путями. Это—во-первых. Во-вторых,— при твоей работе весьма полезно иметь документы из пограничной, а еще лучше, из нейтральной полосы. Для этого надо стакнуться с кем-либо из сельского комитета, войти в дружбу с крестьянами, пощупать почву в комиссариатах Почеп, Трубчевска и т. п. городов. Коротко говоря, паспорта ты должен найти на месте. Пойми Виталий одно: если бы нам нужен был в этом месте простой исполнитель предписаний, без инициативы, без творческого почина, то мы бы не замариновали тебя в каком-то идиотском Почепе.

¹⁾ Примаков, обследуя границу, попал в один из пограничных городов—Трубчевск. Уездные власти арестовали его, как атамана неизвестного им партизанского отряда. Конечно, дело вскоре выяснилось и Примаков был освобожден из-под ареста.

²⁾ Получаемое из Москвы вооружение и снаряжение передавалось червонцами через границу повстанческим организациям.

³⁾ „Мамаша“—так звали червонцы, работавшую у них сестру милосердия. В ряды Червоного Казачества она вступила добровольно в Киеве и вместе с червонцами переносила вся тяготы походов и боев. Был случай, когда она работала за пулеметчика. Старые казаки с любовью вспоминают ее заботливое к ним отношение: „мамаша“ и перевязку сделает, и накормит, и ободрит в тяжелую минуту. Погибла „мамаша“ от руки бандитов у себя на родине, в Полтавской губ.

Ergo:¹⁾ ты — руководитель весьма ответственной и самостоятельной задачи и обязан вывертываться своими силами, поменьше пользуясь общим аппаратом (понятно почему!). Разумеется, что касается денег и материалов — то это уже наше дело.

Адреса: часть адресов я тебе послал. Новгород северские адреса можешь получить у Боженко²⁾ (Середина Буда, ст. Зерново, Васильевская ул.). Все полученные адреса я тебе буду пересылать.

Направление: я думаю, что увлекаться только Десной не следует — 1) ты выходишь на Конотоп, с которым мы уже связаны иным путем, 2) в наши планы входила организация широкого развернутого фронта углом на юго-запад, примерно так:

(Следует схема предполагаемого движения повстанческих организаций).

Понятно, конкретно ты должен на месте определить как это будет. Я полагаю, что надо цепляться от деревни к деревне, от городка к городку и т. д., организовав широкий, мелкий поток. Тысячи ручейков должны течь. Не нужно больших партий. Все должно просачиваться. Понимаешь? Вся территория между Десной и т. д., Гомель—Новозыбков—Клинцы—Почеп должна кишеть твоими агентами, в каждой деревне должна быть зацепка; в каждом городе узелок, связующий нити.

Вот — твоя задача. Трудная и ответственная, требующая большой ловкости рук, большой сообразительности, надо шевелить не только ногами, но и „мозгом“.

Немецкая работа: Я посылаю тебе кроме русской литературы еще немецкую. Через русские газеты легко завязать связь с населением (обрати на это внимание). Немецкая литература должна понемногу разбрасываться в местах расквартирования немецких войск. Из рук в руки не давать.

Лучше всего, если немцы живут в частных домах, подбрасывать по 1—2 экз. их туда. Сообщи свои соображения на этот счет. Деньги посылаю.

С лево-коммунистическим приветом **Юрий.**

Из писем Багинскому.

I.

Сообщаю вам, что, в связи с крушением наших войск в бою с белыми, настроение у всех скверное.

Тов. Багинский, к нам несутся, несутся недобрые вести о том, что Лозовая должна пасть, так как пехота поступает предательски, митингует и бежит с позиций.

По словам одного приезжего казака узнал, что пехота грузится самовольно в эшелоны и отправляется в тыл.

Хотя ночь принесла нам большие жертвы, все же в полку разложения не замечается и мы в состоянии воевать при поддержке нашей пехоты. Разные там эскадроны, дивизионы, сводные и пр. недурно было бы разоружить и взять седла себе. Тов. Багинский, здесь фронт миндальничать не приходится, когда речь идет о спасении положения. Расположились в 10 верстах от вас. Сидим у моря, ждем погоды да ежедневных жертв нашего казачества. И горько и обидно становится, когда видишь кругом врагов. Одни идут против нас с оружием, а другие своими действиями рвут завоевания революции, предавая нашу армию рабочих и крестьян палачам.

Спасский³⁾

1919 г.

1) Ergo (по-латински) — итак.

2) Боженко — начальник одного из партизанских отрядов, впоследствии командир бригады 44-ой дивизии.

3) Тов. Спасский — быв. политком 1-го полка, ныне — комбриг 2.

Дорогой приятель, Андрей Васильевич!

Здравствуйтесь Андрей Васильевич. Примите братский привет от Ваших старых казаков Янка, Колачека и Прошека. Как Вы живете? Как Ваше здоровье? Только пожалуйста, выздоровейте поскорей, а то мы Вас ожидаем.

Здесь много новенького. Так, например, Киев взят 5/II/19 с боем, Николаев отрезан. Петлюровцы везде бегут. Бегут быстрее, чем мы весной в 18-ом году. Ох, как они пятки салом мастят. Мы прямо лошадей замучили, как за ними бежим.

Будьте здоровы дорогой Андрей Васильевич. До свидания в городе Киеве.

С тов. приветом **Б. Прошек**.¹⁾

Из „письма братьям мобилизованным и офицерам, томящимся в неволе у Деникиных и Слащевых“.²⁾

Братья! Товарищи! Вам, вероятно, известно, что мы мобилизованные Феодосийского и Симферопольского полков, организовавшись с артиллеристами 1-ой школьной батареи в ночь с 15 на 16 марта с оружием и 17 пулеметами ушли с Перекопских позиций к товарищам красным.

Нас все время уговаривают, что красные раздевают и разувают перебежчиков, а над пленными даже издеваются. Это ложь генералов, которой они хотят запугать нас и удержать около себя. Мы, ваши товарищи, ваши друзья сообщаем вам, что товарищи красные встретили нас как братьев, они наперебой друг перед другом несли нам хлеб и пищу, они встретили нас с радостью и приветствием. Мы уже находимся среди них, мы уже слились с ними и стали своими, но до сих пор никто не снял с нас ни одной нитки. И так поступают они со всеми, которые переходят к ним или сдаются. Братья белые следуйте нашему примеру—организовывайтесь партиями и переходите на сторону красных.

Знайте, что Советская Россия не только не мстит нам, но встречает нас хлебом и солью, встречает нас теплым словом благодарности и сейчас же отпускает по домам. Знайте, что борьба против советских войск бесполезна и только несет лишнюю кровь, лишние слезы наших семей. Это видят и сами генералы Деникины и Слащевы, они хорошо понимают, что дни их сочтены, но они посылают вас на бойню, ибо они никогда не дорожили жизнями солдат. Знайте, что Красная Армия имеет сейчас такую силу, что могла бы раздавить весь Крым, но она жалеет лишнюю кровь и свою, и вашу. Она ждет, что вы сами одумаетесь и придете, как мы пришли. К вам, братья офицеры, мы также обращаемся с призывом и сообщаем, что офицеров-перебежчиков Красная Армия так же как и нас встречает с распростертыми объятиями. Офицеров не только не обижают и не оскорбляют, но приветом и лаской платят за прежнюю обиду. Знайте братья, что революция, как стихия, одолела всех своих врагов. И нет теперь той силы, которая могла бы остановить революцию, но знайте, что революция так же великодушна, как сильна и светла. Еще раз повторяем вам, товарищи солдаты и офицеры: кончайте войну, переходите вслед за нами. Революция в своем неизбывном великодушии прощает нам нашу вину, нашу невольную борьбу против нее. Революция зовет нас как братьев в свои светлые ряды для мирного труда.

Подписи: (следует 16 подписей солдат и офицеров 133-го Феодосийского полка, 134-го Симферопольского и 1-й школьной батареи).

¹⁾ Б. Прошек—казак 1-го полка, чех, быв. военнопленный.

²⁾ Выпущено политотделом 8-ой Червоно-Казачьей дивизии.

Телеграмма, посланная тов. Павловичем.

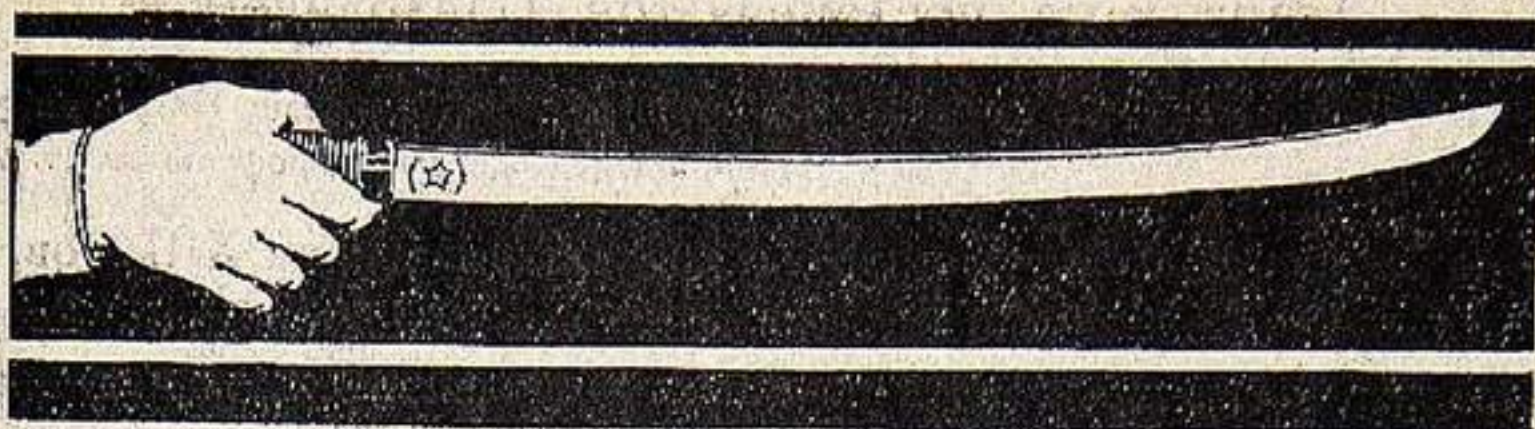
Петроград, Председателю Петрокоммуны, т. Зиновьеву;
копия Председателю Профсоюзов, т. Анциеловичу.

Сегодня на подступах к Крыму в присутствии помкомандарма XIII, тов. Орлова, и замначдива, Туровского, вручил знамя Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов красного Петрограда 8-ой Червоно-Казачьей Дивизии. Дивизия сердечно благодарит красный Петроград за присылку знамени и клянется приложить все усилия, чтобы окончательно разгромить все белогвардейские банды.

Павлович.

Первоконстантиновка,
16-го февраля 1920 г.

К будущим страницам истории Червоного Казачества.

Червоные казаки и французские рабочие.

Харьков, 7-го марта. 1-я конная дивизия Червоного Казачества постановила в целях сближения Красной Армии с французским рабочим классом просить французскую коммунистическую партию принять шефство над дивизией.

На широкой дивизионной конференции тов. Кашэн был единогласно избран почетным казаком дивизии.

„Правда“ № 52 от 8-го марта 1923 г.

Письмо компартии Германии 2-й Червоно-Казачьей дивизии.

Дорогие товарищи!

Центральный Комитет Коммунистической Партии Германии с радостью принял почетное звание шефа 2-й Червоно-Казачьей дивизии. Мы отдаем себе ясный отчет в том, какие огромные обязанности возлагает на нас принятие шефства. Мы приложим максимум усилий к тому, чтобы достигнуть наибольшей мобилизации сил германских рабочих масс, чтобы в нынешний критический момент создать благоприятные условия для решительного боя с буржуазией, чтобы вырвать власть из ее рук и установить диктатуру пролетариата. Тогда германский рабочий класс, совместно с пролетариатом Советского Союза, сумеет выступить на арену борьбы с общим врагом—мировым капиталом.

Мы были бы чрезвычайно рады получить от вас историю 2-й Червоно-Казачьей дивизии, чтобы познакомить с ней членов коммунистической партии Германии. Мы уверены, что шефство компартии Германии над Червоным Казачеством выльется в мощный союз германского пролетариата с Красной Армией.

Да здравствует 2-я Червоно-Казачья дивизия!

Да здравствует Красная Армия!

Да здравствует Союз Социалистических Советских Республик!

Да здравствует интернациональная борьба мирового пролетариата за создание Союза Советских Республик всего мира!

Центральный Комитет Коммунистической Партии Германии.

„Коммунист“ № 192 (1086) от 26-го августа 1923 г.

**ВОСПОМИНАНИЯ.
ДОКУМЕНТЪ.**

©ГОПБ

ОТДЕЛ-5.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Г. Петровский.—Об этом сборнике	3
От редакционной комиссии	4
Выше знамена!	5
М. Фрунзе.—Привет червонцам!	11
Антонов-Овсеенко.—Письмо 1-му Конному Корпусу Червоного Казачества	12
Г. Пятаков.—Мое юбилейное пожелание	14
В. Затонский.—Почему червонные казаки зовутся „червоными казаками“	15

ОТДЕЛ I.

От отряда к корпусу.

1-ая часть.

„Украинская революция раздавлена.—Да здравствует украинская революция!“

Червоное против „вільного“	22
Великий исход	31
На Дону	33
Да здравствует украинская революция	36

2-ая часть.

В борьбе с белой армией.

Под знаком отступления	52
Ударники против ударников	60
Перелом	64
К Азовскому морю	80
Под Перекопом	87

3-ья часть.

На польском фронте.

От Днепра к Збручу	100
В Галиции	110
Отход из Галиции	126

4-ая часть.

Разгром петлюровской армии. Ликвидация бандитизма.

Разгром петлюровской армии	136
Ликвидация бандитизма	146
Из „послужного списка“ Червоного Казачества	153

ОТДЕЛ 2.

Памяти павших.

	Стр.
Смертью героев	160
Ф. М. Святогор	163
Тов. Логинов	164
Памяти тов. Саранчука	165
Тов. Еломистров	165

ОТДЕЛ 3.

„Старики“.

Штаб 1-го Конного Корпуса	169
1-ая Запорожская дивизия	186
1-ый Мелитопольский полк	189
1-ый конно-артиллерийский дивизион	196
2-ой Бердянский полк	199
3-ий Криворожский полк	202
4-ый Ново-Ущицкий полк	205
2-ая Черниговская дивизия	207
5-ый Литинский полк	210
2-ой Конно-артиллерийский дивизион	214
6-ой Лубенский полк	215
7-ой Полтавский полк	217
8-ой полк им. Башкирского ЦИК	221
Школа младшего командного состава	224

ОТДЕЛ 4.

На путях к знанию.

Политработа.

Е. Петровский.—Этапы	229
И. Минц.—На заре политработы	237
Марьямов.—Из дневника	239

Школа.

Архангельский.—Борьба с неграмотностью	241
Федоров.—Ликвидация неграмотности	242
Е. Петровский.—Наша первая школа	244
Учителя и ученики	245

Газета.

„К оружию!“—„Червоный Казак“—„Красная Конница“—„Червоный Казак“	247
Мадорский.—Стенные казачьи газеты	248
С. Давидсон.—„Червоный Казак“ в 1920 г.	250
Л. Сосновский.—Красный милитаризм и его будни	252